

ЧЕШСКАЯ НАЦИЯ

на
заключительном
этапе
формирования



«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

ЧЕШСКАЯ НАЦИЯ

на
заключительном
этапе
формирования

1850 г.-начало 70-х годов XIX в.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. И. ФРЕЙДЗОН



МОСКВА «НАУКА» 1989

ББК 63.3(4 Че)

Ч57

Авторы:

**К. П. ГОГИНА, М. Ю. ДОСТАЛЬ, Г. И. ЕРЕМЕЕВА, М. Н. КУЗЬМИН,
А. С. МЫЛЬНИКОВ, З. С. НЕНАШЕВА, Г. П. НЕЩИМЕНКО,
Н. А. ПРОКОФЬЕВА, А. П. СОЛОВЬЕВА, Ю. И. РИТЧИК**

Рецензенты:

**кандидат исторических наук Н. Н. ГРАЦИАНСКАЯ,
доктор исторических наук И. И. УДАЛЬЦОВ**

**Чешская нация на заключительном этапе формирования.
Ч57 1850—начало 70-х годов XIX в. — М.: Наука, 1989. — 272 с.**

ISBN 5—02—009904—Х

В книге дан комплексный анализ процесса развития чешской нации на завершающем этапе, выработаны методологические критерии определения начального и завершающего рубежей рассматриваемого периода. В центре внимания авторов — социально-экономические, политические, идеологические и языковые аспекты формирования нации.

**Ч 0503000000-404
042(02)-89 — 124—89—II**

ББК 63.3(4 Че)

ISBN 5—02—009904—Х

© Издательство «Наука», 1989

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая коллективная монография, продолжающая серию исследований «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму», посвящена одной из ключевых проблем истории чешского народа — завершающему этапу становления нации капиталистической эпохи. Этот аспект этносоциального развития чешского народа не был еще предметом монографического изучения ни в нашей, ни в зарубежной историографии.

До сих пор внимание исследователей было сосредоточено на первом периоде становления чешской нации. Наибольший интерес вызывал прежде всего процесс зарождения и подъема национально-освободительного — культурного и политического — движения против феодально-абсолютистского режима австрийских Габсбургов. В истории чешского народа этот период продолжался приблизительно с середины XVIII в. до революции 1848—1849 гг.

У чехов, как и у словаков, словенцев, хорватов, сербов, болгар, указанный период получил название «национального возрождения» (в истории отдельных народов его хронологические рамки различны). Это было время разложения феодализма, зарождения и развития капитализма, становления классов буржуазного общества, интенсификации этносоциальных процессов, пробуждения и оформления национально-освободительных устремлений. Характер и направленность последних решающим образом определялись отсутствием собственной национальной государственности, чужеземным гнетом, господством в политической сфере иноязычной аристократии, а в экономической — крупной австронемецкой буржуазии, опиравшейся на мощь габсбургского абсолютизма. Именно поэтому становление чешской нации как этносоциальной общности капиталистической эпохи, пробуждение широчайших масс к национальной жизни, выработка ее национально-культурных организационных форм, а также национально-политическая деятельность в целом органически и самым тесным образом переплетались с борьбой за устранение феодального строя и абсолютизма, явившегося в то же время носителем национального гнета. Вследствие этого экономические задачи и чисто социальные цели часто приобретали национальную окраску.

В связи со сказанным понятно особое внимание исследователей к эпохе национального возрождения, ибо с ней связано начало и интенсивное развитие процесса формирования нации, ее основ-

ных компонентов. Завершающий же этап формирования чешской нации как органическая часть этого процесса, выходящая за отмеченные хронологические рамки, оказался менее изученным. Существующая литература не дает исчерпывающего ответа на вопросы: каковы черты, характеризующие нацию на стадии формирования и уже сформировавшуюся, что отличает первый этап от второго, завершающего, каково место каждого из двух этапов во всем процессе.

Поэтому перед авторским коллективом стояла задача определить, что представляла собой чешская нация на пороге «зрелости» и чем она характеризовалась. Необходимо было установить критерии начального и конечного рубежа завершающего этапа формирования нации (что отнюдь не означало прекращения ее последующего развития) и тем самым — хронологические рамки труда.

Чехословацкие историки Фр. Гейл и Р. Пражак (г. Брно), внесшие вклад в разработку вопросов, связанных с периодизацией процесса формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе, отнесли начало завершающего этапа к революции 1848 г.¹ При этом их интересовал прежде всего первый, «возрожденческий этап формирования нации».

Для трудов венгерских историков Э. Арато и Э. Нидерхаузера характерно вовлечение в круг исследования народов трех регионов — Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы. Э. Нидерхаузер проанализировал пути становления буржуазных наций у 16 народов — от албанцев до эстонцев (если придерживаться алфавитного порядка этнонимов). Наиболее важными чертами процесса развития чешской нации этот автор считает ведущую роль национальной буржуазии и языково-культурных аспектов национального движения, которое добилось основного успеха именно в области культуры². Как и многие другие исследователи, Нидерхаузер придерживается мнения, что рубежом «рождения чешской нации» является революция 1848 г., в результате которой национальное самосознание чехов, подкрепленное и усиленное развитием чешского языка, литературы и знанием национальной истории, широко распространилось среди буржуазии, значительной части рабочих, интеллигенции и состоятельных крестьян³.

Несомненно, что в целом завершение национального возрождения совпадает с «эпохой краха феодализма и абсолютизма»⁴ в Центральной Европе. И начало нового периода в национальном развитии народов Австрийской империи естественно и логично связывать с революцией, хотя при этом следует учитывать два момента. Во-первых, внутренние закономерности социально-экономического, этнокультурного и идеально-политического развития каждого народа в отдельности, а во-вторых, то, что революция, хотя и потерпела поражение, все же похоронила феодализм. Воскресший на краткое время абсолютизм (1850—1859 гг.) должен был осуществить буржуазные реформы в социально-экономической и правовой сферах. Развитие капитализма ускорилось, однако устранение абсолютистских порядков в Австрийской империи

затянулось. Эпоха буржуазных революций завершилась здесь в 1867 г.⁵ заключением австро-венгерского соглашения и введением буржуазной конституционности.

Вместе с тем новая дуалистическая система сохранила существенные остатки абсолютизма в политическом строем и остатки феодализма в экономической структуре. Национальный вопрос был решен, да и то лишь частично и на время, в интересах буржуазного развития венгров и австрийских немцев. Многочисленные славянские народы и румыны не обрели национального равноправия. Особенно тяжелые условия национального развития сложились для славян Венгерского королевства.

Переходный характер периода 1848—1867 гг., включавшего в себя годы неоабсолютизма, сказался и на формировании наций, так как в 50-х годах, особенно в 1854—1859 гг., подавлялась не только всякая политическая деятельность, но и развитие национальных культур. В связи с этим, в частности, затянулся «возрожденческий» период у некоторых народов Австрийской империи — словенцев, словаков и др. Приведенные выше соображения о переходном периоде необходимо учитывать при периодизации национального процесса у этих народов. Ведь предметом нашего изучения является не история общества вообще, а этносоциальная история, включающая развитие национального самосознания и национальной культуры. Однако чешское общество уже в 40-х годах достигло уровня, свидетельствовавшего об окончании этапа национального возрождения. Революция 1848—1849 гг. завершила длительный процесс, истоки которого уходят по крайней мере в XVIII в.

Вступление на историческую арену либерального и радикального течений, начало классовой борьбы рабочих, процессы в сфере культуры — все это подтверждает данный тезис.

Этап или период, являющийся предметом нашего исследования, с точки зрения национального развития чехов знаменателен во многих отношениях. Именно тогда, в третьей четверти XIX в. — в период буржуазного преобразования империи Габсбургов и переустройства ее структуры на началах австро-венгерского дуализма — в развитии Чешских земель с наибольшей полнотой выявились качественные этносоциальные сдвиги, сложились нормы и традиции, которые во многом определили дальнейшее развитие чешской нации, особенности ее этнической психологии, своеобразные черты чешской национально-политической жизни и в немалой степени характер освободительного движения.

Сложный комплексный характер национальных процессов, охватывающих разнообразные сферы материальной и духовной жизни, делает обязательным их изучение на междисциплинарном уровне. Настоящий труд создавался с учетом задачи интеграции усилий историков, историков культуры, литературы и искусства.

Необходимость анализа конкретно-исторических путей становления чешской нации и сложного процесса ее эволюции как этносоциальной и этнокультурной системы побудила обратить внимание

ние на некоторые более общие исторические закономерности и их связь с предметом исследования. К ним, в первую очередь, относится своеобразие черт становления нации у народов, не обладавших национальным суверенитетом, значение и роль при этом той или иной этносоциальной структуры и темпа ее эволюции. Для осмыслиения конкретного этнокультурного процесса потребовалось создать специальную теоретическую модель завершения процесса складывания нации, определить его критерии, отличительные черты и особенности.

Выводы общетеоретического характера авторы стремились сделать на основе изучения объективных реалий, фактов, исторического материала. Разумеется, полученные таким путем результаты не могут быть применимы во всех случаях, ибо они опираются на изучение процессов формирования одной нации. Вместе с тем они, возможно, окажутся полезными для сравнительно-исторических исследований на аналогичную тему.

Проблема критериев завершения процессов складывания нации — необычайно сложная и во многом новая как в общетеоретическом, так и в конкретном по отношению к чешской нации плане. Можно отметить несколько различных подходов к этому вопросу. Так, американские историки Р. А. Канн и З. Давид в фундаментальной монографии, посвященной этническим процессам у народов Габсбургской империи на протяжении длительного времени (1526—1918 гг.), связывают ускоренный процесс формирования чешской нации в 60-е годы XIX в. главным образом с воздействием либеральных социально-политических реформ, осуществление которых венское правительство начало в 1860 г.⁶

Австрийская исследовательница А. М. Драбек, изучая целенаправленный процесс культурно-языковой (чешско-немецкой) дифференциации населения земель чешской короны во второй половине XIX в., именно с ним связывает освобождение чехов от немецкой гегемонии в сфере культуры и возникновение *der vollständigen tschechischen Kulturnation*, т. е. «чешской нации с полностью сформировавшейся культурой»⁷. Это понятие содержит в себе критерий завершения формирования нации.

Ни в коей мере не приуменьшая значения буржуазных преобразований, и в частности демократических свобод, для национальных процессов, а также складывания системы национальной культуры в качестве важного компонента этих процессов, мы полагаем, что решить вопрос о времени завершения формирования нации можно только с учетом комплекса социально-экономических, политических и этнокультурных факторов в их единстве и взаимодействии.

Чехословацкий историк Й. Коши первоначально предложил в качестве завершающего рубежа формирования чешской нации революцию 1848—1849 гг., однако впоследствии он пересмотрел этот вывод⁸. Я. Пурш и Й. Коржалка, по нашему мнению, обоснованно видят этот рубеж в конце 60-х—начале 70-х годов XIX в.⁹ Я. Пурш, в частности, считает признаком завершения формирова-

ния чешской нации подъем общественно-национального освободительного движения, охватившего на рубеже 60—70-х годов широкие массы народа — буржуазию, мелкую буржуазию, крестьянство, пролетариат¹⁰.

Польский исследователь Ю. Хлебовчик также полагает, что «завершение процесса формирования чешской нации связано с общественной активизацией крестьянства и пролетариата, а также упрочением связей между чешским населением Чехии и Моравии в рамках так называемого движения таборов в 1868—1871 гг.» Именно тогда «чешская национальная общность... окончательно конституировалась как современная нация с собственным... развитым политическим представительством» (в этой связи автор обращает внимание на возникновение младочешской партии в 1874 г.)¹¹. Поскольку «общественная активизация» чешской буржуазии произошла ранее, то речь идет о развитой политической жизни чешского общества в целом.

В советской литературе в 1975 г. была высказана мысль о том, что завершение формирования нации необходимо увязывать с созреванием социальной структуры буржуазного общества (промышленной буржуазии и фабрично-заводского пролетариата) и что этот процесс вызывает соответствующие сдвиги в сфере политики и культуры, в свою очередь воздействующие на консолидацию классов буржуазного общества¹². Эта точка зрения воспроизведена в коллективной монографии, вышедшей в 1981 г.¹³ Важность учета базисных и надстроекных факторов при периодизации процессов формирования нации отмечает И. И. Удальцов¹⁴.

Наконец, укажем на общий развернутый вывод чехословацкого историка М. Гроха, автора чрезвычайно интересных и важных исследований процесса складывания европейских наций, не обладавших своей государственностью. Решающим признаком завершения складывания нации автор считает наличие «полной, „органической“ классовой структуры буржуазного общества и участие лиц, принадлежавших к этой нации, во всех соответствующих их классовому положению функциях в политике, экономике и культуре данного государства, даже если это не „свое“ государство»¹⁵. С этим можно согласиться, учитывая, однако, то обстоятельство, что в условиях чуженационального буржуазно-помещичьего государства функционирование национальных общностей в указанных сферах, особенно в политическом управлении, было ограничено. Поэтому мы полагаем, что целесообразно говорить о завершении формирования чешской нации в начале 70-х годов XIX в. лишь в основном.

Таким образом, Грох к объективному критерию (социально-классовая зрелость общества) добавил субъективно-исторический момент, связанный с активной деятельностью класса, группы и индивида в сферах экономической и общественной, что в определенной мере перекликается с рассуждениями Пурша и Хлебовчика. Но, по-видимому, требует уточнения и конкретизации мысль относительно участия представителей всех классов в политике,

экономике и культуре, ибо это предполагает наличие государства (общества) с развитой демократической структурой. Строго говоря, данный тезис Гроха применим лишь к немногим в истории случаям формирования наций капиталистической эпохи. Речь может идти, как мы полагаем, хотя бы об известном минимуме демократизации общества, без чего оно и не может быть буржуазным. Первым шагом к демократизации является ликвидация феодальных привилегий, упразднение сословий, кастовой, религиозной замкнутости, введение буржуазного права, т. е. формального равенства граждан перед законом. Все это, безусловно, необходимо для завершения процесса формирования нации.

Таким образом, для характеристики нации как определенной системы на завершающем рубеже ее складывания необходимо наличие известного минимума условий для общественной активности граждан развивающегося буржуазного общества (например, господство буржуазного права, объединение лиц в политические партии, выражающие интересы разных классов и социальных слоев, и т. д.).

В данном труде проблема критериев завершения процесса формирования чешской нации решалась с учетом взаимодействия комплекса социально-экономических, политических и идеино-культурных факторов, включая не только внутриполитические, но отчасти и внешнеполитические аспекты положения чешского народа. В качестве определяющего обстоятельства (помимо степени интенсивности экономических связей) принималась зрелость этносоциальной структуры чешского буржуазного общества, выход на историческую сцену формировавшегося тогда рабочего класса как активного и самостоятельного субъекта социально-политического развития. В этой связи в монографии прослеживается эволюция классового самосознания, идеологии и деятельности ведущих политических сил оформлявшегося чешского буржуазного общества, классов буржуазии и пролетариата.

Одним из проявлений и результатов взаимодействия классового и национального сознания была национальная культура. Авторы монографии не согласны со свойственным различным школам буржуазной философско-социологической мысли преувеличением роли национальной культуры, считая в то же время недопустимой недооценку значения культурного фактора — особенно для народа, не обладавшего собственной государственностью. В книге широко показана существенная роль культуры как стимулятора национального развития и вместе с тем важнейшего канала идеологической борьбы. Развитая система национальной культуры — один из необходимых компонентов зрелой нации.

Рассматривая специфику завершающего этапа складывания чешской нации, авторский коллектив обращался к истории национально-освободительного движения, достигшего на рубеже 60—70-х годов XIX в. значительного подъема. В нем практически участвовали все классы и социальные слои чешского общества, причем каждый из них вкладывал в эту борьбу свое понимание.

Однако идеино-политические концепции, формы и способы национально-освободительной борьбы не обязательно находились в прямом соответствии с фазами развития этносоциального процесса, хотя между ними, несомненно, существовала тесная связь.

Введение и заключение написаны Т. М. Исламовым, А. С. Мыльниковым, В. И. Фрейдзоном. Научно-организационная работа по рукописи осуществлена К. П. Гогиной и Г. И. Еремеевой. Текст по культуре в гл. I написан при участии А. П. Соловьевой.

Состав редакционной коллегии: К. П. Гогина (зам. отв. редактора), Т. М. Исламов, М. Н. Кузьмин, А. С. Мыльников, А. П. Соловьева, В. И. Фрейдзон (отв. редактор).

Глава первая

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ И СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССА СКЛАДЫВАНИЯ ЧЕШСКОЙ НАЦИИ ДО СЕРЕДИНЫ XIX В.



Развитие чешской нации было связано с переходом от феодализма к капитализму в австрийской монархии, в состав которой входили Чешские земли. Процесс становления чешской нации, начавшийся приблизительно в середине XVIII в., протекал в обстановке социального, политического и духовного угнетения чешского народа. Эпоха кардинальных сдвигов в социально-экономической, политической и культурной сферах жизни народа, как и сам этот процесс, еще в XIX в. получила условное наименование «национального возрождения». Главным итогом этой эпохи считается революция 1848—1849 гг.¹

Национальное возрождение относится к числу наиболее ярких и значительных страниц истории чешского народа. Это было время высшего подъема народного антифеодального освободительного движения, пора духовного взлета, когда был заложен фундамент системы чешской национальной культуры нового времени. То, что происходило в последующие десятилетия, во многом являлось развитием и углублением тенденций, корни которых уходили в этот период.

Основные узлы противоречий, которыми было отмечено развитие чешского народа в эпоху национального возрождения, стали завязываться задолго до этого. С занятием в 1526 г. престолов Венгерского королевства и земель чешской короны, т. е. собственно Чехии, обладавшей рангом королевства, и находившихся от него в вассальной зависимости маркграфства Моравии и княжества Силезии, Габсбурги повели курс на ликвидацию государственной самостоятельности Чешских земель. Однако попытки достигнуть этого «мирными» средствами натолкнулись на сопротивление местных феодальных сословий и народных масс. Выражением протesta против античешской политики Габсбургов явилось восстание 1547 г., в котором приняло участие население Праги и ряда других городов.

Чешские феодалы и городские верхи пошли тогда на сговор с австрийским эрцгерцогом и чешским королем Фердинандом I, и восстание потерпело поражение. Тем самым Габсбургам удалось сделать еще один шаг к упрочению своего господства в Чешских землях. Правомочия земельных сеймов стали ограничиваться, в страну прибыли иезуиты, ставшие опорой Габсбургов. Однако

борьба масс и части феодальных сословий, выступавших под знаменем протестанства, продолжалась, достигнув высшей точки в начале XVII в. В 1618 г. вспыхнуло новое восстание чешских сословий против Габсбургов. В ходе этих событий проявилась классовая сущность политики крупных феодалов: восстание не стало общенародным. В решающем сражении 1620 г. у Белой горы, около Праги, войска чешских сословий были разгромлены объединенными силами Габсбургов и союзной с ними Католической лиги. Чешские земли на целых три столетия оказались включенными в состав многонациональной монархии Габсбургов.

Эти трагические события Белогорской битвы стали рубежом в истории чешского народа, определив в дальнейшем многие черты процесса формирования чешской нации. Накануне утраты независимости Чешские земли принадлежали к числу наиболее развитых стран Европы. Этому соответствовал и достаточно высокий уровень этносоциальной и культурной консолидации чешской феодальной народности, интенсивное развитие которой происходило в XV—XVI вв. Центробежные тенденции, имманентно присущие раннефеодальным структурам, во многом уравновешивались в Чешских землях ролью городов, которые уже в XIII—XVI вв. превратились в существенный интегрирующий хозяйственный и культурный фактор.

Другим обстоятельством, способствовавшим указанному процессу, было наличие у чехов развитой феодальной государственности. К XIV в. земли чешской короны состояли из трех государственно-правовых образований — Чехии, Моравии и Силезии.

Каждая из коронных земель обладала правами феодальной автономии, но для решения общегосударственных вопросов в Праге созывались генеральные сеймы из представителей сословий. Все это в сочетании с борьбой чешского народа против агрессивных устремлений германских феодалов стимулировало (при сохранении значительных черт локальности) развитие общего чешского самосознания.

Социальную структуру чешской народности добелогорского периода составляли светские и духовные феодалы, крестьянство, по большей части находившееся от них в разных формах зависимости, возникший предпролетариат, прежде всего работники горных промыслов, а также городское население, в среде которого шел процесс социальной дифференциации: патрициат, цеховые ремесленники, подмастерья, лица свободных профессий и др. В целом чешская народность в начале XVII в. представляла собой этносоциальный организм феодального типа с полной социальной структурой. Это создавало объективные предпосылки для ее перехода на более высокий уровень, чего, однако, не произошло.

Процесс консолидации чешской народности наталкивался на определенные трудности. С одной стороны, население земель чешской короны не было этнически гомогенным. С XIII в. в ряде районов, особенно на северо-западе и западе Чехии, на севере Моравии и в Силезии проживало компактное немецкое население

(кроме того, часть населения Силезии составляли поляки). В Праге, Брно и других крупных городах большую экономическую и культурно-политическую роль играл немецкий патрициат, позиции которого заметно укрепились после событий 1547 г.

С другой стороны, процесс развития чешской народности не был прямолинейным, поскольку отражал не только центростремительные (конвергентные), но и центробежные (дивергентные) тенденции развития общества, усугублявшиеся государственно-правовым членением земель чешской короны. В XV в. усилилось региональное самосознание в Моравии. Оно проявлялось в разных формах, в частности посредством закрепления территориального этонима «мораване» и обозначения чешского языка в Моравии как моравского².

Тормозящим фактором к тому же являлась социально-экономическая и политическая ситуация в Чешских землях. Рост крупного феодального землевладения, расширение отработочной ренты, барщины (так называемое вторичное закрепощение крестьян) и увеличение товарности помещичьего хозяйства, происходившие с конца XVI в., сопровождались ослаблением городов, застоем и упадком ряда ремесел, чему во многом способствовала репрессивная политика Габсбургов, особенно после 1547 г.

В XVII в., укрепив свою власть над землями чешской короны, Габсбурги приступили в союзе с католической церковью к проведению политики контрреформации. Население, в подавляющем большинстве настроенное антигабсбургски и антикатолически, обращалось в католицизм, а тех, кто отказывался от этого, изгоняли или предавали суду как преступников³.

Репрессии затронули не только протестантское дворянство и бюргеров (по-чешски, мещанство), но и городские низы и крестьянство. Усилился процесс закрепощения крестьян. Народные массы неоднократно поднимались на борьбу за свои права. Крестьянское восстание 1680 г., поддержанное частью горожан, потрясло феодальные устои и впервые заставило правительство обратиться к регулированию отношений между помещиками и крестьянами. Еще долго действовали десятки тайных протестантских общин и религиозных сект, ставших одной из форм народной оппозиции политике контрреформации и угнетения. Другим проявлением протesta стала эмиграция в протестантские страны⁴. Наряду с дворянством, горожанами и лицами свободных профессий она захватила с середины XVII в. и чешское крестьянство.

В эпоху гуситского движения XV в. к общественной жизни приобщились широкие народные массы. Это было время значительного подъема народной культуры, которая оказала большое влияние на профессиональных деятелей культуры. Деятельность и труды Яна Гуса содействовали обогащению чешского языка, совершенствованию его орфографии. Необычайный размах приобрело народное песенное творчество исторического, героического, сатирического характера (гуситские сборники песен — канционалы). Большое распространение получил жанр хроники. В изобразитель-

ном искусстве значительными художественными достижениями отмечено развитие скульптуры, миниатюры и гравюры (что связано с появлением огромного числа рукописных книг, а также гравированных агитационных гуситских «листовок»).

Позже, в XIX в., отношение к гусиству, к гуситским традициям стало тем пробным камнем, на котором проверялись демократизм и прогрессивные тенденции национальной культуры.

Последствия белогорского поражения и трагических событий Тридцатилетней войны 1618—1648 гг., основные сражения которой происходили на чешской территории, усугубленные реакционной контрреформацией, привели к разорению страны и резкому сокращению ее народонаселения. Если к началу XVII в. в Чешских землях проживало около 3360 тыс. человек, то к середине того же столетия численность населения сократилась примерно на 25 %⁵. Значительные изменения произошли и в этносоциальной структуре чешского общества, прежде всего в среде феодалов.

Расправившись с сословной оппозицией, Габсбурги произвели конфискацию земель и другого имущества, принадлежащего чешским протестантским феодальным родам. Больше половины конфискованной собственности Габсбурги передали в знак «благодарности» тем чешским феодалам, которые сохранили лояльность или порвали с оппозицией. Стремясь расширить социальную базу господства в порабощенной стране, правительство стало приглашать дворян из немецких государств, Франции и других стран. В результате во второй половине XVII в. в Чехии, Моравии и Силезии появилась значительная группа инонационального дворянства, на долю которой пришлось 40,9 % конфискованного имущества⁶. Концентрация земель в руках аристократии сопровождалась ослаблением средних и мелких феодалов. Этот процесс продолжался и позднее. В XVIII в. мелкопоместное дворянство почти утратило значение, среднее по существу исчезло, а крупное в основном германизировалось.

Последствия Тридцатилетней войны (1618—1648) сказалось и на положении мещанства и лиц свободных профессий, по большей части связанных с традициями гусиства: многим из них пришлось эмигрировать. В побелогорский период определяющую роль в городах стал играть немецкий или онемеченный патрициат. Последний состоял в основном из лиц чешского происхождения, порвавших с чешской этнокультурной традицией и связавших свою судьбу с католицизмом и Габсбургами. К этому добавлялось изгнание чешского языка из официальной и общественной жизни и замена его немецким.

В результате в балансе центростремительных и центробежных тенденций в XVII в. наметился сдвиг в сторону последних. Он был обусловлен подрывом этнических и социальных основ чешской феодальной народности и ослаблением хозяйственных связей между землями чешской короны. Происходило дальнейшее оживление областнического (земельного) и местного самосознания, ограничивавшегося порой территорией поместий.

Однако, несмотря на это, общечешская этнокультурная традиция полностью никогда не прерывалась⁷, что сыграло важную роль в дальнейшем, питая генезис национального самосознания в период формирования нации.

Став полновластными хозяевами Чешских земель, Габсбурги не изменили их формального статуса. Земли чешской короны считались объединенными с Австрией личной унией, поскольку австрийские эрцгерцоги одновременно были чешскими королями. Согласно «Обновленному земельному уложению» 1627—1628 гг., были сохранены земельные сеймы, которые трактовались как символы сословных привилегий дворянства, хотя правомочия этих феодальных корпораций были сведены до минимума.

Во всем этом заключался политический расчет Габсбургов, поскольку Чешское королевство входило в состав Священной Римской империи: с X в. на основе вассалитета, а с XIII в. как одно из курфюршеств, правители которого участвовали в избрании германского императора. С середины XV в. императорский трон фактически закрепился за Габсбургами, которые как австрийские эрцгерцоги курфюрстами не являлись. Это в немалой степени объясняет, почему Габсбурги упорно держались за чешскую корону, а равно, почему в XVIII в. права на нее заявляли прусские короли и баварские курфюрсты. Наследование Габсбургами чешского, как и венгерского, трона происходило только по мужской линии. Поэтому Карл VI, не имевший мужского потомства, издал в 1713 г. так называемую Прагматическую санкцию, согласно которой земли Габсбургов объявлялись нераздельным целым с правом наследования по мужской и по женской линиям. Тем самым был сделан важный шаг к централизации монархии, дополнивший персональную унию реальной.

Титул германского императора придавал австрийским эрцгерцогам вес и авторитет не только за рубежом, но и внутри их монархии, поскольку она до начала XIX в. вообще единого названия не имела, будучи, по словам Ф. Энгельса, конгломератом «из унаследованных и наворованных клочков»⁸. В связи с неизбежной ликвидацией Священной Римской империи во время наполеоновских войн Франц Габсбург в 1804 г. провозгласил Австро-империю. Австрийские монархи сохранили за собой все титулы предшественников, в том числе и титул чешского короля. Вместе с другими «наследственными» землями Габсбургов Чешские земли были включены в Германский союз, возникший под покровительством Габсбургов на основании решения Венского конгресса 1815 г.

Габсбурги не признавали государственно-правовой целостности земель чешской короны, отказываясь от объединения Чехии, Моравии и Силезии. Между тем в середине XVIII в. размер земель чешской короны сократился. Вследствие двух Силезских войн в 40-е годы XVIII в. большая часть экономически развитой Силезии была захвачена Пруссией. Под властью Вены остались два южносилезских княжества — Опавское и Тешинское. В 1780-х годах они были присоединены к Моравии.

С середины XVIII в. правительство Марии Терезии начало проводить курс на централизацию своих разнородных в экономическом и этническом отношении владений. Если, например, в побелогорский период Чехия, Моравия и Силезия управлялись особыми канцеляриями, перемещенными из Праги в Вену, то в 1749 г. там была создана объединенная чешско-австрийская придворная канцелярия. Для управления отдельными землями в 1763 г. на местах были учреждены губерниумы. Бюрократизируя аппарат власти, правительство в качестве символической уступки местному дворянскому патриотизму сохранило за назначенными чиновниками чешские наименования должностей, унаследованные от добелогорского времени. В подчинении губерниумов находились органы краевого управления, состоявшие из оплачиваемых за счет казны краевых гетманов, имевших свой штат чиновников⁹.

Города, делившиеся на королевские, т. е. подчинявшиеся государству, и поместные, т. е. принадлежавшие крупным феодалам, управлялись, в зависимости от численности населения, магистратами во главе с бургомистрами, синдиками и т. д.¹⁰ В наибольшей степени феодальные институты сохранились в деревне. Вплоть до 1848 г. политическая, судебная и налоговая власть там была сосредоточена в руках помещиков.

Система управления Чешскими землями принципиально не изменилась и после провозглашения Австрийской империи. В предреволюционные десятилетия управление осуществлялось центральными, так называемыми придворными ведомствами, которые ведали внутренними делами, финансами, полицией, цензурой, армией, судами и т. п. Их компетенция в одних случаях имела общеимперский характер, а в других — не распространялась на Венгрию¹¹. Над этими ведомствами стояли два высших органа — государственный совет во главе с графом Ф. Коловратом-Либштейнским, ведавший внутренней политикой, и тайная придворная и государственная канцелярия, подчинявшаяся князю К. Меттернху и занимавшаяся внешнеполитической деятельностью. При императоре в качестве совещательного органа имелась государственная конференция. Это устройство, громоздкое и недостаточно четкое даже с формальной точки зрения, оказывалось еще менее работоспособным на практике.

Этнодемографические и социальные сдвиги, которые обусловили процесс формирования чешской нации, были предопределены нарастанием кризиса феодально-барщинной системы и зарождением буржуазных отношений. Первые симптомы этих явлений прослеживаются в Чешских землях на рубеже XVII—XVIII вв. В силу экономической необходимости помещики и государство встали на путь ограничений цеховой монополии, поддержки сельских промыслов, основания мануфактур, расширения промышленности и торговли. Этому, как отмечал Ф. Энгельс, во многом содействовали нужды обеспечения армии¹². Патент 1724 г. содержал ряд льгот для владельцев мануфактур и положил начало серии мер протекционистского характера. В 1731 и 1739 гг. был усилен

контроль государства за цехами, а затем издан ряд декретов, освобождавших многие ремесла, например ткачество, от цеховой регламентации. Примечательно, что Габсбурги, преследовавшие религиозное инакомыслие, с 1720-х годов вынуждены были смотреть сквозь пальцы на некатолическую принадлежность мануфактурристов и приглашаемых из-за рубежа специалистов.

С середины XVIII в. феодальная система входила во все более кричащее противоречие с потребностями экономического развития. Крестьянские волнения, всеобщее недовольство крепостнической эксплуатацией, голод конца 60-х — начала 70-х годов XVIII в. обостряли кризис феодального строя. В 1775 г. правительство издало патент, ограничивший барщину. Его появление было ускорено мощным крестьянским восстанием в Чешских землях.

С середины XVIII в. поддержка мануфактур и коммерции превратилась в важнейший элемент политики «просвещенного абсолютизма», которую начала проводить Мария Терезия и которую в еще большей мере продолжил ее сын Иосиф II. Вскоре после вступления на престол он издал в 1781 г. патенты об отмене личной крепостной зависимости крестьян, о введении, хотя и ограниченной, свободы вероисповедания и некоторые другие законы, объективно расчищавшие дорогу развитию капитализма.

Все эти меры имели непосредственное отношение к Чешским землям. Наличие здесь природных ресурсов, удобство коммуникаций и выгодное стратегическое положение побуждали правительство уже с 1740-х годов, после утраты большей части Силезии, обратить внимание на Чешские земли. В результате к концу XVIII в. они превратились в один из наиболее развитых регионов монархии. Хотя ремесленное производство по-прежнему преобладало, в экономике все более утверждалась капиталистическая мануфактура, а промышленное производство приобрело многоотраслевую структуру. В первой четверти XIX в. начался процесс промышленного переворота. Накануне революции 1848—1849 гг. в Чешских землях прядильное и ситценабивное производство стало полностью механизированным, создалась основа тяжелой промышленности¹³. Вместе с тем сельское хозяйство сохраняло преимущественно экстенсивный характер, а большая часть помещиков продолжала придерживаться феодальных методов эксплуатации¹⁴. Однако в предреволюционные десятилетия капитализм стал проникать и в деревню.

Изменения в экономике влекли за собой разрушение замкнутости городской и сельской жизни, вызывали миграцию крестьянского населения в города и другие поместья, приводили к перестройке этнодемографической структуры.

Демографическое развитие Чешских земель продолжало оставаться неравномерным¹⁵. На него оказывали негативное воздействие стихийные бедствия, эпидемии холеры и тифа 1830—1840-х годов. Канун революции 1848—1849 гг. ознаменовался катастрофическим неурожаем и голодом. Он был усугублен экономическим кризисом 1847 г. и безработицей. (Неудивительно, что средняя

продолжительность жизни в Чешских землях в 40-е годы составляла всего 29 лет¹⁶.) Сказывалось также различие между индустриальными, аграрно-индустриальными и аграрными районами. По мере развития капитализма наметилась тенденция к относительной равномерности демографической динамики¹⁷. Несмотря на неблагоприятные факторы, население Чешских земель неуклонно увеличивалось. В 1831 г. оно перевалило за 6 млн, составив в 1847 г., т. е. накануне революции, 6768 тыс. человек.

Наряду с чехами, составлявшими большинство населения Чешских земель, здесь проживали компактные массы немецкого этноса и ряд национальных меньшинств — поляки в Силезии, евреи и др. По официальным данным, в середине XIX в. чехов насчитывалось 3,9 млн, немцев — 2,4 млн, поляков — 138 тыс., евреев — 111 тыс. человек¹⁸. Следует иметь в виду, что австрийская статистика преувеличивала численность немецкого населения, иногда весьма заметно. Из-за господства в общественной жизни Чешских земель XVII—XVIII вв. немецкого языка, особенно в крупных городах, часть чешского населения оказалась в большей или меньшей степени онемеченою. С первой половины XIX в., по мере подъема чешского национального самосознания, часть этих слоев вновь начинает относить себя к чешскому этносу. Имели место и случаи включения в него лиц местного немецкого и другого этнического населения, особенно там, где чешское национальное самосознание было высокоразвито.

В результате наряду с абсолютным ростом народонаселения в Чешских землях возрастал удельный вес населения, по языку и самосознанию являвшегося чешским. Включаясь в процесс чехизации, наметившийся в первой половине XIX в., часть инонационального населения Чешских земель способствовала расширению этнической базыформировавшейся чешской нации.

Решающим фактором этого процесса были существенные перемены в социальной структуре Чешских земель, произошедшие к середине XIX в. Как в городе, так и в деревне складывались новые классы и социальные слои, свойственные формировавшемуся буржуазному обществу¹⁹. Так, в обстановке расслоения городского и сельского населения и разорения части феодальных семейств, уже в XVIII в. имели место случаи приобретения дворянских поместий горожанами, а иногда и разбогатевшими крестьянами. Помимо экономических причин, ими двигало и стремление повысить свой социальный статус: обладание поместьем влекло за собой право на дворянский титул и тем самым включало его носителей в систему иерархии позднефеодального общества. Подобный феномен на ранней стадии буржуазного развития встречается и в других странах.

Опасаясь этого, австрийское правительство пыталось законодательными мерами бороться с подобным явлением. Однако полного успеха оно не достигло, и к середине XIX в. в Чешских землях возник немногочисленный слой «гражданского дворянства» — собственников поместий, которые дворянами не являлись. К ним,

например, относились и некоторые представители чешской интеллигенции, в частности Ф. Палацкий и Ф. Ригер²⁰.

В деревне происходила поляризация социальных сил. Влияельным слоем становятся седлаки — зажиточные крестьяне. К ним примыкали деревенские старосты, мельники, кузнецы, «свободники» — крестьяне, выкупившие свои феодальные повинности, а также некоторые другие группы. Им противостояла масса малоземельных и безземельных крестьян, которые вынуждены были прибегать к аренде земли, заниматься домашними ремеслами, прежде всего прядением и ткачеством, уходить на заработки, батрачить на помещиков и разбогатевших крестьян. Таким образом, одновременно со складывавшейся сельской буржуазией возник широкий слой малоземельного и безземельного крестьянства, служившего базой для формирования сельскохозяйственного и промышленного пролетариата. Аналогичные процессы шли в городской среде. В Чешских землях в эпоху национального возрождения возникали буржуазия и рабочий класс, а также промежуточные социальные слои, в том числе чиновничество и интеллигенция.

Еще в XVIII в. наряду с помещиками-мануфактуристами появляются предприниматели буржуазного типа. Но на первых порах буржуазия состояла преимущественно из лиц немецкого и еврейского происхождения. Эта буржуазия была немецкоязычной, лояльной существующему строю, поскольку он открывал перед ней, хотя и ограниченные, возможности обогащения.

Вместе с тем в городе и деревне выделялись зажиточные слои чешского населения — ремесленники, купцы, мелкие торговцы, ростовщики, деревенские старосты, мельники, крупные седлаки и др., интересы которых все более связывались с буржуазными отношениями. Этот процесс усилился после отмены в 1781 г. личной крепостной зависимости, итогом чего в 30—40-х годах XIX в. стало появление многочисленной прослойки чешской мелкой городской, а также сельской буржуазии²¹. Она страдала не только от сословной, в том числе и цеховой регламентации, но и от конкуренции со стороны сильной австронемецкой буржуазии. Отсюда проистекала оппозиционность мелкой буржуазии, которая сыграла в чешском национально-освободительном движении предреволюционного периода значительную роль.

В. И. Ленин отмечал, что мелкая буржуазия «наиболее патриотична»²². Однако ей были присущи неопределенность социальных границ, политическая аморфность, неустойчивость и идейная ограниченность. Чешское общество приобретало ярко выраженный мелкобуржуазный характер. Он проявлялся и в образе жизни слоев, втягивавшихся в буржуазные отношения, и в системе разделенных ими духовных ценностей.

Накопление капиталов в чешских руках для борьбы с ионациональной буржуазией провозглашалось общенациональным делом, мерилом патриотизма, который, по мнению идеологов национального движения, должен объединить всех чехов в их противостоянии немцам. Стоявшие во главе движения буржуазные силы стреми-

лись преподнести классовую борьбу как нечто чужеродное чешскому характеру²³. В утирированной форме это отражало ситуацию, в которой развивалось общедемократическое освободительное движение, способствовавшее процессу консолидации нации. Характерно, что подобные настроения были распространены особенно на ранних этапах национального движения, когда его социальная база была узкой.

Лозунги национального единства и социального мира отставали от идеологами чешского буржуазного движения еще в предреволюционные десятилетия, когда социальная дифференциация в чешской среде зашла далеко. Сказались эгоистические настроения буржуазных сил, их страх не только перед Габсбургами и австронемецкой буржуазией, но и перед собственным рабочим классом, в истории формирования которого 30—40-е годы XIX в. занимают важное место.

Хотя в предреволюционный период рабочий класс был разнородным²⁴, постепенно шел рост промышленного пролетариата, повышался уровень его квалификации. Только в текстильной промышленности Чехии в 1846 г. было занято свыше 900 тыс. человек. Положение рабочего класса, в состав которого входили также женщины и дети, было крайне тяжелым. Рабочий день длился по 12 часов и более, трудового законодательства не существовало²⁵. В Чешских землях, как и в других странах, на этапе становления нового общественного строя пролетариат, по словам К. Маркса, страдал «не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка его развития»²⁶.

Уже в XVIII в. имели место выступления рабочих против эксплуатации, в которых участвовали чехи и немцы. В начале 1840-х годов в Праге, Брно, Либерецком крае и других местах Чешских земель, а также на строительстве железной дороги Прага—Колин прошли массовые волнения рабочих и безработных. Международный отклик получило восстание пражских ткачей в июне 1844 г., о котором Ф. Энгельс писал, что «революционный пражский пролетариат... уже в 1844 г. в течение трех дней был полным хозяином Праги»²⁷. Все это свидетельствовало о формировании пролетариата Чешских земель и его классового сознания, получившего в дальнейшем закалку в событиях 1848—1849 гг.

К середине XIX в. заметную роль в общественной и культурно-политической жизни играли чиновничество и интеллигенция. Высшее и по большей части среднее чиновничество рекрутировалось из дворянства, а также из немецких или онемеченных кругов зажиточного мещанства. Среди мелких чиновников преобладали выходцы из чешской городской и крестьянской среды. Подневольное положение мелкого чиновничества, особенно чешского происхождения, жившего порой на грани бедности, способствовало росту в его среде накануне революции 1848—1849 гг. оппозиционных настроений и толкало чиновничество к участию в чешском национально-культурном движении.

Новым социальным слоем, связанным с развитием буржуазных отношений, были лица, профессионально занимавшиеся умственным трудом, т. е. интеллигенция. Ее формирование было следствием коренных сдвигов, которые произошли не только в социально-экономической сфере, но и в духовной жизни общества. Это были лица так называемых свободных профессий и служившие в учреждениях, у земельной аристократии, городской верхушки (врачи, адвокаты, ученые, техники, деятели искусства, учителя, воспитатели), а также студенты пражского и оломоуцкого университетов и учащиеся других учебных заведений в Праге, Оломоуце и Брно. Крупнейшим средоточием интеллигенции была Прага.

Интеллигенция в Чешских землях с самого начала складывалась из различных социальных источников, начиная от дворянства и духовенства и кончая городскими низами и крестьянством. В XVIII в. и особенно в первой половине XIX в. удельный вес выходцев из демократических кругов чешского общества в среде интеллигенции был высок и имел тенденцию к возрастанию. Наряду с чехами в составе чешской интеллигенции было много лиц инонационального, в основном австронемецкого и отчасти еврейского, происхождения²⁸. Но и лица, происходившие из чешской среды, на протяжении большей части рассматриваемого периода в значительной мере связывали себя с австрийской или общегерманской культурой. Впрочем, уже во второй половине XVIII в. некоторые представители умственного труда, вышедшие из национально мыслящей городской и сельской среды, стали включаться в культурную деятельность: способствовали распространению в народе грамотности, популяризовали чешский язык, литературу, театр, музыку, выступали в роли организаторов различных патриотических акций и т. д. В 30—40-х годах XIX в. по инициативе чешской интеллигенции создавались национально-патриотические кружки и объединения, проводились балы и танцевальные вечера, участники которых демонстративно одевались в чешские национальные костюмы²⁹.

Роль интеллигенции в чешском общественном движении 30—40-х годов XIX в. была велика. Как указывал В. И. Ленин, «интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»³⁰. Патриотически настроенная чешская интеллигенция выражала не только классовые устремления формировавшихся национально-буржуазных слоев, но и настроения демократических кругов общества. Способствуя пробуждению национального самосознания, чешская интеллигенция выражала общедемократические интересы и устремления, нараставшие накануне революции 1848—1849 гг. Эта борьба, направленная на решение задач социального и национального освобождения Чешских земель, выражала объективные потребности формирования чешской нации.

Эволюция социальной структуры Чешских земель вела к изменениям в общественной психологии и возникновению новых идей-

ных концепций и духовных ценностей. В сфере духовного производства система феодальных ценностей в XVIII в. утрачивала свое значение и уступала место качественно иному видению мира,циальному новому времени. Это проявлялось в общественной мысли и культуре в целом. Их эволюция в XVIII в. протекала преимущественно под воздействием просветительских идей, прошедших в своем развитии несколько этапов.

Первый из них был временем первичного ознакомления с идеями раннего европейского Просвещения, которые спорадически проникали в Чешские земли на рубеже XVII—XVIII вв. Отчасти эти идеи смыкались с наследием ренессансно-гуманистических и гуситско-реформационных традиций XV—XVI вв., сохранявшихся, хотя и в сильно деформированном виде, в некоторых слоях населения. Однако подобные представления еще не определяли ни идеально-культурного развития, ни тем более содержания духовной жизни чешского общества.

Следующим был этап раннего Просвещения (приблизительно от середины 1740-х до исхода 1770-х годов). Тогда просветительские идеи стали проявляться в разных областях научного и художественного мышления и приобретали все большее распространение. Шло переосмысление накопленного ранее отечественного «идейного материала»³¹ в сочетании с переработкой европейской просветительской мысли. Характерна полемика вокруг комментария Г. Добнера к «Чешской хронике» историка XVI в. В. Гайека. Подойдя к этому произведению с рационалистических позиций, Г. Добнер в 60-х годах раскрыл несостоительность многих легендарных сведений. Он отверг легенду о происхождении имени народа от «праотца Чеха» и показал, что древним чехам, как и остальным славянам был присущ принцип демократической организации общества. В числе источников, на которые ссылался Г. Добнер, были «Повесть временных лет» и «Краткий российский летописец» М. В. Ломоносова. Труд Г. Добнера явился ударом по феодальной идеологии и положил начало национально-просветительскому направлению в чешской культуре. Среди сторонников этого течения были историки и литераторы М. А. Фойт, И. Борн и другие просветители 70-х годов XVIII в.

Постепенно подготавливался этап собственно чешского Просвещения, когда с конца 70-х и до начала 90-х годов XVIII в. просветительское мировоззрение получило преобладающее значение, становясь идеологической основой зарождавшегося национального движения. Наиболее ярким представителем чешского Просвещения был Й. Добровский, который внес значительный вклад не только в разработку славянской филологии и истории культуры, но и в создание просветительских журналов. Заметным событием явился выход романа страстного борца против клерикализма А. Зитте «Духовные путешествия Перегрина Штильвассера по Чехии» (1783). Написанный по-немецки, это был первый просветительский роман, содержание которого всецело относилось к чешскому культурному контексту.

В 1780-х годах оживилась театральная жизнь. Наряду с пьесами мирового классического репертуара в 1786 г. была сыграна первая оригинальная чешская пьеса «Бржетислав и Итка» В. Тама. Он же составил первый альманах чешской поэзии (1785). Наметилась теоретическая разработка вопросов чешского языкоznания. Знаменитая «Зашита чешского языка против злобных его хулителей» К. Тама (1783) стала одним из программных документов национально-просветительской мысли. Ф. М. Пелцл, Й. Добровский, И. Корнова и ряд других ученых активизировали в 1780-е годы разработку вопросов национальной истории.

Огромный резонанс вызвал труд пражского профессора К. Ройко «История великого вселенского собора в Констанце», в котором доказывалась невиновность Яна Гуса, сожженного в 1415 г. Роль культурного центра играло в 1780-е годы Чешское общество наук, возникшее в начале предшествующего десятилетия. Оно стимулировало разработку не только общественных, но и естественных наук и прикладных дисциплин, положив начало обследованию природных ресурсов Чехии. Показателем идейной и культурной эволюции чешского общества было книжное дело, наиболее значительным представителем которого стал В. М. Крамериус, организовавший в 1790 г. первую чешскую книгоиздательскую и книготорговую фирму «Чешская экспедиция». В 80-х годах XVIII в. активизируется работа пражской университетской библиотеки, во главе которой стоял К. Р. Унгар.

Существенным фактором был относительно высокий уровень грамотности населения, чему способствовала школьная реформа 1770-х годов. Число грамотных в Чехии в два последние десятилетия XVIII в. составляло примерно 40 %, а с учетом полуграмотных около 60 %³². Сравнивая начало 1790-х годов с тем, что было за два-полтора десятилетия ранее, А. М. Фойт писал: «В наше время чтение газет было делом мещанства, теперь же газеты проникли и в крестьянские избы»³³.

На рубеже XVIII—XIX вв. под влиянием менявшихся социальных и политических условий наметилось угасание просветительской мысли с одновременным формированием идейно-культурного комплекса так называемой национальной идеологии, сыгравшей значительную роль в духовной жизни Чешских земель эпохи национального возрождения и в формировании нации. Ее главными постулатами стали создание национальной культуры, идея национального единства и «славянская идея», т. е. пропаганда межславянского сближения, славянской солидарности и в первую очередь чешско-русских культурных связей. Основы этой концепции были сформулированы в 1790-х годах Й. Добровским, в обобщенном виде изложены в 1806 г. и позднее Й. Юнгманом и развиты новыми поколениями будителей.

Связывая национальные требования с перспективами социально-экономического и политического развития Чешских земель в буржуазном направлении, Й. Юнгман ориентировал свою культурно-языковую программу на крестьянство — массу населения,

сохранившую верность родным обычаям и языку. Отличительной чертой в мировоззрении Юнгмана и его последователей была горячая вера в грядущую помощь со стороны русского народа. «Русские крепнут — отсюда спасение потомкам», — писал он в 1810 г.³⁴ Проникнутая либеральными иллюзиями, далекая от призывов к революционной борьбе, программа И. Юнгмана и деятельность его последователей при всей умеренности их воззрений носила прогрессивный и общедемократический характер.

В первой половине XIX в. в Чешских землях был создан ряд важных культурных институтов, прежде всего пражский Национальный музей (1818 г.) и возникшее при нем в 1830—1831 гг. отделение для издания книг на чешском языке «Чешская матица». Ведущее общественно-культурное значение приобрели в эти годы фундаментальные труды по истории и филологии чешского, а отчасти и других славянских народов — «История чешской литературы» (1-е изд. 1825; 2-е изд. 1849) и пятитомный «Чешско-немецкий словарь» (1835—1839) И. Юнгмана, «Славянские древности» П. И. Шафарика (1837), «История чешского народа в Чехии и Моравии» Ф. Палацкого, выходившая на немецком (1836—1867) и чешском (1848—1876) языках и др. Ведущие деятели культуры стремились создать национальную науку. Этой цели, в частности, должна была служить энциклопедия на чешском языке. Автор ее проекта Ф. Палацкий подчеркивал, что такое издание должно «помочь народу получить свободный доступ к наукам и образованию на родном языке с тем, чтобы научиться думать, говорить и писать по-чешски обо всем, что есть на свете достойного знания и пользы»³⁵. Представители чешской культуры уделяли большое внимание выработке научной терминологии на чешском языке.

Для чешской литературы 20—30-х годов XIX в. характерно формирование эстетики прогрессивного романтизма с ведущим требованием национальной самобытности, народности литературы. Творчество писателей отмечено антифеодальными тенденциями, протестом против национального гнета, обращение к народной истории и поэзии, воспеванием родства славянских народов. Певцом славянского содружества стал поэт Ян Коллар (1793—1852) (поэма «Дочь Славы», 1824 г., известный трактат «О литературной взаимности между различными письменами и наречиями славянской нации», 1836 г.). Ф. Л. Челаковский (1799—1852), автор поэтических циклов «Эхо русских песен» и «Эхо чешских песен», возвел обращение к фольклору и культурное сближение с другими славянскими народами в программу развития национальной культуры. Не случайна в те годы активная и плодотворная деятельность многих литераторов по собиранию и изданию народного творчества. В этой атмосфере были «найдены» чешские памятники — Кралеворская и Зеленогорская рукописи. Они были плодом творчества В. Ганки и Й. Линды, которые, стремясь восполнить отсутствие чешского народного эпоса, создали талантливые поэтические произведения, во многом восходившие к материалам чешских

хроник, «Слова о полку Игореве», русских былин, сербских народных песен. Эти произведения сыграли большую положительную роль в патриотическом воспитании чехов, дав творческие импульсы многим чешским писателям, художникам и музыкантам последующих поколений.

Одним из ярких представителей чешской музыкальной культуры того времени был Ф. Шкроуп (1801—1862), создатель первой чешской оригинальной оперы «Жестянщик» (1826), в которой прозвучала песня «Где родина моя?» на слова Й. К. Тыла. Она стала впоследствии чешским национальным гимном (и является им до настоящего времени).

Идея национального самоутверждения, воспитания чувства национальной гордости служила и чешская живопись этих лет. Талантливые портретисты А. Махек и Ф. Ткацлик запечатлели в своих портретах благородный облик многих деятелей чешского возрождения, полотна пейзажиста А. Манеса учили видеть красоту родной земли.

Предреволюционное время (конец 30-х—40-е годы) с его атмосферой общественного брожения, зарождением радикально-демократической мысли и революционных настроений внесло в развитие чешской художественной культуры новые черты. Принципиальный поворот литературы от назидательно-патриотических тенденций к изображению внутреннего мира человека, к проблеме личность—общество знаменовала романтическая поэзия К. Г. Махи (1810—1836) с ее острым ощущением дисгармонии современного ему мира. Эпиграммы К. Гавличека-Боровского (1821—1856) содействовали развитию политической и социальной сатиры. О направленности его эпиграмм говорят названия циклов: «Церкви», «Королю», «Родине», «Музам», «Свету». Его очерки «Картички о России» (1846), отразившие впечатления о пребывании в России, закладывали фундамент чешской прозы, утверждая принципы реалистической типизации.

Трибуной пропаганды передовых взглядов стал театр, особые заслуги в развитии которого принадлежали Й. К. Тылу (1808—1856). Если в 30-е годы Тыл связывал с театром прежде всего задачи национального пробуждения и патриотического воспитания, то по мере нарастания предреволюционного кризиса он как художник все глубже постигал смысл не только национальных, но и социальных противоречий общества. Вершиной на этом пути стала его социально-историческая драма «Кровавый суд, или Кутногорские рудокопы» (1847). Это была первая пьеса о рабочем восстании, в центре которой стоял образ рабочего, вожака масс.

Благодатной питательной почвой для развития чешской национальной культуры стала народная культура, традиции которой не прерывались даже в побелогорскую эпоху «тьмы». Народная культура в 30—40-х годах переживала подъем. Успешно развивалось танцевально-песенное творчество, инструментальная и духовая музыка. В деревнях и небольших городах популярностью пользовались любительский и кукольный театры. Повышавшийся

уровень грамотности крестьян и городских низов способствовал распространению народной книги и ярмарочных (так называемых крамаржских) песен. Многие из них несли в себе заряд социальной критики и предвосхищали эпиграммы К. Гавличека-Боровского. Вместе с тем крестьянская культура заимствовала элементы культуры горожан, в том числе некоторые бытовые обычай, музыкальные инструменты, что свидетельствовало о процессе сближения городской и сельской культуры, а также культуры профессиональной и непрофессиональной.

Эпохе национального возрождения было присуще выдвижение национально-культурных, а затем, в 30—40-х годах XIX в., социально-политических программ и концепций, которые отражали не только общедемократические задачи освободительного движения, но и происходившую в нем идейную дифференциацию, складывание демократического, радикального крыла.

Восстание декабристов в России, революционные события 1830 г. во Франции и польские события 1830—1831 гг. нанесли удар по идеализированным представлениям о «всеславянстве». П. Шафарик, Ф. Л. Челаковский, а вслед за ними и К. Гавличек-Боровский увидели реакционную сущность царизма и пропасть, которая отделяла его от русского народа. А рост рабочего класса и выступления пролетариата и крестьянства демонстрировали социальную неоднородность чешского общества. Все это вело к формированию в чешском национально-освободительном движении двух главных течений — либерального и демократического (в рамках последнего выделялось левое, радикально-демократическое крыло). В середине 1840-х годов в Праге возникает кружок радикальной интеллигенции «Чешский рипил», участниками которого были В. Гауч, Ф. Гавличек и др.

Хотя в общественном движении преобладало либеральное направление, ведущими деятелями которого являлись Ф. Палацкий, К. Я. Эрбен, К. Гавличек-Боровский и некоторые другие идеологи растущей буржуазии, демократические, радикальные и даже революционные настроения также были сильны. Они внесли заметный вклад в чешскую культуру и идеологию общественного движения. Обострение социальных противоречий, ухудшение положения трудящихся, эпидемии, неурожай предреволюционных лет, массовая безработица в результате экономического кризиса 1847 г., рост классового сознания трудящихся — все это не могло пройти бесследно. Некоторые деятели чешской культуры, такие, как К. Гавличек-Боровский, примыкавшие к либерально-буржуазному лагерю, объективно тяготели в своем творчестве к демократизму. Тревога властей проявилась в одном полицейском донесении конца 1847 г.: «Будущее внушает опасения, потому что... бедственное состояние может вызвать в низших слоях населения коммунистические идеи»³⁶.

Примечательной чертой чешской общественной мысли и культуры эпохи национального возрождения явился рост влияния идей утопического социализма. Крупнейший философ и математик

Б. Больцано к началу 1830-х годов завершил в основном работу над социально-утопическим трактатом «О наилучшем государстве». Некоторые его гениальные догадки о социалистическом обществе обгоняли домарксистскую мысль того времени. В 1840-х годах получили распространение идеи французского утопического социализма. Среди его пропагандистов были Э. Арнольд, К. Сабина, философ М. Клацель, писательница Б. Немцова. Воздействие на передовые круги общества оказывали работы философа А. Сметаны, который был знаком с некоторыми трудами К. Маркса и Ф. Энгельса (впервые имя К. Маркса в чешской печати было упомянуто в 1844 г. в журнале «Кветы» Й. К. Тыла)³⁷. А. Сметана первым в Чешских землях приблизился к восприятию идей научного коммунизма³⁸.

Революция 1848—1849 гг. в Чешских землях была частью освободительной борьбы в Австрийской империи и важным звеном общеевропейского революционного процесса. «Революция 1848 г., — подчеркивал Ф. Энгельс, — сразу вызвала со стороны всех угнетенных наций требование независимого существования и права самостоятельно вершить свои собственные дела»³⁹. События тех лет как бы подвели итоги предшествующего развития общественного движения и культуры эпохи национального возрождения. Именно тогда в полную силу заявили о себе два ведущих направления: национально-либеральное и радикально-демократическое. Радикальные демократы выступили наиболее решительными противниками полицейского абсолютизма, боролись за углубление революции.

В первых числах марта 1848 г. чешские демократы стали распространять листовки с призывом выступить против Габсбургов. По их инициативе 11 марта в пражских Святовацлавских купальнях состоялся митинг, на котором преобладали представители трудовых слоев населения и студенческой молодежи. Принятая на митинге резолюция содержала ряд важных общедемократических требований. Для окончательной отработки текста резолюции был создан Святовацлавский комитет. Вскоре в Прагу поступили сообщения о начавшейся 13 марта революции в Вене, что способствовало развертыванию революции в Чешских землях. Стачки рабочих и ремесленников, волнения и отказ от выполнения феодально-барщинных повинностей в среде крестьян свидетельствовали о решимости народа бороться за свои права. Этот напор «снизу» оказывал воздействие на деятелей разных направлений национального движения, на их стратегию и тактику.

Радикальные демократы, отражавшие настроения мелкой буржуазии, части крестьянства, ремесленников, рабочих и интеллигенции, выдвинули программу, которая в целом имела буржуазно-демократический характер. Они требовали введения конституции, объединения земель чешской короны, обеспечения демократических свобод, признания национальных прав чешского народа, в социальной области — принятия законов по «организации труда» и регулированию заработной платы, немедленной отмены барщины и других феодальных повинностей без выкупа.

Однако либералы, пользуясь политической неопытностью демократической группировки и народных масс, сумели добиться исключения социальных требований или их изменения в выгодном для себя духе. Так, пункт об «организации труда» был выброшен, а требование безвозмездной ликвидации барщины было заменено требованием ее выкупа. Либералам удалось добиться преобладания в Святоацлавском комитете. Левые деятели попытались укрепить свои позиции в массах путем организации митингов и установления связи с рабочими, ремесленниками и крестьянами. Наряду с представителями либерального крыла чешского движения руководители чешских (В. Вавра, Ф. Гавличек, В. Гауч, К. Сабина и др.) и немецких (Л. Рупперт) радикалов вошли в военную организацию, созданную Святоацлавским комитетом. Они имели прочные позиции в образованном ранее студенческом Академическом легионе. Впрочем, из-за противодействия правых руководителей военной организации в апреле—мае 1848 г. радикалам пришлось ее покинуть.

В противоположность им деятели национально-либерального крыла не были заинтересованы в углублении революционного процесса. Они руководствовались программой австрославизма, предусматривавшей превращение Австрийской империи в федеративную конституционную монархию. Выступая за буржуазные преобразования, чешские либералы рассчитывали только на реформы сверху, полагая, что требование ликвидации монархии не отвечает их интересам. Эта мысль была развита Ф. Палацким в знаменитом «Письме во Франкфурт» 11 апреля 1848 г. в связи с обсуждением вопроса об участии чехов в общегерманском парламенте.

Заявив, что включение земель чешской короны в состав Германии лишено юридических оснований, он противопоставил этому сохранение австрийской монархии с предоставлением автономии чехам и другим народам. По словам Ф. Палацкого, «если бы Австрийского государства не существовало... мы должны были бы в интересах Европы и гуманности способствовать его скорейшему созданию»⁴⁰. Эта программа на протяжении всей революции 1848—1849 гг. служила для чешского либерального лагеря руководством к действию.

Радикалы выступали с критикой либерального курса, особенно стремления его приверженцев найти общий язык с правящими австрийскими кругами. Так, в апреле 1848 г. Э. Арнольд выступил с требованием созыва демократически избранного сейма для земель чешской короны, отмены привилегий дворянства, обеспечения политических и социальных прав народа, ликвидации феодальных повинностей. Он и другие вожди радикальных демократов подчеркивали необходимость соединить национальные требования с социальными. В конце марта 1848 г. Э. Арнольд писал о желательности демократического союза славянских народов, построенного на принципах свободы и равенства. Ведущим деятелям демократического лагеря была присуща антидворянская позиция. Однако по многим вопросам, в том числе и в отношении австрославизма,

радикальным демократам не удалось тогда со всей определенностью отмежеваться от либералов. Слишком поздно они поняли и необходимость объединения сил всех народов, населявших монархию Габсбургов, против общего врага. Впрочем, последнее зависело не только от добной воли левых кругов чешского национального движения.

Уже в ходе обсуждения вопроса об участии в будущем Франкфуртском собрании между деятелями чешского и немецкого движения в Чешских землях возникли разногласия. Немецкие деятели объявили 19 апреля об учреждении Конституционного союза для поддержки выборов в общегерманское собрание. Чешских демократов на время покинул и немецкий рипилист Л. Рупперт. В качестве противодействия Конституционному союзу в конце апреля было создано чешское политическое общество «Славянская липа», председателем которого был избран либерал П. Й. Шафарик, а секретарем рипилист В. Гауч. Тогда же было решено созвать в Праге съезд делегатов от австрийских славян, который, по замыслу чешских правых либералов Ф. Палацкого и др., должен был упрочить позиции чехов и оказать давление на правительство.

Славянский съезд открылся в Праге 31 мая в обстановке усилившегося политического напряжения. 12 июня в Праге вспыхнуло восстание, продолжавшееся до 17 июня. В ходе восстания национальные противоречия отступили на задний план — против австрийской военщины вместе сражались рабочие, ремесленники и студенты чешского и немецкого происхождения. Рипилисты К. Сабина, К. Сладковский, Й. В. Фрич и их немецкий коллега Л. Рупперт и другие демократы пытались внести элементы организованности в это стихийное движение. Но силы были неравны, и восстание потерпело поражение.

Это повлекло за собой резкое изменение общественно-политической обстановки. Ф. Энгельс отмечал в июне 1848 г. демократический характер пражского восстания и решительно осуждал угнетение Чехии немецкой военщиной. «И после всего этого, — воскликнул он, — ставят в вину чехам, что они не желают присоединиться к нации, которая, освобождая самое себя, в то же время угнетает и оскорбляет другие нации!»⁴¹ С лета 1848 г. силы австрийской контрреволюции при пособничестве чешских либералов начали подготовку к наступлению. В такой сложной обстановке радикальные демократы, преследуемые не только со стороны правительства, но и со стороны поддерживавших его чешских право-либеральных кругов, вступают в решительную борьбу за права и интересы чешского народа.

Вторая половина 1848 г. и начало 1849 г. оставили яркую страницу в развитии общественно-политической мысли чешского радикализма той поры. В выступлениях Э. Арнольда, В. Вавры, Ф. Гавличека, К. Сабины и др. с новой силой звучали призывы к объединению демократических сил и критика либерального соглашательства. Они обращались к наследию гуситского революционного движения, выражали симпатии революционной борьбе в Вене

и в Венгерском королевстве, подчеркивали роль народных масс в борьбе с деспотизмом. Наиболее последовательные из них выступали с позиций революционного демократизма, в частности выдвигали требование раздела помещичьих латифундий. Важным аспектом в их деятельности стали размышления о будущности чешского народа, которое они связывали с социализмом.

При этом их представления о социалистическом обществе еще не выходили за рамки мелкобуржуазного утопизма. Водораздел между левым и правым крылом чешского национального движения все более углублялся.

Исторической заслугой радикальных демократов было понимание связи национальных и социальных аспектов освободительного движения. В обстановке, когда австрийское правительство собирало силы для нанесения решающего удара по революции, К. Сабина пропагандировал мысль, что только на обломках монархии Габсбургов славянские народы обретут свободу. О вреде братоубийственной войны славян с венграми писал тогда же Э. Арнольд.

7 марта 1849 г. австрийский парламент был разогнан, и, как писал Ф. Энгельс, «абсолютизм в Австрии был во всех отношениях полностью восстановлен»⁴². Часть правых деятелей во главе с историком В. Томеком заявила о поддержке контрреволюционного переворота. Вожди либералов эмигрировали или отошли от политической деятельности, и только радикалы не сдали своих позиций, приступив к подготовке нового вооруженного выступления в союзе с немецкими революционерами Саксонии. Раскрыв заговор, власти арестовали левых чешских лидеров, разгромив тем самым это наиболее прогрессивное течение чешского национально-освободительного движения. В Чешских землях было введено осадное положение, которое сохранялось вплоть до 1853 г.

События революции 1848—1849 гг. в Чешских землях не только подытоживали общественно-политическое и культурное развитие эпохи национального возрождения. Они явились рубежом в переходе чешского общества, как и Австрийской империи в целом, от феодализма к капитализму. Эти годы стали исключительно важным этапом в процессе формирования чешской нации.

Подводя итоги сказанному, обратимся к ключевым проблемам становления этносоциальной базы чешской нации и важнейшим fazam этого развития до середины XIX в. Вызревание в землях чешской короны социальных структур буржуазного типа происходило как бы в двух планах. Один из них отражал общий процесс перехода от феодализма к капитализму в Австрийской империи, другой — возникновение социальной структуры чешской нации. Хотя оба эти аспекта были взаимосвязаны, между ними рано обозначились и различия.

В самом деле, появление в Чешских землях крупной промышленной и торгово-финансовой буржуазии свидетельствовало о достаточно высоком по австрийским стандартам уровне развития здесь капитализма. Об этом же свидетельствовало и втягивание в буржуазное предпринимательство части дворянства. Однако эти

классы имели не чешский, а немецкий характер и непосредственного участия в формировании чешской нации не принимали. Вне этого процесса, за малым исключением, находилось и многочисленное городское и сельское население инонационального происхождения.

Поэтому базой складывавшейся чешской нации оказывались не все классы и социальные слои, участвовавшие в буржуазном развитии Чешских земель, а только те из них, которые обладали определенным уровнем самосознания и, следовательно, объективно или субъективно участвовали в этнической эволюции чешского народа эпохи перехода от феодализма к капитализму. К ним в массе своей относились чешское крестьянство, национально мыслившее городское население, особенно средних и небольших городов, возникший чешский промышленный и сельскохозяйственный пролетариат, мелкая буржуазия, национальная интеллигенция и некоторые промежуточные группы (например, мелкое чиновничество, низшее духовенство и др.), т. е. классы и слои, обозначившиеся на социальной карте Чешских земель к середине XIX в. Их становление являлось результатом длительной эволюции, которую можно назвать процессом нарастания этносоциальной базы чешской нации.

Этот решающий в конечном счете фактор оказывал воздействие на генезис национального самосознания и на изменение конвергентных и дивергентных тенденций в развитии чешских национальных связей. Во многом определяющее воздействие на возникновение и упрочение этих связей оказывали процессы складывания внутреннего рынка, которые под этим углом зрения изучены недостаточно. Земли чешской короны составляли частьформировавшегося австрийского рынка, однако ключевые позиции здесь принадлежали австронемецкому капиталу. Несмотря на это, постепенно складывался чешский региональный рынок. Он был следствием усилившегося вместе с ростом капиталистического уклада обмена между городом и деревней и наметившейся специализации экономических районов Чешских земель.

Этот процесс охватывал значительные массы чешского городского и сельского населения, поскольку зарождавшиеся чешские буржуазные слои, несравненно более слабые, чем местная австро-немецкая буржуазия, длительное время оказывались связанными преимущественно с сельскими промыслами. Такое положение стимулировало относительную этническую однородность участников рыночного обмена и содействовало превращению чешского языка в естественное для большинства средство коммуникации. В свою очередь это оказывало позитивное влияние на общечешскую этносоциальную интеграцию. Отмеченный процесс имел для будущего чешской нации и национальной культуры едва ли не решающее значение.

Однако на пути такого развития стояли препятствия, во многом обусловленные административным разделением земель чешской короны, которое тормозило не только политическое, но и экономическое и культурное объединение чешского этноса. К концу

XVIII в. Чехия и Моравия (с Силезией) представляли собой два экономико-географических региона. Моравско-силезский регион экономически был тесно связан с собственно австрийским регионом. И хотя экономическая интеграция Чешских земель возрасла, хозяйственныe барьеры между чешской и моравско-силезской частями до середины XIX в. продолжали существовать. Они являлись причиной сохранения в чешском этносоциальном развитии дивергентных тенденций, которые оказались на генезисе национального самосознания.

В целом оно развивалось за счет эволюции регионального и местного самосознания к общечешскому. Однако развитие это отличалось неравномерностью и не было лишено элементов попятного движения. Наиболее типичным в этом смысле было оживление моравского самосознания, которое во второй половине XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. даже стало предметом обсуждения в среде деятелей национально-освободительного движения. Впрочем, уже с середины XVIII в. чешско-моравские объединительные тенденции превалировали, хотя вплоть до 1860-х годов, а в ряде случаев и позднее, элементы «моравского сознания» играли некоторую роль. Но смысл его становился иным.

В ходе формирования чешской нации областническое самосознание как бы расщеплялось на территориальное и этническое. Первая его разновидность, во многом консервированная средневековым государственно-правовым членением земель чешской короны, отражала территориальную привязанность жителей собственно Чехии, Моравии и Силезии, независимо от того, были ли они этнически чехами или представителями иных национальных общинностей. Эта разновидность была весьма живучей, хотя в условиях генезиса чешской нации представляла собойrudиментарное явление как пережиток донационального этапа. Вторая разновидность уже отвечала новым условиям чешского этносоциального процесса эпохи перехода от феодализма к капитализму. Несмотря на частичное переплетение с остатками земельного самосознания, она способствовала включению в национальную интеграцию Чешских земель всех частей чешского этноса. Постепенно моравское областническое самосознание этой разновидности заняло по отношению к общечешскому подчиненное положение. В том же направлении эволюционировало и самосознание таких устойчивых этнографических групп, как ходы на границе Чехии с Баварией, ганаки, валахи и моравские словаки в Моравии⁴³.

Менялось не только содержание, но и характер этой подчиненности. Если в рамках феодальной народности областническое и местное самосознание существовало как бы наряду, параллельно с общеэтническим чешским самосознанием, то в период становления нации оно все более органично включалось в него при общем сокращении локальной дифференциации. Не исчезая полностью, эти формы самосознания постепенно образовывали иерархическую систему, шедшую снизу, от местного сознания, вверх — через областническое — к общечешскому национальному самосознанию.

Это означало, что, по мере нарастания этносоциальной базы чешской нации, конвергентные тенденции становились преобладающими и приобретали необратимый характер.

Процесс становления чешской нации прошел в своем развитии до середины XIX в. несколько стадий, соответствовавших нарастанию этносоциальной базы и укреплению центростремительных тенденций в национальных связях чешского этноса.

То, что первые ощутимые признаки такого развития прослеживаются более или менее отчетливо примерно с середины XVIII в., не означает, что здесь лежали исходные рубежи этого процесса. Если чешская нация, как и предшествовавшая ей феодальная народность, представляла собой развивающуюся систему, то, очевидно, отдельные компоненты этой системы до того, как их совокупность привела к возникновению нового качества, должны были пройти ряд ступеней. Заключительный этап существования народности соприкасался с начальной стадией зарождения нации во времени и в пространстве. Возникали условия для частичного переплетения элементов предшествующей и последующей этносоциальной общности и, следовательно, для их межстадиального взаимодействия.

Естественно, на начальном этапе, когда направление движения еще не определилось окончательно, границы между тем, что выходило за пределы системы феодальной народности, и тем, что из наследия прошлого могло усваиваться силами будущего, были размыты. Лишь по завершении этой стадии, к середине XVIII в., картина начинает более или менее проясняться. В идеально-культурном плане новая стадия совпала с первым и частично с началом второго этапа развития в Чешских землях идеологии просветительского типа.

Эта стадия процесса становления чешской нации, начавшись, как указано выше, в середине XVIII в., продолжалась до рубежа XVIII—XIX вв. Под воздействием более интенсивного, нежели прежде, экономического развития и структурных сдвигов в городе и деревне начали выявляться контуры социального костяка чешской нации. Рост чешского народонаселения при увеличении его численности в городах содействовал усилию общественного интереса к чешскому языку и национально-культурной проблематике в целом. Важнейшим симптомом упрочения чешских национальных связей было возникшее в тот период стремление идеологов зарождавшегося национального движения к оценке происходивших перемен.

В трудах первых чешских просветителей были поставлены ключевые вопросы прошлого, настоящего, а отчасти и будущего народа. Благодаря этому их труды имели не только собственно научное значение, но и содействовали пробуждению общественного внимания к чешскому народу и его культуре. Уже в ходе научной полемики 60—70-х годов XVIII в. о происхождении чешского народа о Чехии говорилось не в областническом, а в этническом плане как о стране, коренное население которой составляют

чехи. Происходило своеобразное «накладывание» национального содержания на карту административного деления Чешских земель. При этом некоторые просветители немецкого происхождения относили себя к чешскому этносу, что свидетельствовало о далеко зашедшем процессе развития сил его внутреннего сцепления, генезиса чешского национального самосознания.

Различавшиеся по уровню зрелости, но стадиально сходные линии развития были присущи и духовному миру сельского населения второй половины XVIII в. Наиболее ярким свидетельством этого явились народные хроники и поденные записи, в которых запечатлелись народные представления о происходивших событиях. Именно рост национального самосознания народных масс стал той питательной почвой, которая сделала возможным деятельность первых чешских просветителей. Однако между формой выражения ими идей и их содержанием часто существовало противоречие: свои труды, посвященные национально-патриотической проблематике, они создавали в основном на немецком и латинском языках. На этих же языках возникли в 1770—1780-х годах некоторые новые жанры художественной литературы и публицистики, по сути своей входившие в контекст развития национальной культуры. Вызванная условиями Чешских земель и низким уровнем обработанности языка чешской письменности, инонациональная форма трудов просветителей вступала в углублявшееся противоречие с задачами национального движения. Уже в 1780-х годах были сделаны первые шаги в создании произведений художественной литературы (поэзия, театр) на чешском языке. В идеино-культурном плане вторая стадия формирования нации совпадала с завершением периода раннего Просвещения и расцветом просветительских идей в Чешских землях конца 70-х—начала 90-х годов XVIII в.

Третья стадия, предшествовавшая революции 1848—1849 гг. и ее завершенная, характеризовалась зрелостью процесса национального возрождения. В эти десятилетия сложилась та социальная структура чешской нации, с которой она пришла к середине XIX в. Относительно высокого уровня достигла грамотность населения, чехизация городов приобрела необратимый характер. Значительные сдвиги претерпела национальная культура, в системе которой накануне революции 1848—1849 гг. были созданы многие отрасли науки, возникли новые концепции художественного развития и жанровые образования в литературе, музыке и живописи. Были созданы произведения высокой художественной ценности, которые вошли в золотой фонд национальной чешской культуры (поэзия Коллара и Челаковского, эпиграммы и очерки К. Гавличека-Боровского, пьесы В. К. Клицперы и И. К. Тыла, живопись А. Махека и Ф. Ткадлика и др.).

Тесная связь между культурой образованных слоев общества и народной культурой превращается в наиболее характерную черту духовной жизни, что отражало и более высокий уровень этносоциального развития. Об этом свидетельствовали также

настойчивые требования государственно-правового объединения земель чешской короны, которые в 1848—1849 гг. отстаивали как радикально-демократическое, так и национально-либеральное направления.

Таким образом, формирование чешской нации как исторически обусловленной этносоциальной системы достигло к середине XIX в. значительных результатов. Каков же был, однако, уровень ее зрелости?

Отмечая, что протекание общественного процесса подобно развитию любой органической системы, К. Маркс указал: «Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития»⁴⁴. Это важное положение можно прямо отнести к интересующему нас вопросу.

Произошло ли в рассматриваемый период превращение чешской нации в такую целостную систему? Мы видели, что процесс становления этносоциальной структуры нации, несмотря на его неуклонное развитие, до революции 1848—1849 гг. не завершился, а формировавшиеся основные классы и слои чешского буржуазного общества не консолидировались. Это означает, в частности, что национальная промышленная и торгово-финансовая буржуазия только зарождалась. Следовательно, формировавшаяся чешская нация в эпоху перехода от феодализма к капитализму имела еще неполную социальную структуру буржуазного общества. В итоге процесс чешского национального развития был отмечен чертами незавершенности.

Поскольку, как подчеркивал в приведенном отрывке К. Маркс, становление целостности системы образует момент ее развития, намеченные выше и обладавшие внутренним единством стадии возникновения и развития новой этносоциальной общности в Чешских землях до середины XIX в. могут быть в контексте общего процесса определены как этап становления основ чешской нации капиталистического типа.

Глава вторая

ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕШСКИХ ЗЕМЕЛЬ



Административно-политическая система

Государственно-правовые институты играли заметную роль в процессах формирования чешской нации, в зависимости от ситуации приобретая негативное или позитивное значение. Они оказывали влияние на рост национального самосознания народа, на выработку программ освободительного движения. Такое положение отражало общие закономерности становления наций в обстановке национального угнетения. В. И. Ленин относил «сплочение национальных областей», т. е. этнотERRиториальную консолидацию, и курс на «создание национальных государств» к важнейшим целям национальных движений в восточной части Европы на их общедемократическом этапе¹. Государственно-правовое положение Чешских земель как части монархии Габсбургов претерпевало в XIX в. определенную эволюцию. Здесь выделяются три этапа, соответственно связанные с системой полицейского абсолютизма первой половины XIX в., с режимом неоабсолютизма 1850-х годов, установленным после поражения революции 1848—1849 гг., и, наконец, с периодом конституционных реформ 1860-х годов.

До 1848 г. основным желанием правящих кругов было стремление по возможности законсервировать существующий порядок при максимальном усилении полицейского контроля за общественной жизнью империи и старого механизма власти. В частности, земли чешской короны были подведомственны объединенной чешско-австрийской придворной канцелярии, возникшей в середине XVII в. Правда, каждая из этих земель управлялась обособленно: Чехия как королевство, Моравия с Силезией как маркграфство. Той же канцелярии подчинялись остальные «наследственные земли» Австрии.

Характеризуя в 1848 г. государственную структуру Австрийской империи, Ф. Энгельс отмечал, что она представляла собой организованную путаницу «из десятка языков и наций», бессистемное нагромождение «самых противоречивых обычаев и законов»². Вплоть до революции 1848—1849 гг. государственно-правовое положение Чешских земель олицетворяло собой причудливое переплетениеrudиментарных, в основном сохранившихся на бумаге, институтов добелогорского периода со складывавшейся

бюрократической системой управления, подчиненной Вене и опиравшейся на повеления императора и общеавстрийское законодательство. Однако эта путаница, по определению Ф. Энгельса, носила организованный характер.

С юридической точки зрения статус земель чешской короны отличался своеобразием. С одной стороны, утратив независимость, земли эти находились под управлением абсолютистского режима Габсбургов. С другой стороны, став полновластными хозяевами Чешских земель, Габсбурги не пошли на изменение их формального статуса. Получалось, что Чешское государство не существовало и в то же время юридически как бы сохранялось. Его верховным главой считались австрийские монархи, что подчеркивалось сохранением ими титулов чешского короля, моравского маркграфа и силезского герцога. Соответственно каждый австрийский государь, занимавший престол, возлагал на себя чешскую корону (исключение составил лишь Иосиф II)³.

Если подобная практика в отношении Чешских земель как курфюршества Священной Римской империи имела в глазах Габсбургов правовое значение, то и после ликвидации этого средневекового конгломерата и провозглашения в 1804 г. Австрийской империи старый обычай отменен не был: в последний раз торжественная коронация «чешского короля» состоялась в Праге в 1836 г., когда таковым был провозглашен Фердинанд V, годом ранее вступивший на императорский престол в Вене. Сохранение этой процедуры соответствовало определенным внешне- и внутриполитическим интересам Габсбургов. Согласно Венскому трактату 1815 г., подтвержденному конвенцией 1845 г., за австрийским императором как чешским королем закреплялось, например, право покровительства католической церкви в части Лужицы. Эта привилегия открывала дополнительные возможности для вмешательства Габсбургов в общегерманскую политику.

Габсбурги стремились использовать в своих интересах и то, что в глазах чешского населения королевский титул сохранял определенную привлекательность как символ былой независимости Чешских земель⁴. Австрийские правящие круги по мере возможности стремились играть на таких настроениях. Примером подобной демагогической политики может служить коронационный фарс 1836 г.⁵ и психологическая кампания по созданию образа Фердинанда как «доброго чешского короля»⁶.

Заигрывание с чешским населением имело свои пределы, далее которых Габсбурги заходить не могли, рискуя повредить собственным интересам. Ведь обращение к истории Чешского государства и права добелогорского периода, изучение и публикация юридических памятников, ссылки на них для обоснования сословных прав сеймов и места чешского языка в официальном делопроизводстве — все это занимало существенное место в лозунгах чешского национально-освободительного движения.

И одной из сквозных тем в их ряду был вопрос об объединении земель чешской короны, хотя бы и под скипетром Габсбургов,

поскольку консервация ими средневекового административного деления территории на собственно Чехию и Моравию с Силезией тормозила процесс консолидации чешской нации. Понимание этого обстоятельства постоянно росло. Уже в резолюции Свято-вацлавского митинга 11 марта 1848 г. содержалось требование ликвидировать разобщение земель чешской короны, объединить Чехию, Моравию и Силезию во главе с общим сеймом и общими правительственные органами. Борьба вокруг этого требования велась и в последующие месяцы революции⁷. Требование признать единство земель чешской короны как государственно-правового целого в рамках Австрийской империи, несмотря на то, что лозунг государственной независимости Чешских земель не выдвигался, отвечало интересам социального и политического развития чешской нации.

Чешский и моравско-силезский сеймы были наиболее существенным элементом добелогорской политической системы, сохранившимся в XIX в. И поэтому в противоположность органам государственного управления, которые действовали по прямым указаниям из Вены и использовались австрийским правительством для сохранения своего политического господства над землями чешской короны, сеймы рассматривались как символ местной автономии. Однако на практике роль сеймов оказывалась незначительной и до 1848 г. сводилась в основном к охране средневековых привилегий высших сословий.

При некоторых частных различиях структура и компетенция чешского в Праге и моравско-силезского в Брно сеймов были сходными. Они состояли из четырех «сословий» — прелатов (высшего католического духовенства), панов (крупных феодалов), рыцарей (средней и мелкой шляхты) и городов. Но само их присутствие на сеймах обусловливалось не принципом представительства, а носило корпоративный характер⁸. Так, правом прямого участия в работе сеймов обладали только паны и рыцари, поскольку они имели юридически оформленную земельную собственность на территории Чешских земель. Что касается городов, то их присутствие на сеймах носило номинальный характер. Депутаты представляли не горожан, а города как феодальную корпорацию.

В чешском сейме были представлены Прага (составлявшие ее четыре городские общины — Старое Место, Новое Место, Малая Страна и Градчаны — были в 1784 г. объединены) и королевские привилегированные города Кутна-Гора, Пльзень и Ческе-Будейовице. В моравском сейме было представлено семь городов — Брно, Оломоуц, Йиглава, Знаймо, Угерске-Градиште, Унчов и Кыйов. Однако и в чешском и в моравском сеймах города имели только по одному голосу⁹. В 1845 г. количество голосов городов было увеличено за счет указанных выше пражских городских общин. Во время сессий сеймов делегаты от городов должны были стоять. Лишь в 1846 г. с большим трудом удалось добиться допуска в чешский сейм ректора Пражского университета, которого приписали к сословию прелатов.

Чрезвычайно узкой была компетенция сеймов. В 1627 г. император как чешский король «даровал» сословиям право устанавливать земельный, т. е. провинциальный налог, предварительно одобренный правительством и доводившийся до сведения сословий в форме так называемых королевских постулатов, которые выслушивались на сессиях сеймов. Кроме того, проводились обычные заседания сеймов, на которых рассматривались дела о распределении налогов, сословном кредите, управлении земельными имуществами и фондами, о местных учреждениях и некоторые другие. Сеймы не могли проявлять законодательную инициативу, домогаться увеличения своих прав или принимать решения, направленные против центральной власти. Любое постановление сеймов подлежало утверждению императора.

Депутаты чешского, а в еще большей мере моравско-силезского сеймов в практике текущей работы пользовались почти исключительно немецким языком. Тем не менее делопроизводство в сеймах официально велось не только на немецком, но и на «земельном», т. е. чешском языке, причем последнему формально даже отдавалось предпочтение. В поступавших из придворной канцелярии документах чешский текст предшествовал немецкому. Правительство умышленно шло на подобную уступку, понимая полную безопасность ее для своих политических интересов. В целом оба сейма, находившиеся под всеохватывающим контролем властей, до 1848 г. сохраняли феодально-сословный характер.

И все же было бы неверно игнорировать роль сеймов в общественно-культурной жизни в десятилетия, предшествовавшие событиям 1848—1849 гг. В стремлении противостоять централизаторским устремлениям Вены феодальные круги Чешских земель ревниво относились к покушениям правительства на свои сословные привилегии. Они ссылались при этом на традиции чешской государственности, на «историческое государственное право». Хотя значительная часть ионационального по происхождению дворянства, обосновавшегося в Чехии и Моравии после 1620 г., прямого отношения к добелогорской политической системе не имела, ссылки на «историческое право» обладали известной притягательностью. И не только для либералов, искавших сотрудничества с автономистской шляхтой, но и для более широких слоев чешского общества, что отчетливо проявилось в 1848 г.

Все это побуждало дворянство, для которого национально-освободительное движение оставалось чуждым, культивировать идеи «земельного патриотизма» и поддерживать в той или иной степени деятелей чешской науки и искусства, демонстративно покровительствовать некоторым культурным начинаниям. Подобный курс, истоки которого прослеживаются уже в предшествующие десятилетия¹⁰, получил развитие в первой половине XIX в. в обстановке подъема чешского национально-освободительного движения. Так, в 1798 г. чешский сейм поддержал создание в Праге первого постоянного земельного театра, а в 1802 г. — первого в австрийской монархии технического института. В 1818 г. при

участии чешского дворянства в Праге был основан Национальный музей, а в 1831 г., несмотря на противодействие двора, чешский сейм назначил Ф. Палацкого историографом королевства. Ряд мер, направленных на поддержку культурной жизни, был принят и моравским сеймом¹¹. При всей оторванности дворянства от подлинных интересов чешского народа и его культуры подобные шаги не могли не получить отклика в чешском обществе.

Чем меньшим оказывалось реальное значение сеймов, тем упорнее цеплялись сословия за свои права и с тем большим раздражением воспринимали попытки правительства свести их на нет.

В обстановке подъема чешского национально-освободительного движения в 1840-х годах часть дворянства взяла на вооружение лозунг «исторического государственного права» и стала добиваться расширения правомочий сейма. В 1845 г. в Вену была направлена депутация для изложения перед придворной канцелярией требований сословий. Когда эти требования были отвергнуты, чешский сейм по инициативе графа Ф. Дейма образовал комиссию, которая представила сейму в феврале 1847 г. «Дедукцию о нерушимости конституционных прав и свобод чешских сословий». В ней даже предусматривалось, что в случае пресечения правящей династии (это был намек на бездетность Фердинанда) сословия сохраняют за собой право избрать нового короля. В мае того же года петиция сейма была препровождена в придворную канцелярию.

Несмотря на категоричность подобных требований, они в сущности отражали спор внутри одной социальной среды — дворянской. Не случайно посланцы чешских сословий в 1845 г. уверяли правительство, что даже не помышляют о превращении сейма в орган земельного представительства. В результате буря в стакане воды не произвела впечатления на правительство. Вена понимала, что, в отличие от венгерского Государственного собрания, чешский (как и моравско-силезский) сейм не имеет за собой мощной общественной поддержки. Однако сам по себе инцидент свидетельствовал о нарастании кризиса верхов.

Понимая это, канцлер Меттерних на рубеже 1847—1848 гг. высказался за некоторое расширение компетенции сеймов земель и предлагал созвать имперское собрание из делегатов провинциальных сеймов. Этот план был в феврале 1848 г. одобрен императором¹². Но Габсбурги опаздали, волны революции начали захлестывать Австрийскую империю.

Святовацлавский комитет направил императору две петиции — одну, содержащую в основном требования реолюции митинга 11 марта, и вторую, развивавшую ее петицию от 28 марта. Первая петиция была отклонена, причем вопрос о реорганизации управления Чешскими землями было предложено передать на усмотрение сеймов. Это представлялось для чешской стороны неприемлемым, поскольку сеймы носили сословный характер и не были заинтересованы в решении данного вопроса. В ответе на вторую петицию («Кабинетный лист» от 8 апреля) правительство, пойдя

на некоторые уступки, важнейший вопрос об автономии Чешских земель изымало из ведения сейма и относило к компетенции пока еще не существовавшего парламента, т. е. отодвигало на неопределенное время.

Бурные события первых месяцев революции фактически вели к стихийному складыванию основ новой системы управления Чешскими землями. Одним из проявлений этого явилось создание Святовацлавского комитета, в котором на первых порах играли заметную роль чешские радикалы. Правящие австрийские круги и праволиберальное крыло чешского общества очень быстро поняли грозившую опасность.

Глава чешского губерниума (наместник) граф Р. Стадион предпринимал попытки ликвидировать Святовацлавский комитет. С этой целью, в частности, он сформировал 1 апреля при губерниуме «чрезвычайную совещательную комиссию» для разработки проектов реформ. В комиссию были введены некоторые либеральные члены Святовацлавского комитета. Маневры Стадиона вызвали резкий отпор прогрессивной общественности. В результате 10 апреля на базе Святовацлавского комитета и членов комиссии Стадиона был сформирован Национальный комитет. Власти сделали все, чтобы ограничить правомочия этого комитета, в состав которого представители левых фактически допущены не были.

Тем не менее Национальный комитет обрел популярность, о чем свидетельствовали крестьянские петиции, поступавшие в его адрес из различных мест Чехии¹³. Народные массы рассматривали этот орган как высшую административную и политическую инстанцию взамен утративших авторитет институтов феодальной государственности. Именно поэтому новый наместник граф И. М. Тун, приступивший к исполнению своих обязанностей с конца апреля, взял Национальный комитет под неослабный контроль. Он стремился использовать его для умиротворения Чехии и для подготовки к созыву сейма.

Между тем в Вене 25 апреля была опубликована конституция, а 11 мая объявлен избирательный закон. Вся полнота исполнительной власти закреплялась за императором, которому принадлежало также право вето в отношении законов будущего двухпалатного парламента. Порядок выборов был связан с имущественным цензом и отстранял от голосования широкие слои трудящихся, в том числе и женщин. Оба закона вызвали возмущение в народной среде и привели к упомянутому восстанию 15—16 мая в Вене и бегству двора в Инсбрук. Готовя выборы в имперский парламент, правительство пошло на незначительные уступки, отразившиеся в избирательных уставах.

Получив известие о бегстве императора, Тун объявил о создании в Праге так называемого Временного правительственного совета, или сокращенно Временного правительства. Однако после подавления пражского восстания, происходившего с 12 по 17 июня, этот орган был распущен. Не был созван и чешский земельный сейм. Моравский сейм, впрочем, начал свои заседания еще 30 мар-

та. Вопреки инициативе группы моравской интеллигенции, поддержавшей 6 апреля в «Отклике моравского народа» требования пражской петиции 11 марта о единстве земель чешской короны, моравский сейм высказался против государственно-правового объединения с Чехией. В конце мая, отражая настроения моравских сепаратистов из среды немецкого дворянства и буржуазии, сейм подтвердил требование административной обособленности от Чехии. Фактически на этом история старых сословных учреждений в Чехии и Моравии закончилась.

В обстановке репрессий и осадного положения в Чешских землях и в ряде других мест империи в июне—июле 1848 г. состоялись выборы в законодательное собрание. Депутаты от Венгерского королевства в нем представлены не были. Тем не менее избранный орган был назван «имперским собранием» (рейхсферзамлунг). Он состоял из трех фракций — правой, левой и центра, влиятельными представителями которого были чешские буржуазные либералы Ф. Палацкий, Ф. Ригер и К. Гавличек-Боровский. Главным актом, который был принят, явился закон об отмене на основе выкупа феодальных повинностей крестьян. При обсуждении принципов будущей конституции Ф. Палацкий в конце января 1849 г. внес проект федерализации империи и создания восьми автономных национальных областей, в том числе и словацкой. Либералы не ставили всерьез вопрос об отражении в конституционных документах государственно-правового статуса Чешских земель как целого.

Почувствовав силу, реакция перешла в наступление: 7 марта 1849 г. в день разгона имперского собрания была октroiирована конституция, датированная 4 марта. Она закрепляла централизацию монархии и предоставляла императору возможность издавать законы и накладывать вето на решения парламента, право выборов в который было обусловлено высоким имущественным и возрастным цензом¹⁴. Однако и эта антидемократическая конституция не была введена в действие.

Правящие круги стремились шаг за шагом устраниć даже намеки на конституционные принципы. Формальная ликвидация мартовской конституции была завершена в ближайшие два года. В августе 1851 г. был отменен принцип ответственности совета министров перед парламентом. Император Франц Иосиф, сменивший в декабре 1848 г. Фердинанда, цинично охарактеризовал этот акт как «великий шаг вперед, выбросивший за борт принципы конституционализма»¹⁵. Далее, согласно Органическому закону от 31 декабря 1851 г., полнота власти отводилась императору, при котором учреждался совещательный имперский совет — рейхсрят¹⁶. После смерти в 1852 г. князя Ф. Шварценберга новый председатель совета министров назначен не был. Проводником принципов неоабсолютизма на целое десятилетие сделался министр внутренних дел А. Бах. По его имени режим 1850-х годов получил название «баховского».

Восстановление абсолютной власти императора сопровождалось перестройкой не только центрального государственного

аппарата, но и системы управления землями. В основу системы неоабсолютизма был положен принцип бюрократической централизации. Коронные земли стали рассматриваться в качестве административных единиц — провинций. Правительство не только не было заинтересовано в государственно-правовом слиянии Чешских земель, но, наоборот, санкционировало в 1849 г. выделение Силезии из состава Моравии в качестве особой земли. Управление этими, как и остальными, территориями монархии осуществлялось через министерство внутренних дел, которое заменило чешско-австрийскую придворную канцелярию, упраздненную в мае 1848 г. Высшими органами провинциального управления стали наместничества в Чехии и Моравии и земельное правительство в Силезии (с 1853 г.). Им подчинялись управлении краев, делившихся на округа во главе с гетманами. В ведении последних находились органы местного управления — общины¹⁷.

Однако режим неоабсолютизма не мог быть простой реставрацией порядков, существовавших до 1848 г. Несмотря на подавление революции, ликвидацию феодально-барщинных отношений отменить было невозможно. Кроме того, правительство не могло не считаться с усилением позиций крупной австронемецкой промышленной, торговой и финансовой буржуазии, не принимать во внимание роста численности пролетариата и глухого недовольства крестьянства половинчатым решением аграрного вопроса. Наконец, невозможно было игнорировать национальные противоречия, хотя на время и загнанные вглубь.

Несмотря на преобладающее влияние во всех звеньях управления земельной аристократии, Бах вынужден был делать уступки быстро усилившейся буржуазии. С этой целью были изданы новый уголовный кодекс, вексельный устав, законы об акционерных обществах, о трудовом праве, о предпринимательской деятельности. Законом 1859 г. ликвидировались цехи. Принимавшиеся в эти годы акты имели, как правило, обязательную силу по всей империи и тем самым содействовали развитию буржуазных отношений¹⁸.

В итоге режим неоабсолютизма зиждался на шаткой социальной основе и потому не мог быть прочным. Его неустойчивость дополнялась губительным воздействием экономического кризиса 1857—1858 гг., увеличением государственного долга, просчетами во внешней политике и неудачами в войне 1859 г. с Францией и Пьемонтом. В Чешских землях, имевших в глазах Вены важное военно-стратегическое значение (в частности, из-за близости к границам враждебной Пруссии), в конце 1850-х годов наметилось новое оживление национального движения. Все это вело бауховскую политику к краху и отражало нарастание новой революционной ситуации.

В такой обстановке правящие круги вновь вынуждены были пойти на уступки. В июле 1859 г. Франц Иосиф опубликовал манифест с обещанием реформ, Бах и некоторые другие министры были уволены. На пост министра внутренних дел был назначен

польский помещик А. Голуховский, для контроля за финансами создавалась комиссия, членом которой, в частности, стал венский банкир Ротшильд.

Вслед за этим в марте 1860 г. было объявлено о созыве расширенного имперского совета (рейхсрата), члены которого назначались императором из среды католической иерархии (5 мест), земельной аристократии (27 мест) и крупной буржуазии (8 мест)¹⁹. Правительство снова «вспомнило» о государственно-правовых институциях коронных земель. Среди 38 членов рейхсрата было три представителя от Чехии, два от Моравии и один от Силезии²⁰. В действиях двора прослеживалось стремление, отчасти учитывая опыт 1848 г., привлечь на свою сторону автономистски настроенное дворянство отдельных земель и представителей крупной немецкой буржуазии.

Этот курс определял и содержание одного из важнейших законодательных актов того времени — Октябрьского диплома 1860 г.²¹, которым император юридически отмежевывался от курса неоабсолютизма²². С государственно-правовой точки зрения диплом отразил тенденцию к сочетанию единства управления империей с принципом децентрализации и опоры на местные консервативные круги. К общеимперской компетенции были отнесены иностранные и военные дела, финансы, торговля и транспорт. Остальные функции подлежали ведению местных сеймов, которые должны были избирать депутатов в имперский законодательный орган — рейхсрат. В отличие от остальных земельных сеймов, Государственное собрание Венгерского королевства получало право законодательной инициативы, а официальным языком здесь был признан венгерский. Тем самым был сделан шаг в направлении будущего австро-венгерского соглашения²³.

Октябрьский диплом, носивший в целом половинчатый характер, не удовлетворил ни австронемецких консерваторов и либералов — централистов, ни венгерскую оппозицию, требовавшую большего, ни славянское население империи. В результате сильного нажима со стороны венских финансовых кругов и венгерских либералов Голуховский ушел в отставку. Вакантный в течение восьми лет пост главы правительства был, наконец, в декабре 1860 г. занят А. Шмерлингом, пользовавшимся в австронемецких помещичье-буржуазных кругах репутацией либерала и централиста.

Наиболее значительным актом правительства Шмерлинга стал патент 26 февраля 1861 г., фактически явившийся октроированной конституцией²⁴. Для внешнего соблюдения преемственности этот акт был объявлен «развитием» Октябрьского диплома, хотя на деле означал поворот к централизации управления с известными уступками венгерской оппозиции. Компетенция сеймов была существенно ограничена за счет передачи части их правомочий органу парламентского типа — имперскому совету, за которым закрепилось название рейхсрата. Он должен был состоять из двух палат. Верхняя палата включала земельную аристократию,

представителей высшей церковной иерархии и лиц, назначаемых императором. Депутаты нижней палаты избирались на сеймах земель. Как видно, рейхсрят сохранял сословно-корпоративный, полуфеодальный характер. Новацией Февральской конституции было введение понятий широкого и узкого рейхсрата. Первый должен был включать депутатов от всех административно-политических единиц государства, в том числе от Венгерского королевства и Хорватии. В узкий же рейхсрят входили депутаты из коронных земель, исключая Венгрию и Хорватию. В Венгрии восстанавливалось Государственное собрание, имевшее функции, аналогичные узкому рейхсрату.

Наряду с антидемократическими принципами формирования законодательных органов в Февральной конституции 1861 г. отсутствовало упоминание об основных буржуазно-демократических правах и свободах.

Одновременно с Февральной конституцией были опубликованы положение о выборах в сеймы и новые статуты земель. Они предусматривали однотипную структуру для всех коронных земель западной части империи, в том числе, естественно, для Чехии, Моравии и Силезии. Закрепленная в статутах трехступенчатая структура органов управления землями в общих чертах сохранилась вплоть до распада империи Габсбургов в 1918 г.

Законодательным органом отдельных земель являлся сейм, состоящий из четырех курий — крупных землевладельцев, городов, торгово-промышленных палат, сельских общин. Депутаты избирались по сложной системе, предусматривавшей имущественный ценз и иные ограничения, включая двухстепенные выборы в сельских общинах (рабочий класс и мелкое крестьянство от выборов отстранялись). Исполнительными органами сеймов являлись земельные комитеты. Правительственный контроль осуществлялся наместником, назначавшимся императором.

Высшими исполнительно-распорядительными инстанциями в отдельных землях становились наместничества, ведавшие не только управлением и полицией, но также торговлей, земледелием, просвещением, культурами и др. В Чешских землях упразднялись края, вместо них вводились округа, возглавлявшиеся назначаемыми правительством чиновниками — гетманами. Чешской буржуазии удалось использовать в своих интересах закон об общинном самоуправлении, который был проведен в жизнь в Силезии в 1863 г., а в Чехии и Моравии год спустя²⁵. Избранные на основе этого закона органы общинного и окружного (в Чехии) самоуправления стали в ближайшие годы по большей части базой чешского национального движения.

В целом реформы правительства Шмерлинга сочетали в себе элементы феодальных и буржуазных институтов. Они отразили вынужденное лавирование правящих кругов между стремлением к централизации и уступками требованиям венгерской оппозиции. При этом правительство постаралось сделать так, чтобы решающие позиции могли занять представители австронемецкой бур-

жуазии и крупного земельного дворянства. И все же государственно-правовая система, введенная в 1861 г., пыталась совместить несовместимое.

В 1865 г. Шмерлинга на посту председателя совета министров сменил моравский земельный магнат граф Р. Белькреди, принадлежавший к консервативно-федералистским кругам. Еще в 1858 г. он выдвинул требование передать все местные дела ведению земельных сеймов²⁶. Вскоре после прихода его к власти действие Февральского патента 1861 г. было приостановлено. В указе 1865 г. проводилась мысль о необходимости сотрудничества дворянства и крупной буржуазии всех земель империи, в связи с чем правительство вновь допустило оживление деятельности сеймов. Однако этот курс натолкнулся на резкое сопротивление — на этот раз со стороны австронемецких имущих классов. Поскольку правительство не смогло договориться с Венгрией, Белькреди был в 1867 г. заменен Ф. Бейстом.

Чешская либеральная буржуазия и «историческое» дворянство не помышляли о независимости Чешских земель, но лозунг этот обсуждался в демократических кругах чешского освободительного движения 1860-х годов, о чем свидетельствовала, например, программа радикала Й. В. Фрича, а также некоторые политические брошюры 1866 г. и 1870—1871 гг.

Вскоре состоялся заключительный тур переговоров Вены с венгерской оппозицией, результатом чего весной 1867 г. стал политический говор между господствующими классами Австрии и Венгрии²⁷. Империя преобразовывалась в двуединую монархию, состоявшую из австрийской (Цислейтания) и венгерской (Транслейтания) частей. Каждая из них должна была иметь собственный парламент и ответственное министерство²⁸. Общеимперские иностранные, военные и финансовые дела были отнесены к ведению трех центральных министерств, а общегосударственное законодательство передавалось особому органу — делегациям, которые в равном числе (по 60 человек) выделялись австрийским рейхсратом и венгерским парламентом. Решающие прерогативы в сфере внешней политики и военных дел сохранил император (он же — венгерский король).

В австрийской части империи новая политическая система была закреплена конституционными законами 21 декабря 1867 г. В них предусматривались, хотя и урезанные, буржуазно-демократические свободы (слова, печати, собраний). Для населения земель, представленных в рейхсрате, устанавливалось «общее австрийское гражданство»²⁹.

Несмотря на попытки чешской буржуазии, действовавшей в блоке с «историческим» дворянством, и народных масс в 1868—1871 гг. изменить ситуацию, статус земель чешской короны как части «наследственных земель» Габсбургов сохранился. Он существовал до развода Австро-Венгрии в 1918 г. Однако эволюция государственно-правовых институтов Чешских земель 40—60-х годов XIX в. отразила содержание эпохи, которую К. Маркс,

Ф. Энгельс и В. И. Ленин определяли как период завершения в Австрийской империи буржуазной революции. «В Австрии, — писал В. И. Ленин, — она началась 1848 годом и закончилась 1867-м»³⁰. Подчеркивая, что этот процесс совершился в условиях острой классовой борьбы, а размер уступок правящих «верхов» соответствовал активности нажима «снизу», В. И. Ленин в качестве важнейших вех называл «движение 1848 года» и «глубокий государственный кризис 1859—1866 годов»³¹.

Действительно, реформы 1860-х годов завершили в общих чертах перестройку государственно-правовой системы Австрийской империи в духе буржуазного конституционализма. Но перестройка эта была осуществлена не в результате революции, а путем сговора между помещичьими и буржуазными кругами господствующих наций монархии. Отсюда вытекал куцый, компромиссный характер проведенных преобразований. В 1873 г. Ф. Энгельс замечал, что феодализм в Австрии был «побежден лишь отчасти» и Австро-Венгрия представляет собой «мимо конституционную монархию»³².

В Чешских землях эта половинчатость и незавершенность усугублялась ростом национальных противоречий. Наряду с интеграционными тенденциями, обусловленными процессом консолидации чешской нации, это приводило к тому, что в государственно-правовой сфере античешская политика, осуществлявшаяся правящими кругами «сверху», встречала значительную поддержку «снизу», со стороны немецкой буржуазии. Провал попыток административного объединения земель чешской короны способствовал консервации региональных различий между Чехией, Моравией и Силезией, что шло вразрез с процессом формирования чешской нации. Конституционные реформы 1860-х годов не затронули основ режима национального неравноправия³³. Это оказало тормозящее воздействие на процесс дальнейшей консолидации чешской нации. Однако существовали также и мощные факторы, ускорявшие этот процесс: экономический подъем Чешских земель и интенсивное формирование новой социальной структуры чешского народа.

Промышленный переворот и утверждение капитализма

Экономическое развитие Чешских земель в составе монархии Габсбургов являлось одним из важнейших условий завершения складывания чешской нации. В 50—60-х годах XIX в. западная часть Австрийской империи — прежде всего Нижняя Австрия и Чешские земли, — несмотря на заметное отставание от стран Западной Европы, переживала невиданный ранее экономический подъем. В 50-х годах здесь в завершающую стадию вступил промышленный переворот³⁴, капиталистический характер быстро приобретало и сельскохозяйственное производство. В то же время восток монархии — Галиция, Буковина, большая часть Венгерского королевства, включая южнославянские земли, сохранял

в основном аграрный характер и продолжал играть роль рынка сбыта и источника сырья для западных областей.

Чешские земли уже со второй половины XVIII в. стали одним из главных промышленных районов монархии Габсбургов. В начале 40-х годов XIX в. на них приходилась приблизительно треть (34 %) стоимости производства крупнейших промышленных предприятий австрийской части монархии, т. е. без Венгерского королевства с Хорватией³⁵. В них было сосредоточено текстильное (свыше 50 %), стекольное (78 %) производства, в меньшей мере металлургия и производство металлоизделий (20 %)³⁶.

Если в первой половине XIX в. экономика Чешских земель носила типичные черты разложения феодализма с преобладанием докапиталистических методов использования капитала, с постепенным переходом к капитализму, а начавшийся промышленный переворот охватывал только отдельные отрасли производства (прядение хлопка и шерсти), то 50—60-е годы — время, когда промышленный переворот приобрел всеобъемлющий характер и накануне мирового кризиса 1873 г. завершился в основных отраслях промышленности. Чешские земли превратились из аграрно-промышленных в индустриально-аграрные.

В результате перехода к фабричному производству в ряде промышленных отраслей Чехии, Моравии и Силезии, а также в связи с утерей Габсбургами североитальянских областей (1859 г., 1866 г.) удельный вес экономики Чешских земель в империи возрос еще более. На рубеже 60—70-х годов Чешские земли, на долю которых приходилось 25 % площади австрийской части монархии и 37 % населения, занимали главное место в текстильном производстве (78,2 % продукции), стекольном (94,3 %), сахароварении (95,5 %), машиностроении (57,2 %). Увеличилась их доля в металлургии (до 46,1 %), в пищевой промышленности (65,6 %)³⁷. В начале 70-х годов XIX в. доля Чешских земель в промышленном производстве австрийской части монархии составила 63,8 %³⁸. Развитие пищевой промышленности свидетельствовало и о важном значении Чешских земель как производителей сельскохозяйственной продукции, прежде всего технических культур: сахарной свеклы, картофеля, ячменя, хмеля и др. В целом экономический потенциал Чешских земель значительно превосходил средний уровень Австрийской империи.

Непосредственное влияние на экономику Чешских земель оказали общие процессы развития Австрийской империи, а также экономическая политика государства. Как уже говорилось, 1848 год стал рубежом между феодальной и капиталистической формациями в габсбургской монархии. Неоабсолютизм 50-х годов представлял собой классовый компромисс земельной аристократии и крупной буржуазии, в результате которого буржуазия за отказ от притязаний на политическую власть получила важные выгоды, способствовавшие усилению ее экономической мощи.

В 50-е годы был проведен ряд реформ, ликвидировавших препятствия, стоявшие на пути развития капитализма. В 1850 г.

в крупных городах были созданы торгово-промышленные палаты, задачей которых было предложение мер, стимулировавших развитие промышленности и торговли. В Чешских землях такие палаты были учреждены в Праге, Либереце, Пльзене, Хебе, Ческе-Будейовицах, Брно, Оломоуце и Опаве. Реформы 1849—1851 гг.: уничтожение таможенной границы между Австрией и Венгрией, частичное осуществление принципа свободы торговли путем снижения пошлин и устранения запретов на ввоз и вывоз ряда товаров — также были проведены в интересах промышленной буржуазии, нуждавшейся в машинах, железе и т. п.

Торгово-промышленные палаты стали инициаторами издания Промышленного (1859 г.) и Торгового (1862 г.) кодексов. В основу их был положен принцип свободной конкуренции. Промышленный кодекс отменил все ограничения и привилегии, гарантировал свободу производства и сбыта всем лицам, уплатившим соответствующий налог, и предоставлял возможность неограниченного использования рабочей силы и накопления капиталов. Так был нанесен последний удар по остаткам цеховой системы. Отмена феодальных отношений (1848 г.), а также введение свободной купли-продажи земли (1868 г.) сняли препятствия для капиталистического предпринимательства в земледелии и создали условия для охвата системой капиталистических отношений всех сфер экономической жизни.

Государство поддерживало создание частных акционерных компаний с прямым или косвенным участием в них, продавало частным лицам государственные железные дороги и др. Экономическая политика 50-х годов вела к постепенному превращению монархии в буржуазное государство. Однако тот факт, что все реформы проводились неоабсолютистским режимом «сверху», обусловил их непоследовательность. Буржуазия и обуржуазившееся дворянство требовали предоставления им контроля над всей финансовой политикой государства. Это требование было удовлетворено в 1867 г., но в остальном система конституционной монархии уже не принесла кардинальных перемен в экономической политике. Отныне австрийский парламент контролировал бюджет лишь западной части монархии (включая Галицию и Буковину), а экономическая политика Венгерского королевства оказалась в руках венгерских властей.

Австрийская экономическая политика сказалась на развитии Чешских земель. На рубеже 60—70-х годов там в основном завершился процесс индустриализации и создания капиталистической экономики. В ведущей отрасли промышленности — текстильной — за 10 лет (1852—1863 гг.) мощность паровых машин возросла более чем в 3 раза, а количество паровых машин с 1852 по 1876 г. увеличилось с 143 до 880³⁹. Особенно быстро шло завершение промышленного переворота в хлопчатобумажном производстве. До 1848 г. было механизировано прядение хлопка, а в 50—60-е годы — ткачество. С 1852 по 1866 г. число механических ткацких станков в округе Либерецкой торгово-промышлен-

ной палаты — одной из главных текстильных областей — возросло с 15 до 5502⁴⁰. В 1866 г. они производили основную массу тканей.

В шерстяной промышленности (центр — Брно) механизация ткачества приходится на 60-е годы. Это проявилось в упадке старинных центров ремесленного сукноделия — Йиглавы, Гумпольца, Индржихува Градец и др. — и в уменьшении числа мастеров-сукноделов. В 1856 г. в г. Йиглава из 754 мастеров-сукноделов самостоятельное производство имели только 80⁴¹. В конце 60-х — начале 70-х годов в Чешских землях было сосредоточено три четверти шерстяного производства Австрии и находились самые крупные фабрики. В г. Либерец и его округе обосновался один из крупнейших текстильных фабрикантов, Либиг, на предприятиях которого в 1869 г. работало 5300 человек.

Более медленно проходил процесс механизации в льняной отрасли, имевшей в Чешских землях давние традиции. Но и в ней в начале 60-х годов был ликвидирован ручной труд в прядении, в результате чего десятки тысяч прядильщиков лишились средств к существованию. В то же время ткачество льна продолжало оставаться ручным: дешевый труд домашних ткачей тормозил здесь механизацию производства. Во всей Австрии в 1866 г. было 60 механических ткацких станков для льна, тогда как только в Либерецкой области насчитывалось 30 533 ручных ткацких станков для льна⁴². Промышленный переворот в ткачестве льна не был завершен до конца XIX в., что имело заметные социально-политические последствия.

Текстильная промышленность в Чешских землях и во второй половине XIX в. сохранила свое значение ведущей отрасли. В ней было занято наибольшее число рабочих (в 1869 г. 474 503 человека из 1 018 878 работников, занятых в промышленности в целом)⁴³, больше всего паровых машин (в 1876 г. 880 из 4231 машины в промышленности Чешских земель в целом)⁴⁴. Но по темпам развития текстильное производство уже уступает тяжелой промышленности (горнодобывающей, металлургии и машиностроению).

Ключевое значение для Чешских земель в период завершения промышленного переворота имело создание собственной топливной базы. В начале 60-х годов на Чешские земли приходилось около 90 % каменного и 50 % бурого угля, добываемого в Австрийской империи⁴⁵. С 1848 по 1870 г. добыча каменного угля в Чешских землях увеличилась в 10,7 раза, а бурого — в 11,1 раза⁴⁶. Значительная часть бурого угля (в 1867 г. 35 %) шла на экспорт.

Стабильный рынок для угля создавало применение паровых машин, новых методов в металлургии, а также развитие железнодорожного транспорта. К началу 70-х годов добыча каменного угля была сосредоточена в трех областях: Кладенско-Раковницкой (36 %), Остравской (29,6 %) и Пльзеньской (21 %). Эти области становятся центрами металлургии и машиностроения. Для добычи каменного угля с самого начала был характерен

высокий уровень концентрации производства. Так, в Кладненской области оно было сосредоточено на трех предприятиях, в Остравской — на 11 (здесь использовалась почти половина мощностей паровых машин в данной отрасли).

В добыче бурого угля преобладали мелкие, технически слабо оснащенные предприятия. Привлекались в основном неквалифицированные рабочие, женщины и дети. В Северочешском буроугольном бассейне женщины и дети составляли более половины рабочих⁴⁷. Часть угольных шахт Остравской области принадлежала бывшим феодалам-землевладельцам, которые в 60-е годы стали капиталистическими предпринимателями и получили прозвище «угольных баронов».

Ключевое значение для индустриализации Чешских земель имела металлургия. Ее развитие было связано с наличием железной руды и коксующегося угля, применением новых методов в литейном деле и прокате, наличием широкого рынка сбыта. Строительство железных дорог и развитие машиностроения во много раз увеличили спрос на железо. С 1840 по 1868 г. производство железа в Чешских землях увеличилось в 2 раза⁴⁸, однако это далеко не удовлетворяло потребности. Так, за период 1867—1872 гг. ввоз в Австрию железа увеличился в 15 раз. В конце 50-х годов машиностроительные заводы в Чешских землях ввозили две трети необходимого им железа⁴⁹.

Как до революции 1848 г., так и в 50—60-е годы развитие металлургии тормозили те заводы крупных землевладельцев, которые сохраняли устаревшие методы производства. Например, в 1870 г. в Чехии четыре домны работали на коксе и 36 — на древесном угле⁵⁰. Однако не они определяли характер металлургии, ведущая роль перешла к крупным предприятиям, таким, как Витковицкие заводы, применявшие кокс, пудлингование, печи Бессемера (с 1866 г.). С 1848 по 1868 г. производство железа здесь увеличилось более чем в 20 раз⁵¹. Другим центром металлургии стали Кладненские заводы — ядро созданной при участии венских банков компании «Пражское железноделательное общество»⁵². В 1865 г. Кладно и Витковице давали около трети производимого в Чешских землях железа⁵³. В период благоприятной конъюнктуры конца 60-х—начала 70-х годов появился новый центр металлургического производства — Тржинецкие заводы в Силезии.

В ходе промышленного переворота в металлургии возросло применение паровых машин: с 11 машин мощностью в 142 л. с. в 1841 г. до 452 мощностью 14 314 л. с. в 1876 г.⁵⁴ Металлургия Чешских земель в 60-х—начале 70-х годов испытывала конкуренцию Англии и Германии, а на имперском рынке сталкивалась с соперничеством заводов альпийских областей монархии. Производство металла в Чешских землях в 60-е годы развивается поблизости от каменноугольных шахт. Центры добычи угля и металлургии стали центрами новых областей тяжелой промышленности (Кладненская, Пльзеньская и Остравская).

С вступлением промышленного переворота в завершающую стадию во много раз возросла потребность в машинах и оборудовании. Если до 1848 г. машиностроение Чешских земель было вспомогательным производством (мастерские при текстильных и других фабриках), то к концу 50-х годов оно становится самостоятельной отраслью. В 50—60-е годы машиностроение Чехии и Моравии упрочило свое положение в экономике Австрии, где вместе с Веной и Нижней Австрией на его долю приходилось более трех четвертей производства⁵⁵. В 1857 г. в Чешских землях было 35 машиностроительных заводов (из 91 — в Австрии) и 287 мастерских, производивших механизмы и инструменты⁵⁶. К 1862 г. число заводов возросло до 56⁵⁷. В это время в Чешских землях возникло большинство крупных машиностроительных заводов: Рингхоффера в Смихове, Данека в Карлине, вагонный завод в Копрживнице, завод Вальдштейна в Пльзене (в 1869 г. ставший собственностью капиталиста Э. Шкоды), Первый чешско-моравский машиностроительный завод и др.

Централами машиностроения были крупные города, где имелись квалифицированные рабочие из бывших ремесленников. Привлекались и иностранные мастера. В конце 50-х годов в одной только Праге было сосредоточено 15 машиностроительных заводов. В 60-е годы они почти полностью обеспечивали потребности Чешских земель в паровых машинах и котлах, водяных турбинах, оборудовании для сахарных, пивоваренных и спиртовых заводов, шахт и рудников, сельскохозяйственных машинах и орудиях и поставляли их в Венгрию, Галицию, Трансильванию. Начался вывоз машин и за границу: в Россию (в том числе Царство Польское) и прусскую Силезию. В 60-е годы из Чешских земель вывозится оборудование для сахарных, пивоваренных и спиртовых заводов. В 1865 г. оборудование для газового освещения и мельниц шло из Праги во Францию и Ирландию⁵⁸.

Одновременно значительная часть машин ввозилась из-за границы. Это были ткацкие станки, оборудование для металлообработки, бумажных фабрик, полиграфии, сельскохозяйственные машины. В 1857 г. из Англии, Бельгии и Пруссии ввозилось приблизительно 12 % машин, необходимых для промышленности монархии⁵⁹. Ввоз машин существенно превышал вывоз, и с 1852 по 1861 г. он возрос в 8 раз⁶⁰. Отечественное машиностроение, несмотря на стремительное развитие, было не в состоянии удовлетворить возраставшие потребности в машинах.

Промышленный переворот в машиностроении, завершившийся на рубеже 60—70-х годов, выражался в увеличении числа и мощности паровых двигателей и особенно в применении металлообрабатывающих станков (производство машин машинами). Если в 1841 г. в машиностроении Чешских земель использовалось только три паровые машины, то в 1863 г. — уже 57, а к 1876 г. — 200⁶¹. С конца 50-х годов до 1870 г. количество металлообрабатывающих станков возросло с 750 до 2249⁶².

С самого начала в развитии машиностроения принимает участие посредством венских банков иностранный капитал — английский, бельгийский, французский. В конце 50—60-х годов возрастает значение отечественных капиталовложений. Новые заводы в Чешских землях основываются разбогатевшими ремесленниками, банкирами, владельцами железных дорог, угольных шахт и металлургических заводов (Ротшильд, Клейн, Линдгейм, Ланна, Рингхоффер, Гётцель и др.). Появляются первые предприниматели из рядов чешской средней буржуазии. Наиболее известным из них стал В. Данек, инженер, происходивший из семьи седлака. Он основал в Праге завод по производству оборудования для сахароварения. В 50-е годы в Праге были и другие заводовладельцы-чехи: Ф. Кащ и Я. Когоут, производившие оборудование для мельниц, М. Кубасек — владелец завода сельскохозяйственных машин, паровых двигателей и др. Большинство машиностроительных заводов, принадлежавших чехам, производили оборудование для тех отраслей, где сильнее всего была представлена чешская буржуазия.

Взаимосвязь топливной базы, metallurgии и машиностроения стала одним из главных условий завершения промышленного переворота в Чешских землях, превратившего их в самые промышленно развитые области империи. Впрочем, надо иметь в виду, что в сравнении со странами Запада объем производства здесь был невелик.

В 50—60-е годы особенно быстро в Чешских землях развивалась пищевая промышленность: производство сахара, пива, муки, спирта, солода и т. д. В 60-е годы стоимость ее продукции составила около 90 % стоимости главной отрасли — текстильной⁶³, а по темпам развития она превзошла ее.

Это развитие было связано с интенсификацией сельского хозяйства и стимулировалось ростом населения в промышленных центрах, т. е. расширением внутреннего рынка. Если ранее большинство предприятий сахарной, пивоваренной, спиртовой отраслей принадлежало помещикам, то в конце 60-х—начале 70-х годов появляются крупные капиталистические предприятия. И хотя, например, в Чехии еще в 1871 г. в руках помещиков сохранялось около 60 % предприятий пищевой промышленности (пивоваренных, сахарных, спиртовых)⁶⁴, это были предприятия в основном мелкие и, как показал кризис 1873 г., не способные конкурировать с крупными заводами. В 60-е годы приблизительно четвертая часть паровых машин в Чешских землях использовалась в пищевой промышленности⁶⁵.

Ее главной отраслью стало производство сахара из свеклы. В 60-е годы оно удовлетворяло потребности не только чешского рынка, но и других областей монархии. С 1860 г. правительство поддерживало экспорт сахара, который с 1863/64 г. по 1870/71 г. возрос в 20 раз⁶⁶. Акционерные компании по производству сахара создавали городские предприниматели и сельская буржуазия. Последняя являлась, кроме того, ведущим поставщиком сахарной

свеклы. В 60-х—начале 70-х годов в Чешских землях возникли десятки небольших сахарных заводов, принадлежавших так называемым «крестьянским» акционерным компаниям⁶⁷. Нехватка капиталов и опыта явилась причиной их краха во время кризиса 1873 г. В 70-х годах большинство банков Чешских земель финансировало сахароваренную промышленность. Промышленный переворот в сахароварении, завершение которого также приходится на период 60-х—начала 70-х годов, привел за 20 лет к росту производства сахара в 10 раз⁶⁸. В 1863—1867 гг. на сахарных заводах в Чешских землях было занято 31 463 рабочих⁶⁹.

Подобно тому как текстильная промышленность в первой половине XIX в. была основой для утверждения австронемецкой буржуазии, так развитие сахароварения стало источником аккумуляции чешского капитала. Как отмечали современники, «сахароварение стало национальной промышленностью»⁷⁰.

К 1873 г. в целом была завершена и реконструкция пивоваренного дела в Чешских землях. С 1865 по 1874 г. производство пива в Чехии возросло почти в 2 раза⁷¹. Как и в сахароварении, здесь ряд предприятий принадлежал чешской сельской буржуазии. В мукомольном производстве крупные паровые мельницы, применявшие новую технику к началу 70-х годов получили полный перевес над мелкими водяными мельницами. Тогда в Чешских землях было 247 мельниц с паровыми двигателями и около 10 тыс. с водяными колесами⁷². В начале 70-х годов появляются мельницы, созданные на акционерных началах. Из других отраслей пищевой промышленности Чешских земель следует отметить производство спирта и крахмала, связанных с выращиванием картофеля. Крахмал поставлялся, в частности, текстильной и бумажной промышленности. Спирт долгое время производили небольшие предприятия, преобладающая часть которых принадлежала помещикам. Крупные капиталистические предприятия появились только в начале 70-х годов. Тогда же возникали и новые отрасли, связанные с обеспечением городского населения (в 1870 г. был построен первый крупный молочный завод в Гостицах).

Применение новых технических и технологических методов в производстве стимулировало развитие химической промышленности. Центрами ее стали Северо-Чешская промышленная область (г. Усти-над-Лабой) и Силезия (города Грушов, Петржковице). Акционерная компания «Общество химического и добывающего производства» в г. Усти-над-Лабой стала одной из крупнейших в Чешских землях. Членами ее правления были князья Фюрстенберг и Ауэрсперг, граф Хотек, Шеллер и др. Интенсификация сельского хозяйства послужила импульсом для производства искусственных удобрений. Суперфосфатные фабрики были основаны в 1871/72 г. в городах Кралупы, Колин, Усти-над-Лабой. В Чешских землях сосредоточилось крупное фабричное производство мыла, спичек и других изделий.

Подъем промышленного производства прерывался кризисными ситуациями, свидетельствовавшими о включении Чешских земель

вместе со всей монархией в мировой капиталистический рынок. В результате мирового кризиса 1857—1858 гг. в Чешских землях начался упадок metallurgii, замедлилось развитие машиностроения. Частично кризис охватил также сахароварение и текстильное производство. В 60-х годах хлопчатобумажное производство захватил новый кризис. Он был связан с гражданской войной в Северной Америке, откуда поставлялся хлопок. В 1864 г. в округе либерецкой Торгово-промышленной палаты число рабочих в хлопчатобумажном производстве сократилось до одной десятой, а их заработка плата составляла треть прежнего уровня. Чешский сейм был вынужден обсуждать положение в этой отрасли и создать комитеты помощи голодающим рабочим. В 1866 г. кризис частично поразил металлургию и добчу угля. Кризисные явления усиливали остроту социальных и политических противоречий.

После поражения революции в результате компромисса между буржуазией и земельной аристократией остались многочисленные феодальные пережитки, проявлением чего были как прочные позиции аристократии в политической жизни, так и оставление латифундий в руках прежних землевладельцев. Таким образом, был сохранен высокий уровень концентрации помещичьего землевладения. В 60-е годы XIX в. в Чехии 992 поместья (0,16 % от общего числа собственников) владели 34 % обрабатываемой земли. Более 62 % крестьянских хозяйств имели менее 5 моргенов (2,9 га) земли на хозяйство (4,11 % обрабатываемой земли)⁷³, отягощенных к тому же выкупом феодальных повинностей. Это определило постепенную трансформацию бывших феодальных вотчин в капиталистические поместья, развитие капитализма в сельском хозяйстве по так называемому прусскому пути.

Закон от 7 сентября 1848 г. отменил барщину и другие феодальные повинности крестьян, ставших собственниками участков земли, которые они обрабатывали. Почти все повинности отменялись за выкуп. По закону 1853 г. вопрос о сервитутах решался на основе выкупа помещиком этих прав у крестьян или путем взаимного соглашения. Только в 1868 г. были отменены препятствия, чинимые свободной продаже или разделу крестьянских земель.

По закону 1849 г. в Чешских землях 974 424 крестьянина, владевших землей, должны были уплатить большой выкуп⁷⁴. Половину суммы выкупа крестьяне выплачивали государству в течение 20 лет, другая половина погашалась за счет фондов и доходов Чешских земель. Созданные в 1851 г. специальные фонды возмещения получали с крестьян выкупные платежи и оплачивали бывшим феодалам 5 %-ные облигации, погашение которых проводилось в Чешских землях в 1856—1886 гг. Бывшие феодальные землевладельцы получили таким путем огромные финансовые средства.

Несмотря на компромиссное решение аграрного вопроса и тормозящее воздействие феодальных пережитков, революция 1848—1849 гг. создала условия для развития капитализма в чешской

деревне и распространения прогрессивных методов ведения хозяйства. Этому способствовала благоприятная конъюнктура, сложившаяся в 50—60-е годы на внутреннем рынке. Она была обусловлена индустриализацией страны. К моменту завершения в целом строительства железнодорожной сети в Чешских землях и подключения ее к европейским магистралям аграрный рынок Чешских земель снабжался почти исключительно за счет внутренних ресурсов⁷⁵. Этим воспользовались прежде всего крупные землевладельцы. Выкупные платежи давали им средства для покупки машин и удобрений, расширения площадей под техническими культурами, постройки новых и реконструкции старых предприятий по переработке сырья.

В 1871 г. в Чехии в руках помещиков оставалось 53,4 % пивоваренных, 65 % сахарных и 54 % спиртовых заводов⁷⁶. Они вкладывали средства и в развитие других отраслей — железные дороги, металлургию, горное дело. Помещичьим хозяйствам принадлежала главная роль в интенсификации сельскохозяйственного производства и поставке на рынок зерна и технических культур. В меньшей степени и позднее интенсификация охватила и крестьянские хозяйства.

Следствием все возраставшего спроса на технические культуры (свеклу, картофель, хмель, ячмень и др.) и продукцию животноводства были важные перемены в чешском земледелии. К началу 70-х годов почти повсеместно утвердился многопольный севооборот, возросло применение машин и новых орудий — железных плугов, борон, сеялок, веялок, молотилок, а также удобрений, кормов для скота, находившегося на стойловом содержании, увеличилось количество крупного рогатого скота и свиней.

Земледелие в Чешских землях приобрело торговый характер. Это проявилось в специализации отдельных областей на производстве одного или двух видов технических культур. Так, сахарная свекла выращивалась в основном в Полабье, на Гане, в Южной Моравии и т. д. Посевы сахарной свеклы в Чехии с конца 50-х до 1872 г. возросли с 11,5 до 123,8 тыс. га⁷⁷.

Результатом развития капитализма в сельском хозяйстве явилось усиление процесса классовой дифференциации деревни и превращение зажиточных седлаков в сельскую буржуазию.

Освободившись от выкупа, богатые седлаки встали на путь интенсификации своих хозяйств, их специализации на производстве технических культур, расширяя свои владения за счет покупки земли, аренды или присвоения общинных земель. В их хозяйствах стал широко применяться наемный труд, машины и удобрения. Многие из них владели мельницами, маслобойками, трактирами, а с 60-х годов XIX в. стали создавать упомянутые выше «крестьянские» сахарные заводы.

Хотя хозяйства средних и мелких крестьян также перешли к многополью и в них возрастал удельный вес технических культур, они были не в силах противостоять конкуренции помещиков и сельской буржуазии. Возрастала ипотечная задолженность хо-

зяйств, которая нередко вела их к разорению. Крестьяне превращались в батраков и поденщиков, служили источником рабочей силы для промышленности. Однако процесс вытеснения мелкого производства в сельском хозяйстве продвигался далеко не так быстро, как в промышленности. Он проявлялся чаще всего не в лишении крестьян земли, а в ухудшении условий их жизни и хозяйствования. На протяжении второй половины XIX в. в сельском хозяйстве Чешских земель сохранился численный перевес мелкокрестьянских хозяйств над крупными. Большинство мелких хозяев, особенно в малоплодородных областях, работали в промышленности (домашние рабочие), в хозяйствах помещиков и зажиточных седлаков.

С развитием капитализма в сельском хозяйстве упрочились связи между земледелием и промышленностью. Потребности промышленности стимулировали развитие земледелия, интенсификация же сельского хозяйства влекла за собой рост спроса на машины, орудия, удобрения и т. д. Тесная связь между земледелием и промышленностью в Чешских землях послужила основой развития чешской промышленной буржуазии, став, таким образом, одним из элементов формирования чешской нации.

Важным условием завершения промышленного переворота и развития капитализма в земледелии было создание капиталистической кредитно-финансовой системы. Если в первой половине XIX в. предприниматели и помещики пользовались услугами небольших частных банков, а кредит был дорогим и недоступным для мелкой буржуазии, то в 60-е годы возникает кредитно-финансовая система, соответствующая потребностям капитализма. С середины XIX в. быстро рос интерес венских банков к Чешским землям. В 1847 г. австрийский Национальный банк открыл в Праге свой филиал. В начале 60-х годов появляются банковские учреждения, основанные немецкой буржуазией Чешских земель. В 1861 г. крупные помещики создали Ипотечный банк Чешского королевства, по образцу которого возникли банки в Моравии и Силезии. Таким образом, в 60-е годы в Чешских землях возникли финансовые учреждения, использовавшие крупные средства для строительства промышленных предприятий. В индустриализации Чешских земель определенную роль играл иностранный капитал, прежде всего французский (железные дороги) и германский (угольные шахты).

В 60-е годы основной формой банковских учреждений становятся акционерные банки. Принадлежавшие австронемецкой буржуазии банки вкладывали капиталы в железные дороги, металлургию, машиностроение, текстильную промышленность, т. е. те отрасли, где господствовали австронемецкие предприниматели. Ипотечные банки Чешских земель предоставляли кредиты помещикам. Вместе с тем чешская буржуазия, ремесленники, крестьяне по-прежнему испытывали большие трудности в получении денежных кредитов.

Центральми аккумуляции чешского капитала и кредитования принадлежавших чешской буржуазии предприятий стали в 50—

60-е годы ссудные и сберегательные кассы. С 1865 по 1873 г. их число увеличилось с 130 до 523, а сумма капиталов с 2,5 млн до 80 млн гульденов. В 1873 г. в Чехии было 11 ссудных касс, капитал которых превышал 1 млн гульденов⁷⁸. Наряду с предоставлением кредитов торговцам, ремесленникам, крестьянам кассы стали все шире кредитовать промышленные предприятия чешской буржуазии. Кроме того чешский капитал сосредоточивается в сберегательных кассах. В 1872 г. вклады 32 чешских сберегательных касс в Чешских землях составили 19 млн гульденов. Но в 1870 г. эти вклады составляли лишь 10,8 % от общей суммы вкладов в сберкассы Чешских земель⁷⁹.

В 1869 г. начал свою деятельность Живностенский банк, созданный чешскими и моравскими ссудными кассами. В его правление вошли представители чешской промышленной и торговой буржуазии — Я. Гулеш, А. Олива, Ф. Урбанек и лидеры старочехов — Ф. Л. Ригер, Я. С. Скрайшовский и др. Банк был связан с развитием сахарной промышленности. Значительное внимание он уделял и машиностроению, помогая чешской буржуазии укреплять в этой отрасли свои позиции. В 1868 г. также на основе ссудных касс был создан Кредитный банк в г. Градец-Кралове. В период предпринимательской горячки 1868—1872 гг. в Чешских землях возникло много новых банков. В 1871 г. только в Чехии их было 14, а в 1872 г. — 47⁸⁰. (Большинство из них потерпело крах в начале кризиса 1873 г.)

Таким образом, в 60-х—начале 70-х годов XIX в. чешский капитал сумел завоевать определенные позиции в Чешских землях. Однако по сравнению с австронемецким его доля была невелика. Например, в 1872 г. из 44,3 млн гульденов акционерного капитала пражских банков на немецкие банки приходилось 58,6 %, на немецко-чешские — 22,5, на чешские — 18,9 %⁸¹. Из 18 возникших в 1867—1872 гг. пражских банков чешских было только четыре.

Развитие капиталистического хозяйства привело к созданию в Праге в 1871 г. фондовой биржи. Ее председателем стал торговец сахаром Алоиз Олива. В правлении биржи были представлены и чешская и немецкая буржуазия.

Кредитная система в Чешских землях явилась важной ареной конкурентной борьбы между чешской и местной немецкой буржуазией, не говоря о том, что как та, так и другая стремились добиться большей независимости от венских банков.

Одной из важнейших форм организации крупной промышленности стали акционерные компании. В этом находила отражение как тенденция в концентрации производства, так и капитализация небольших денежных средств средней и мелкой буржуазии. С 1856 по 1871 г. число компаний в Чешских землях возросло с 22 до 215. В период 1867—1873 гг. около половины капиталов новых акционерных компаний австрийской части монархии было вложено в Чешских землях⁸². В правления акционерных обществ наряду с промышленниками и торговцами входили представители земельной аристократии, причем в акционерных компаниях Чешских

земель, как и в промышленности в целом, решающие позиции принадлежали немецкому капиталу. В 1875 г. доходы 128 немецких акционерных компаний в Чешских землях составляли 252 млн гульденов, а 135 чешских компаний — 61 млн⁸³. Чешские компании возникали преимущественно в отраслях, занятых переработкой продукции сельского хозяйства, а также отчасти в машиностроении.

Важные перемены в экономике Чешских земель углубляли общественное разделение труда и вели к упрочению связей между промышленными и сельскохозяйственными областями, развитию торговли между городом и деревней, к консолидации внутреннего чешского рынка, все более прочно связывавшего в экономическое целое Чехию, Моравию и Силезию. Формирование промышленных областей вокруг Праги, Брно, Либереца, Остравы, Кладно, Пльзеня и др. стимулировало развитие сельского хозяйства, производства сырья для пищевой промышленности, потребления промышленных изделий.

Об относительно высоком уровне развития чешского внутреннего рынка свидетельствует то, что в 60-е годы резко возросло применение наемного труда, ускорилось формирование рынка рабочей силы. Более интенсивной становилась миграция населения как внутри Чешских земель (из деревни в города, сезонные миграции строительных, сельскохозяйственных рабочих и т. д.), так и в Вену, Нижнюю Австрию и, наоборот, из Трансильвании и Галиции в Чешские земли. На 60-е годы приходится и первая волна эмиграции из Чешских земель (преимущественно из земельдельческих областей) в соседнюю Саксонию, Россию и Америку.

Наряду с рынком потребительских товаров и рабочей силы возрастает значение рынка средств производства.

В силу высокого уровня экономического развития Чешских земель внутренний чешский рынок развивался как важная составная часть рынка имперского. В связи с процессом индустриализации общеимперский рынок приобретал для Чешских земель все большую значимость. Его консолидации способствовало уничтожение в 1850 г. таможенной границы между австрийскими областями и Венгрией. Чешские земли имели в других областях монархии, особенно в Венгрии и Галиции, выгодные рынки сбыта текстиля, сахара, стекла, машин и оборудования и источники сырья и продовольствия. Из Венгрии в Чешские земли ввозились пшеница, шерсть, скот и т. п. Связь Чешских земель с общеимперским рынком и все возраставшая зависимость от него оказывали значительное влияние на политическую позицию формирующейся чешской промышленной буржуазии и нашли отражение как в ее национальной программе, так и в развитии национального движения.

Участие промышленно развитых Чешских земель во внешней торговле Австро-Венгрии было значительным. Большая часть иностранного сырья (железо, хлопок, шерсть, красители) шла в Чешские земли. Так, в 1870 г. из 216 809 ц шерсти, завезенной

в Австро-Венгрию из Южной Америки, Австралии, России, Южной Африки, только в округ Брененской торгово-промышленной палаты поступило 100 тыс. ц⁸⁴. В экспорте Австро-Венгрии доля промышленной продукции Чешских земель — текстиль, сахар, стекло, а в дальнейшем и промышленное оборудование, машины — также была крупной. Например, в середине 60-х годов из области Брененской торгово-промышленной палаты приблизительно третья шерстяных изделий вывозилась на Балканы, Ближний Восток, в Германию и Северную Америку⁸⁵. В Россию и прусскую часть Силезии вывозилось оборудование для сахарной и пивоваренной промышленности.

Развитие промышленности все теснее связывало Чешские земли с мировым рынком. Упрочению этих связей способствовала модернизация транспорта. 50—60-е годы были в Чешских землях временем широкого развития железных и шоссейных дорог, водных путей. В третьей четверти XIX в. там в основном была завершена постройка важнейших железных дорог. За 10 лет (1861—1871 гг.) длина железных дорог возросла с 1295 до 3197 км, т. е. на 147 %⁸⁶, а густота сети превышала средний австро-венгерский уровень⁸⁷. Железные дороги связали Чехию, Моравию и Силезию между собой и с другими областями монархии, а также с соседними странами, в первую очередь с Германией. В Чешских землях существовала разветвленная сеть шоссейных дорог, построенная главным образом в первой половине XIX в. На рубеже 60—70-х годов там было 4300 км государственных шоссейных дорог и 12 070 км шоссейных дорог местного значения⁸⁸.

Строительство железнодорожной сети в Чешских землях имело огромную важность и как стимул развития тяжелой промышленности: металлургии, машиностроения, строительных материалов. Железные дороги сделали возможным быстрое упрочение внутреннего рынка и экономического единства Чешских земель. Во второй половине XIX в. произошли большие перемены и в развитии телеграфной и почтовой связи. Это явилось составной частью создания инфраструктуры, необходимой для капиталистической экономики. Развитие капитализма изменяло облик городов и местечек, уничтожая типичную для феодальной эпохи замкнутость. Эти перемены совпали с завершением в основном процесса формирования чешской нации.

Особое место Чешских земель в экономике монархии Габсбургов, укрепление чешского капитала, рост чешской национальной буржуазии и рабочего класса, о чем говорится далее, — все это стимулировало борьбу идеологов чешской буржуазии за равноправное положение чешской нации в государстве.

Этносоциальная структура буржуазного общества

Утверждение капитализма повлекло за собой дальнейшие перемены в социальном облике чешского общества. Тенденции, которые прослеживались в предшествующий период, получили в 50—

60-е годы более отчетливое развитие, а во многом и завершение. Эта эволюция затрагивала как собственно социальные, так и этнические аспекты развития.

Этнодемографическая ситуация Чешских земель рассматриваемого периода отразила динамику промышленного переворота. Перемещение населения из деревни в город, из одних районов в другие вело к усилившейся ломке традиционной территориальной привязанности населения.

По мере капиталистической индустриализации и проникновения буржуазных отношений в сельское хозяйство наметилась тенденция к относительной равномерности демографической динамики⁸⁹. К 1870 г. в Чехии и в Моравии на 1000 человек населения приходилось примерно одинаковое количество рождений — 38—40. На то же число приходилось 28—32 случаев смертности⁹⁰. Самый низкий с 1781 г. уровень смертности отмечен для 1860-х годов (25 на 1000 человек населения)⁹¹.

Демографическая кривая зависела в конечном счете от темпов индустриализации, которая, способствуя росту сложившихся экономических центров, особенно пражского и брненского, приводила к складыванию новых промышленных зон — Кладненской, Либерецкой, Пльзенской, Подкарпатской, Остравской и др. Так, в Кладненском районе численность населения в 1880 г., по сравнению с 1857 г., возросла на две трети. Подобная ситуация была и в Остравщине⁹².

Различия между индустриальными, аграрно-индустриальными и аграрными районами Чешских земель влияли и на своеобразие их демографического развития. Это прослеживается не только на численности проживавших в ней семей, но и на процентном отношении детей, родившихся в браке и вне брака. Данные 1881 г. показывают, что доля внебрачного потомства в промышленно развитых областях была наиболее высокой⁹³. По-видимому, кроме экономических факторов, здесь играла роль еще и психологическая атмосфера. В 1850-х годах начинается и в последующие десятилетия усиливается эмиграция чешского населения, особенно из бедных и малопроизводительных областей, в другие части империи или за рубеж. С 1850 по 1861 г. от 19 до 23 тыс. человек переселились в Северную Америку, а в следующем десятилетии началась массовая эмиграция в Россию, преимущественно на Волынь⁹⁴. К началу 1870-х годов численность чешского населения Вены была едва ли не такой же, как численность Праги, — около 100 тыс. человек. По данным 1880 г., в Праге зафиксировано 135 910 человек чешской национальности.

Общая численность населения Чешских земель росла. В 1846 г. она составила 6,7 млн человек, в 1869 г. — 7,6 млн, а к 1880 г. достигла 8,25 млн⁹⁵. Доля населения, занятого в сельском хозяйстве, снижалась. По данным 1880 г., в Чехии она понизилась до 40,9 % (вместо 54,4 % в 1851 г.), в Моравии — до 48,5 % (55 % в 1851 г.), а в Силезии до 35,2 % (53 % в 1851 г.)⁹⁶. Одновременно увеличивалась численность горожан. Если население

Праги в 1846 г. составляло 115 тыс. человек, то в 1857 г. здесь, включая рабочие районы Карлина и Смихова, насчитывалось 234 тыс., а в 1869 г. уже 276 тыс. человек. За это же время население Карлина и Смихова возросло соответственно с 55,5 и 35,9 тыс. до 71,4 и 47,3 тыс. человек⁹⁷. Интенсивно развивался г. Брно, с середины XIX в. начинается рост Пльзеня, Остравы, Кладно, Опавы и других центров промышленности. Предместья включаются в состав городов, в категорию городов переходят многие местечки. Развитие капитализма быстро меняло облик различных населенных пунктов, уничтожая их былую замкнутость.

Вместе с тем происходили перемены и в этническом балансе Чешских земель. К сожалению, достаточно достоверные данные отсутствуют, принцип же повседневного употребления языка (*Umgangssprache* — этот критерий использовался, в частности, в переписи 1880 г.)⁹⁸ не являлся надежным определителем. Принимая во внимание социальную престижность немецкого языка как официального, следует сказать, что между этническим самосознанием индивидов и употреблявшимся ими языком существовало противоречие. Поэтому относить к немецкому этносу в Чешских землях всех тех, кто пользовался немецким языком, неправомерно.

В силу сказанного языковый критерий необходимо корректировать национальным самосознанием⁹⁹. С этой точки зрения удельный вес чешского населения в этнодемографической структуре Чешских земель возрастал, что признают даже авторы, пристрастно трактующие эту проблему¹⁰⁰. Названная тенденция давала о себе знать прежде всего в промышленных областях. Так, в 1880 г. к чешскому населению моравско-остравской зоны было отнесено 74,4 % (21 198 человек), тогда как к немецкому — 17,8 % (5761 человек), к польскому — 3,1 % (887 человек)¹⁰¹.

Одним из ярких проявлений этого процесса явилась чехизация городов, протекавшая наиболее быстро в Чехии. Совершалась она не только и порой даже не столько за счет перекачки чешского населения из деревни в город (в широком масштабе это началось еще в 1780-е годы), сколько за счет пробуждения национального самосознания у той части горожан, которая прежде была этнически индифферентна или же относила себя к немцам.

Пробуждение национального самосознания чехов способствовало пополнению «этнического резерва» процесса формирования чешской нации. Это беспокоило австрийские власти. В 1860 г. начальник пражской полиции доносил, что в городе распространяется сатирическая песенка «Когда я в Праге рыбу ловил», которую он квалифицировал как антиавстрийскую. В песенке подвергались осмейнию чехи, равнодушные к судьбам своего народа. В ней говорилось: «Я родился в Чехии, но чешского языка не знаю и ничего не ведаю об этой стране и о ее народе. Относился я к чехам безразлично, будто их вовсе и не было...»¹⁰² В направлении чехизации шло развитие большинства городов Чешских

земель, особенно средних и малых, где, за исключением пограничья, удельный вес чешского населения был всегда высок.

Все это оказывало воздействие на происходившие в Чешских землях социальные сдвиги, которые в 60-х годах XIX в. закрепляли основы социальной структуры чешской нации.

Переход в сельском хозяйстве к системе наемного труда, законодательство, направленное на поддержку буржуазных тенденций в экономике, открывали возможности для превращения прежних феодальных собственников в капиталистических предпринимателей. Предпосылкой этого были огромные денежные средства, оказавшиеся у землевладельцев в результате выкупа крестьянами феодальных повинностей. В Чешских землях эта сумма составила более 84 млн гульденов, из которых помещики получили 72 млн. В Чехии выкуп получил 1231 помещик, а в Моравии — 505, в Силезии — 176¹⁰³.

Происшедшая еще в XVII в. концентрация земель в руках аристократии открывала в новых условиях перед последней большие возможности перехода к капиталистическим способам хозяйствования. Крупные помещики переводили свои поместья на капиталистические рельсы, вкладывали средства в промышленность, преимущественно пищевую и легкую, в железнодорожное строительство, спекулировали землей либо превращались в рантье. Часть мелкопоместного дворянства деклассировалась и вливалась в другие категории населения.

Дворянство стремилось сохранить свои общественные и политические позиции, но вынуждено было приспособливаться к ситуации, искать контактов с буржуа, которых еще недавно третировало как безродных высокочек. В составе быстро возраставшего численно так называемого «гражданского дворянства» находились разбогатевшие горожане, выходцы из интеллигенции (особенно адвокаты), бывшие управляющие поместьями, представители промышленных и торгово-финансовых кругов, добивавшиеся получения дворянских титулов.

В 1861—1867 гг. в помещичью курию чешского сейма было избрано: от высшего дворянства — 31 депутат, от мелкопоместного дворянства — 21, от духовенства — 6, от интеллигенции — 1, от бюрократии — 44, от лиц с высшим образованием — 13 депутатов¹⁰⁴. Сопоставляя эти данные с составом сейма 1872—1877 гг., можно отметить значительные перемены: по помещичьей курии было представлено — от высшего дворянства лишь 9 депутатов, зато от мелкопоместного — 32. Число депутатов от интеллигенции не изменилось, от духовенства составило 7 депутатов, от бюрократии катастрофически упало с 44 до одного человека. Одновременно впервые от помещичьей курии в сейм было избрано два фабриканта.

Все это размывало кастовые перегородки между помещичьими и буржуазными — австронемецкими и чешскими — кругами. В среде дворянства происходила не только экономическая и политическая, но и психологическая перестройка, которая в 60-е годы

XIX в. еще далеко не завершилась. С точки зрения направленности и темпов эволюции дворянство Чешских земель 50—70-х годов XIX в. может быть с некоторой долей условности разделено на три группы. Во-первых, это были семьи так называемого «исторического» дворянства, которое уже в предшествующий период встало на путь предпринимательства. Оно опасалось конкуренции со стороны австронемецких землевладельцев, было недовольно централизаторскими пополнениями Вены и придерживалось автономистических, федералистских взглядов, вновь обратясь к несколько подновленным идеям «земельного» патриотизма. Другую группу составляла часть обуржуазившегося дворянства, которая, наоборот, была склонна к сотрудничеству с австрийскими буржуазно-помещичьими кругами и поддерживала сторонников централизма. Третья группа колебалась между теми и другими.

Крупнопоместному дворянству в целом, как и прежде, были чужды интересы чешского народа. Русский славист А. С. Будилович отмечал в 1873 г.: «Аристократы живут большей частью в Вене или в Праге. На народ они мало имеют влияния, потому что сносятся с ним лишь через посредство разных управляющих»¹⁰⁵. Тем не менее помещики, особенно выходцы из буржуазной среды, отчасти включались в социальную структуру чешской нации.

По-иному затронули эти тенденции другой класс, составлявший до революции костяк феодального строя — крестьянство. Уже накануне 1848 г. социальное расслоение деревни в Чешских землях было значительным. Это обстоятельство, между прочим, нашло отражение и в порядке выкупа повинностей. Установленный в 1848—1849 гг. порядок оказался наиболее выгодным для полнодельных крестьян — седлаков, что повлекло за собой дальнейший рост социальных противоречий в деревне.

Подавляющая часть сельского населения принадлежала либо к малоземельным, либо к безземельным крестьянам. Такие категории сельского населения дореволюционной деревни, как домкаржи, поденщики и челядь (домашние слуги, дворня), или занимались на работу к богатым седлакам и помещикам, или искали заработок на стороне. Численность указанных категорий была в рассматриваемый период внушительной. Так, в земледелии и лесном хозяйстве в Чешских землях в 1869 г. было занято 86,5 тыс. человек челяди и 978 тыс. сезонных батраков и поденщиков. Большая их часть приходилась на собственно Чехию, где значилось 544 тыс. челядинов и 655 тыс. батраков (в Моравии соответственно 265 и 276 тыс., а в Силезии 55,8 и 56,5 тыс.). По отношению к общей численности самодеятельного населения челядь составляла в 1869 г. в Чехии — 36,9 %, в Моравии — 39,6, в Силезии — 37,6 %, а батраки и поденщики соответственно — 43,8 %, 41,3 %, 38,7 %. Удельный вес крестьян-собственников (от богатых седлаков до малоземельных) и арендаторов составлял всего от 18 до 23 % населения, занятого в сельском хозяйстве и лесном деле¹⁰⁶.

Челядь находилась в особо униженном положении. Ее статус, согласно уставу 1867 г. для Чехии (в Моравии аналогичный документ был принят только в 1886 г.), представлял собой анахронизм, сохраненный от феодальной эпохи. Личная свобода челядинов была ограничена, на каждого из них заводились трудовые книжки, которые превращались в форму контроля за их поведением и благонадежностью. Хозяева наблюдали за их повседневной жизнью, имея право применять телесные наказания, вписывать замечания в трудовые книжки и т. д. Это положение сохранялось до конца существования Австро-Венгрии¹⁰⁷.

Интенсивно протекавший процесс социального расслоения усиливал пауперизацию деревни, особенно в бедных, малоплодородных зонах, повлек за собой рост нищенства и бродяжничества, увеличение преступности. Эти явления, давно уже распространенные во всей Австрийской империи, достигли на рубеже 60—70-х годов XIX в. значительных масштабов. В связи с этим в 1873 г. был издан специальный закон о борьбе с бродяжничеством¹⁰⁸.

Итогом развития капитализма в сельском хозяйстве был интенсивный процесс раскрепощивания, т. е., применяя определение В. И. Ленина, «разложения крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат»¹⁰⁹.

Главной фигурой в чешской деревне пореволюционного периода становится богатый крестьянин-седлак, широко использовавший наемную рабочую силу и производивший продукцию на рынок. Если до 1848 г. седлаки прибегали к найму батраков и поденщиков преимущественно для выполнения барщины, то теперь у полнонадельных седлаков они вели все полевые работы. Кроме того, в домашнем хозяйстве седлаков было занято несколько челядинов. Жены седлаков, как правило, в поле не выходили, а сами седлаки выступали скорее в качестве организаторов производства.

Седлаки, сбывавшие продукцию на рынке, выступали инициаторами создания крестьянских кредитно-сбытовых кооперативов. Постепенно эти кооперативы возникли повсеместно. Наряду с богатыми седлаками важную роль в жизни деревни, как и прежде, играли мельники, кузнецы, содержатели трактиров и т. д.

Занимая доминирующее положение в деревне, зажиточные крестьяне прибирали к рукам сельскую общину, которая должна была заботиться об охране имущества и личности, о противопожарной безопасности, о школе, финансах и других местных делах. Такое положение являлось выгодным для деревенской верхушки. Экономически слабые домкаржи, халупники и другие категории бедного и безземельного крестьянства оказались на положении общинников второго сорта. Они постоянно вели борьбу за соблюдение своих прав и требовали, чтобы общинные угодья использовались в интересах всей общины. Русский славист В. И. Ламанский, побывавший в 1860-х годах в чешской деревне, писал: «Здесь обыватели разделяются на два класса, одни, седлаки, имеют поземельную собственность, и сравнительно очень много, другие —

домкаржи, имеют только халупу и ничего более. Права голоса в общине не имеют они никакого, а между тем их большинство»¹¹⁰.

Поляризация социальных сил влекла за собой и перемены во внешнем облике чешской деревни. По указанию властей зажиточные крестьяне уже в 1850-х годах приступили к обновлению своих построек, к замене деревянных жилищ каменными. Более интенсивно этот процесс протекал в областях продуктивного земледелия и менее интенсивно в малоплодородных районах восточной части страны. Однако деревянные дома сохранялись еще долго, преимущественно у малоимущих и безземельных крестьян. В деревянных, хотя и заново отстроенных домах во многих районах Южной Чехии, Восточной и Северо-Восточной Моравии, в гористых местностях продолжали жить и зажиточные крестьяне. Усадьбы седлаков, и ранее представлявшие собой комплекс жилых и хозяйственных построек, благоустраивались, зачастую объединяясь и архитектурно. В домах зажиточных слоев деревни изделия кустарного производства постепенно вытеснялись предметами промышленного происхождения.

В условиях резкого социального расслоения крестьянства общий уровень его культуры был достаточно высоким. Как и прежде, в духовной жизни деревни значительное место занимали традиционные народные обычай и обряды — календарные праздники, семейные торжества, в том числе свадьбы, песенно-музыкальное творчество. Крестьяне не только хранили фольклорные традиции, но и обогащали их новым репертуаром, в котором слышались отзвуки политических событий эпохи: чешского национально-освободительного движения, классовой борьбы не только в деревне, но и в городе. Трактирьи издавна играли в чешской деревне важную роль в системе общения населения. В них проходили встречи представителей разных групп трудового населения, осуществлялось сближение членов их семей, обсуждались новости. Все чаще заключались браки молодых рабочих с девушками из крестьянской среды.

В. И. Ламанский в 1862 г. не без удивления отмечал, что «здесь крестьяне так образованы, как едва ли где в Европе»¹¹¹. Это в немалой степени объяснялось значительным процентом грамотности населения в целом. Всего среди чехов поколения 1850—1859 гг. она доходила до 92,89 %¹¹². Уважение чешских крестьян к письменности, имевшее давние традиции, повлекло за собой сохранение обычая ведения местных хроник и во второй половине XIX в. В них находили отражение подробности жизни сельских общин, положение различных групп населения и др.

Усилился интерес чешских крестьян к агротехническим знаниям. В 1860-х годах в разных концах Чешских земель возникали сельскохозяйственные школы, куда седлаки посыпали на обучение детей. Одним из примечательных явлений духовной жизни деревни стали крестьянские товарищества или союзы. Основная их цель состояла в пропаганде сельскохозяйственных знаний, а, по возможности, также и экономической поддержке мелкого крестьян-

ского хозяйства. Первое такое товарищество возникло в Писецком округе в 1861 г. Оно выработало устав, который утвердило наместничество. Инициатором товарищества был Йозеф Лисы, в прошлом управляющий помещичьими имениями. В соответствии с законом о союзах от 1867 г. подобные товарищества начали создаваться и в других округах Чехии. В Моравии, где сходные объединения спорадически возникали уже вскоре после революции 1848—1849 гг., к концу 60-х годов сложилась сеть окружных сельскохозяйственных союзов¹¹³.

С экономической точки зрения и ссудно-сберегательные кассы, и крестьянские товарищества отвечали прежде всего интересам зажиточной части деревни и сельской буржуазии. Поскольку и те и другие, по крайней мере формально, рассматривались как институции для «всего крестьянства», они играли определенную национально-мобилизующую роль. Примечательно в этом смысле движение за создание крестьянских сбытовых кооперативов, развернувшееся в Моравии с 1860-х годов по инициативе Яна Демла. Одна из их задач в рассматриваемый период заключалась в оказании крестьянам помощи при долговых расчетах с их бывшими помещиками и в повышении товарности хозяйств.

Распространение кооперативной формы взаимопомощи в Моравии происходило интенсивнее, нежели в Чехии. Помимо чисто экономических причин, в частности большей распыленности земли крестьян, имели значение и политico-психологические факторы. При общем отставании темпов национального движения в Моравии меры по повышению продуктивности крестьянских хозяйств и обеспечению их независимости от австронемецкого капитала воспринимались здесь как часть национально-патриотической борьбы¹¹⁴.

Одновременно это свидетельствовало и о росте в среде крестьянства чувства собственного достоинства и сознания принадлежности к чешской этнической общности. А объективно вело к успешному протеканию этносоциальных процессов на этапе завершения формирования чешской нации.

Таким образом, в 60-х годах деревня играла еще более возросшую в сравнении с предреволюционным периодом роль в формировании классов буржуазного общества и в этнокультурном развитии народа. Вследствие социального расслоения крестьянства выделялись, с одной стороны, кадры сельскохозяйственного и промышленного пролетариата, а с другой — сельская буржуазия и промежуточный мелкобуржуазный слой крестьян-собственников.

На рубеже 60—70-х годов буржуазия в Чешских землях окрепла и заняла важное место не только в экономике, но и в общественно-политической жизни. Однако в социальном и этническом отношении она не отличалась однородностью, не были одинаково прочными и ее позиции в разных частях Чешских земель.

Характерное для предреволюционного периода преобладание в Чешских землях австронемецкой буржуазии в основном сохра-

нилось. Она удерживала в своих руках ключевые позиции в экономике. Австронемецкая буржуазия была тесно связана с бюрократическим аппаратом, с армией, а также и с императорским двором, постоянно нуждавшимся в деньгах. Она отрицательно относилась не только к чешскому национальному движению, но и к стремлению чешского капитала проникнуть в прежде заповедные для него сферы хозяйствования. Вот как рисовалась эта ситуация В. И. Ламанскому в 1862 г.: «В Праге немцы довольно многочисленны, хотя их гораздо меньше чехов. Но масса капиталов в их руках. Все австрийское правительство на их стороне»¹¹⁵.

Как отмечалось ранее, процесс складывания сельской буржуазии чешского происхождения достиг в рассматриваемое время значительных успехов. Его питательной средой являлись зажиточные слои населения, прежде всего богатые седлаки и мельники. Чешская сельская буржуазия была тесно связана с городской, ряды которой, помимо выходцев из деревни, пополнялись за счет разбогатевших ремесленников, торговцев и др. К ним относилась также часть еврейских предпринимателей, прежде онемеченных, а теперь нередко ассимилировавшихся и поддерживавших чешское национальное движение.

Исключительная роль деревни в формировании чешской буржуазии привела к тому, что последняя длительное время была тесно связана с сельским хозяйством (сахароварение, пивоварение и ряд других отраслей). Постепенно, однако, чешские предприниматели-капиталисты стали завоевывать позиции в других сферах производства, в том числе в машиностроении.

Чешская буржуазия все больше обращалась и к финансово-торговой деятельности. Процессы эти были теснейшим образом переплетены, поскольку без накопления капиталов национальная буржуазия не могла помышлять о конкуренции с немецкими соперниками. Важным каналом упрочения позиций чешского капитала явился курс на создание национальных акционерных компаний. В 1856 г., например, заинтересованным лицам разослали письмо с предложением принять участие в акционерном Обществе чешской индустрии и продуктовой биржи. Его деятельность должна была способствовать непосредственным контактам между продавцами и покупателями, без посредников¹¹⁶.

Объединения в сфере промышленности, сельского хозяйства, кредита, ремесла и торговли, а также культурно-просветительные союзы, получившие необычайное распространение в Чешских землях на рубеже 60—70-х годов, превратились в средство консолидации чешской буржуазии и стали одной из действенных форм ее воздействия на национальное движение. Так, в 1867 г. в Моравии было зафиксировано 812 союзов, в том числе: читательских — 199, музыкально-певческих — 81, ссудных — 123, гуманитарных — 100, сельскохозяйственных — 44, гимнастических — 33, потребительских — 32, страховых — 29, научных — 21, лотерейных — 100, сберегательных — 17 и акционерных — 29, и др.

Эти союзы отразили не только социальную, но и этническую ситуацию в Моравии. Если, например, в Брно тон в них задавало немецкое население, то в большинстве провинциальных городов, в том числе в остравском промышленном районе, численность чешских союзов была велика или даже преобладала. В целом по крайней мере 357 институций из 795 (сведения о 17 сберегательных кассах отсутствуют) имели чешский характер. Остальные были либо немецкими, либо смешанными. К чешским по преимуществу относились читательские, ссудные, сельскохозяйственные и потребительские союзы; гуманитарные и страховые объединения носили немецкий или чешско-немецкий характер. Из 29 акционерных обществ 21 было немецким, 7 — чешским и 1 — смешанным¹¹⁷.

Аналогичный кадастр существовал и для Чехии, регистрируя существовавшие здесь политические, акционерные, охотничьи и культурные (читательские, музеиные, спортивные и др.) союзы, а также мещанские, ремесленные, рабочие, церковные и иные объединения. Для изучения социальной структуры рассматриваемого периода важен кадастр пражского наместничества за 1856—1884 гг., выборочно включающий и моравские материалы. К сожалению, содержащиеся в этом ценном источнике данные введены в научный оборот лишь частично. (Это же самое можно сказать и о таких чрезвычайно значимых источниках, как сведения окружных гетманов о численности подписчиков журналов и газет¹¹⁸.)

Борясь за укрепление своих позиций, чешская буржуазия вынуждена была обращаться к народным массам, играя на их патриотических чувствах и поддерживая при определенных условиях деятелей национальной культуры. Экономические и политические резоны играли при этом ведущую роль. Так, еще в конце 1850-х годов вслед за Ф. Палацким видный общественный деятель Ф. К. Кампелик бросил характерный для буржуазного национализма призыв «Свой к своему!», ратуя за то, чтобы чешское население приобретало вещи только у чешских торговцев, бойкотируя их австронемецких конкурентов¹¹⁹. Как «национальные» пропагандировались Чешско-моравское машиностроительное акционерное общество и другие, один из чешских банков именовался «Славия», и т. д. Эти же мотивы фигурировали и при основании кредитно-сберегательных касс в селах и городах.

Кассы использовались не только в собственно экономических (поддержка чешских предпринимателей), но и в культурно-просветительных целях. «Они, — отмечал А. С. Будилович, — много помогают не только своим членам, открывая им кредит на значительные суммы, но и поддерживают школы, больницы, разные патриотические предприятия, вследствие чего немцы воздвигли на них гонение»¹²⁰. Главным финансовым учреждением, объединившим кредитно-сберегательные кассы, своеобразным штабом чешской буржуазии стал Живностенский (предпринимательский) банк, созданный в Праге в 1868 г.

Напомним еще раз, что, несмотря на несомненную консолидацию чешской буржуазии в 60-х годах XIX в., она по сравнению с буржуазией австронемецкой, была еще слабой. Из 214 акционерных предприятий, числившихся в Чешских землях в 1873 г., на долю чешского капитала приходилась лишь четверть¹²¹. Национальной буржуазии недоставало не только средств, но и влиятельных связей, опыта хозяйственной и политической деятельности. Преобладающая часть чешских капиталистов являлась предпринимателями в первом поколении. По своему образу жизни они еще во многом несли на себе традиции тех слоев населения, из которых недавно вышли. Не следует переоценивать и степень противоречий между формировавшейся чешской и сильной, опытной австронемецкой буржуазией.

Одновременно шел процесс умножения мелкой городской буржуазии, в состав которой входила «изменчивая масса ремесленников и мелких торговцев, эта наиболее текучая часть населения»¹²². Роль этой категории населения в общественной жизни Чешских земель уже в 30—40-е годы XIX в. была велика. Неопределенность ее социальных границ, непоследовательность в политической позиции, характерные для предреволюционной эпохи, в 60-е годы еще более усилились^{123—125}.

Интеграция в единое социальное целое промышленных и сельскохозяйственных рабочих не закончилась, и в 60-х годах оба эти отряда подразделялись на еще более дробные категории. Так, в качестве сельскохозяйственного пролетариата выступали неимущие и безземельные массы крестьянства, о положении которых мы говорили. Однако, сохрания номинально свои прежние юридические этикетки, все они фактически оказывались на положении наемных рабочих. Уместно привести слова А. С. Будиловича, который в 1873 г. писал: «Не нужно забывать, что теперь уже в Чехии довольно материалов пролетариата. Можно смело сказать, что в среднем выводе 1/3 населения страны составляет класс халупников, наденников-батраков, имеющих либо самый ничтожный земельный надел, либо вовсе его лишенных. Часть этого бедного люда идет в наймы к велькостаткам [помещикам. — Ред.] или богатым седлаками; другая, большая часть его — ищет работы на фабриках»¹²⁶.

В положении сельскохозяйственного пролетариата сохранилось много феодальных пережитков. После 1848 г. заинтересованные в постоянной рабочей силе помещики часто предоставляли батракам и поденщикам крохотные земельные участки и выдавали провиант. Это была одна из наиболее забитых и зависимых от помещиков групп деревенского пролетариата — так называемые депутатники. Общая численность сельскохозяйственных рабочих в Чешских землях в конце 1850-х годов доходила до 1 млн человек, имея тенденцию к возрастанию в удельном весе сельского населения. В 1869 г. в сельском и лесном хозяйстве Чешских земель насчитывалось более 1,8 млн рабочих. К началу 1870-х годов рабочие составили четыре пятых лиц, занятых в аграрном секторе экономики¹²⁷.

Не завершился и процесс социальной интеграции промышленного пролетариата, в состав которого входили ремесленные подмастерья, рабочие мануфактур и фабрик и разнорабочие-поденщики. Всего в 1869 г. они составили свыше 1 млн человек. Из них 46,6 % работали в текстильной промышленности. Из общего количества промышленных рабочих в Чешских землях фабрично-заводские рабочие составляли только 20 %. В централизованных и рассеянных мануфактурах было занято 45 %, а в сфере мелкотоварного ремесленного производства — 35 % рабочих. Хотя доля индустриального пролетариата была сравнительно небольшой, в зонах преимущественного развития капиталистического производства, например в пражской, либерецкой, бренской и остравско-карвинской, она была намного выше, доходя до 30 % лиц, занятых в промышленности¹²⁸. Уже в 60—70-е годы эти и подобные им районы стали центрами формирования чешского рабочего класса.

Рабочий день на производстве, как и прежде, длился от 12 до 16 часов, будучи одинаковым не только для мужчин, но и для женщин и даже детей (в возрасте от 8 лет). В шахтах продолжительность смены составляла 12 часов, но могла быть произвольно поднята. Исключая большие церковные праздники, рабочие не имели выходных дней¹²⁹. Что касается сельскохозяйственного пролетариата, то его рабочее время продолжалось, особенно в период сезонных работ, от восхода до захода солнца. Предписания о продолжительности рабочего времени наемных лиц физического труда, декларированные в 1859 г., предприниматели игнорировали, пользуясь тем, что в их отношения с рабочими государство не вмешивалось.

Заработная плата держалась на минимальном уровне, который лишь обеспечивал воспроизводство рабочей силы. На либерецких текстильных фабриках, например, она составляла от 50 до 80 крейцеров, в редких случаях доходя до гульдена в день. В большинстве же случаев заработка плата не превышала 50 крейцеров. Выше была оплата машиностроителей — от 80 крейцеров в день и более. Но во многих промышленных центрах она оставалась очень низкой. Так, горняки в Пшибраме получали в 1870-е годы приблизительно 31 крейцер в день¹³⁰.

В особо трудном положении оказывались рабочие — недавние выходцы из деревни, не имевшие квалификации. Они составляли значительную часть пролетариата. Называя положение «этого фабричного люда» печальным, А. С. Будилович в 1873 г. свидетельствовал: «Заработная плата низка вследствие обилия и даже излишка рабочих рук. От 5 ч. утра до 7 ч. вечера работает и получает иногда лишь 25—30 крейцеров! А если и больше заработает, так немедля по получении пропьет»¹³¹. За эту же работу женщины и дети (на некоторых фабриках до 60 % рабочих) получали половинное и иногда даже меньшее вознаграждение. Нищенская заработная плата едва давала возможность рабочей семье сводить концы с концами. Как видно из средних ежегодных бюджетов

рабочих, составленных Я. Пуршем по данным 1879 г., они тратили на еду от 56 до 58 %, на одежду от 16 до 20 %, на жилье около 20 % чистого дохода¹³².

Таким образом, питание и бытовые условия рабочего класса были крайне скучными. Например, к концу 70-х годов ежедневный рацион рабочих Северо-Восточной Чехии в расчете на одного человека включал от 314 до 459 г хлеба, 735—914 г картофеля, 160—210 г молока, 83—108 г муки, 61—92 г бобовых и только 20—24 г сала, до 14 г масла и до 23 г мяса (два последние продукта потреблялись лишь в западной части названной зоны). А ведь речь шла об одном из наиболее высокоплачиваемых отрядов рабочего класса¹³³. В других районах Чешских земель было еще хуже. Основными продуктами питания рабочих нередко были картофель, кофе из цикория и хлеб, остальное было недоступно. На фабриках полностью отсутствовала охрана труда, частыми были увечья, профессиональные заболевания (туберкулез и др.), вследствие которых рабочие теряли работу, а их семьи нищенствовали. Это также было частой причиной возмущения не только рабочих, но и населения сел, куда обычно возвращались семьи потерявших работу. Средний срок жизни рабочего в Чешских землях в это время не превышал 42 лет. В еще более тяжелом положении были поденщики, занятые сезонно на строительстве железных дорог, открытых угольных разработках.

Положение рабочих еще более ухудшалось во время кризисов, когда голод становился уделом десятков тысяч людей. Так, в 1852—1856 гг. безработица охватила текстильное производство. Во время мирового кризиса 1857 г. она распространилась на сахароваренное, металлургическое и машиностроительное производство.

Во время кризисов от безработицы в некоторых районах Чешских земель страдали до двух третей рабочих (например, в Шлукновском округе). В неурожайные годы, сопровождавшиеся дороговизной, уделом многих рабочих семей также был голод. Для закабаления рабочих фабриканты не только широко применяли систему штрафов, но и понуждали работников покупать товары в фабричных лавках.

Что касается бытовых условий, то сельскохозяйственные рабочие с семьями ютились в сооруженных из камня или дерева, обмазанных глиной и крытых соломой, избах с низкими дверными проемами и подслеповатыми оконцами. Жилая комната зачастую являлась и кухней, где пищу готовили для людей и для скота¹³⁴. Особо остро проблема жилья стояла в городах. В Трутнове, например, где в 60—70-е годы было развито льнопрядение, в 14 одноэтажных домах проживало 959 рабочих с семьями, так что на одного человека приходилось не более двух квадратных метров¹³⁵.

Подобные условия не только нагубно отражались на здоровье и работоспособности, но и приводили к текучести рабочей силы. Поэтому, исходя из собственных интересов, многие предприниматели сооружали для рабочих дома казарменного типа. Снимая

здесь квартиру, обычно состоявшую из одной комнаты, семья платила за нее фабриканту, попадая от него в более тесную зависимость.

В Праге, где уровень промышленного развития был высоким и где было много машиностроителей и других квалифицированных рабочих, характерным явлением второй половины XIX в. стало строительство больших доходных домов, в которых рабочие снимали квартиры. Значительное распространение получили многоэтажные дома с галереями, шедшими вдоль этажей с дворовой части. Эти галереи служили не только средством коммуникации, но и своеобразным местом общественной жизни жильцов, одновременно как бы дополняя площадь тесных квартир.

В 60-х годах в Праге, а также в промышленных остравско-карвинском, северочешском и других центрах начали строить так называемые рабочие колонии — дома для рабочих, расположенные вблизи предприятия, с более просторными и светлыми квартирами. В таких домах имели возможность жить квалифицированные рабочие. Большая же часть средне- и низкооплачиваемых рабочих проживала в антисанитарных условиях — в подвалах, складских помещениях и сарайах, порой прямо на заводской территории¹³⁶. Особенно плохими оказывались бытовые условия городской бедноты и безработных, численность которых к концу осени 1872 г. стала увеличиваться и угрожающе возросла к зиме следующего года вследствие экономического кризиса. К этому времени только в Праге и окружающей зоне работу потеряло от 20 до 25 тыс. человек, в том числе 15 тыс. фабричных рабочих¹³⁷.

Как и другие классы, пролетариат Чешских земель этнически не был однородным. Основной его контингент составляли чехи, хотя в Либерецком округе и других районах северо-запада и северо-востока, где компактно проживало немецкое меньшинство, в составе рабочего класса было много немцев. Впрочем, по мере дальнейшего индустриального развития соотношение неуклонно повышалось в пользу чешского населения. «В Либереце, — передавал слышанное Будилович в 1873 г., — хотят даже открыть несколько чешских народных школ для детей фабричных рабочих, которых там до 8000»¹³⁸. В остравском промышленном районе среди рабочих-горняков 39% составляли поляки. В 80-х годах на предприятиях в Чешских землях, особенно в Моравии и Силезии, появилось много выходцев из Галиции — украинских и польских крестьян, которые занимались на наиболее тяжелые работы и соглашались получать более низкую плату¹³⁹.

Хотя смешанный этнический состав рабочего класса и порождал в ряде случаев те или иные проблемы, национальные противоречия в пролетарской среде были минимальными. С годами рабочих все больше объединяли общие классовые интересы. В основе этого лежало не только бедственное положение рабочего класса, но и его стремление к социальному самоутверждению и к защите человеческого достоинства. По мере умножения его рядов и возрастания доли фабрично-заводского пролетариата происходил рост классового самосознания, формировались нормы и обычаи, которым сле-

довали не только сами рабочие, но и выходцы из других слоев общества, вливавшиеся в пролетарскую среду.

С середины XIX в. стала складываться пролетарская субкультура, черты которой обнаруживаются уже в 60-е годы. Они находили проявление в трудовой и повседневной жизни рабочих, в нормах их взаимоотношений как друг с другом, так и с другими классами общества. То скучное свободное время, которым они располагали, передовые рабочие стремились использовать для самообразования. Наряду с традиционным крестьянским фольклором получали распространение произведения, тематика и характер которых запечатлели условия жизни и труда рабочей среды. Все это обогащало духовный мир рабочего класса, помогало ему осознавать общность своих интересов и силу классовой солидарности. Так, постепенно вырабатывался образ жизни пролетариата Чешских земель, отвечающий его классовым интересам, нормам его морали¹⁴⁰.

Испытывавший бремя эксплуатации, дополнявшейся национально-политическим угнетением, рабочий класс с особой остротой ощущал свою гражданскую неполноправность. Уголовный кодекс 1859 г. квалифицировал стачку как преступление. А избирательное законодательство 1860-х годов приоткрыло двери лишь для буржуазии и других имущих групп населения.

Поэтому в ходе борьбы рабочий класс в ряде случаев выдвигал не только экономические, но и культурно-политические требования. По мере роста классового самосознания пролетариата в Чешских землях возникали условия для его организации в партию.

Наряду с формировавшимися классами капиталистического общества в Чешских землях 60-х годов XIX в. существовали многочисленные промежуточные слои — лица свободных профессий, чиновничество, духовенство и др. Быт и нравы этих «средних» слоев воссозданы в произведениях Яна Неруды и ряда других чешских писателей и публицистов. Если одна часть этой категории населения либо поднималась, либо опускалась по социальной лестнице, вливаясь в состав других классов, то остальная часть продолжала существовать как составной элемент новой социальной системы. Лица, профессионально занимавшиеся умственным трудом, составляли интеллигенцию.

Формирование интеллигенции в Чешских землях началось еще в десятилетия, предшествовавшие революции 1848—1849 гг. Чешская интеллигенция играла роль идеолога национально-освободительного движения. В ее среде выделялись историки, литераторы, учителя, низшее духовенство. В послереволюционный период в структуре интеллигенции и в социальной мобильности отдельных ее частей стали происходить перемены. Они определялись общим ходом капиталистического развития Чешских земель и в Австрийской империи в целом.

Рядом с работниками просвещения (учителями, университетскими преподавателями и др.) и представителями свободных профессий (юристами, врачами, учеными, литераторами, деяте-

лями искусства и др.) в составе интеллигенции появляются и другие категории¹⁴¹. К ним в первую очередь относились специалисты, существование которых в качестве устойчивой группы было со связано с потребностями завершающегося этапа промышленного переворота и развитием капитализма в деревне. Это были инженерно-технический состав предприятий, агрономы, директора, управляющие и другие организаторы фабрично-заводского и сельскохозяйственного производства, финансовая интеллигенция, участвовавшая в управлении предприятиями, банками, сберегательными кассами и др. Для отраслей, на первых порах не имевших в Чешских землях прочных традиций, нередко приглашались зарубежные специалисты. Однако английские, бельгийские и швейцарские инженеры¹⁴² постепенно заменялись специалистами местного происхождения.

Ликвидация системы неоабсолютизма и реформы 1860-х годов способствовали изменению общественной роли чиновничества. «С того момента, как управление государством и законодательство переходят под контроль буржуазии, — писал Ф. Энгельс, — бюрократия перестает быть самостоятельной силой; именно с этого момента гонители буржуазии превращаются в ее покорных слуг»¹⁴³. В Австро-Венгерской империи, в том числе и в Чешских землях, в 60-е годы этот процесс еще не завершился. Наряду с чиновниками низшее и среднее духовенство сближалось по своему положению с другими слоями интеллигенции, в то время как представители католической иерархии примыкали по образу жизни к помещикам и крупной буржуазии.

В целом интеллигенция Чешских земель 60-х годов XIX в. была не только многочисленным, но с социальной и профессиональной точек зрения неоднородным слоем. При этом лица интеллигентного труда по мере развития и упрочения капитализма оказывались прямо или косвенно связанными преимущественно с буржуазными кругами населения. Употребляя определения К. Маркса и Ф. Энгельса, они являлись их «платными наемными работниками»¹⁴⁴, «идеологическими представителями и защитниками»¹⁴⁵ их интересов. Если, например, среди депутатов чешского сейма по курии шляхты и крупных землевладельцев интеллигенция отсутствовала либо была представлена незначительно, то среди депутатов от городов и промышленных палат она преобладала.

В сейме в 1861–1866 гг. из 108 депутатов этой курии 58 принадлежали к юристам и другим категориям интеллигенции, составляя 53,7%. В 1867–1869 гг. в той же курии сейма доля депутатов из числа интеллигенции возросла до 60,1% (65 депутатов). Примерно в таком же количестве она сохранилась и в составе сейма 1872–1877 гг. (147 из 247 депутатов)¹⁴⁶. Связь их с буржуазно-цензовыми кругами городского населения очевидна¹⁴⁷.

Важное, а порой и решающее значение имела национально-политическая ориентация интеллигенции. Часть интеллигенции инонационального происхождения или из среды онемеченного

населения была связана с правящими кругами и в основном поддерживала Вену. В противоположность этому другая часть интеллигенции преимущественно, хотя и не исключительно, чешского происхождения (среди нее, например, встречались выходцы из немецких или еврейских семей) стояла на позиции защиты прав чешского народа и способствовала обогащению его национальной культуры. Это была чешская интеллигенция в прямом смысле этого слова. В ее рядах находились все те группы по роду занятий, о которых сказано выше, хотя значимость их в национальном движении и не была одинаковой. Если в предреволюционный период, например, важную роль в нем играли учителя и приходские священники, то теперь на передний план выходят наряду с деятелями науки и искусства адвокаты, врачи, представители инженерно-технической и финансовой интеллигенции, чиновники органов самоуправления и другие примыкающие к ним группы.

Следовательно, при всем значении этнического фактора или профессионального положения разграничительная линия между австронемецкой и чешской национальной интеллигенцией определялась в конечном счете причинами социально-политического и идеино-психологического характера. Критерием принадлежности выступала индивидуальная, личная позиция.

Как и прежде, массу интеллигенции, включая ее наиболее видных представителей, составляли выходцы из горожан, крестьян и других непривилегированных групп населения. Например, один из вождей старочехов, Франтишек Ладислав Ригер, был сыном зажиточного мельника, а лидер младочехов Карел Сладковский родился в семье портного. Из торгово-ремесленных кругов и сельской среды вышла значительная часть деятелей литературы и искусства. Композитор Бедржих Сметана был сыном богатого седлака, в семье мелкого пражского лавочника родился писатель Ян Неруда, из деревни вышли писатели Сватоплук Чех и Алоиз Ирасек — первый был сыном сельского управляющего, а второй — сыном ремесленника. В семье лоунского торговца еврейского происхождения родился Эмиль Фрид, вошедший в историю чешской литературы под именем Ярослава Врхлицкого, а его современник поэт Йозеф Сладек был сыном каменщика. Число подобных примеров можно умножить.

Примечательной чертой третьей четверти XIX в. становится появление интеллигенции во втором и даже в третьем поколениях. Так, видный деятель радикально-демократического направления Йозеф В. Фрич родился в семье пражского юриста, из которой вышли и его братья — химики Вацлав и Карел, зоолог Антонин и адвокат Войтех. Их отец Йозеф Фрич-старший был сыном богатого горожанина. Еще в предреволюционный период он выступал за ведение судопроизводства на чешском языке, а в 60—70-е годы был профессором Пражского университета и участвовал в национальном движении. Крупнейший чешский поэт эпохи национального возрождения Франтишек Ладислав Челаковский был сыном плотника, а его дети стали видными представителями демократи-

ческой интеллигенцией второй половины XIX—начала XX в.: Ладислав был крупным ботаником, сторонником теории Ч. Дарвина, а Яромир историком права, профессором Пражского университета и директором городского архива. Оба они участвовали в национальном движении. Из семьи землемера-лесничего вышли братья Эдуард и Юлиус Грегры, видные деятели либерально-демократического направления.

Таким образом, с середины XIX в. возникает потомственная чешская интеллигенция. Если не касаться отдельных исключений (например, историк Ф. Палацкий происходил из семьи провинциального учителя), в предреволюционный период отмеченная особенность была характерна преимущественно для местной немецкой интеллигенции. Это свидетельствовало о дальнейшей стабилизации слоя чешской национальной интеллигенции в 60-е годы.

Многие ее представители, имея гуманитарное или естественно-техническое образование и занимаясь научной, педагогической, литературной, адвокатской практикой или иными видами деятельности, одновременно выступали в качестве идеологов и руководителей чешского национально-буржуазного движения — от старочехов (Ф. Палацкий, Ф. Ригер) и младочехов (братья Грегры, К. Сладковский) до мелкобуржуазной радикальной демократии (Й. В. Фрич). Возникновение в рядах чешской интеллигенции группы профессиональных политиков, которые, говоря словами В. И. Ленина, брали на себя «роль публицистов, ораторов и политических вождей»¹⁴⁸, было новым явлением, которого предреволюционная эпоха, за малыми исключениями, не знала.

Но еще более значимым и симптоматичным стало появление первой плеяды профессиональных пролетарских революционеров, создателей и вождей организованного рабочего движения. Самы рабочие, они происходили из трудовых слоев общества. Так, крупный деятель социалистического движения в Чешских землях Йозеф Болеслав Пецка родился в семье ткача, а Ладислав Запотоцкий — в семье портного. Из чешских и немецких рабочих семей вышли и такие их соратники, как Йозеф Гибеш, Йозеф Шиллер, Антонин Бэр, Франтишек Главачек и Франтишек Шплаер. Не имея возможности получить систематического образования, они самостоятельно осваивали основы научных и политических знаний.

Обращая внимание на закономерность этого процесса, В. И. Ленин указывал, что по мере роста классового сознания в пролетарской среде усиливалось «страстное стремление к знанию и к социализму». При этом «среди рабочих выделяются настоящие герои, которые, — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, „рабочую интеллигенцию“»¹⁴⁹.

Зачинатели пролетарского движения в Чешских землях внесли заметный вклад в развитие демократических и социалистических элементов чешской культуры. Они выступали в печати по вопро-

сам политики, тактики и истории рабочего движения. Й. Пецка был одним из первых чешских пролетарских поэтов и журналистов.

Итак, в рассматриваемый период в Чешских землях начала складываться пролетарская интеллигенция. Одновременно намечалось сближение с пролетарским движением отдельных представителей мелкобуржуазной интеллигенции. Однако преобладающая часть чешской интеллигенции была идеино и по образу жизни связана в первую очередь с буржуазными и мелкобуржуазными кругами, выступая их идеологическим выразителем. Несмотря на ограниченность такой позиции, представители лучшей части интеллигенции, в том числе студенчества, много сделали для развития национально-освободительного движения, прогрессивной чешской культуры и общественно-политической жизни своего времени.

Воодушевленные идеями гуманизма и прогресса, они сыграли большую роль в осознании чешским народом своих социальных, политических и национальных прав. Тем самым чешская интеллигенция, выдвинутая на историческую сцену из среды угнетенного народа, во многом способствовала успешному ходу процесса формирования чешской нации.

В целом социальные сдвиги, произошедшие в Чешских землях на рубеже 60—70-х годов XIX в., существенно изменили социальный облик чешского общества сравнительно с предреволюционными десятилетиями. Тогда социальная структура складывавшейся чешской нации включала крестьянство, формировавшийся рабочий класс, сельскую и мелкую городскую буржуазию, отдельные группы интеллигенции. Национальная буржуазия в 1840-е годы лишь зарождалась, а помещики и крупная промышленная и финансово-торговая австронемецкая буржуазия Чешских земель участия в формировании чешской нации не принимали.

Теперь же, несмотря на сохранение феодально-сословных пережитков, на передний план все более выступало противоречие между двумя ведущими классами капиталистического общества — буржуазией и пролетариатом, к которым как к противоположным социальным полюсам притягивались другие классы и социальные группы общества, отчасти унаследованные от предшествовавшей эпохи, отчасти порождавшиеся условиями развития капитализма в буржуазно-помещичьей Австро-Венгрии.

Значение этих промежуточных социальных сил в национальном движении и общественной жизни в целом, принимая во внимание угнетенное положение чешского народа и этническую неоднородность Чешских земель, было весьма существенным. И это оказывало непосредственное влияние на становление чешской нации.

Как и прежде, основой этого процесса были широкие массы городского и сельского населения. Однако теперь большую роль начал играть пролетариат, в ряды которого втягивались многочисленные выходцы из деревни. Это способствовало чехизации городов и городской жизни и позитивно сказалось на общем упрочении позиций чешского этноса. «Путешествуя по окраинам

Чехии, — отмечал в 1873 г. А. С. Будилович, — я всюду осведомлялся, не изменяется ли в последние десятилетия этнографическая граница двух народностей в ущерб, например, чешской, и всюду получал ответ, что наоборот — немецкие города и села в Чехии все более проникаются чешскими элементами». Это был естественный процесс, и примечательно, что, по наблюдениям того же автора, «в среде самого народа не замечается особенной неприязни между чехами и немцами»¹⁵⁰.

Численный рост национальной буржуазии и мелкобуржуазных слоев, усиление их экономического веса способствовали созреванию социальных предпосылок завершения формирования чешской нации. Вместо былых лозунгов защиты чехов от немцев, создававших у значительной части чешского народа иллюзию внутриэтнической общности интересов буржуазии и трудящихся, в 60—70-х годах XIX в. все большее значение стали приобретать социальные противоречия между имущими и неимущими слоями в пределах самой национальной общности.

Они стимулировали рост классового самосознания пролетариата и других категорий трудового населения. И хотя рабочий класс еще не превратился в гегемона национально-освободительного движения, сам факт его консолидации, повышение в его среде доли индустриальных потомственных кадров ослабляли безраздельное господство буржуазной идеологии, создавая условия для распространения в массах демократических, радикальных и социалистических представлений.

Если на начальных этапах становления чешской нации для ее социальной структуры была характерна отмечавшаяся выше неполнота, то после появления в Чешских землях национальной буржуазии, к которой тяготела часть обуржуазившихся землевладельцев, главным образом из среды так называемого гражданского дворянства, чешского промышленного и сельскохозяйственного пролетариата, а также промежуточных социальных слоев, в первую очередь национальной интеллигенции, национальное развитие чешского народа стало в основном протекать уже в условиях полной социальной структуры буржуазного общества. Иными словами, на рубеже 60—70-х годов XIX в. этносоциальная структура чешского народа приобрела важнейшие признаки, присущие нации капиталистического типа.

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕШСКОГО ОБЩЕСТВА И ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ



Идейно-политические концепции

В 60-х—начале 70-х годов XIX столетия в Чешских землях происходил подъем общественно-политического движения, сопровождавшийся оживлением идеологической борьбы. Сложность, известная противоречивость политической идеологии как формы духовной деятельности общества¹ обуславливались спецификой развития чешской угнетенной нации. В. И. Ленин отмечал, что «в каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание против угнетения»². Вместе с тем в 60-е годы XIX в. более отчетливо, чем в предреволюционное время, прослеживается стремление национальной буржуазии использовать национальную идею для достижения своих особых целей, для затушевывания классовых противоречий внутри нации. Более четко сказалось буржуазное содержание так называемой национальной идеологии³.

Одним из компонентов идеологии национального движения оставалась идея славянской общности (взаимности, сотрудничества, сближения славянских народов). Эта идея закрепилась в национальном самосознании чешского народа в конце XVIII—начале XIX в., находя основания в близости языка, происхождения, в определенной мере исторических судеб и культуры чехов и других славян. Однако в политической жизни славянских народов второй половины XIX в. этническое родство не могло иметь решающего значения. Процесс формирования чешской нации определял место идеи славянской общности в ее национальной идеологии и политической борьбе. Лишь наличие общих интересов и стремление получить поддержку того или иного славянского народа вело к установлению активных контактов, возникновению различных политических интерпретаций идеи славянской общности⁴. Речь шла не о панславизме, в чем обвиняли зарубежных славян их противники, а о борьбе за национальные интересы.

В начале 60-х годов XIX в., когда в политическую борьбу включились народные массы, идея славянской общности приобрела мощный потенциал. В рядах ее пропагандистов оказались представители основных течений национального движения. Разногласия по вопросам политической тактики, различное решение проблемы союзников (а во всем этом сказывались социальные интересы) вызывали противоречия в подходе к идее славянской общности и в определении ее роли в судьбе чешского народа.

В 60-е годы XIX в. идея славянской общности у чехов уже не являлась по преимуществу предметом построения широких концептуальных систем. По сравнению с предыдущим периодом она в большей степени стала вопросом политической практики — использовалась буржуазией как орудие политической борьбы. Важное место в идеологическом арсенале чешского национального движения занимали австрославизм и русофильство. Данные идеи должны были служить целям национального движения. Основой политической практики либералов всегда оставался австрославизм, а русофильство, вдохновлявшееся уже тем, что «существует Россия» как великая славянская держава, проявлялось в надеждах на помощь со стороны России (разных кругов русского общества) чешскому освободительному движению — помочь моральную и, возможно, когда-нибудь политическую. По мере развития русской культуры в XIX в., в особенности литературы, получившей мировое значение и признание, ко всему сказанному добавлялась гордость за творческие возможности славянства, что укрепляло уверенность чехов в своем будущем.

Та или иная интерпретация идеи славянской общности определялась конкретной ситуацией и интересами разных социальных слоев.

Чем более радикальной и демократической была та или иная группировка, тем смелее она сочетала элементы «славянских представлений» с идеей сотрудничества всех народов в борьбе за освобождение.

Преобладающей чертой «славянских идей» был либерализм, который определял основную политическую линию чешского национального движения, воплощенную в доктрине австрославизма и программе превращения империи в буржуазно-конституционную федерацию равноправных народов. Эта программа в условиях того времени, как и ранее, соответствовала экономическим и политическим интересам чешской буржуазии. Политические соображения заключались в том, что с падением Австрийской империи все народы могли бы стать объектом экспансии сильных соседних держав⁵. Буржуазные преобразования, осуществленные в конце 50-х и в 60-е годы XIX в., обусловили сохранение иллюзий о возможности федерализации монархии. Еще более очевидной стала подчиненная роль «славистских концепций» как вспомогательного средства для всестороннего развития чешской нации.

Австрославизм оставался ведущей концепцией чешского национального движения вплоть до распада Австро-Венгрии в 1918 г. Эта концепция не была полностью сформулирована в каком-либо одном документе. Оформление австрославизма в целостную политическую доктрину приходится на 40-е годы XIX в. и главным образом на время революции 1848—1849 гг. Однако истоки этой доктрины относятся к последним десятилетиям XVIII в. и прослеживаются в выступлениях чешских просветителей и «будителей» в защиту чешского языка и культуры (так называемый «культурный австрославизм» Й. Добровского, Ф. Пелцла, Б. Больцано).

В 40-х годах XIX в., когда чешское национальное возрождение вступило в новый этап своего развития, связанный с разработкой политической программы, особое значение приобрел вопрос об отношении к государству, в котором жили чехи.

В развернувшейся в начале 40-х годов острой полемике между венгерскими, чешскими и словацкими публицистами⁶ были выражены в систематизированном виде важнейшие принципы австрославизма. Так, видный аристократ граф Лев Тун высказал мнение, что Австрия является для славян «единственно приемлемым и возможным государственным организмом», ибо необходимость обеспечения их безопасности побуждает народы монархии держаться вместе. Л. Тун говорил от имени части дворянства, считавшей целесообразным в интересах упрочения Австрийской империи проведение реформ, которые могли бы ослабить нараставшие национальные противоречия. Эти реформы, удовлетворив требования славян в области языка и культуры, не потребовали бы, по мнению Туна, кардинальных перемен в политическом устройстве Австрии. Взгляды Л. Туна импонировали чешской буржуазии, и поэтому его выступление в защиту чехов, словаков и других славян было благожелательно встречено ведущими деятелями чешского и словацкого национального возрождения.

В обсуждении проблемы приняли участие и идеологи чешской буржуазии, внесшие вклад в разработку концепции австрославизма. Так, в статье Я. В. Воцела «Денационализация славян» (Аугсбург, 1841) утверждалось, что сохранение Австрийской империи представляет для славян «жизненный интерес», ибо только она сможет защитить славян от зарубежных держав и Венгрии. В этом основа верности славян правящей династии. В брошюре Я. Малого (Лейпциг, 1845 г.) говорилось, что Австрия должна проявить благожелательность к «славянским стремлениям». Так был сформулирован один из главных тезисов австрославистской доктрины. В этих заявлениях уже нашли отражение элементы программы чешской буржуазии в революции 1848–1849 гг.

Наиболее полно обосновал австрославизм как политическую программу известный писатель и публицист К. Гавличек-Боровский. В 1846 г. он опубликовал статью «Славянин и чех»⁷, явившуюся политическим манифестом чешского либерализма. Гавличек подверг критике идею славянской взаимности поэта и просветителя Я. Коллара, исходившую из общности социальных и культурных устремлений всех славян и их лояльности по отношению к правящим династиям. Уверенным тоном представителя уже утвердившейся нации К. Гавличек заявлял, что славяне состоят из ряда самобытных, хотя и родственных народов, между которыми существуют и противоречия. Из этого Гавличек делал важный вывод о том, что не может быть ни общего славянского отечества, ни единого славянского патриотизма. Отечеством для чехов является Чехия, Моравия и Силезия, к которым Гавличек, в соответствии с идеей чехословакизма (единого чехосlovakского народа), присоединял Словакию.

Выступление Гавличека было продиктовано тем, что либеральная буржуазия как руководящая сила чешского общества нуждалась в самостоятельной национально-политической идеологии, отражающей самобытность чешской нации, в которой были бы сформулированы и ее взаимоотношения с другими славянскими народами.

Таким образом, австрослависты строили отношения между славянами не на их племенном родстве, а на основе интересов каждой нации, по существу — интересов национальной буржуазии. Поэтому в качестве условия союза чехов с другими славянами Гавличек поставил принцип «общей пользы». Исходя из этого, он отдавал предпочтение «иллирам», к которым, согласно теории единого югославянского народа, относил хорватов, словенцев, сербов, входивших в состав Австрии. В этом сказалось стремление чешской буржуазии утвердить свое экономическое и политическое влияние на юге монархии, а затем и на Балканах.

Гавличек утверждал: «Австрийская монархия есть наилучшая гаранция сохранения нашей и иллирийской национальности, и чем больше возрастет мощь Австрийской империи, тем надежнее положение наших народностей». Один из основных элементов австрославизма состоял в том, что австрийские славяне только в составе Австрии имеют возможность сообща защищать свои национальные интересы. Таким образом, представление о недостаточности собственных национальных сил для независимого государственного развития стало одной из причин ориентации чехов на Австрийское государство.

В ходе революции 1848—1849 гг. Гавличек в качестве главного союзника чехов прямо называл династию Габсбургов: «...нам, славянам, очень важно сохранить Австрию, династии Габсбургов также очень важно сохранить Австрию, следовательно, будем держаться династии, будем держаться монархического принципа»⁸. Хотя в период революции австрослависты отстаивали требование конституционной буржуазной монархии, либеральный австрославизм явился основой соглашательства чешской либеральной буржуазии с силами реакции.

Последним перед революцией 1848—1849 гг. сочинением, касавшимся австрославистской доктрины, явилась статья Я. В. Вонцела «Будущность чешской народности», в которой чехи вновь рассматривались как славянский и вместе с тем как европейский народ⁹.

Здесь же подчеркнем, что обоснование интересов чешской нации как особой общности не противостояло идеям культурного сотрудничества между славянскими народами. Сам Гавличек был пропагандистом достижений русской литературы.

В оформлении австрославизма важное место занимала идея чехословакизма. В течение почти всего периода чешского национального возрождения идея близкого родства чехов и словаков находила воплощение в выделении «чехословацкого племени» в составе «славянской нации» (по терминологии Я. Кодлара).

Чешские «будители» поддерживали эту теорию, тем более, что вплоть до 40-х годов в качестве литературного языка в Словакии был распространен чешский. Успехи формирования словацкой нации и особенно кодификация Л. Штуром и его соратниками словацкого литературного языка вызвали кризис идеи чехословакизма. Большинство ведущих чешских деятелей (К. Гавличек, Ф. Палацкий и др.) протестовали против деятельности штуровцев. Особенно упорно боролись против «отделения» словаков от чехов чешские либералы, считая, что это наносит ущерб их общему делу. Отношения между штуровцами и чешскими австрославистами были почти прерваны, но в 1848—1849 гг. отказ деятелей немецкой и венгерской революции от признания национальных прав чехов и словаков способствовал сближению между чешским и словацким национальными движениями.

Разрабатывая планы федерализации Австрии, в основу которых был положен этнический принцип, Ф. Палацкий объединял Чешские земли и Словакию в одну группу. В начале 60-х годов Ф. Л. Ригер, формулируя принципы австрофедералистской программы, снова говорил о «едином чехословакском народе». И лишь с переходом к концепции «чешского исторического государственного права», т.е. с отказом от этнического принципа перестройки Австрийской империи, идея чехословакизма на несколько десятилетий исчезает из программных установок чешского национального движения.

Таким образом, австрославизм как доктрина чешской либеральной буржуазии был сформулирован полностью в период революции 1848—1849 гг. Тогда же принципы австрославизма нашли воплощение в программах чешского национального движения, возглавляемого либералами. Именно революция показала не только иллюзорность этой доктрины, но и ее реакционность, поскольку поиски путей перестройки монархии путем реформ и соглашения с династией, ориентация на сохранение Австрийской империи способствовали тому, что чешская либерально-монархическая буржуазия стала пособником контрреволюции.

Формулируя в 1848 г. австрославистскую программу, чешские либералы исходили из того, что первостепенное значение имеют не общедемократические, не социальные, а национальные проблемы. Хотя требование национального равноправия было прогрессивным, оно являлось лишь одной из задач, которые следовало решить в ходе революции. Чешская буржуазия не была заинтересована в последовательной, революционной борьбе за национальную свободу, а стремилась к такой степени национальной самостоятельности и равноправия, которая была бы совместима с сохранением Австрийской империи. Эта концепция противостояла революционным программам немцев, итальянцев и мадьяр, направленным на ликвидацию империи.

Одной из жгучих проблем чешского национального движения являлось отношение габсбургской монархии к немецкому объединительному движению. Позицию чехов выразил лидер либера-

лов Ф. Палацкий в своем «Послании во Франкфурт» от 11 апреля 1848 г., ставшем наиболее полным обоснованием австрославизма¹⁰. Палацкий заявлял, что «чехи не являются немцами» и что поэтому включение Чешских земель в состав будущей объединенной Германии не имеет оснований. Он выступил против вхождения Австрийской империи в состав Германии и развел идею превращения Австрии в конституционное федеративное государство, условием прочности которого является равноправие его народов.

Понимая, что утверждение капитализма меняет положение чешской нации в Европе, Палацкий, оперируя категорией «мировой централизации», согласно которой развитие человечества делает из европейских стран, ранее изолированных, нечто целое, пришел к выводу о принципиальной невозможности для небольших народов сохранить суверенитет национального государства. По Палацкому, даже славяне как целое не могли бы создать свое государство на обломках Австрийской империи из-за внешних врагов. Выражая интересы чешской умеренной буржуазии, Палацкий не видел для славян возможности создания независимых суверенных государств. Иллюзорность планов австрославистов была связана с мыслью о численном превосходстве славян в Австрийской империи, тогда как ее устройство определялось не этими (к тому же не совсем точными) цифрами, а мощью господствующих классов.

Если отбросить историко-философские теории Палацкого о «централизации» и тезисы Гавличека об «общенациональном интересе», то главным доводом в пользу австрославизма было то, что он соответствовал экономическим интересам чешской буржуазии. Именно так и ставили вопрос главные ее представители. В заявлении пражского общества «Мещанская беседа» от 16 мая 1848 г. прямо утверждалось, что Австрия защищает чешскую промышленность от иностранной конкуренции и обеспечивает чехам доступ на центральноевропейские и восточноевропейские рынки. Экономические аргументы в пользу сохранения габсбургской монархии в 1848—1849 гг. приводили различные группы. Одной из целей общества «Славянская липа», созданного в 1848 г., было изыскивать «для нашей торговли и промышленности пути, особенно в югославянские земли». В газете «Новины Слованские липы» говорилось: «Главной задачей австрийской торговой политики должно быть установление таможенного единства и торгового союза с Сербией и Боснией, а через них с Болгарией, Валахией и Молдовой»¹¹.

Руководствуясь экономическими интересами, чешские промышленники заявляли о своем враждебном отношении к освободительным движениям итальянцев и венгров. В письме Союза пражских торговцев в Вену от 25 августа 1848 г. говорилось, что борьба итальянцев угрожает чешской промышленности потерей рынка¹². Следовательно, чешская буржуазия уже в 1848 г. осознавала, что к Австрии ее привязывает заинтересованность в общемперском рынке.

В 60-е годы в связи с завершением промышленного переворота и упрочением позиций чешской буржуазии эти аспекты приобрели для нее еще большую значимость и проявились как в идеологии, так и в политике Национальной партии. Более того, создание Чешского государства, территории которого была бы определена согласно этническому принципу, не только лишило бы чешскую буржуазию имперского рынка, но ликвидировало бы внутренний рынок Чешских земель, ибо границы административных единиц Австрийской империи не совпадали с пределами расселения ее народов.

Главным в планах федерализации империи, разработанных Ф. Палацким в 40—60-х годах XIX в., было стремление решить проблему положения чешской нации на основе принципа национального равноправия в государственных масштабах. Идея австрийской федерации и разграничения функций центральной и автономных властей была сформулирована Палацким еще в проекте конституции Чехии, одобренном чешским Национальным комитетом 7 июня 1848 г. Та же идея прослеживается в принятых на Славянском съезде 1848 г. в Праге документах — «Адресе императору» и «Манифесте к европейским народам»¹³.

В конкретизированном виде представления Палацкого о федеративном устройстве Австрии содержатся в проектах, разработанных в сентябре 1848 г. и январе 1849 г. В первом, исходя из политической ситуации, Палацкий представил план федеративного устройства только австрийской части монархии, без Венгрии. В нем он группировал отдельные земли в более крупные единицы на основе территориально-исторического принципа (четыре группы земель — чешские, польские, австронемецкие и иллирийские), предусматривая национальное равноправие в каждой из них. Второй проект, представленный им Конституционному комитету имперского собрания, охватывал уже монархию в целом и исходил из этнического принципа формирования федеративных единиц. К пяти единицам австрийской части монархии (перечисленные выше плюс итальянские земли) Палацкий добавил три федеративные национальные единицы Венгерского королевства — венгерскую, румынскую и югославянскую. В проекте в чешскую группу была включена Словакия, а в отношении немецкого населения Чешских земель высказано предположение о возможности присоединения его к австронемецкой группе¹⁴.

Как видим, федералистские проекты Ф. Палацкого исходили из принципа «естественного права» и являлись либерально-буржуазной альтернативой как революционному решению национального вопроса в Австрийской империи, так и планам придворной контрреволюции. Предполагая существенные перемены в структуре государства, они представляли собой радикальное вмешательство в основные политические проблемы Австрии (Цислейтании), Венгрии (Транслейтании) и Германского союза. Поэтому как «крайне революционные» они были отвергнуты всеми консервативными силами. Но они не были поддержаны и немецкой

либеральной буржуазией, ибо шли вразрез с ее пониманием «единой» Австрии. Проекты австрийской конституции, составленные Палацким, уже в Конституционном комитете встретили сопротивление немецких централистов, которых там было большинство. Не поддержали их и поляки. Таким образом, еще до марта 1849 г., т. е. до разгона Кромержижского парламента, австрославистская программа потерпела неудачу.

Тем не менее в 1849 г. концепция федерализованной Австрии, несмотря на спад революции, продолжала обсуждаться. Чешская демократическая общественность, далекая от лояльности монарху, противопоставляла прежнюю Австрию будущей демократической, федеративной Австрии, основанной на равноправии народов. После поражения венгерской революции в 1849 г. федералистскую концепцию продолжали отстаивать либералы. В опубликованной 21 декабря 1849 г. статье Ф. Палацкого «О централизации и национальном равноправии в Австрии»¹⁵ снова был изложен проект федерализации империи. Ф. Палацкий писал, что централизация не годится для Австрии, ибо «противоречит нравственной основе империи и конституции — равноправию народов». Подчеркнув, что от решения национального вопроса зависит внутренний мир Австрии и ее положение в Европе, автор статьи повторил тезис о том, что автономия национальностей не должна наносить ущерба целостности государства и монархическому строю, лишь приспособленному к парламентарным формам правления. Ключевым моментом новой политico-территориальной структуры монархии, по Палацкому, оставался этнический принцип. Палацкий предлагал строить новую Австрию в виде союза семи групп земель — немецкой, чешско-словацкой, польско-русинской, венгерской, румынской, югославянской и итальянской. Статья была направлена против централизма, австронемецкого господства, восстановления абсолютизма и вызвала взрыв негодования со стороны правящих кругов. Установившаяся в Австрии система неоабсолютизма заставила Палацкого надолго устраниться от политической деятельности.

Глубокий идеиный кризис пережил и К. Гавличек. Уже в 1849 г. он осознал, что австрославизм поставил чехов в трагическое положение. И если сначала Гавличек видел причину этого в объективной ситуации, то в 1853 г., находясь в ссылке в Бриксене, он пришел к пониманию того, что именно политика либералов привела чешское национальное движение в тупик¹⁶.

В период неоабсолютизма австрославизм переживает кризис, но в начале 60-х годов с изменением общественно-политической ситуации и задач национально-политической борьбы он видоизменяется и дополняется. Однако суть реформистской программы осталась неизменной. В теоретико-политических построениях чешских либералов на передний план выступали теперь не интересы славянских народов монархии в целом, а вопрос о положении чешской нации. Австрославизм 60-х годов еще больше, чем раньше, характеризовался тем, что чешская буржуазия не была заинтересо-

сована в последовательной борьбе за свободу, а стремилась добиться таких национальных прав, которые были бы совместимы со существованием конституционной монархической Австрии.

Палацкий в ряде статей и выступлений в сейме изложил свое понимание национального вопроса и демократии как формы правления «непривилегированных» классов и высказал отрицательное отношение к революционным методам борьбы. Чешская буржуазия и ее идеолог Палацкий исходили из того, что габсбургская монархия якобы покоилась на «системе договоров», и этим обосновывали свое стремление заключить с ней новый, благоприятный для чехов «договор». Палацкий вновь предстает как умеренный либерал, сторонник превращения Австрии в конституционную монархию, которую он все еще мечтал реорганизовать в федерацию с национальным равноправием.

Приветствуя конституционные реформы начала 60-х годов, Палацкий был против «излишнего демократизма» и считал не нужным предоставление избирательных прав тем, кто живет наемным трудом. Он враждебно относился к рабочему движению и социалистическим идеям, всегда оставался лояльным династии, возражал против неправильной интерпретации его подчас резких высказываний о положении в Австрии, заявляя, что они не противоречат его принципиальной проавстрийской позиции.

Ф. Палацкий считал «естественным» разделение общества на основе имущественного неравенства и различного уровня образованности. Вместе с тем как в 1848—1849 гг., так и в 60-е годы он был противником политических привилегий дворянства, говоря, что «ядром нации являются имущие и образованные слои среднего сословия», т. е. буржуазия, а крупных землевладельцев необходимо привлечь к национальному движению и включить в структуру нации. Он полагал, что «нация тогда прочно утвердит свое существование, когда все слои населения будут признаваться ее неотъемлемыми частями»¹⁷ (имелись в виду как массы народа, так и дворянство). Из признания дворянства важной политической силой вытекала и поддержка Палацким курса его единомышленника, фактического лидера Национальной партии Ф. Л. Ригера на соглашение с представителем чешского «исторического дворянства» Г. Клам-Мартиницем о политическом союзе.

В 1860-х годах наиболее полное воплощение австрославистская концепция в ее модифицированной форме нашла в серии статей Ф. Палацкого под общим названием «Идея австрийского государства» (1865 г.). Обоснование Палацким национально-политической программы появилось в тот момент, когда ситуация в Австрии была сложной: дни правительства Шмерлинга с его концепцией «единой, централизованной Австрии» были сочтены, необходимость «нового курса» по отношению к упорной оппозиции венгров стала очевидной, а в близком будущем вырисовывалась война с Пруссией. Статьи Палацкого, особенно их теоретические аспекты, явились для второй половины XIX в. стратегическим руководством в политике чешской буржуазии.

Палацкий подчеркивал тщетность надежд на возврат абсолютизма и заявлял, что в основе построения Австрийского государства должны лежать принципы: «право и закон» и «ни одна нация не имеет прав на другую». Видя смысл существования габсбургской монархии в прошлом в защите Европы от турецкой экспансии, Палацкий писал о необходимости для Австрии в новых условиях иметь новую «нравственную идею». Такой идеей он по-прежнему считал идею национального равноправия и федерализма.

Краеугольным камнем его австрославистской концепции остался буржуазный принцип «естественного права» на национальное развитие. Как и в 1848 г., Палацкий исходил из идеи о «мировой централизации», причем малые народы, по его мнению, имеют «естественное право сохранить себя» в составе больших федеративных государств. Проанализировав три концепции построения Австрийской империи: централизм, дуализм и федерализм, Палацкий выступил против первых двух. В свой текст он включил почти дословно часть статьи Ф. Л. Ригера «Вниманию венских дуалистов» (газета «Народ», 9 ноября 1864 г.), где последний предостерегал от губительных последствий дуализма для империи. «Мы, чехи, — писал Ригер, — требуем сохранения Австрии и ее единства, ибо мы считаем, что, будучи не в состоянии надеяться на создание собственного суверенного государства, мы не сможем свою... национальность, свою культуру и автономную жизнь нигде и никак обеспечить лучше, чем в Австрии, но в Австрии свободной».

Палацкий внес корректизы в свою концепцию, выдвинутую в период 1848—1849 гг., где отдавалось предпочтение этническому принципу. Ссылаясь на изменение политических условий, а также на популярность, которую получила у правительства и некоторых народов теория «историко-политических индивидуальностей» венгерского барона Этвёша (ее автор отстаивал сохранение исторических провинций как территориально-политических единиц), Палацкий предложил положить в основу федерации комбинацию исторического права с этническим принципом. Однако чешский буржуазно-национальный идеолог не поддержал консервативный принцип автономии коронных провинций и «королевств», отстававшийся Этвёшем и богемским «историческим дворянством»¹⁸, а занял позицию, продиктованную интересами чешской буржуазии, формировался чешской нации, которая нуждалась в политическом объединении национальной территории.

Палацкий предложил план устройства австрийской федерации, состоящей из комплексов земель. Во главе каждого комплекса — генеральный сейм наряду с сеймами для каждой земли. Для обеспечения национального равноправия на заседаниях генеральных сеймов могли применяться два-три языка. Палацкий выступил против привилегий для какого-либо языка. Представляет интерес построение Палацким комплексов земель. Так, по его мнению, несомненно выделение чешских, польских и итальянских земель; возможно также объединение словенцев в «иллирийское

королевство». В Венгрии он выделил Хорватию и Трансильванию, оставляя словаков, закарпатских украинцев и сербов в венгерской группе, а галицийских украинцев — в польской. Таким образом, в своем проекте — фактически ради «государственного права» венгерских и польских магнатов — Палацкий отступил от принципов равноправия народов.

Поскольку в 1865 г. вопрос об австро-венгерском дуализме принял конкретные формы, а для чешской буржуазии было очевидно, что сил для осуществления федерации недостаточно, Палацкий предостерег правительство от роковых последствий дуализма и попытался запугать власти панславизмом. «День провозглашения дуализма, — заявил он, — ... станет днем рождения панславизма в его наиболее нежелательной форме... Мы, славяне, будем смотреть на это с искренней болью, но без боязни. Были мы до Австрии, будем и после нее!»¹⁹ В вызвавших сенсацию словах Палацкого отразились его сомнения в способности Австрийского государства выполнить свою «историческую миссию» — удовлетворить национальные потребности народов. Но едва ли можно полагать, что Палацкий усомнился в том, что Австрия является гарантом национального существования чехов.

Выдающийся чехословацкий ученый З. Неедлы высоко оценивал Ф. Палацкого как первого из поколения «будителей», выдвинувшего перед чешским народом «политические задачи и цели»²⁰. Однако Неедлы имел в виду не его политическую деятельность, а разработку им как ученым-историком прогрессивных для своего времени концепций, оказавших огромное влияние на национальное самосознание масс народа, на формирование нации.

Типичным умеренным буржуазным либералом являлся и Ф. Л. Ригер. Землевладелец и член акционерных компаний сахарозаводчиков, Ригер подчеркивал, что лучше, чтобы все происходило законным путем, а не «посредством крика на улицах»²¹. В 60-е годы он в программных требованиях Национальной партии развивал политические концепции Ф. Палацкого.

Решая проблему союзников в борьбе против централизма, а после 1867 г. — дуализма, чешские национальные деятели обращались к лидерам национальных движений народов, развивавшихся в сходных условиях. В рамках габсбургской монархии в борьбе с австронемецкой буржуазией чехи были заинтересованы в сотрудничестве с хорватами, словенцами, сербами Воеводины, поляками Галиции. В начале 60-х годов XIX в. чешские лидеры стремились к созданию блока славян, венгров и румын на платформе борьбы с централизмом. Интенсивные контакты чехов с венгерской оппозицией вплоть до 1865 г. свидетельствовали о том, что «славизм» не определял политической ориентации чешской буржуазии, как, впрочем, и ведущих политических сил поляков, сербов и др. Попытки установления чешско-хорватского сотрудничества относятся ко времени деятельности рейхсрата в марте—октябре 1860 г. Наиболее интенсивно эти отношения развивались в 1865—1866 гг. Тезис о том, что «равноправие славян может

спасти государство от развала», являлся основой сотрудничества. Характерной особенностью развития отношений между чешским и польским движением (в Галиции) было то, что сближение с чехами со стороны польских помещиков и немногочисленной буржуазии, отстаивавших программу провинциальной автономии, рассматривалось исходя из возможности австро-польского компромисса и обеспечения привилегий польским господствующим классам в Галиции. Поэтому польское национальное движение оказалось ненадежным союзником других либеральных славянских национальных движений в их стремлениях перестроить империю.

Различия в положении отдельных наций, в классовых интересах их ведущих сил и как следствие этого — несовпадение их национально-политических утремлений предоставляли правящим кругам монархии простор для маневрирования и использования в своих целях межнациональных конфликтов²². Выдвигаемые чешскими политиками идеи не всегда устраивали их возможных союзников. Так, поддержка чешскими и хорватскими либералами «исторического права» оставляла в стороне словенскую буржуазию, словацкое и украинское национальное движение. Чешские планы федерализации монархии были неприемлемы для сербских либеральных, а тем более демократических кругов.

В середине 60-х годов в ходе борьбы с грозящим австро-венгерским дуализмом идея славянской общности использовалась как основа для выработки политических программ. Таков был проект переустройства империи Ф. Ригера (1866 г.)²³. Проект получил одобрение ряда представителей австрийских славян. Это была первая попытка соглашения приверженцев исторического государственного права — чехов (Палацкий, Ригер, Пражак), поляков (представители аристократии граф А. Голуховский, князь Е. Любомирский), хорватов Триединого королевства (Й. Штросмайер). Словенцы, которые согласно проекту оставались в пределах немецкой административной единицы, были разочарованы. Однако, несмотря на единство цели — добиться в преддверии дуализма определенных уступок для славян — их сближение оказалось недолговечным. Несколько позднее, удовлетворив требования польских магнатов, правительству удалось предотвратить сплочение всех славян монархии. Выяснилось, что возможности совместных действий славян не имеется.

Пропаганда либеральной буржуазией единства «чешского лагеря» предполагала разработку единой программы. В 60-е годы такая роль предназначалась программе Национальной партии, опубликованной 1 января 1861 г.²⁴ События, однако, показали, что толкование этой программы идеологами различных течений не было одинаковым. Спустя два года один из деятелей леволиберального крыла партии Ю. Грегр заявил, что политическая позиция Палацкого и Ригера противоречит интересам большинства народа²⁵. Левых либералов отличали от правых оппозиционность

к крупным помещикам, представительство интересов мелкой буржуазии городов и зажиточного крестьянства, растущей сельской буржуазии. Разногласия между правыми и левыми либералами по тактическим и политическим вопросам не касались, однако, их национальной программы: и те и другие выступали за сохранение и федерализацию монархии.

В 60-е годы в связи с переходом правящих кругов к политике реформ возродилась иллюзия о возможности сотрудничества с династией. Бывшие радикальные демократы во главе с К. Сладковским, теперь примкнувшие к либералам, видели в «единственной в своем роде» Австрийской империи защитницу малых народов от внешних врагов. К. Сладковский полагал, что для «земель чешской и венгерской короны» не может быть речи о полной самостоятельности²⁶. Сладковский, ставший впоследствии одним из лидеров младочехов, подчеркивал, что для славянских народов, в том числе чехов, интересы империи превыше всего. В период перестройки монархии на принципах дуализма Сладковский и его единомышленники стали еще более рьяно выступать в роли защитников единства монархии.

В конце 60-х годов, в период наибольшего размаха национально-политической борьбы в Чешских землях, явившейся ответом на централистские тенденции в австрийской части двуединой монархии, мишенью для политиков из леволиберального лагеря служила не династия, а правительство и его политика. При этом они не сомневались, что «и в этих условиях чехи не выступят за распад габсбургской монархии»²⁷. Подчеркивание законного характера требований чехов, стремление во что бы то ни стало избежать революционных потрясений свидетельствовали о повороте вправо бывших радикальных демократов. Сладковский и его сторонники утверждали, что реформы — движущая сила прогресса и что для ликвидации барщины нет необходимости в революции²⁸.

Отказ от революционного пути решения чешского вопроса леволиберальные политики аргументировали «национальным характером» чехов. Они призывали правящие круги пойти на уступки чехам во имя сохранения государства и в знак благодарности за их «австрийский патриотизм». Сладковский возлагал надежды на возможность завоевания большинства в чешском сейме, что могло, по его мнению, сделать в будущем позицию леволиберальных деятелей более независимой от правых лидеров Национальной партии.

Разногласия по общеполитическим и тактическим вопросам в конечном счете привели к расколу Национальной партии в 1874 г. и созданию старочешской и младочешской («свободомыслящей») партий. Первая теряла влияние. Вторая превращалась в главную партию значительно окрепшей чешской торгово-промышленной национальной (и националистической) буржуазии. С точки зрения процесса складывания социальной структуры чешской буржуазной нации этот факт свидетельствовал о консолидации одного из ее основных классов.

Сторонники национального суверенитета составляли особую буржуазно-демократическую группу. В нее входили интеллигенты-разночинцы, студенты, левые журналисты: Й. Барак, князь Р. Турн-Таксис, щедро финансировавший радикальную печать, А. Котик, В. Фрич (брать И. В. Фрича) и др. Действовавший в эмиграции И. В. Фрич выделялся в этой группе особым радикализмом.

Указанная группа придерживалась антигабсбургских взглядов. Вместе с находившимися вне Чехии И. В. Фричем, А. Стражкой и другими некоторые ее представители проповедовали создание вместо Австрийской империи самостоятельных государств и их последующее объединение в демократическую федерацию. Полемизируя с Ф. Палацким по вопросу о нежелательности дробления славян монархии, радикальные публицисты в принципе считали завоевание национальной свободы, суверенитета первоочередной задачей всех народов, испытывавших национальный гнет.

В газете «Чех» (Женева, 1861—1862 гг.), журнале «Бланик» (Берлин, 1868 г.), а также в статьях, относящихся к 1863—1864 гг. и к 1867—1868 гг. (статьи печатались как на родине, так и в эмигрантской прессе), И. В. Фрич противопоставлял австрославистской доктрине героическую борьбу за независимость, которую вели поляки и итальянцы²⁹. Он писал о габсбургской Австрии как о «тюрьме народов», существование которой «потеряло смысл», поскольку она является препятствием «всеобщему прогрессу и миру». Фрич доказывал невозможность «соглашения между чехами и домом Габсбургов». Лояльность к династии, подчеркивал он, противоречит интересам народов. Фрич обосновывал важный вывод о том, что «свобода чешского народа не может существовать изолированно, она связана со свободой всех народов». Он обращался к соотечественникам с призывом избрать путь упорной борьбы и неисчислимых жертв. Осмысление уроков революционных событий 1848—1849 гг. в Чешских землях, участником которых он был, стало важной вехой в развитии идейных воззрений И. В. Фрича в 60-е годы.

Фрич сделал вывод, что лидеры чешской буржуазии «сошли с пути свободомыслия» и не являются представителями народа. В опубликованной им в 1868 г. брошюре подводился итог прошедшему со времени революционных событий двадцатилетнему периоду в жизни чешского народа, в ней подчеркивалась «диаметральная противоположность» позиции «правых» и сторонников демократии³⁰.

В самой Чехии с резкой критикой австрийских властей выступала радикальная пресса — органы Й. Барака «Свобода» и «Правда». Исходя из того, что Австрия является препятствием для политической жизни входивших в ее состав народов, и оспаривая «идею Австрийского государства» Палацкого, радикальная пресса отвергала тезис об отсутствии самостоятельного будущего у чешской нации. Задумываясь над будущим «малых народов»,

представители чешского радикализма считали, что от угрозы пангерманизма и панславизма их сможет защитить созданная на месте габсбургской монархии и Османской империи федерация равноправных народов. Вопрос о форме этого объединения они оставляли открытым. По мнению Фрича, принципами такой федерации должны стать добровольность объединения народов и признание за каждым из них «неотъемлемого права на самоопределение и самобытное национальное развитие»³¹.

Радикальная публистика уделяла значительное внимание борьбе народов Европы за независимость и демократию. Сообщения о героизме итальянцев, поляков, болгар, испанцев находили живой отклик в широких слоях чешского общества. Подчеркивая, что правительства Англии, Франции, Турции являются противниками борцов за свободу, радикалы предсказывали приближение решающих битв в Болгарии, Сербии, Румынии.

Широкое освещение революционных событий в Европе было характерной чертой журнала «Бланик». Он знакомил чешскую общественность с программами демократических партий европейских стран, отстаивал общность целей в борьбе различных народов против национального угнетения.

В отличие от консервативно-либеральных политиков, ссылавшихся на специфический характер условий, в которых находилась чешская нация, представители национально-радикальных кругов провозглашали право всех без исключения, а не только «исторических», народов на самостоятельное существование и подчеркивали, что каждый народ должен решать вопрос о своей судьбе без давления извне. Представители левого крыла национального движения возражали не только против привилегий дворянства, но и союза национального движения с ним, что предлагали староучехи.

Для консервативно-либеральных политиков апелляция к «историческим правам» была связана с их тактикой лояльности по отношению к династии, следствием чего явились призывы к спокойствию и ожидание уступок со стороны императора. Радикалы же пропагандировали необходимость активной борьбы. Исходя из опыта событий 1848—1849 гг., они призывали народ не строить иллюзий насчет того, что правительство будет считаться с интересами чехов.

Как показал опыт 1860—1867 гг., в Чехии не оказалось реальных возможностей для борьбы за независимость, поэтому Й. В. Фрич допускал соглашение с властями, но при условии выполнения ими требований, выдвинутых массами на митингах (таборах) 1868—1871 гг.: автономия Чехии, демократизация общественной жизни, всеобщее избирательное право, искоренение феодальных пережитков и т. д. Так понимали чешское государственное право сами народные массы.

Связывая задачи национального освобождения с демократическими преобразованиями, радикалы привлекали внимание общественности к глубоким социальным контрастам в обществе: сосредоточению на одном его полюсе роскоши, богатства, а на

другом — бедности, нищеты³². Социальные вопросы наряду с политическими являются составной частью радикальной программы улучшения существующих отношений, как утверждал К. Сабина³³. Именно поэтому мелкобуржуазные радикалы выражали сочувствие испытывавшим лишения трудящимся — крестьянам, рабочим, ремесленникам, с тревогой писали о росте эмиграции вследствие голода и нищеты масс, о бедственном положении и волнениях рабочих, «в поте лица добывающих свой хлеб», возмущались тем, что предприниматели смотрят на рабочих, благодаря труду которых они «набивают карманы», как на рабов³⁴.

Радикальная печать обращалась с гневными словами в адрес организаторов кровавых расправ полиции и войск над стачечниками. Но мелкобуржуазные радикалы не выходили за вполне приемлемые для буржуазии рамки филантропии, благотворительности и идей примирения рабочих и капиталистов. Они призывали общество обеспечить бедноту работой, справедливо ее оплачивать, заботиться о просвещении и «моральном совершенствовании» масс с тем, чтобы вовлечь рабочих в национальное движение под руководством буржуазной интеллигенции. «Необходимо воспитывать у рабочих любовь к труду и собственности, тогда они возвысятся в моральном отношении, и у них исчезнут злость и ненависть», — писала радикальная газета «Свобода». Таким образом идеологи мелкобуржуазного радикализма надеялись избежать социальных потрясений и не допустить того, чтобы «народ начал разрушать стены Пражского града»³⁵.

В 60-е годы представители радикального крыла национального движения — Й. В. Фрич, К. Сабина, Й. Барак — протестовали против политики либералов, стремившихся, по их мнению, «усыплять общественное мнение», в то время как «крайняя необходимость состоит в том, чтобы пробуждать народ»³⁶. Некоторые из них были сторонниками республики. Решение наболевших социальных вопросов радикалы предлагали отложить до завоевания независимости Чехии. Лишь тогда, по их мнению, станет возможным улучшение экономического положения всех слоев народа, в том числе и рабочих. Вместе с тем они осуждали выдвижение каких бы то ни было требований по улучшению положения отдельных классов в ущерб «общенациональным интересам», выступали против классовой организации и классовой борьбы рабочих, подчеркивая, что последние являются составной частью «единой национальной семьи чехов». Так, например, Барак наряду с самоусовершенствованием рекомендовал рабочим объединять свои небольшие средства и стремиться стать совладельцами предприятий, а затем его хозяевами³⁷.

К. Сабина в 60—70-х годах, как и ранее, проповедовал идеи утопического, мелкобуржуазного социализма. Он считал, что необходимы социальные реформы, так как все общественные дела «находятся на краю пропасти». Реформы, просвещение рабочих, «духовная революция», по его мнению, должны предотвратить социальную революцию. Рабочих Сабина рассматривал как по-

тенциальных борцов за национальную свободу. Он и Барак редактировали издания для рабочих, выдержаные в буржуазно-просветительском духе. О буржуазном радикализме как явлении международном К. Маркс писал, что ему присуще стремление «внушить народу, что классового угнетения не существует», в связи с чем у радикалов «для рабочих находится лишь несколько пустых фраз»³⁸.

Радикалы (особенно журнал «Бланик») писали также и об остатках феодальных отношений в деревне, бесправии и разорении крестьян, выступали в защиту мелких производителей. В журнале была перепечатана статья М. А. Бакунина, в которой говорилось, что залог всемирно-исторической миссии славян — в общине. Но национальная проблема всегда находилась для радикалов на первом плане, так как враги, по их словам, стремятся «стереть с карты Европы славное Чешское королевство»³⁹. В начале 70-х годов мелкобуржуазный национальный радикализм, присущий левому крылу младочехов (чем, в сущности, и являлись радикалы — буржуазные демократы), сходит на нет. В условиях консолидации дуализма и международной обстановки в Центральной Европе ему не оставалось места.

В области межславянских отношений (вне габсбургской империи) чешская буржуазия формулировала свои идеино-политические концепции в зависимости от внешнеполитических событий. Понятно, что обе сферы — внутриавстрийская и внешняя — находились во взаимосвязи.

Как утверждал Ф. Палацкий, идея федерализованной Австрии всегда предполагала дружественное развитие взаимоотношений с Россией и другими государствами⁴⁰. Заметное влияние на чешских деятелей оказала агитация славянофилов в России, для которых после Крымской войны славянский вопрос стал составной частью общественно-политической деятельности. К концу 50-х годов XIX в. была подготовлена почва для развития сотрудничества между русскими и чешскими деятелями⁴¹. Русофильство как концепция, ориентированная на поддержку чехов со стороны России, получила новый импульс в начале 60-х годов. В значительной степени она питалась за счет иллюзий о вступлении царской России на путь либерализма и конституционности⁴². «Обновленная Россия» вдохновляла деятелей чешского национального движения в их борьбе против централизма, за развитие национальной культуры, всей духовной жизни. Отмена крепостного права правительством Александра II, проведение реформ способствовали идеализации российского монарха и самодержавного правительства среди чешских умеренно-либеральных кругов. В то же время в 60-е годы сохранялось убеждение, высказанное еще в 30—40-х годах, что необходимо видеть грань между Россией Зимнего дворца и русским народом. Чешской публицистикой довольно последовательно проводилась мысль, что угнетение поляков мешает укреплению русофильства у австрийских славян.

Устремления славянофилов заключались в поисках благоприятного для помещичье-буржуазных кругов перехода от крепостничества к новому обществу. Поэтому они утверждали, что революционные пути органически чужды славянству. Славянофилы поддерживали капитализм в промышленности, но намеревались сохранить помещичью собственность и общинный быт крестьянства. «Отеческая» опека царя над Россией и помещика над общиной, якобы способной предотвратить социальную дифференциацию и политизацию крестьянства, — таков консервативно-реформистский (в сущности утопический) идеал славянофилов. Важнейшее средство его осуществления они видели в православии. Считая его истинно-славянской религией, они уделяли огромное внимание критике католицизма.

Но вопреки этим идеяным установкам славянофилы оказывали материальную поддержку школам, матицам, газетам славян-католиков (в Словении, Словакии, Хорватии). Заслуга славянофилов состояла в выражении сочувствия угнетенным славянам (кроме поляков!), хотя несравненно глубже эту проблему поставила русская демократическая публицистика. Некоторые славянофилы считали возможным осуществление австрославистских идей, однако большинство было настроено австрофобски. Религиозные принципы славянофилов и их панславистские тенденции встречались критически славянской либеральной общественностью, но их стремление избежать «потрясений» было близко либерально-консервативным кругам. Характерно, что аналогичные мысли выражали польские консерваторы в Галиции уже в связи с католицизмом. Славянофильская система взглядов, противопоставлявшая славян Западу, была неприемлема для чешских либералов, сторонников парламентаризма. При всем том существенное значение для них имели реформистские и прославянские настроения славянофилов.

В 60-е годы у чешских либеральных деятелей складывается понимание панславизма как течения общественной мысли, подразумевающего политическое объединение (в любой форме) славянских народов под эгидой царской России. В публицистике начала 60-х годов подобная идея характеризуется как «политический сон»⁴³. Поскольку любые идеи межславянского сотрудничества рассматривались шовинистическими немецкими и мадьярскими кругами как панславистские, чешские национальные деятели с осторожностью обращались и с термином «литературный панславизм», под которым подразумевалось культурное сотрудничество между славянами.

В указанное десятилетие чешское русофильство переживало периоды оживления и спада. Так, заметный кризис русофильства вызвали события 1863—1864 гг. Лагерь русофилов не был единым и постоянным. В зависимости от развития событий под знамена русофильства собирались представители различных течений общественно-политической мысли, иными словами, падение или рост интереса к этой концепции вел к изменению в соотношении сил внутри русофильского лагеря. Русофильство деятелей право-

либерального и леволиберального направлений различалось по ряду позиций, и прежде всего оценкой внутриполитического развития России, ориентацией на те или иные общественные круги в российском обществе. Существенным критерием было разное понимание способов достижения целей чешского национального движения.

Восстание 1863—1864 гг. в Королевстве Польском привело к вспышке полонофильских настроений в леволиберальных, буржуазно-демократических кругах чешского общества⁴⁴. Польское восстание, провозгласившее идею национальной свободы, служило примером последовательной борьбы за восстановление самостоятельной государственности. Однако столь радикальные методы борьбы и включение социальных мотивов в национальную политику были неприемлемы для ведущих группировок чешской буржуазии.

В связи с подъемом освободительной борьбы в Польше, а затем польским восстанием чешский национальный лагерь разделился на три главных направления. Консервативно-либеральное русофильство оказалось на правом фланге в структуре чешской общественно-политической мысли того периода и быстро теряло популярность. Умеренные либералы (Палацкий, Ригер, Браунер) по-прежнему критиковали российское самодержавие. Но в условиях революционной борьбы в Польше отношение к царизму как «неизбежному злу» обнажало ограниченность их взглядов. Палацкий отрицал обвинения в том, что он «когда-либо мог видеть спасение славянства в русском царе». В ответ на критику со стороны буржуазно-демократического крыла он подчеркивал, что «спасение славянства — в нем самом»⁴⁵. Вместе с тем польское восстание Палацкий расценивал как «великое несчастье» для славян, особенно для поляков. Он полагал, что восстание нанесет вред всему славянству, поскольку поляки будут вынуждены прибегнуть к помощи европейских государств. Подобная акция привела бы, по его мнению, к усилению германизации польских земель и оказала бы отрицательное воздействие на судьбы многих славянских народов.

Несмотря на идеологическое давление славянофилов, Ф. Л. Ригер не осудил полонофильства. В общей форме он заявил о необходимости провозгласить право борьбы угнетенных народов за свободу. Разгром восстания рассматривался им как удар по идее самоутверждения славян в качестве самобытных наций в Европе. Последнее было далеко не безразлично и для чешских национальных деятелей. Поддержка славянофилами правительенного курса вызвала недоверие к их программе, включавшей призыв оказать помощь национально-освободительным движениям славянских народов Австрии. Идейные разногласия между чешскими национальными деятелями и славянофилами стали более очевидными.

В то же время осуждение умеренно-либеральными чешскими кругами антирусских (в сущности, антицаристских) выступлений, поскольку те якобы вели к умалению величия России как защит-

ницы славянских народов, делало эту группировку все менее популярной в чешском обществе. Дело заключалось в отношении чехов не к русскому народу, а к царизму. Легальные методы борьбы, поиски компромиссов оставались для правых либералов единственным возможным путем решения и межславянских противоречий⁴⁶. Однако они видели слабые стороны в лозунгах польских повстанцев. Так, Ригер и Палацкий выступили против националистических планов польской шляхты по отношению к украинскому и белорусскому народам⁴⁷.

Наиболее многочисленным было леволиберальное или либерально-демократическое направление, сторонники которого (К. Сладковский, братья Грегры и др.) в газетах «Народни листы» и «Глас» выражали симпатии к повстанцам. Эти издания оказали решающее влияние на чешское общественное мнение. Приветствуя борьбу поляков, левые либералы, например Сладковский, в 1863 г. неоднократно подчеркивали, что чехи выступают не против русского народа, а против самодержавия. Размышляя о причинах поражения восстания, автор статьи в газете «Глас» отмечал, что восстание не стало делом всего польского народа. Отсюда делался вывод об ошибочности тактики сближения либерально-демократических сил со шляхтой⁴⁸.

Для радикалов были характерны не только восхищение повстанцами, но и оказание им легальной и нелегальной помощи, ненависть к самодержавию, острые критика чешских умеренных либералов. Фрич подчеркивал, что взгляды правых лидеров Национальной партии являются продолжением их контрреволюционной позиции в 1848—1849 гг., когда они «выступили против венгерской и германской демократии»⁴⁹. Эта позиция оказала влияние на формирование демократического, радикального течения в чешском национальном движении 60-х годов XIX в.⁵⁰

В то время как в консервативных и праволиберальных кругах чешского общества восхваляли царское самодержавие за отмену крепостного права, в радикальной среде подчеркивали вынужденный характер царской политики реформ, указывая на то, что Российская империя находится накануне социального переворота. Используя материалы «Колокола» А. И. Герцена, радикальная пресса начала 60-х годов привлекала внимание читателей к волнениям русских крестьян, обманутых царизмом⁵¹.

Демократические круги в Чехии солидаризировались с позицией Герцена, Огарева, Бакунина по польскому вопросу, помещали информацию о деятельности русских революционеров. Они приветствовали лозунг повстанцев «За нашу и вашу свободу», который подразумевал общность целей борьбы сил демократии России и Польши. Чешские демократы утверждали, что русское правительство «никогда не было представителем русского народа». Для Фрича русские — это прежде всего люди, подобные М. А. Бакунину⁵². И. В. Фрич обращал свои взоры к русским революционерам, преследуемым царскими властями, томящимся в тюрьмах и сосланным в Сибирь⁵³. Его деятельность в 50—60-х годах показывает, что лучшие представители чешской буржуазной

демократии предпочитали расплывчатым идеям «славянской взаимности» солидарность прогрессивных сил народов, в том числе и неславянских.

Во время поездки представителей западных и южных славян в Россию на Этнографическую выставку в мае 1867 г. Фрич был тревогу по поводу выдвижения на первый план идеи славянской общности в ущерб солидарности сил прогресса и демократии⁵⁴. Чешская буржуазно-демократическая печать взяла под защиту Фрича, на которого обрушились с бранью либералы и консерваторы.

В демократических кругах приветствовали идею славянской взаимности, поскольку она являлась основой в борьбе за национальную свободу. В 1867 г. радикальная пресса поместила письмо из Болгарии, в котором говорилось, что «все славянские народы — наши братья, но мы не хотим иметь ничего общего с антинародными династиями, даже если они славянские»⁵⁵. Славянскую солидарность представители чешской демократии понимали прежде всего как борьбу за общие цели освобождения народов от их угнетателей — реакционных правительств России, Австрии, Турции. Чешские буржуазные демократы разъясняли, что те, кто выступает за славянскую идею, ничего общего не имеют с панславизмом. Они утверждали, что стремление славянских народов опереться на мощь России, с одной стороны, и панславизм, с другой — это не одно и то же. Демократы призывали славянские народы на Балканах к бдительности в отношении царского самодержавия⁵⁶. Предсказывая славянским народам в будущем значительную роль, чешские демократы подчеркивали их право, подобно другим народам, на самобытное национальное существование.

Итак, в чешском обществе 60-х годов XIX в. не было противоречия между русофильской и полонофильской «концепциями». Если иметь в виду отношение к русскому и польскому народам (нациям), то чехи обычно были одновременно и русофилами и полонофилами. Как представители неполноправной славянской нации, боровшейся за свободу, чехи, включая идеологов национального движения, желали свободы и польскому народу. Водораздел начинался там, где вставала проблема методов освободительного движения и последовательности его целей: чешская консервативная и праволиберальная буржуазия — принципиальный противник революционного движения — осуждала восстание 1863 г., чешская буржуазная демократия поддерживала его. Насколько несостоятельной была шедшая еще от публицистики XIX в. внеклассовая характеристика чешских радикалов как русофобов свидетельствуют взгляды и деятельность наиболее активного из них — Й. В. Фрича, который, находясь в эмиграции, переписывался с А. И. Герценом, учился у М. А. Бакунина созданию революционной организации.

Поражение сторонников федерализма в 1866—1867 гг. привело к тому, что успехи в национально-политической борьбе в большей степени, чем в начале 60-х годов, были поставлены в зависимость

от внешних сил, в первую очередь от позиции России и Франции. Напряженная международная обстановка, освободительная борьба в Италии, на Балканах, усилия Сербии по созданию Балканского союза и поддержка Россией этих планов способствовали распространению идей славянской солидарности, вели к оживлению русофильских настроений. Утверждению этого течения способствовали и неудачи в деле сплочения австрийских славян в действенный блок, способный противостоять политике габсбургских правящих кругов.

Вершиной в развитии чешско-русских связей в 60-е годы XIX в. является уже упоминавшаяся поездка чешских национальных деятелей в Россию. Поездка австрийских славян на Этнографическую выставку в Москву в 1867 г. традиционно рассматривается как политическая демонстрация против антиславянской политики Австрии⁵⁷. Несомненно, чешские либеральные деятели (в составе делегации было 27 чехов из 62 славян Австро-Венгрии⁵⁸) понимали, что поездка в Россию приобретает политический аспект. Однако, исходя из австрославистской доктрины, чешские либералы и не помышляли о каком-либо политическом сближении с царским правительством. Визит в Россию имел политическую значимость в том смысле, что, учитывая международную обстановку, следовало противопоставить объединявшейся Германии единство славянских народов, опиравшихся на могущественную Российскую державу⁵⁹. Поездка на выставку свидетельствовала о готовности чехов вступить в переговоры с русскими общественными деятелями. Вместе с тем чехи пытались выяснить, какое воздействие на их положение может оказать Россия. Прежде всего они имели в виду укрепление общественных и культурных связей.

В то же время славянский съезд мог до некоторой степени прояснить отношение российских официальных кругов к национальным движениям славян Австрийской империи, показать, реально ли в условиях дуализма рассчитывать на поддержку со стороны России. Общение с представителями российских дворянско-буржуазных кругов, в первую очередь со славянофилами, могло помочь выяснить значение той или иной общественной группировки в стране как возможного союзника. Кроме всего прочего, это была акция, которая еще раз подтверждала ведущую роль чешской буржуазии в славянском мире вне России.

Поездка в Россию возмутила австрийские правящие круги и вызвала интерес у широкой общественности. Возвращаясь к полемике вокруг поездки в Москву, объясняя ее мотивы необходимостью переговоров о судьбе чехов в случае распада Австрии, Палацкий в июле 1868 г. писал: «Мы не вели никаких политических переговоров, тем более таких, которые бы ставили под сомнение существование Австрии, или таких, которые бы запятали нашу лояльность»⁶⁰. На славянском съезде идея политического объединения славян не обсуждалась, а чехи и другие австрийские славяне говорили о значении «культурного общения разноязычных и политически раздробленных групп»⁶¹.

Участие чехов в выставке способствовало оживлению русофильских настроений в Чешских землях. Это нашло выражение в различных формах: расширялось изучение русского языка, стали издаваться учебники, устраиваться выставки, окрепли научно-литературные связи⁶².

Превращение габсбургской монархии в парламентарное государство в 1867 г. изменило условия, в которых развивались национальные движения славянских народов. Русофильство конца 60-х годов сочеталось с укреплением ориентации на Францию. Поиски поддержки со стороны вероятных противников усилившейся Пруссии привели к тому, что возможность русско-французского сближения рассматривалась как благоприятный фактор для «внешней политики» чешского национального движения. Посещение Парижа Палацким и Ригером, направлявшимися в 1867 г. в Россию, визиты Ригера во французскую столицу в марте и июне 1869 г. и меморандум, предназначенный для Наполеона III⁶³, означали стремление «уравновесить» ориентацию чешской политики и на Россию и на Францию. Попытка чехов привлечь внимание французских правящих кругов к положению в габсбургской монархии не была оригинальной. Подобные акции предпринимали и хорватские политические деятели (Э. Кватерник в эмиграции, Й. Штросмайер), польские эмигранты, сербы.

Бурный рост чешского национально-политического движения, которое после 1867 г. приняло массовый характер, оказал влияние и на развитие идей славянской солидарности, и на форму их выражения. В 1868 г. на секретном совещании, на котором присутствовали приехавшие в Прагу на закладку Национального театра представители славян, К. Сладковский выступил с предложением создать Центральный славянский комитет, его поддержал Ю. Грегр. Но большинство присутствовавших отрицательно отнеслось к этой идеи⁶⁴.

На рубеже 60—70-х годов, в условиях подготовки к объединению Германии и пангерманской угрозы левое (младочешское) крыло Национальной партии оказалось склонным к принятию некоторых идей либерально-панславистского характера. Ситуация принуждала чешских леволиберальных деятелей искать поддержки вне монархии, в первую очередь в России. Так, некоторые из них считали желательным создание Федерации равноправных славянских народов или приглашение представителя династии Романовых на независимый чешский престол. Уже к концу 60-х годов стало ясно, что в России устойчивый интерес к славянам проявляли преимущественно славянофильские круги⁶⁵. Учитывая это, братья Грегры, Сладковский, Кучера в конце 1868 г. высказались за возможность признания русского языка «дипломатическим» языком славян⁶⁶. Однако подобные идеи не имели под собой почвы в обществе.

Чешская буржуазия по-прежнему наиболее последовательно отстаивала австрославистские принципы. Она опасалась панславистских настроений, которые, по ее мнению, наносили ущерб

национальным интересам и были слишком радикальны. Вместе с тем в выступлениях ведущих представителей чешской буржуазии нашли отражение чаяния чешской нации, которая отстояла свое существование в тысячелетней борьбе и стремилась и в дальнейшем развивать свою культуру и международные, в том числе межславянские, связи⁶⁷.

Языковая ситуация

В 70-х годах XIX в. чешская нация не только обрела полноту этносоциальной структуры, но и располагала кодифицированным, полнокровно функционировавшим во всех коммуникативных функциях литературным языком (наряду с достаточно широким набором форм существования этнического языка). В то же время значимость 50—60-х годов XIX в. на фоне эпохи национального возрождения с ее бурным языковым новаторством, четко оформленной языковой программой, с непререкаемым авторитетом Й. Добровского и Й. Юнгмана представляется некоторым более скромной. Подобное впечатление верно лишь отчасти, поскольку сопоставляя оба эти периода, нетрудно убедиться, что каждый из них имеет свою «сверхзадачу», свою целевую установку. Если национальное возрождение можно определить как эпоху языкового строительства, созидания основ нового, национального, литературного языка, то 50—60-е годы XIX в. — это период практической апробации языковой программы национального возрождения, некоторой ее корректировки с учетом изменившейся языковой ситуации, пересмотра принципов языковой эстетики.

Теоретическая концепция деятелей национального возрождения формировалась в экстремальных для чешского этноса условиях, когда, судя по словам Й. Добровского, дело чешского народа было совершенно безнадежным. Функциональный спектр чешского языка в это время был предельно ограничен. Примечательно, что изданный в 1763 г. Марией Терезией декрет гласил: «Чешский язык в королевстве Чехия и маркграфстве Моравия настолько прозябает в упадке, что большая часть старост и чиновников вообще не владеет этим языком. Существенная нехватка лиц, знающих чешский язык, сказывается на работе земских и высших судебных органов, а также городских магistratov. Посему на благо служения Его императорской милости, а также во имя сохранения порядка и справедливости крайне необходимо предпринять что-либо для того, чтобы возвысить язык, находящийся в таком упадке»⁶⁸. Следует отметить, что, несмотря на упадок чешского языка, все указы, декреты правительства и распоряжения земельных властей публиковались на двух языках — чешском и немецком. Употребление чешского языка было маркировано как социально, так и в коммуникативном отношении: он использовался прежде всего как средство бытового общения простого народа, главным образом крестьянства. Чехоязычная интеллигенция в XVIII в. едва начинала формироваться.

Хотя в конце XVIII—начале XIX в. чешский язык и использовался в двух важнейших коммуникативных ареалах: официальное общение — высшие коммуникативные функции (ареал А) и межличностное, неофициальное, непринужденное, повседневное общение (ареал Б), однако на практике оба они были существенно урезаны⁶⁹. Так, в ареале А с чешским языком конкурировали немецкий, отчасти французский и латынь. Жанровая структура чехоязычной литературы, судя по дошедшему до нас корпусу текстов, была крайне однообразна — это лишь литература так называемых низших жанров, предназначенная для простого народа: религиозно-наставительные, нравоучительные сочинения и т.п. Литература «высших жанров», т.е. художественное творчество в истинном смысле этого слова, в том числе поэзия, научные сочинения, в XVIII в. отсутствовала. Несмотря на то, что формально чешский язык наряду с немецким считался официальным, деловым языком, на практике в административной сфере господствовал немецкий. Только с 1774 г. чешский язык начал в ограниченной степени употребляться в сфере образования — в начальных (тривиальных) школах в сельской местности; в остальных формах начального обучения, а также в средней и высшей школе чешский язык практически не использовался. Норма литературного языка (имеется в виду письменный язык, устный литературный язык отсутствовал) была некодифицирована, нестабильна, а, главное, эклектична. Наряду с явными архаизмами он включал диалектизмы, элементы просторечья и т.д. Границы между нормой письменной и разговорной речи были практически размыты. Дефицит чешских обозначений для новых реалий и абстрактных понятий, обусловленный нарушением традиции использования чешского языка в ареале А, нередко восполнялся включением германизмов или новообразований.

Существенно урезанным и социально маркированным было использование разговорного чешского языка (ареал Б), где также ощущалась конкуренция немецкого. В городе преобладал билингвизм (при большей престижности немецкого языка). Мелкие ремесленники и городская беднота пользовались чешским языком, однако их речь была засорена германизмами. Что касается узкого круга национальной интеллигенции, в основном выходцев из крестьян, то использование чешского языка в сфере повседневного общения ей давалось не без труда, поскольку и в средней, и в высшей школе она вращалась в германоязычной среде, постигая чешский язык, как правило, из старых книг. В отличие от билингвизма городов языковая ситуация в деревне была моноязычной, поэтому там норма чешского языка (в его диалектном выражении) сохранялась гораздо лучше.

В свете вышесказанного вполне правомерным было стремление чешских будителей возродить чешский язык во всей широте его коммуникативных функций, восстановить прерванную традицию использования чешского языка в сфере образования, гражданской жизни, в поэзии, философии, науках⁷⁰. В истории чешского этноса

прецедент существования литературного языка с подобным функциональным диапазоном уже имелся в XVI—начале XVII в. Стремясь ускорить возрождение значимости чешского языка, Й. Добровский принял решение возвратиться к письменно-литературной традиции «золотого века», т.е. к грамматической норме двухвековой давности. Таким образом, в отличие от некоторых других славянских языков национальный литературный чешский язык возник не на базе существующего литературного узуса или же разговорного языка. В его основу был положен развитый, нормализованный литературный чешский язык конца XVI—начала XVII в.⁷¹

Следует отметить, что решение Й. Добровского, поддержанное большинством современников, но имевшее вместе с тем и оппонентов, было обусловлено не только невозможностью опоры на расшатанную норму современного узуса или же ностальгическими порывами. Важную роль сыграла и господствовавшая в это время эстетическая концепция, согласно которой литературный язык создавался как язык письменный, предназначенный для элитарной литературы «высших жанров», в частности поэзии. Согласно канонам языковой эстетики, поэтический язык должен был значительно отличаться от языка «низших жанров», а тем более от разговорной речи.

Пафос языковой политики, проводимой деятелями национального возрождения на обоих его этапах, заключался не только в возрождении языка «золотого века», но и в защите языка этноса от деструктивного влияния германизмов, языкового псевдоноваторства, узкорегиональных элементов, свидетельствовавших о проявлениях языкового сепаратизма. Подобная защита была необходима для того, чтобы литературный язык мог успешно выполнять свою консолидирующую миссию в жизни этноса, чтобы он стал единым, обязательным, общепонятным языком для всей нации. В этой связи особое значение придавалось выявлению и активизации прежде всего внутриязыковых ресурсов. Эта задача была успешно решена Й. Юнгманом в его Чешско-немецком словаре (1834—1839 гг.). Включая множество вариантов, Й. Юнгман регистрировал диапазон возможностей, оставляя за читателем право окончательного выбора. Вместе с тем языковая программа Й. Юнгмана носила пурристический характер, поскольку в ней рекомендовалось избегать заимствований из неславянских языков, особенно немецкого. (Впрочем, допускалось сохранение таких заимствований, которые известны всем европейским языкам или уже приняты обычаем.)

Основная цель пуризма Й. Юнгмана — создание условий максимального благоприятствования для развития чешского литературного языка, активизации его внутриязыковых ресурсов, к примеру столь продуктивной в чешском языке деривации. Заимствования из славянских языков подобной опасности не представляли, поскольку в своем большинстве они соответствовали закономерностям чешского языка, стимулировали тенденции, исконно

заложенные в его системе. Однако по-иному следует оценивать пуризм более позднего времени (второй половины XIX в.), приведший в противоречие с коммуникативными потребностями этноса, с тенденциями экономической и культурной интеграции. Тем более, что к этому времени норма чешского литературного языка стала более стабильной, его статус и престиж возросли, т.е. его положение стало менее угрожающим. В указанной ситуации пуризм не только был логически нецелесообразным, но и грозил культурной изоляцией этноса.

Языковая программа национального возрождения имела огромное значение, определив на многие годы магистральное направление языковой политики. Вместе с тем уже в 30—40-е годы XIX в. в ней выявились и своего рода «болевые точки», вызвавшие поиск каких-то иных решений. Прежде всего это касается намерений архаизации литературного языка, обусловившей возникновение разрыва, «ножниц» между нормой литературного языка и языка разговорного. Это затрудняло не только освоение литературного языка, но и функционирование его в таком канале общеэтнической коммуникативной связи, как пресса. По мере утверждения реалистических тенденций, обусловивших и смену эстетических канонов, этот разрыв стал тормозом и в художественной литературе.

В этой связи примечательно, что в 50—60-е годы образовались своего рода «ножницы» и между господствующей консервативной языковой теорией и языковой практикой, воплощаемой в художественной литературе и публицистике. Так, если в первой по-прежнему преобладала ориентация на язык эпохи Велеславина, причем эта линия проводилась и в синтаксисе и в фразеологии, т.е. в достаточно мобильных звеньях языковой системы, то в художественном творчестве и в прессе, напротив, отчетливо проявилась тенденция демократизации языка, сближения с разговорной речью во всех ее ипостасях: диалектах (Ф. Челаковский, К. Я. Эрбен, Й. К. Тыл, Б. Немцова), городском койне Праги (Я. Неруда). В публицистике эта линия связана с такими именами, как К. Гавличек-Боровский, Й. К. Тыл, Я. Неруда. «Действительно, — писал Тыл, — уже пора на широком поле беллетристики вырваться из грамматических оков и научиться говорить легко, непринужденно, естественно»⁷².

Предметом острых дискуссий стал вопрос о пуризме, который в зависимости от характера конкретной языковой ситуации, а также от целевой установки коммуникации (в частности, имелась ли в виду, например, ориентация на массового читателя либо слушателя или же на профессионала, т.е. разграничение литературы научно-популярной и специальной, теоретической) мог создавать либо условия максимального благоприятствования для развития литературного языка на начальной стадии его становления, либо становился тормозом в межэтнических контактах, тая в себе опасность культурной изоляции. Наиболее оперативно этот вопрос был решен в языке прессы, открывшей, начиная с К. Гавличека-Боровского, доступ иноязычной лексике на страницы газет. Так, он

широко использовал греко-латинские, французские, немецкие заимствования, сопровождая их разъясняльными чешскими эквивалентами; ср.: *absolutismus*, *demokracie*, *federace*, *hegemonie*, *kompromis*, *legitimní*, *opozice*, *propaganda*, *taktika*; *debata*, *etiketa*, *intrikovat*, *naivní*, *píkantní*, *rafinovanost*, *riskovat*, *žoviální*; *havíř*, *rathaus*, *balast*, *šlendrían*, *špiel*⁷³.

Чешская языковая ситуация 50—60-х годов XIX в. теснейшим образом, хотя и опосредованно, была связана с важнейшими социально-экономическими преобразованиями в жизни общества, прежде всего со становлением и развитием капитализма. Существенное влияние на условия функционирования национального языка, а следовательно, и на его развитие, на формирование языковой политики оказали такие факторы, как промышленный переворот, сопровождавшийся урбанизацией, усилением торгово-экономических связей, общими процессами социально-экономической и культурной интеграции, обусловившими изменение коммуникативных потребностей этноса, а также характера коммуникативной связи вследствие достижений технического прогресса.

Важнейшую роль сыграл подъем национально-освободительного движения, в котором принимали участие все социальные слои чешского общества. Политические репрессии после поражения революции 1848—1849 гг. не смогли повернуть вспять движение за равноправие чешского и немецкого языков. В результате упорной борьбы чешский язык постепенно проникал в среднюю и высшую школу. Так, в 50-е годы он был допущен в городские начальные школы, в 60-е годы в средние школы (в результате постановления земельного сейма Чехии от 1866 г. о равноправном использовании чешского и немецкого языков в средней школе). Таким образом, сфера функционирования чешского языка в системе школьного образования расширилась. Важным событием явилось открытие в ноябре 1848 г. в Праге К. С. Амерлингом первой главной школы с двухлетним курсом подготовки чешских учителей.

С большими трудностями было связано использование чешского языка в высшей школе. Тем не менее и здесь он постепенно отвоевывал свои позиции. Вначале это было чтение отдельных лекций на юридическом и философском факультетах Пражского университета и в Пражском высшем техническом училище. В 1869 г. происходит разделение этого училища на чешскую и немецкую части, в 1882 г. соответственно разделяется и Пражский университет. К концу XIX в. на чешском языке осуществлялось обучение в Пражском университете, а также в двух высших технических училищах в Праге и Брно. Кроме того, двуязычие было допущено в Горном институте в Пришибраме, в Академии изящных искусств в Праге, на высшем отделении Пражской консерватории. В силу названных обстоятельств существенно расширилась и улучшилась подготовка чехоязычной интеллигенции, увеличилось и количество активных носителей чешского литературного языка, поскольку

школа всех степеней является основным очагом распространения языковой культуры, языкового воспитания.

По мере повышения национально-патриотической активности населения и расширения позиции чешского литературного языка в системе образования создавались реальные предпосылки для становления устного литературного языка. Чешский литературный язык в 50—60-е годы утрачивает свою социальную маркированность, перестает быть привилегией узкого слоя писателей и духовенства, утверждается в среде чиновничества и учителей. Через систему школьного и высшего образования знание литературного языка, пусть даже пассивное, распространяется практически во всех слоях общества⁷⁴. Это было явлением огромной важности.

Для эволюции языковой ситуации того времени существенное значение имели демографические процессы — миграция населения, а также его концентрация в промышленных агломерациях — в городах и промышленных центрах. Приток сельских жителей, бывших на протяжении длительного времени основным носителем нормы чешского языка, в городе способствовало возрастианию чехоязычной прослойки и, соответственно, снижению значимости немецкого языка в системе коммуникации городского населения.

В результате миграции населения, усиления торгово-экономических связей создавались благоприятные условия для интеграции и интерференции языковых идиомов, для становления обобщенных форм существования национального языка, вбирающих в себя общие черты контактирующих диалектов. Таким образом, если для периода XVII—XVIII вв. можно говорить о завершении развития диалектов, то в 50—60-е годы XIX в. начинается уже стирание диалектных различий, активизируется образование интердиалектов.

Наиболее интенсивно процесс диалектной интеграции развивался в западной части чехоязычного континуума под воздействием унифицирующего влияния среднечешских диалектов, и прежде всего городского койне Праги. Здесь уже в XV—XVI вв. начал формироваться, а в XVII—XVIII вв. стабилизовался интердиалект. Менее интенсивно этот процесс проходил в восточной части региона, т.е. в Моравии и Силезии, где диалекты отличаются лучшей сохранностью и по сей день. В Восточной Моравии и Силезии интердиалекты начали формироваться лишь после 1945 г.

В рассматриваемый нами период в чешских городах продолжался процесс формирования городских койне, т. е. интегрированных региональных идиомов, образующихся в результате взаимодействия близлежащих диалектов, интердиалекта, профессиональной речи и т.п. В силу специфики национального состава чешских городов того времени значительное влияние на формирование городской речи оказывал немецкий язык. Образцы смешанной чешско-немецкой речи прекрасно воспроизвела Б. Немцова в новелле «За кофе»: «Jdi se ustřořit alespoň, abychom byly v ord-

nunku» / «Mutr, ja jsem měd — wie zerschlagen» / «Jsem neugierig — prosím jich, jak se unterhaltovali u Skalických» / «Jiná paní by se entschuldigovala — že se stal irrunk — ale ona mi ještě řekla do ksichtu — moji visitu že snadno entberuje»⁷⁵.

Как видим, германизмы, в том числе и развернутые цитации, в чешском контексте воспринимаются как инородные элементы, невзирая на то, что они нередко спрятываются и склоняются по чешскому образцу. Иронически воспроизводя образчики подобной речи, Б. Немцова показывает, что для чешского мещанства немецкий язык был более престижным, более модным.

В 50—60-е годы были продолжены усилия по кодификации чешского литературного языка — они распространялись на такие фрагменты языковой системы, которые ранее кодифицированы не были либо были кодифицированы не полностью. Речь идет о синтаксисе и терминологических системах. В целом этот процесс осуществлялся в русле кодификаций Й. Добровского и Й. Юнгмана, с преимущественной ориентацией на язык эпохи Велеславина. Так, в частности, В. Зикмунд — автор «Синтаксиса чешского языка» (1862) — провозглашал, что именно язык XVI в. должен служить образцом для современной чешской прозы. Консервативность такого подхода несомненна, тем более, что именно в области синтаксиса проходят важные отличия между литературной и разговорной речью. Иной характер носила кодификация синтаксиса, предложенная М. Гатталой в середине 50-х годов. Выход книги М. Гаттала «Синтаксис чешского языка» вызвал резкое осуждение со стороны большинства современников, особенно со стороны К. Я. Эрбена, обвинявшего автора в нарушении классической нормы (т.е. XVI в.) чешского литературного языка в результате включения моравизмов и словакизмов. В начале 70-х годов Й. Дурдик вновь вернулся к этому дискуссионному вопросу, высказав сомнение в правомерности применения в качестве критерия языковой правильности нормы старого языка, а не языка народа и лучших современных писателей⁷⁶.

Попытки расширения оценочных критериев языковой правильности предпринимались и ранее. Уже Й. Юнгман в своей программе лексического обогащения оперировал широким спектром возможных источников, включая, помимо памятников старой чешской литературы, народный язык (т.е. диалекты), сочинения современных писателей (после их критического анализа), родственные славянские языки, образование новых слов путем сло-восложения или же, что было предпочтительнее, словообразованием — деривацией посредством суффиксов и префиксов. Впрочем, как справедливо отмечают исследователи⁷⁷, в ходе языковой практики смешались акценты и в этой программе. Так, не оправдали ожиданий диалектизмы (более широко они применялись лишь в сфере ботанической терминологии). Значительно большую роль сыграли заимствования из славянских языков — польского и русского.

Для 50—60-х годов XIX в. диалектизмы как таковые, в частности диалектная лексика, все же имели сниженный социальный

статус, занимали периферийное место. Это ограничивало их использование в литературном языке. Очевидно, более перспективными были диалектизмы, «вшлавленные» в интердиалекты, в частности в среднечешский интердиалект «*obecná čeština*». Впрочем, в целом в языковой политике 50—60-х годов отношение к использованию диалектизмов было достаточно толерантным. Противодействие вызывало лишь использование восточноморавских и словацких элементов, существенно отличавшихся от среднечешской нормы и городского койне Праги (в ту пору словацкий язык рассматривался как диалект чешского языка). Именно в этом заключался пафос выступлений Й. Юнгмана против Ф. Трнки, В. Жака, Я. Коллара, подоплекой которых являлась боязнь за целостность единой нормы чешского литературного языка.

Вместе с тем сам факт обращения к народной речи, к разговорному узусу, столь очевидно проявившийся у Й. Дурдика, симптоматичен. Он был обусловлен разрывом между архаизирующими литературной кодификацией и нормой современной разговорной речи. Впрочем, определенная корректировка литературной нормы за счет включения диалектных явлений в 50-е годы все же была проведена. Таково, например, введение ť (мягкого) вместо t в словах типа kost, radost и в инфинитиве tisknouť наряду с инфинитивом na ti. В литературный язык были включены в этот период и такие диалектные черты, как окончание u (1-е лицо ед. ч.) и ou (3-е лицо мн. ч.) вместо i, í после мягких согласных bíju, bíjou. Однако впоследствии были кодифицированы более архаичные формы⁷⁸. На архаической основе базируются и описания чешской фразеологии Я. Шаха (1862 г.) и Ф. Шебека (1864 г.).

Если в кодификации второй половины XIX в. возобладала тенденция архаизации, преимущественной ориентации на язык «золотого века», то в языке художественной литературы, прессы, являющихся важными проводниками языковой политики и языкового воспитания, отмечалось сближение с современным разговорным узусом, т.е. язык литературы заметно демократизировался. Эта тенденция, в частности, проявилась в речевой характеристики персонажей (в прозе и драматургии). Писатели-реалисты Б. Немцова, которую Фучик назвал революционеркой слова, и в особенности Я. Неруда отказались от канонов прежней художественной эстетики. Стремясь приблизить речь своих персонажей к языку повседневного общения, они свободно и вместе с тем целенаправленно вводили в их речь элементы диалектов (Б. Немцова владела северо-восточночешскими, ходскими диалектами, а Я. Неруда — городским койне). В их произведениях широко используется диалогическая речь, дающая нам возможность, хотя и в несколько стилизованном виде, познакомиться не только с письменной, но и живой разговорной речью той поры.

Важную роль в становлении нормы литературного языка сыграл и язык публицистики, переживавшей в 60-е годы XIX в. период расцвета. Адресованность газет и журналов массовому, а отнюдь не элитарному читателью предполагала упрощение языка публицистики, приближение его к разговорной речи. Вместе с тем это

выдвигало в качестве непреложного требования принцип наднациональной значимости языка газет, его общепонятность. Оперативный характер информации обусловливал и большую динамичность, демократичность языковых средств публицистики. Следует подчеркнуть, что для чешской публицистики на всем протяжении ее существования характерно активное, временами даже несколько прямолинейное вмешательство в языковую политику.

Свидетельством сказанного являются многочисленные языковые комментарии, оценочные характеристики, рекомендации по употреблению лексики. В языке публицистики пуританство никогда не играл существенной роли. Таким образом, в рассматриваемый период имела место некоторая дисгармония между языковой теорией и практикой. Первая носила по преимуществу архаизующий, консервативный характер, вторая, напротив, тяготела к демократичности, общедоступности языковых средств.

Важное значение для культивирования литературного языка имела кодификация специальной терминологии. Если терминотворческая деятельность эпохи национального возрождения зачастую предопределялась патриотическими импульсами, носила экспериментально-новаторский характер, очерчивая диапазон возможностей чешского языка, то ныне эта деятельность приобрела выраженный прагматический характер, хотя терминотворчество 50—60-х годов во многом базировалось на терминологической деятельности предшествующего периода. В эпоху национального возрождения созданием и систематизацией специальной терминологии занимались Й. Юнгман (лингвистическая, литературovedческая терминология и др.), А. Юнгман (медицина, антропология), Я. С. Пресл и К. Б. Пресл (ботаника, зоология), Й. В. Седлачек (физика, геометрия), Ф. Палацкий (эстетика, философия, история), Я. Э. Пуркине (физиология). В кругу соратников Й. Юнгмана в свое время возникла идея создания чешской энциклопедии.

Основываясь на мощном фундаменте, заложенном еще в эпоху национального возрождения, деятели культуры 50—60-х годов (некоторые из них занимались терминотворчеством еще и во времена Й. Юнгмана) приступили к решению проблемы создания специальной терминологии. В их поле зрения находилась как собственно научная лексика, так и лексика научно-популярная, т. е. с самого начала они стремились нести в народ, в широкие массы населения научные знания, повышать их культурный уровень. Важным стимулом их деятельности была все возраставшая потребность в национальных кадрах, расширение обучения на чешском языке в школах всех ступеней, создание научной периодики.

Во второй половине XIX в. была нормализована терминология в области права, экономики, музыки (Я. Н. Шкроун), спорта (М. Тирш) и т. д. Важную роль в стабилизации исторической, правовой, экономической и другой терминологии, формировании научного стиля повествования сыграл выход на чешском языке

«Истории Чехии» Ф. Палацкого (в 1848—1849 гг. был издан том 1, в 1860 г. — последняя часть тома 4).

Неоценимое значение имела деятельность терминологической комиссии, в состав которой входили П. Й. Шафарик, Ф. Л. Челаковский, К. Я. Эрбен, А. В. Шембера, В. В. Томек, К. Шторх. В конце 40-х годов по инициативе комиссии была подготовлена «Политико-юридическая терминология славянских языков Австрии», которая вышла в 1850 г. В 1853 г. был издан немецко-чешский словарь научной терминологии для гимназий и реальных училищ. Для «Политико-юридической терминологии» характерно наличие таких новообразований, как *dražba*, *četník*, *obranstvo*, *služné* и др., в ней сохраняется значительная часть заимствованных слов типа *advokat*, *bank*, *datum*, *docent*, *duplicát*, *erág*, *finance*, *komise* и пр. В целях популяризации научных знаний среди неспециалистов составители терминологии вводят к некоторым из заимствованных слов чешские эквиваленты: *rekrut*—*branec*, *žandarm*—*četník*, *činže*—*úrok*, *gáže*—*služné*, *konstituce*—*ústava*, *fabrikát*—*výrobek*⁷⁹.

Примерно на сходных принципах основывался и немецко-чешский словарь. В предисловии к нему П. Й. Шафарик подчеркивал, что составители словаря избрали средний путь между пуритизмом, с одной стороны, и архаизацией — с другой. Впрочем, в ряде случаев авторы словаря все же не избежали пуритизма, заменяя *abstraktní* и *konkretní* на *odtažitý* и *sroštítý*, *konkurent* на *soutěžitel* и т. д. Тем не менее большое количество лексики словаря употребляется и по сей день — *elektřina*, *dojem*, *zájem*, *zásada*, *samořejmý*, *spotřeba*, *úrgoba* и др.

Особого внимания заслуживает терминология спортивная (в этой области М. Тирш действовал при участии филологической комиссии), при образовании которой были эффективно использованы словообразовательные закономерности чешского языка: *klek*, *kop*, *kryt*, *bod*, *ruč*, *jednonož*, *pravonož*, *levonož*, *vzražto*, *sek*, *poklek*, *podřep*, *doskok*, *odskojk*. В основной своей массе эта терминология не только сохранилась до настоящего времени, но и оказала влияние на соответствующие терминологии других славянских языков.

Важное значение имело создание большого количества учебников на чешском языке, столь необходимых для преподавания (например, «Основы химии» В. Шафарика, учебник по геологии Я. Крейчи и др.). В результате большой подготовительной работы в области терминологии стало возможным издание начиная с 1859 г. научного энциклопедического словаря Ф. Л. Ригера.

Подводя итог, можно сказать, что к концу 70-х годов XIX в. чешский национальный язык полностью обрел коммуникативную мощь, полноценно функционируя в обоих ареалах общения, т. е. как в ареале высших коммуникативных функций, так и в не-принужденном повседневном общении. Важно и то, что диапазон первого ареала существенно расширился, вобрав в себя и художественное творчество, общественное управление, науку и обра-

зование, средства массовой коммуникации. По мере расширения функционального диапазона литературного языка возникли реальные предпосылки для становления устного литературного языка, потребность в котором все более возрастала. Все это обусловило необходимость совершенствования произносительной нормы чешского литературного языка.

Чрезвычайно существенным является факт значительного расширения социального состава и численности носителей чешского национального языка вообще и литературного языка в особенности. Возрос международный авторитет чешского литературного языка, оказавшего влияние не только на близкородственный словацкий язык, но и, к примеру, словенский и сербохорватский языки.

Несмотря на то что в структуре чешского национального языка по-прежнему важное место занимали территориальные диалекты, по мере развития социально-экономических связей все более очевидными становились процессы языковой интеграции, определения интегрированных форм языкового общения — интердиалектов, городского яйне. По мере успехов национально-освободительного движения начинает снижаться острота межъязыковых конфликтов, в частности с немецким языком. Распространение обоих языков в системе общественных коммуникаций утрачивает социальную обусловленность.

Система образования

Становление системы культуры нового времени включало в себя и формирование новых форм трансляции культуры. Переходная эпоха породила, как известно, значительное разнообразие институций массовой информации и коммуникации — периодическую печать, публичные библиотеки, читальни, концертные залы, музеи, выставки, галереи, такие специфические формы, как кафехаузы, «беседы», салоны. Одновременно с этим компонентами новой системы культуры становились и другие институции, существовавшие ранее как элементы предшествующих культурных систем, например школа, театр.

Среди последних особое место занимала школа, функция которой не ограничивалась трансляцией культуры. Сложившись ранее как институт формирования личности того или иного социально-исторического типа, школа в тот период, с одной стороны, углубляла эти функции, с другой — значительно расширяла масштабы деятельности.

Превращаясь в низшем звене во всеобщую и обязательную, она приобретала фундаментальную функцию фронтальной социализации каждого нового поколения, которое именно в школе должно было освоить часть культуры, необходимую для выполнения главных социальных ролей, задаваемых быстро менявшимися требованиями экономической, социальной, политической и культурной сфер жизни общества. Одновременно школа становилась по отношению к этим сферам важнейшим общественным

механизмом — подготовки совокупной рабочей силы, воспроизведения или изменения социальной структуры, стабилизации политической системы.

В процессе превращения школы в соответствующий компонент новой системы культуры и нового общественного организма происходил борьба различных общественных сил. Церковно-приходские начальные школы, монастырские и орденские гимназии, подчиненные влиянию иезуитов университеты в начале переходного периода представляли собой совокупность разнородных учебных заведений, разъединенных сословно и конфессионально. Как и многие другие компоненты предшествующей системы культуры, они являлись частью церковной организации. Объединяя молодежь прежде всего привилегированных сословий и лишь в незначительной мере крестьянство и будучи направлена на формирование индивида в духе христианской концепции человека, школа в процессе межреформационной перестройки постепенно меняла свой облик.

Она развертывалась как система традиционных и вновь возникавших типов учебных заведений — последовательных ступеней образования, охватывавших в низшем обязательном звене всю молодежь, независимо от ее пола, социального положения, вероисповедания и национальности. Модифицируется содержание общего образования, перестраивающееся в направлении реальной подготовки молодежи к основным социальным ролям работника и гражданина и формирования человека в духе новых общественно необходимых качеств, в направлении новых идеалов личности.

В ряде стран Европы процесс формирования новой системы школы (прежде всего низших ее звеньев) шел «снизу», благодаря инициативе вновь возникавших социальных сил. В других странах инициатором этого процесса выступало государство. Еще на этапе абсолютизма оно постепенно секуляризировало школу, которая сначала перешла под контроль, а затем и в полное ведение государства, стала его орудием при решении социально-экономических, политических и культурных проблем, в том числе и проблем национальных.

Таким образом, трансформирующаяся в буржуазном духе школа в свою очередь становится мощным фактором общественных процессов переходного периода. Ее место в формировании новых типов личности, в обеспечении необходимой культурной «вооруженности» основных классов и социальных слоев буржуазного общества, в создании нового слоя — светской интеллигенции, наконец, в складывании духовного облика нации, ее культурного потенциала (т. е. в коренных этно- и социокультурных характеристиках нового этносоциального организма) весьма существенно и, как свидетельствует опыт истории, не может быть полноценно замещено деятельностью каких-либо других социокультурных институтций.

Анализ развития всякой школьной системы двухаспектен. С одной стороны, его объектом является история становления

самой школы как важнейшего звена в системе культуры нового времени, необходимого для функционирования национального и общественного организма. Другой объект анализа — история народного образования, история роста образовательного потенциала общества, развития духовного облика нации, ее социокультурный портрет.

Период 50—60-х годов XIX в. был в истории чешской школы одним из этапных: в эти годы завершается формирование австрийской школьной системы буржуазного типа и в ходе острой национально-политической борьбы вступает в заключительную фазу процесс формирования чешской национальной школы — от начальной до высшей.

Вместе с тем миссия школы состоит в подготовке молодежи к жизни, и, значит, социально-активный возраст ее воспитанников начинается уже за рамками школы. Поэтому к характеристике культурного облика чешской нации 50—60-х годов XIX в. школа этого периода практического отношения, пожалуй, не имеет: социальная активность поколений, прошедших через нее, проявится позже. В этих целях, наоборот, необходима характеристика чешской школы предшествующих десятилетий, ибо именно тогда был сформирован фундамент образовательного потенциала чешского общества интересующего нас периода. Так, вся старшая (на 1848 г.) возрастная группа — от 50 лет и более, составлявшая 20—21 % чешского общества, прошла еще терезианско-йозефинскую начальную школу (1774—1805 гг.). Те, кому к тому времени было от 30 до 50 лет (31—32 % чешского общества), учились в школе, которая действовала по кодексу 1805 г. Наконец, люди в возрасте от 10 до 30 лет (47—48 % чешского общества) были сформированы народной школой 30—40-х годов XIX в., когда огромное значение в рамках деятельности государственной школы в Чешских землях приобрело национально-патриотическое будительское движение чешских учителей.

Школьная система, действовавшая в Чешских землях как в первой половине, так и в 50—60-е годы XIX в., в основе своей была создана реформами 70—80-х годов XVIII в. Вызванные, как и другие реформы просвещенного абсолютизма, обостренной кризисной ситуацией в стране, они были направлены на повышение экономической, политической и военной силы феодально-абсолютистского государства.

В поисках наиболее эффективных средств достижения данной цели австрийский абсолютизм должен был опереться на просветительские идеинные концепции общественного прогресса. В этих концепциях общественная мысль отводила школе роль едва ли не центрального (наряду с наукой) фактора. Школа рассматривалась в них как важнейший инструмент решения насущных проблем.

Среди аргументов в пользу радикальной школьной реформы большую роль играли экономические теории — поздний меркантилизм и физиократия, обосновавшие значение образования как

условия улучшения хозяйства и подъема благосостояния государства.

«Воспитание молодежи обоего пола составляет важнейший фундамент истинного благоденствия народов. От хорошо поставленного воспитания зависит будущий образ жизни всех людей, формирование гения и образа мышления всего народа, что никогда не могло бы быть достигнуто иначе, как посредством хорошо поставленных воспитательных и учебных заведений, которые развеяли бы мрак невежества и предоставили бы каждому образование, соответствующее его сословию» — так формулировал общий смысл образования и воспитания австрийский «Всеобщий школьный устав» 1774 г.⁸⁰ Понимание значения школы в формировании интеллектуального потенциала народа, самого его образа жизни поставлено здесь в контекст абсолютистской идеологии «общего блага», которая все общественные проблемы, в том числе и задачи образования, трактовала в одном ракурсе — наилучшего исполнения сословиями своих обязанностей по отношению к государству, воспитания полезного и послушного подданного.

В этой связи мыслилось, что введение широкого школьного обучения сельской молодежи, с одной стороны, обеспечит распространение среди крестьян знаний о рациональном ведении сельского хозяйства, а с другой — обеспечит занятие детей деревенской бедноты ремесленными видами деятельности, что поможет затормозить пауперизацию деревни.

Точно так же всеобщее обучение городской молодежи средних и низших слоев в общеобразовательных школах, завершающее двухгодичным курсом торговли и ремесла (и дополняемое затем в специальных школах), должно было содействовать развитию ремесел и торговли и способствовать укреплению общеавстрийского рынка с немецким языком в роли единого всеобщего языка экономического общения, поскольку все упомянутые городские школы учреждались только с немецким языком обучения.

Школьная реформа должна была решать также иные задачи — содействовать политической централизации, обеспечивать воспитание послушных подданных государства и церкви.

Выполнению поставленных целей должна была способствовать школьная система, сформированная декретами Марии Терезии и Иосифа II в 70—80-е годы XVIII в. В ее устройстве нашел отражение противоречивый, переходный характер идеологии просвещенного абсолютизма. С одной стороны, закон 1774 г. вводил всеобщее и обязательное начальное образование детей в возрасте от 6 до 12 лет. Школьное дело было изъято из монопольного ведения церкви и поставлено под контроль, а при Иосифе II и передано в ведение специальной государственной школьной инспекции и земельных органов. Была развернута сеть церковно-приходских школ, организована подготовка учителей (священников), предусмотрены жесткие санкции за уклонение от школьной повинности и т. д. В итоге, уже в середине 80-х годов XVIII в. в начальных школах Чехии обучалось около 60 % (против примерно 15 %

в 1775 г.), а в середине 90-х годов — около 70 % детей⁸¹. С другой стороны, школа по-прежнему строилась в значительной мере на феодально-сословных принципах: молодежь каждой социальной группы получала только то образование, которое по представлениям идеологов реформ определялось характером ее будущей жизнедеятельности, и барьеры между этими типами школ были вполне четкими.

Начальная школа состояла из трех параллельных типов школ. В деревнях и mestechках создавались так называемые «тритиальные» школы. Здесь обучали чтению, письму, счету (тритиум), закону божьему и элементам трудовой подготовки. Обучение велось на родном языке. В Чехии при земельном школьном инспекторе Ф. Киндерманне в начальной школе практиковалось обучение ремеслам и садово-огородным работам.

Учебный план городских школ, называвшихся главными, включал в себя сверх того основы латыни и немецкий язык, а также (в крупных городах) географию, историю, естествознание, геометрию, черчение, строительные ремесла. Языком обучения был только немецкий. В столице каждой земли имелась, кроме того, так называемая нормальная (образцовая) школа, в которой обучение шло по расширенному варианту учебного плана главных школ. Примерно из 70 % детей школьного возраста, обучавшихся в Чехии в середине 90-х годов XVIII в., 67 % проходили сельские тритиальные школы и 3 % — городские главные⁸².

Среднее звено в школьной системе представляли 5-классные гимназии, высшее — университеты и некоторые другие специальные учебные заведения. Средняя и высшая школа предназначалась для юношества из привилегированных сословий. Содержание образования в гимназиях было основано на классической традиции. Доминирующее место (до 50 % учебных часов) занимала латынь с широким изучением древних текстов. Присутствовали также история, география, математика и естествознание. В ходе реформ учебные планы гимназии и университетов неоднократно пересматривались с учетом потребностей подготовки чиновников, а латынь как язык обучения постепенно вытеснялась немецким. Родной язык допускался лишь на уроках закона божьего.

Средняя и высшая школа, таким образом, была элитарной по целям и содержанию обучения. Соответственно фильтровался и социальный состав учащихся. Это обеспечивалось самой структурой школьной системы: тритиальные школы не были соединены с последующим средним звеном, даваемое ими образование не было достаточным для продолжения обучения в гимназии. В результате сельская молодежь доступа в средние школы не имела.

Необходимую для обучения в гимназии подготовку давали только городские главные и нормальные школы. Рубежом здесь был четвертый год обучения, по истечении которого можно было либо продолжать двухгодичное обучение, где давалась основательная подготовка к занятиям ремеслом и торговлей, либо сда-

вать экзамены в гимназию, что открывало дорогу к иным профессиям и в иную социальную среду.

За первым барьером стоял второй, более основательный: в средних школах была введена высокая плата за обучение. К тому же общее число гимназий было небольшим. Поэтому, согласно имеющимся сведениям, в середине 90-х годов XVIII в. из 3 % молодежи, проходивших через городские школы, в гимназиях обучался лишь 1 % контингента.

Наконец, школьная система призвана была способствовать также и достижению централизаторских целей австрийского абсолютизма. Это предопределило принципы национальной организации школьной системы. В тривиальных школах обучение велось на родном языке: новая школьная система создавалась прежде всего в целях хозяйственного подъема, и рассчитывать на эффективное усвоение детьми реальных знаний можно было лишь при соблюдении национального характера этого типа школы. Городская начальная школа, а также средняя и высшая школа были унифицированы как учебные заведения чисто немецкие.

В главных школах двуязычие по необходимости допускалось в первых двух классах с тем, чтобы в старших классах можно было обучать только на немецком языке. Гимназии были реорганизованы как чисто немецкие учебные заведения. Использование чешского языка даже как вспомогательного в младших классах гимназий было воспрещено. (К концу 80-х годов XVIII в. исчезают упоминания о последних двух-трех гимназиях, где преподавание велось на чешском языке.) Чешский язык сохраняется лишь на уроках катехизиса. В 70—80-е годы XVIII в. в университетах латынь как язык преподавания заменяется немецким языком.

Правда, чешский язык сохраняется как учебный предмет в некоторых старых сословных учебных заведениях, например военных, духовных и др., с тем чтобы будущий офицер, священник или чиновник знал язык той среды, в которой ему предстоит действовать. Однако главная тенденция была направлена на языковую унификацию (с помощью немецкого языка) сферы управления и торговли.

Подобная система просуществовала без значительных изменений до 1869 г. Разумеется, это не может быть отнесено к целям и задачам школы, тем более к содержанию образования и воспитания и другим компонентам педагогического процесса (педагогической теории, учительству и др.). Цели и отчасти содержание образования и воспитания подвергались коррекции с каждым крупным политическим поворотом. Содержание образования не могло не реагировать на новые требования жизни. Эти же факторы двигали вперед и развитие педагогической науки. Существенную качественную эволюцию претерпевало учительство.

Первая значительная модификация целей австрийской школы имела место в начале XIX в., когда крайне реакционный политический курс скорректировал цели школы. В отношении народной

школы такую коррекцию провел кодекс 1805 г. «Дети, посещающие народные или тривиальные школы в городе и деревне, — отмечалось в нем, — принадлежат к тем классам общества, которые существуют за счет физического труда. Поскольку главной ошибкой народного образования является мысль, будто каждому слою народа без различия следует давать все, что достойно знания... мы хотим, чтобы через народную школу каждому человеку с выдающимися духовными способностями открывалась дорога к более высокому образованию, но чтобы ядро учащихся получало в тех школах только самые необходимые понятия, чтобы оно было бы своей судьбой удовлетворено, чтобы его помыслы ограничивались соблюдением благопристойности и аккуратным и добросовестным исполнением своих обязанностей в семье и общине»⁸³.

Отсюда чтение, письмо и счет должны были оставаться наряду с законом божиим единственными предметами, которые эти школы могли употреблять как средства для достижения упомянутых целей. Сопоставление этих целей народной школы с тем, как видел абсолютизм ее задачи 30 лет назад, свидетельствует о стремлении властей законсервировать сословную замкнутость привилегированных классов, сдержать процессы социальной мобильности, в которых школа могла сыграть свою роль, а в политическом плане — скорректировать идеологическую функцию школы в интересах стабилизации существующей системы. Кодекс вернул народную школу под полный контроль католической церкви. Государственной инспекции были оставлены только хозяйственno-финансовые вопросы.

В 1808 г. соответствующий кодекс был принят и в отношении гимназий. Он изменил их прежний светский характер: в учебных планах доминирующее место заняли классические языки (55 % учебного времени) и закон божий (12 %). К преподаванию вновь стали широко привлекаться духовные лица, была повышена плата за обучение, срок обучения в гимназиях был продлен с 5 до 6 лет (1819 г.). Эти меры усилили сословную замкнутость гимназий, хотя и не изменили их общий характер, направленный на глубокую гуманитарную подготовку юношества высших социальных слоев.

В университетах на первое место выдвинулись воспитательные, а не научные задачи, утвердилась атмосфера полицейского надзора. Параллельно с этим правительство уже в рамках полностью идеологически контролируемой школы предпринимает ряд мер, призванных содействовать экономическому прогрессу. Практика постепенных уступок в социально-экономической области при обеспечении полного идеологического контроля становится характерной для школьной политики абсолютизма.

В низшей школе в первое десятилетие XIX в. меняет облик четвертый (двуходичный) класс главных городских школ, все более расширяя подготовку учащихся в области ремесел и художеств, коммерции и экономии. В интересах тех же средних городских слоев, в целях подготовки специалистов для нужд хозяйства

возникают реальные училища с немецким языком обучения. В них преподаются коммерческие науки, химия, современные языки, история культуры. Наконец, в 1806 г. сословная инженерная академия в Праге преобразуется в Чешское сословное техническое училище с немецким языком обучения, ставшее затем первой в Чешских землях высшей технической школой. Все эти трансформации были связаны с неотложными запросами промышленно-экономического развития.

Изменения, проведенные в австрийской школе в первом десятилетии XIX в., некоснулись ее национальной организации. Принципы этой организации давали преимущества немецким школам. В 1851 г., т. е. уже в начале следующего этапа, составляя 60 % населения Чешских земель, чехи располагали лишь 51 % народных школ. (Отсюда некоторое отставание темпов и уровня развития грамотности у чехов сравнительно с немцами.) Так, по данным переписи 1900 г., в поколениях 1830—1839 гг. рождения, т. е. 1836—1851 гг. школьной повинности, грамотность чехов и немцев в Чешских землях составляла соответственно 85 % и 87,2 %⁸⁴.

На протяжении первой половины XIX в. австрийская средняя школа почти в непрекосновенности сохраняла немецкий характер. Правда, в 1816 г., признавая необходимость того, что чиновники или священники должны знать язык местного населения, правительство допустило чешский язык в гимназиях в качестве необязательного предмета. Чешский язык действительно появился в нескольких гимназиях. Учебник чешской словесности был написан Й. Юнгманом. Несмотря на противодействие со стороны немцев на местах, в 20—40-е годы XIX в. чешский язык эпизодически преподавали, по-видимому, в трети гимназий Чехии.

С начала XIX в. наряду с проводимыми государством реформами развертывался и ряд других процессов, повлиявших на облик школы (прежде всего сельской) в Чешских землях. Прежде всего следует указать на эволюцию дидактики (содержания и методов обучения) от утилитарного педагогического филантропизма с его сословным содержанием образования, построенным на текстах Священного писания, к новому содержанию образования. В материал обучения вовлекались, с одной стороны, практические знания, например сведения о рациональном уходе за скотом вместо описания повинностей крестьян господину, а с другой стороны, реалии национальной жизни (родной язык, пение, родноведение), отчасти эстетическое воспитание в духе элементов романтической концепции человека и мира. В методике имел место переход от коллективной зубрежки к наглядному обучению, игре. Подобная трансформация содержания образования и дидактического арсенала педагогического процесса увеличивала эффективность социокультурной миссии школы. Складывалась чешская национальная дидактика народной школы.

Другой важный процесс — изменение идейного облика учительства, переход его от позднепросветительских идеалов (общего

блага) к раннелиберальным. В 20-е годы XIX в. набирает силу новая идеологическая ориентация — благо чешского общества, народа, родины.

Кристаллизуется тип учителя-патриота, в центре деятельности которого стоит так называемо́ будительство: стремление посредством освоения прежде всего в народной школе чешского литературного языка, словесности и отчасти через другие предметы пробудить и развивать национальное самосознание, любовь к своей родине. Будильская деятельность учителей имела колоссальное общественное значение, являлась одним из проявлений процесса национального возрождения, вступившего в 30—40-е годы XIX в. в новую фазу. Как известно, важным пунктом программы национального возрождения было расширение сферы влияния чешского языка, требование признания за ним статуса языка дело- и судопроизводства, языка обучения в средней и высшей школе. Однако попытки добиться признания таких прав в те годы успеха не имели. Меморандумы общественности земельным властям в 1832, 1840 и 1844 гг. и кампании в печати результатов не дали. Немецкий язык в Чешских землях по-прежнему сохранял за собой права не только официального языка, но и удерживал более широкие общественные позиции в качестве языка образования и культуры.

Какие же последствия имели терезианско-йозефинские и последующие школьные реформы для культурного и социокультурного развития населения Чешских земель, в том числе и для процессов национального развития? Следует подчеркнуть, что оценка результатов функционирования любой школы весьма сложна как в силу ее полифункциональности, так и ввиду того, что школа как образовательно-воспитательная система включает в себя цепь разнохарактерных факторов — субъектов педагогического процесса: государство, педагогическую науку, учительство, наконец, самих учащихся. Поскольку интересы названных субъектов неидентичны, то цели, выдвигаемые перед школой и государством, дополняются или даже модифицируются. Особенно значительна здесь, очевидно, роль учительства с присущими ему национальными и социальными идеалами. Основной итог деятельности австрийской школы к 40-м годам XIX в. должен быть оценен положительно. Регулярное начальное школьное обучение в 20-е годы XIX в., охватывавшее уже 90 % детей, означало быстрый рост грамотности и культурности народа в целом.

К 1850 г. грамотность населения Чешских земель достигла, согласно подсчетам, примерно 60 %. Таков был общий образовательный потенциал населения, составлявший в медианном исчислении, по-видимому, уже не менее трех лет обучения.

Грамотность открыла широкий путь в деревню новой чешской культуре (газетам, книгам), необходимой теперь крестьянству для овладения новыми видами (в том числе хозяйственной) деятельности и новыми типами отношений в целях социального самоопределения в формировавшемся широком общенациональном мире. В ходе социально-экономических и культурных процессов

переходного периода шла общая ломка прежнего образа жизни. С конца XVIII в. развивался процесс трансформации социально-экономического и социокультурного облика крестьянства, которое становилось классом чешского буржуазного общества.

Обучение в сельской школе велось на родном языке, что уже само по себе расширяло и укрепляло сферу бытования чешского языка и как языка сельского населения, и в определенной мере как языка культуры. Более того, реальное по педагогическим целям назначение сельской школы могло быть достигнуто лишь при соблюдении национального характера содержания образования, приспособленного к условиям жизни детей. А это предполагало наличие в содержании образования словесности, родиноведения, пения и др. Подобный характер обучения неизбежно давал толчок развитию национального самосознания крестьянства, на которое в 30—40-е годы XIX в. могла опереться национально-патриотическая деятельность будительства, подняв этот процесс на новую ступень.

В отношении городского населения роль австрийской школы была более сложной. Всеобщее начальное и завершающее его профессиональное обучение чешской молодежи в городах должно было бы означать культурный рост. Однако городские школы были немецкими и преследовали централизаторско-германизаторские цели. Здесь чешский язык в первых двух классах выступал лишь в качестве инструмента обучения немецкому языку. Поэтому в отношении низших и средних торгово-ремесленных слоев города начальная школа сыграла роль фактора, включавшего эти слои в систему инонациональной культуры и, следовательно, тормозившего и подавлявшего развитие национального самосознания этих важных социальных пластов оформлявшейся чешской нации. Школа сыграла активную роль в консервации немецкого характера чешских городов на протяжении первой половины XIX в.

Аналогичные выводы могут быть сделаны и в отношении роли средней и высшей школы того периода. Ее немецкий характер, несмотря на упоминавшийся эпизодический (с 1816 г.) факультатив чешского языка, значительно тормозил формирование чешской национальной интеллигенции и тем самым чешской культуры. Организация средней школы оказывала влияние на национальный состав учащихся гимназий в Чешских землях. Так, по данным 1851 г., чехи (60 % населения) составляли лишь 47 % учащихся гимназий и реальных училищ (в основе этого, впрочем, лежали и социальные причины)⁸⁵.

К концу 40-х годов XIX в. школьная система уже не соответствовала потребностям социального и национального развития чешского общества. В 30-е годы XIX в. экономические и социальные сдвиги резко активизировали процессы национального развития. Формировавшийся буржуазный этносоциальный организм настоятельно требовал модификации общественных институтов. В сфере школы и образования новые общественные интересы

предполагали решительную перестройку общественных функций школы как института социального воспроизведения нового типа личности.

Процесс модификации школы (в нем переплетались интересы старых и новых классов) является достаточно сложным. В государстве, где социальные противоречия зачастую смыкались с национальными, этот процесс должен был обрести особую остроту. С точки зрения угнетенных наций, школа была чрезвычайно важна, во-первых, как механизм трансляции национальной культуры и формирования национального типа личности и, во-вторых, как механизм воспроизведения национальной интеллигенции — социального слоя, обслуживающего сферу духовного производства, хранения и трансляции культуры.

Австрийская школьная система не была готова к выполнению тех многообразных функций, которых требовало от школы формировавшееся буржуазное общество. Вехой в развитии этой системы явились революционные 1848—1849 гг. Революция породила значительное количество проектов реформирования школьной системы, которые отражали интересы различных социальных групп. (В их числе можно отметить, например, проекты создания массовой школы второй, т. е. неполной средней ступени.)

Характерно, что существенной перестройке была подвергнута лишь средняя школа, это отвечало ближайшим интересам буржуазии. Реформа Экснера—Боница (1849 г.) значительно приблизила австрийскую среднюю школу к потребностям буржуазного развития. Учебный план гимназий был почти удвоен за счет введения математики, естественных наук, основ философии, а также родного языка. Срок обучения был продлен с 6 до 8 лет. Предусматривалась также группа «свободных» предметов вне учебного плана — европейские языки, предметы эстетического и физического воспитания. В целом учебный план гимназий был нацелен на формирование молодого интеллигента буржуазного общества. Был создан еще один тип общеобразовательной школы — 6-летние реальные училища, готовившие к высшей школе технического профиля. Близкие по характеру изменения произошли и в высшей школе, где были реализованы академические свободы научной деятельности и т. д.

В ходе событий 1848 г. были опрокинуты централистские принципы, на которых базировалась австрийская школьная система в национальных областях. Уже в апреле 1848 г. Вена удовлетворила один из пунктов мартовской петиции чехов и провозгласила равноправие немецкого и чешского языков в народных и средних школах. В сентябре того же года министерским распоряжением народная школа была объявлена национальным учреждением с обучением на родном языке, а в ноябре К. С. Амерлинг открыл в Праге первую чешскую главную школу с двухлетним курсом подготовки чешских учителей при ней. Одновременно чешский язык как обязательный предмет был введен в 10 гимназиях Чехии. Кроме того, в этих гимназиях разрешалось преподавать на чешском

языке закон божий, историю, географию и естествознание. В 1850 г. в Праге было открыто чешское реальное училище. Отдельные лекции на чешском языке начинают читаться на юридическом и философском факультетах Пражского университета (Й. Фрич, И. П. Коубек) и в пражском высшем техническом училище. Это были значительные успехи на пути к преобразованию соответствующих звеньев школьной системы в чешские учебные заведения.

Период реакции 1850-х годов ознаменовался курсом на ликвидацию сделанных ранее уступок. В результате конкордата 1855 г. низшая школа была вновь поставлена под надзор духовенства, в школе воцарился дух клерикализма, полицейского надзора и германизации. Министерские предписания 1853 г. требовали принимать в гимназию лишь тех, кто прослушал курс главной школы на немецком языке и освоил латынь. Для поступления в реальные училища выпускники главных школ должны были знать немецкий язык в таком объеме, чтобы их можно было обучать на нем. Новые постановления повлекли за собой переход чешских главных школ на двуязычную систему преподавания. Что касается чешских гимназий, то им предписывалось перейти в младших классах на двуязычное преподавание, а в старших вести занятия только по-немецки. В 1854 г. двуязычие было введено и в пражском реальном училище. В 1859 г. из 46 средних школ Чешских земель — 37 были немецкими и 9 — двуязычными⁸⁶.

В результате этих постановлений уменьшилось количество лекций на чешском языке и в Пражском университете: в зимнем семестре 1856/57 учебного года на теологическом и медицинском факультетах лекционных курсов на чешском языке не читалось вовсе, на юридическом из 33 курсов — 1, на философском из 63 курсов — 7⁸⁷.

И тем не менее общая ситуация начала 50-х годов оказала свое влияние на изменение национальной структуры студентов средних и высших школ в Чешских землях: в 1857 г. чехи (61,4 % населения) составляли уже 50,5 % учащихся средних школ против 47 в 1851 г., 50,3 % студентов Пражского университета, 50,0 % студентов пражского технического училища и 24,9 % студентов технического училища в Брно⁸⁸.

Попытка реставрации предмаргратовского абсолютизма не могла быть успешной: «ножницы» между незавершенностью буржуазно-демократических преобразований в государстве и интенсивным развитием капитализма стремительно увеличивались. После падения бауховского режима автономизация школьного дела развязала руки местным органам власти прежде всего для устранения дискриминации национальной школы. В 60-е годы XIX в. в Чехии разворачивается борьба за языковое равноправие. В 1862 г. чешский язык начинает вводиться как язык обучения в главных школах, что окончательно утверждает национальный характер чешской школы в городах. В результате менее чем за десятилетие удельный вес чешских народных школ в Чешских землях подни-

мается до 55,9 % (против 51,7 % в 1857 г.) и несколько приближается к национальной структуре населения (61,5—62,0 %)⁸⁹.

В январе 1866 г. вступило в силу постановление земельного сейма Чехии, утверждавшее принцип языкового равноправия и для средних школ. Оба языка получают в школе одинаковые права, при этом языком обучения мог быть лишь один из них, а другой оставался в качестве учебного предмета. Вскоре последовало разделение гимназий по языковому принципу. Из 25 гимназий Чехии, ранее чисто немецких или двуязычных, 13 реорганизуются в чешские. Последующие годы отмечены неуклонным расширением числа чешских гимназий и реальных училищ. При этом характерно, что они учреждаются не сверху, а создаются по инициативе и на средства чешских муниципалитетов. На рубеже 60—70-х годов XIX в. чехи располагали, по-видимому, третью средних школ в Чешских землях. Это явилось одной из причин роста чехов в составе учащихся средних школ — 54,1 % в 1868 г.⁹⁰

Итак, вторая половина 60-х годов XIX в. ознаменовалась крупнейшей победой чешского национального движения — завоеванием звена национальной средней школы, что открывало огромные возможности для развития национальной интеллигенции и имело далеко идущие последствия для чешского общества.

Создание национальной чешской средней школы поставило в 60-е годы на повестку дня вопрос о национальном характере и высшей школы в Чешских землях, и прежде всего в Чехии. Это было обусловлено самой логикой культурного развития: рост чешских и средних школ требовал, чтобы подготовка преподавателей велась в высшей школе на родном языке. В более широком смысле того же требовали общие социальные процессы — потребность в национальной интеллигенции, резко возросшая в 60-е годы в связи с динамичным буржуазным развитием чешского общества. Об этом свидетельствует, прежде всего, преимущественный рост чешского студенчества в высшей школе: в 1870 г. среди студентов Пражского университета, пражских и брненского технических училищ чехи составляли уже 66,1 % (1857 г. — менее 50,0 %)⁹¹.

Именно поэтому в 60-е годы проблема национальной организации высшей школы становится в Чешских землях одной из неотложных политических проблем. В первой половине указанного десятилетия упор в борьбе за чешский характер высшей школы делался на увеличение количества лекционных курсов на чешском языке. В 1864 г. в летнем семестре их число в общем числе курсов на отдельных факультетах Пражского университета составляло: на теологическом из 24 — 1, на медицинском из 53 — 4, на юридическом из 35 — 6, на философском из 88 — 11⁹². Одновременно усиливается движение за языковое равноправие в высшей школе. Его первым результатом была реорганизация в 1864 г. пражского технического училища в двуязычное. Наконец, в 1869 г. училище разделяется на два самостоятельных учебных заведения — чешское и немецкое.

Итак, 60-е годы XIX в. были отмечены в жизни формировавшейся чешской нации событиями принципиальной значимости. Если в 50-е годы удалось закрепить национальный характер лишь городской начальной школы, что открыло путь к свободному формированию молодежи городских слоев в национальном духе, то теперь было завоевано звено средней школы и возникла первая чешская высшая школа. Разумеется, в плане содержания образования, определявшегося центральной властью, национальный характер учебных заведений был ограниченным. Тем не менее открывался путь к более свободному формированию чешской национальной интеллигенции. Сдвиги в организации школы развертывались как часть общего процесса усиления значимости образования, его быстрого расширения, стимулированного потребностями динамического буржуазного социального и экономического развития общества.

Уровень грамотности населения к 1870 г. составил в Чешских землях — согласно нашим подсчетам — уже 75—77 %, что соответствовало не менее 4,0 медианных лет обучения. Число учащихся средних школ в Чешских землях в 1869 г. достигло 1,5 % контингента молодежи соответствующих возрастов, т. е. сравнительно с периодом до 1848 г. выросло в 1,5 раза⁹³. Число учащихся высшей школы — судя по росту студентов Пражского университета (1855 г. — 1051 человек, 1870 г. — 1709, т. е. за 15-летие более чем на 60 %) — выросло еще значительнее⁹⁴.

Вместе с тем ни количественный рост образования, ни определенная демократизация школьной системы в 60-е годы не удовлетворяли требованиям времени. Процесс индустриализации, изменившийся характер труда в народном хозяйстве предъявляли более высокие требования к подготовке молодежи. Всеобщего обучения в масштабах начальной школы было уже недостаточно. Следовало расширить масштабы и изменить характер подготовки специалистов среднего и высшего уровней.

Необходимость перемен в школьном деле становилась очевидной не только с точки зрения экономических, социальных и культурных потребностей. Поражение Австрии в войне с Пруссией (1866 г.) обнаружило и военный аспект этой проблемы: «...в сражении при Садовой победил прусский школьный учитель».

Серия реформ конца 60-х годов XIX в., превратившая прежнюю монархию Габсбургов в монархию буржуазного типа, затронула и школу. Австрийская Конституция 1867 г., подтвердившая верховное право государства на школу и декларировавшая свободу обучения и равноправие наций в школе; закон 1868 г., урегулировавший отношение государства и школы к церкви; школьный закон 1869 г. и, наконец, университетский закон 1873 г. — все эти акты способствовали глубокой перестройке школьной системы в буржуазном духе.

Низшим звеном системы стала 5-летняя начальная школа. Она являлась базой для 3-летних городских училищ, 8-летних

гимназий и 7-летних реальных училищ. Городские училища (и отчасти низший концентрический гимназий) являлись базой для средних специальных учебных заведений. Гимназии, реальные училища и средние специальные учебные заведения представляли собой звено средней школы и открывали дорогу в высшую школу.

Закон 1869 г. ввел обязательное 8-летнее обучение. Это был акт большой социальной значимости. Он означал переход от всеобщего начального образования, в Чешских и Альпийских землях монархии уже реализованного, ко всеобщему образованию в объеме неполной средней школы.

Реформы конца 60-х годов XIX в. закрепили те позитивные результаты, которые были достигнуты в национальной организации школы в Чешских землях — национальный характер народной и средней школы. Вместе с тем в области высшей школы чехам еще предстояла упорная борьба за осуществление принципа языкового равноправия, за создание полноценного звена высшей школы.

Частичного успеха — реализации принципа языкового равноправия на философском факультете Пражского университета — удалось добиться на рубеже 60—70-х годов. Но важнейшей вехой в этой борьбе явился 1882 год, когда чехи добились разделения Пражского университета на чешский и немецкий. Юридический и философский факультеты чешского университета в Праге начали действовать уже с 1882/83 учебного года, а в следующем году сформировался и медицинский факультет. Первым ректором чешского университета в Праге стал известный историк В. В. Томек. Семнадцать лет спустя, в 1899 г., разделилось высшее техническое училище в Брно.

Таким образом, в последней трети XIX в. чехи добились создания чешской высшей школы, что имело огромное значение для формирования национальной интеллигенции, для развития культуры и национальной жизни в целом. (В Австро-Венгрии свою высшую школу, кроме чехов, имели венгры, поляки и хорваты.) Чешский университет в Праге уже в конце XIX в. стал крупным научным центром. Его профессорами были Я. Гебауэр, Я. Голл, О. Гостинский, Ф. Дртина, Г. А. Линднер, Т. Г. Масарик, Л. Нидерле, Й. Пекарж и др.

Итак, национальный характер обрели все звенья школьной системы. Австрийской, естественно, оставалась центральная и отчасти местная школьная администрация.

Отмечая этот крупный итог борьбы чехов за создание национальной школы, следует видеть и относительность достигнутого. И дело не только в том, что чешская школа реализовывала цели, задаваемые ей Австрийским государством. (А именно эти цели, несмотря на их возможную коррекцию в практической деятельности учительства, и определяли в конечном итоге направленность содержания образования.) Относительность результатов проявилась прежде всего в том, что чехам так и не удалось в конце XIX—начале XX в. добиться полного выравнивания национальной

структуры школьной сети в Чешских землях. В 1880 г., составляя 62 % населения Чешских земель, чехи имели 55,0 % народных школ и 36,9 % гимназий и реальных училищ (при 58,1 % учащихся этих средних школ). В 1910 г., составляя 62,5 % населения, чехи имели 60,0 % народных школ и 51,3 % гимназий и реальных училищ (при 59,2 % учащихся средних школ этого типа) ⁹⁵.

В звене высшей школы чехи к началу XIX в. имели три самостоятельных учебных заведения — один университет (в Праге) и два высших технических училища (в Праге и Брно). Кроме того, еще три высшие школы были двуязычными: Горный институт в Пшибраме, Академия изящных искусств в Праге и высшее отделение Пражской консерватории. Очевидно, что эта сеть чешских высших школ могла удовлетворить национальные потребности далеко не полностью: в ее структуре явно преобладали учебные заведения технического или художественного профиля. Формирование чешской национальной интеллигенции в этих условиях должно было носить односторонний характер, несмотря на кажущееся преобладание (две трети) чехов среди студенчества высших школ Чешских земель. Австрийское правительство тормозило процесс формирования национальной интеллигенции гуманитарного профиля. Именно поэтому центральные власти, которым высшая школа подчинялась непосредственно, упорно противодействовали попыткам чехов добиться открытия второго чешского университета в Брно.

История многолетней борьбы чехов за создание национальной школы — от народной до высшей — раскрывает ту жизненно важную роль, которую играет в социальных и национальных процессах школа — этот, обычно относимый историками к периферии исторического действия, эффективнейший социокультурный механизм.

Развитие науки

Существенная роль в складывании чешской нации принадлежала науке как форме общественного сознания, отражающей действительность в понятиях, категориях, концепциях, теориях. Если общественные науки вносили вклад в формирование идеологии национального движения и национального самосознания, то на долю естественных наук выпала задача способствовать техническому прогрессу капиталистического производства.

Развитие науки, как известно, подчиняется, с одной стороны, внутренним законам, а с другой — детерминировано «социальным заказом» общества, в данном случае задачами чешского национального движения. В свою очередь, наука во многом способствовала определению формы и внутренней сути этого движения. Последние два вопроса и будут в центре нашего внимания.

В эпоху национального возрождения наука выполнила ряд важных национально-патриотических задач, вместе с литературой и искусством она значительно содействовала формированию наци-

нального самосознания складывавшейся чешской нации. Само национальное движение протекало в научно-культурных формах.

На долю филологических наук выпала задача кодификации чешского литературного языка, который в XVII—XVIII вв. находился в состоянии застоя и упадка, изобиловал иностранными заимствованиями (немецкими и латинскими), диалектизмами, теологизмами. Чрезвычайно сузился социальный состав его носителей (в основном сельское население) и т. п. Таким образом, совершенствование чешского литературного языка как высшей формы существования национального языка явилось одной из первоочередных задач складывавшейся чешской нации. Эту задачу успешно выполнил выдающийся чешский ученый Й. Добровский, положив в основу грамматики чешского литературного языка высокоразвитый нормализованный язык эпохи гуманизма XVI в. В результате титанической работы группы ученых, последователей Добровского: Й. Юнгмана, П. Й. Шафарика, А. Марека, Я. С. и К. Е. Преслов, Ф. Палацкого и др. — был значительно пополнен словарный запас чешского языка, создана научная терминология в области гуманитарных и естественных наук⁹⁶.

Молодое поколение чешской национальной интеллигенции, восприняв идеи романтизма, сделало шаг вперед в осознании самого понятия «нация». В отличии от концепции земского «богемского» патриотизма, считавшей главным признаком народа его территориальную принадлежность, Юнгман, Палацкий, Шафарик и их окружение видели основные формы проявления «национального духа» в языке и нравах народа. Таким образом, в понятие «родина» вкладывался теперь языково-национальный смысл, а представителями чешского народа считались только те, кто говорил на родном языке. Наряду с решением языковых вопросов перед интеллигенцией вставала проблема научного обоснования существования чешской нации, ее исторической «миссии» в судьбах человечества и т. д.

Так складывалось понятие «национальная самобытность», обосновать которое должны были различные отрасли науки и художественная культура. Важную роль в решении этой задачи приобрела славистика, появление которой было связано с национальным возрождением славянских народов. Она опиралась на идею славянской взаимности, получившую особенное распространение у западнославянской интеллигенции в 20—30-е годы XIX в. Благодаря ей ограниченность сил национального движения в умах чешской интеллигенции отчасти компенсировалась сознанием многочисленности славянского «племени», сознанием политической мощи России.

Под влиянием немецкой философии, в частности Гердера, постепенно выработалось представление о славянстве как этническом и психическом целом, имеющем «национальную» специфику, своеобразные черты характера. Такого рода представления позволяли говорить об особом предназначении славян в истории⁹⁷. Идеи славянской взаимности стали на том этапе составной частью

формировавшегося чешского национального сознания. На этих идеях основаны работы выдающегося чешского ученого П. Й. Шафарика (1795—1861), в частности «История славянского языка и литературы по всем наречиям» (1826), «Славянские древности» (1837), «Славянская этнография» (1842) и др. Важное значение для развития чешского национального движения имел выход в свет «Славянских древностей». Опровергая утверждения шовинистической немецкой историографии, которая отрицала древний характер славянских поселений в Европе и роль славян в ее истории, П. Й. Шафарик доказывал автохтонность славян на этом континенте и их равноправное участие в создании европейской культуры. Труд Шафарика имел большое научное и национально-политическое значение не только для чехов, но и для других малых славянских народов⁹⁸.

Яркая патриотическая направленность была характерна и для «Истории чешской литературы» Й. Юнгмана (1825; 2-е изд. — 1849), трудов и публикаций исторических источников, выходивших в 30—40-е годы, а также Зеленогорской, Краледворской и других рукописей — известных фальсификаторов XIX в., «открытых» соответственно в 1817 и 1818 гг. По мысли их создателей В. Ганки и Й. Линды, они должны были свидетельствовать о древности чешской литературы, богатстве ее языка, высокой культуре и героической истории древних чехов.

Огромное патриотически-воспитательное значение имел выход в свет в 1836 г. первого тома «Истории Чехии» Ф. Палацкого сначала на немецком, а в период революции 1848—1849 гг. на чешском языке уже под названием «История чешского народа в Чехии и Моравии». Главное внимание он уделял древнему периоду истории Чехии. Палацкий рассматривал прошлое Чехии с точки зрения борьбы славянской и германской стихий. Каждая из них наделяется извечно присущими ей чертами: славянству присущи демократизм, равенство, свободомыслие, личная и общественная свобода; германству, напротив, — черты феодализма (иерархического общества), церковного авторитаризма, индивидуализма.

Палацкий идеализирует древнюю историю Чехии. До XIII в., по его мнению, Чехия представляла собой общество свободных земледельцев. Во главе его стояли князь и сейм, на который собирались все свободные граждане и участвовали в решении важных дел. Это общество никогда не выступало с завоевательными целями. В древнечешском демократическом строе Палацкий видел свой идеал государственного устройства — либерально-буржуазную монархию. Для его патриотической аргументации был важен тезис, что либерально-демократическое и конституционное общество якобы является созданием древних славян, их вкладом в европейскую цивилизацию, которая именно к этой политической модели и возвращается. В своем труде Палацкий дал историческую аргументацию в пользу существования чешской нации, показал ее значение в мировой истории, вклад в европейскую цивилизацию.

Принцип включения Чехии в европейский контекст не только способствовал повышению национального самосознания чехов, но и преодолевал обозначившиеся у юнгмановцев тенденции к национальной замкнутости, провинциализму⁹⁹.

Обоснование буржуазно-либерального идеала государства и форм правления накануне революции 1848—1849 гг. придавало труду Палацкого политическое значение, вносило вклад в формирование идеологии чешской буржуазии.

В годы революции 1848—1849 гг. выходит ряд философских работ прогрессивно настроенных чешских ученых, которые в духе Гегеля, но с более левых позиций, чем Палацкий, обосновывали «особую» миссию славянства. Так, А. Сметана (1814—1850), касаясь равноправного участия славянских и романских народов в развитии мирового духа, предсказывал славное будущее славянству, которое, восприняв культуру Запада, наполнит ее идеями социальной справедливости. Э. Бруна видел историческое предназначение славян в осуществлении ими «идеи социальной справедливости». Один из лидеров радикальной демократии 40-х годов, К. Сладковский (1823—1880), утверждал, что славяне, олицетворяющие собой «принцип труда», подготавливают приход социализма¹⁰⁰.

Научно-патриотическое движение в Чехии не ограничилось созданием научных трудов, вносящих вклад в формирование национального самосознания. Большую роль в этом процессе играли научные общества, которые в условиях преследования политической деятельности становились центрами национального движения.

Возникшее еще в конце XVIII в. Чешское королевское общество наук ввиду численного преобладания ученых немецкого происхождения и преимущественно естественнонаучной направленности не могло взять на себя роль объединительного центра чешской науки. Эта роль оказалась по плечу организованному в 1818 г. Чешскому национальному музею (первоначальное название — Патриотический музей в Чехии). Несмотря на то что в создании музея участвовали представители дворянства и он был задуман как земельное двухязычное учреждение, чешский элемент постепенно смог направить деятельность музея на пользу чешского национального движения.

Заслуга в этом принадлежала Ф. Палацкому, который в 40-е годы выработал обширные планы патриотической деятельности этого учреждения. Главную задачу музея он видел в создании научной картины родины на базе доскональных исследований страны и нации в физическом, природном, духовном и художественном отношениях. Эту задачу музей должен был выполнить путем собирания материалов, которые легли бы в основу научных исследований и образования¹⁰¹. Палацкому удалось направить усилия музея не только на составление естественнонаучных коллекций (минералогических, ботанических и др.), но и на собирание исторических, археологических и художественных

памятников, в частности на подготовку издания чешского дипломатария (собрания грамот). Патриотическая миссия музея включала в себя также издание журнала и чешских книг.

С этой целью в 1831 г. была основана Матица чешская. Ее организация была связана с проектом Ф. Палацкого (1829 г.) подготовить чешский энциклопедический словарь. К сожалению, тогда проект не был реализован¹⁰². На средства Матицы были изданы «Чешско-немецкий словарь» Юнгмана и «Славянские древности» Шафарика. В 40-е годы деятельность Матицы достигла своего расцвета. Было предпринято четыре серии изданий — «библиотеки»: новочешская, старочешская, классиков и малая энциклопедия наук. В этих сериях вышли в свет наиболее важные сочинения чешских ученых¹⁰³.

Матица чешская взяла на себя впоследствии издание «Журнала чешского музея», объединившего вокруг себя ведущие силы чешской науки и культуры (более 100 человек). Журнал отличался высоким научным уровнем, патриотической и славянской направленностью, пользовался большой популярностью в чешских и других славянских землях, когда его редакторами были Ф. Палацкий (1827—1838) и П. И. Шафарик (1838—1842). На страницах журнала велась борьба за развитие современного чешского языка, была осуществлена реформа чешского правописания (1842 г.), намного облегчившая употребление чешского языка в повседневной жизни и делопроизводстве; научные статьи способствовали созданию чешской научной терминологии, особенно по истории, юриспруденции и др. Много внимания уделялось славистической проблематике¹⁰⁴.

Чешский музей и Матица чешская стали в 30—40-х годах важнейшими научными и культурными центрами. Они помогали научной деятельности, которая характеризовалась тогда прогрессивным буржуазно-национальным духом. Каких-либо политических целей «чешская партия» в музее перед собой не ставила.

Более активно национально-политическая работа развернулась в Обществе для поощрения промышленности в Чехии, основанном в 1833 г., где чехов представляли ведущие деятели чешского национального движения А. П. Троян, Ф. Л. Ригер, Я. Пернер, А. Штробах, Ф. Браунер, К. Гавличек, Ф. Палацкий¹⁰⁵.

«Чешская партия» в этом обществе боролась за организацию чешского промышленного училища, издание журнала и популярной специальной литературы для ремесленников. Борьба за чешское промышленное училище стала политической школой для чешской буржуазии. Путем подписки были собраны денежные средства, а в ходе революции даже получено разрешение на его организацию (училище было открыто только в 1857 г.)¹⁰⁶.

Промышленное общество решало задачи популяризации технических знаний путем создания библиотеки, а также издания технических журналов и книг. Заслуга в этом принадлежала Я. С. Преслу. Располагая опытом редактирования научно-популярного, имевшего преимущественно естественнонаучную направлен-

ность журнала «Крок» (1821—1840), он стал редактором издаваемого Промышленным обществом чешского «Технологического журнала» (1837—1840). Издание Пресла являлось продолжением журнала «Прумысловы вестник» К. С. Амерлинга (1840). (Последний фактически служил популярной книгой по химии и издавался по частям.)

К середине XIX в. наука выполнила ряд важных функций в процессе формирования чешской нации и ее национального самосознания, подготовила базу для борьбы чешской буржуазии за экономическое преобладание в Чехии. Было расширено само понятие «национальность», которое ставило на первое место не территориальную принадлежность, а язык и духовную жизнь народа. После проведения грамматической и лексической кодификации чешского литературного языка, он все более становился не только языком писателей и ученых, но и языком повседневного общения городского и сельского населения Чехии. В научных исследованиях была обоснована национальная самобытность чехов: право на достойное положение среди народов Европы подтверждалось ссылками на исторические, литературные и фольклорные традиции.

Во время революции 1848—1849 гг. многие ученые участвовали в политической борьбе (Ф. Палацкий, П. Й. Шафарик, А. В. Шембера и др.). Расширилась сфера применения чешского языка; на нем началось чтение лекций в Пражском и Оломоуцком университетах¹⁰⁷, велись заседания научных обществ.

Неоабсолютистский режим и господство католической церкви, утвердившиеся после поражения революции 1848—1849 гг., нанесли отпечаток на развитие научной жизни в Чехии. Ввиду подавления политического движения, удушения публистики и прогрессивной художественной литературы именно в сфере науки в то время и могла развернуться национальная деятельность. Национальные тенденции в науке выражались иносказательно, подспудно: более четко, несмотря ни на что, в исторических трудах, более расплывчато в филологии и языкоznании. Эти тенденции проявлялись чаще всего в дискуссиях чешских ученых, полемике между чешскими и немецкими учеными и т. п.

Перед чешской наукой, служащей интересам нации, и в 50-е годы объективно стояла потребность завершения создания терминологии на чешском языке для гуманитарных наук (для естественных наук эта задача была актуальна и в 60—70-е годы). В конце 40-х годов по инициативе министра просвещения и культов Л. Туна в Вене была создана комиссия для выработки правовой терминологии на славянских языках империи. Правительство нуждалось в том, чтобы его распоряжения были понятны для славянского населения. Главой комиссии был назначен П. Й. Шафарик. Из чешских ученых туда вошли также К. Я. Эрбен и А. В. Шембера. В 1850 г. комиссия издала словарь «Политико-юридическая терминология славянских языков Австрии», введение к которому написал П. Й. Шафарик¹⁰⁸. Еще во время революции

по постановлению министерства просвещения и культов от 18 сентября 1848 г. чешский язык был введен в городские низшие школы и отдельные гимназии.

В 50-е годы ввиду разного рода ограничений австрийского правительства сфера употребления чешского языка вновь заметно сузилась, особенно в кругу интеллигенции и городского населения. Немецкий язык не только являлся языком официального и делового общения, но и показателем лояльности властям, на нем велось преподавание в средней и высшей школе¹⁰⁹.

Тем не менее Л. Тун организовал новую комиссию в составе П. Й. Шафарика, В. В. Томека, Ф. А. Челаковского, К. Я. Эрбена, К. Шторха для выработки чешской научной терминологии для средних школ. В 1853 г. в результате работы комиссии в Праге вышел «Немецко-чешский словарь научной терминологии для гимназий и реальных училищ».

Процесс утверждения в обществе чешского литературного языка поставил на повестку дня дальнейшую его кодификацию, на этот раз в области синтаксиса, сфере, наиболее слабо разработанной Й. Добровским. Для обыденного общения громоздкие конструкции языка эпохи гуманизма были малопригодны. Выполнение этой задачи взял на себя в 50-е годы пражский профессор, словак по происхождению, М. Гаттала (1821—1903), в 60-е годы — преподаватель академической гимназии В. Зикмунд (1816—1873). Они разработали чешский синтаксис и создали учебные пособия в этой области¹¹⁰. В середине 50-х годов М. Гаттале пришлось выдержать полемику со «старомильцами» К. Я. Эрбеном и Й. Ф. Шумавским, отстаивая справедливость использования для обоснования грамматических правил данные не только литературных памятников (особенно классических XVI в.), но и живого народного языка¹¹¹. В этой полемике проявилась тенденция приближения чешского литературного языка к живой разговорной речи.

Большинство славистических работ 50-х годов было посвящено проблемам старославянской письменности (глаголице и кириллице, месту их появления, их создателям и т. д.). Особенно важные исследования в этой области принадлежали П. Й. Шафарiku. Им была написана работа «О происхождении и родине глаголизма» (1858), совместно с К. Хёфлером изданы «Глаголические отрывки» (1857). Эти исследования свидетельствовали об уходе чешских ученых от «политики». Разработка тематики периода расцвета старославянской культуры и образованности объективно содержала патриотические тенденции, поддерживала чувство национальной гордости. И тем не менее славистические труды Шафарика и других чешских ученых (И. Я. Гануша, Ф. Езберы) в 50-е годы не имели такого общественного звучания, как в 30—40-е годы.

Большое влияние на формирование чешского национального, в частности исторического, самосознания продолжали оказывать труды Ф. Палацкого «История чешского народа в Чехии и Моравии».

вии». В 50—60-х годах увидели свет последующие тома «Истории чешского народа», охватывавшие период до последней трети XV в. Именно в чешском варианте «Истории» проявились основные черты концепции Палацкого, попытки связать ее с потребностями национально-политического движения в Чешских землях. Главное внимание Палацкий уделяет теперь трактовке апогея чешской истории — гуситской эпохе, впервые наполняя ее точным фактическим содержанием (в 30—40-е годы в чешской исторической беллетристике как «золотое время» чешской истории воспевался XIII век — правление последних Пржемысловичей)¹¹².

В духе своей концепции Палацкий определяет содержание гуситского времени как победу демократического славянского духа над феодальным германским, получившим временное преобладание в XIII в. под воздействием немецкой колонизации. После 1848—1849 гг. Палацкий вносит корректировки в трактовку гусизма по сравнению со своим немецким вариантом «Истории». Если ранее он видел в нем только «могучее проявление» славянского демократизма и победу чешской национальной идеи над аристократической германской идеей, то теперь он под влиянием либеральных идей видит еще и борьбу против церковного авторитаризма, за свободу мышления. Гуситство характеризуется не только как апогей чешской истории, но и как веха во всемирной истории, ибо победа над средневековым догматизмом знаменует начало нового времени, которое определяет принцип личной и общественной свободы¹¹³.

Примечательно, что либерал Палацкий в своей «Истории» с симпатией изображает представителей гуситского радикализма — Я. Жижку и тaborитов. Они, по его мнению, явились главными борцами за ликвидацию средневековой кастовости и на практике осуществляли то, что он считал идеалом демократии — соединение принципа старославянской и современной свободы. Палацкий оправдывал также революционный террор тaborитов, считая его вынужденным. Таким образом, Палацкий как историк, следя логике своей историко-философской концепции, стоял на более левых позициях, чем Палацкий-политик¹¹⁴.

Позднее, по мнению Палацкого, славянский демократизм уступает натиску феодализма (прикрепление крестьян к земле при Ягеллонах). Единственное убежище старославянский дух демократизма находит в общине «чешских братьев» за пределами Чехии. Закрепощение народа Палацкий считает главной причиной поражения чешских сословий в битве при Белой горе (1620), последствия которого оценивает для чешской нации отрицательно¹¹⁵.

Обращение Палацкого в годы реакции к истории гуситского движения имело огромное нравственное и культурно-политическое значение. Оно способствовало преодолению чувства пессимизма и разочарования, вселяло веру в силы чешского народа. Палацкий стремился освободить чешское национальное сознание от австрийской государственной идеологии, показать самобытность чехов.

Излагая в чешском варианте труда историю не только чешских, но и моравских земель, Палацкий ставил своей целью способствовать национальной консолидации чешского населения Чехии и Моравии.

Либерально-буржуазная концепция чешской истории Ф. Палацкого в лагере чешской интеллигенции подверглась критике как слева, так и справа. Чешские демократы Э. Арнольд, К. Сабина, К. Сладковский и др. в целом принимали национальные моменты исторической концепции Палацкого, но уделяли больше внимания социально-экономическим вопросам. В частности, они начали усматривать причины гуситского движения в сфере экономического развития, определяли расстановку классовых сил в нем, видели социальные корни радикализма тaborитов. Они подошли к пониманию не только религиозного, национального, политического, но и социального смысла гуситской революции¹¹⁶.

Справа оспаривал концепцию Ф. Палацкого профессор австрийской истории в Пражском университете Вацлав Владивой Томек (1818—1905). В 50-е годы он стал одним из ведущих представителей так называемой правительственной партии во главе с министром Л. Туном, которую отличали лояльность монархии и католицизму и вместе с тем сознание необходимости определенных реформ в национальном вопросе.

Примечательно, что накануне революции 1848—1849 гг. и в ходе ее В. В. Томек разделял большинство положений Палацкого, в общем положительно относился к гуситскому движению, проявлял религиозную терпимость и даже критиковал контреформацию в Чехии¹¹⁷. После подавления революции Томек резко изменил свои взгляды и стал выступать на стороне абсолютизма и реакции. Так, он обвинил гуситов в «бунте» и приветствовал победу католической контреформации в Чехии. Исследуя события XVII в., критического периода в истории Чехии, Томек положительно оценивал поражение чешских сословий в битве при Белой горе. Он считал, что установление власти Габсбургов обеспечило Чехии идейное и государственное единство, избавив от заблуждений гусизма¹¹⁸.

Таким образом, в трудах 50-х годов В. В. Томек воплотил официальное австрийское понимание чешской истории и истории империи. Его оценки гуситского движения смыкались со взглядами представителей немецкой историографии в Чехии и Моравии, например И. А. Гельферта («Гус и Иероним», 1857), которые трактовали историю в духе австрийского патриотизма¹¹⁹.

В. В. Томек и другие деятели проправительственной группировки выступали сторонниками «широкого» австрийско-имперского патриотизма. Вместе с тем они пропагандировали и «узкий», консервативно понимаемый чешский патриотизм. Лидер правительственной «партии» Л. Тун признавал, например, правомерность существования отдельных национальностей в империи, он покровительствовал национальным мероприятиям в области просвещения и образования. В таком же духе действовали В. В. То-

мек и его единомышленники — Г. и К. Иречеки, Я. Э. Воцел, М. Гаттала и др.¹²⁰.

Это объясняет использование Томеком некоторых мыслей Ф. Палацкого, П. И. Шафарика и др. в «Истории Австрийской империи» (Прага, 1852), которая более 30 лет служила школьным учебником. В центре «Истории» романтическая идея миролюбия славян-земледельцев в противовес агрессивным германцам и идея о народовластии как основе политической организации славян¹²¹.

В конце 50-х годов В. В. Томек вместе с другими чешскими учеными вступил в полемику с немецкой историографией во главе с профессором университета в Галле Э. Дюммером, утверждавшим, что христианство пришло в Чехию из Баварии и что в Чехии в IX—X вв. не существовало единого государства, объединенного под властью князей из рода Пршемысловичей¹²². Принятие христианства, по мнению тогдаших ученых, свидетельствовало о высоком культурном уровне народа. Таким образом, немецкие историки ставили культуру Чехии в зависимость от культуры немцев.

Томек и другие чешские историки, напротив, доказывали высокий уровень культуры древних чехов, говорили о принятии ими христианства восточного образца и, как бы подготавливая основу для начала борьбы за историческое государственное право в 60-е годы, отстаивали самостоятельность древнечешского государства, его независимость от Священной Римской империи.

Значительным событием в чешской научной жизни конца 50-х годов и одновременно зрымым проявлением чешско-немецких противоречий стала полемика по вопросу о подлинности сфабрикованных «древнечешских» рукописей, признаваемых в то время жемчужинами древнечешской литературы. Рукописи, прежде всего Краледворская и Зеленогорская, имели патриотическую и вместе с тем антинемецкую направленность, они служили аргументацией в пользу прав чехов на национальную самобытность и духовную независимость от немецкой культуры. Веру в их подлинность подкрепляли исследования авторитетных чешских ученых, прежде всего Ф. Палацкого и П. И. Шафарика¹²³.

В годы реакции чешские ученые в своих статьях о рукописях могли более открыто высказывать патриотические убеждения, что невозможно было сделать в публицистике и литературе. Кроме того, настроения славянского и чешского патриотизма, которыми пронизаны рукописи, воодушевляли представителей всех направлений национального движения, уже значительно дифференциированного в социальном и политическом отношении¹²⁴.

В этой атмосфере любое выступление против подлинности рукописей расценивалось как античешская акция. И, действительно, как показывают архивные документы, публичные нападки на рукописи исходили в конце 50-х годов из среды немецких ученых и были инспирированы пражским полицейским управлением с согласия Вены¹²⁵. Таким образом, развернувшаяся в конце 50-х годов полемика имела скрытый политический смысл как

публичное столкновение чешского и немецкого национального движения в Чехии на почве науки. Точку зрения немецкой стороны отстаивали редактор Д. Ку, его сотрудник А. Зайдлер, профессор М. Бюдингер и литературовед Ю. Фейфалик. (Работа последнего имела высокий профессиональный уровень и стала основой для последующего разоблачения подделок.) С чешской стороны в защиту рукописей единым фронтом выступили представители всех направлений чешского национального движения — Ф. Палацкий, В. В. Томек, братья Иречеки, В. Небеский, М. Гаттала и др. Спор привел к судебному процессу¹²⁶. Полемика вокруг рукописей конца 50-х годов являлась одним из проявлений чешского национализма. Вера в подлинность рукописей сохранилась и в 60-е годы. Сомнения П. Й. Шафарика на склоне жизни в подлинности Зеленогорской рукописи с точки зрения древнечешского права¹²⁷ чешской критикой замалчивались. Окончательно подделка рукописей была доказана выдающимся чешским лингвистом Я. Гебаузром и другими чешскими учеными на базе достижений языкоznания, палеографии и других наук в последние десятилетия XIX в. и, наконец, в результате криминалистической экспертизы 1968—1969 гг.

Особые трудности в выполнении своей патриотической миссии выпали на долю Чешского музея и Матицы чешской. Существование национального музея в Чехии в 50-е годы находилось под угрозой. Научная жизнь Общества национального музея и его новых секций — природоведческой (с 1852 г.) и археологической (с 1843 г.) — находилась под контролем полиции. В начале 50-х годов он осуществлялся относительно «скрытно», ввиду того что шеф пражской полиции был избран членом правления музея. В своей деятельности он опирался на правительенную партию во главе с В. В. Томеком. С помощью этой партии в 1852 г. был провален составленный Ф. Палацким проект издания «Энциклопедического словаря», сам Палацкий не был избран в Комитет музея и отстранен от участия в работе Музейного общества. После подавления «ультрачешской» партии в музее, будучи уверен, что отныне музей не выйдет из повиновения властей, шеф полиции оказывал ему «покровительство». В 1854 г. Вена резко усилила политику германизации и централизма. Полицейский комиссар постоянно присутствовал на заседаниях Музейного общества и писал о них рапорты начальству¹²⁸. Деятельность музея была чрезвычайно затруднена.

Тем не менее и в этих условиях здесь велась научно-патриотическая деятельность. Особенно выделялась в этом отношении Природоведческая секция, организованная под руководством крупнейшего чешского ученого Я. Э. Пуркине (1787—1869). Он стремился превратить эту секцию в центр естествознания в Чехии, сплотить вокруг нее молодые силы, которые посвятят себя научной работе на благо народа¹²⁹. На средства Матицы чешской секция в 1853—1864 гг. издавала журнал «Жива», редакторами которого были Я. Э. Пуркине и Я. Крейчи. Природоведческая секция

и журнал объединили чешских естествоиспытателей, впоследствии занявших ключевые позиции в чешском естествознании. Среди них находились геолог Я. Крейчи, ботаник Л. Челаковский, врач Й. Подлипский, хирург В. Вайсс, зоолог А. Фрич, медик, позднее политик Э. Грегр, паталогоанатом В. Д. Ламбль, ботаник Э. Пуркине, географ Я. Палацкий и др.

Журнал уделял большое внимание наукам, имевшим практическое значение для экономики Чехии. Большинство статей было посвящено геологическому строению Чешских земель, их ископаемым, особенно месторождениям угля. С 50-х годов ведущее место отводится статьям по сельскому хозяйству (о рациональных методах полеводства, лесоводства, животноводства, рыбоводства и т. д.).

«Жива» знакомила читателей и с работами зарубежных естествоиспытателей, популяризировала прогрессивные взгляды о мире и природе, в частности печатала статьи о Кеплере, Копернике, Ньютона, братьях Преслах. Последнее было особенно важно в 50-е годы, когда католическая церковь, получив власть над духовной жизнью Чехии, стремилась удерживать народ в невежестве. Журнал пытался установить связь науки с практикой, с потребностями ремесленников. В этих целях с 1857 г. у «Живы» появляется приложение «Прудник» («Промышленник»), редактируемое Й. Байдой. Другое приложение «Домацци лекарж» («Домашний врач») редактировал Й. Подлипский. Это была первая попытка создания чешского медицинского журнала¹³⁰.

Патриотическая деятельность Природоведческой секции и Я. Э. Пуркине вызывала недовольство полиции, ее полномочия были сузены. В ноябре 1858 г. секция была закрыта.

Тяжелые времена наступили и для Матицы чешской. От руководства были устраниены куратор М. Нойберк и Ф. Палацкий. Число членов катастрофически уменьшалось, а вместе с тем таяли и доходы Матицы. Ее новый устав на протяжении нескольких лет не утверждался властями, издательские возможности Матицы были урезаны. Тем не менее на средства Матицы или с ее помощью удалось издать такие значительные труды, как «История чешского народа в Чехии и Моравии» Ф. Палацкого (т. 4, ч. 1—2; т. 5, ч. 1), «История города Праги» В. В. Томека (т. 1, 1855), «Мудрость славянского народа в пословицах» Ф. Л. Челаковского (1852), «О народных песнях и повестях племен славянских» Л. Штура (1853), «Избранные произведения чешской литературы» (т. 1—2, 1858), «Геология» Яна Крейчи (1860—1863) и др.

Матица продолжала финансировать и издание «Журнала чешского музея» (с 1854 г. «Журнала музея Чешского королевства»). В 1850—1861 гг. «Журнал чешского музея» редактировал литератор В. Б. Небеский (1818—1882), который одновременно был секретарем музея. В значительной мере благодаря его усилиям журнал в годы неоабсолютизма сохранил относительно высокий научный уровень. В связи с изменением политических условий и ростом потребностей промышленности в журнале все больше

места стало уделяться естественным наукам. В области гуманитарных наук был заметен значительный интерес к богословию. Редактор старался расширить возможности журнала, на его страницах появлялись статьи о европейских и восточных странах, по-прежнему важное место уделялось вопросам славистики, особенно обзорам русской (в связи с новым подъемом интереса к России в конце 50-х годов) и польской литературы, помещались переводы из славянских писателей¹³¹.

В 60-е годы были созданы более благоприятные условия для развития чешской науки. Особенно выросло значение таких наук, как юриспруденция и история права. На их долю выпало обоснование национальной программы чешской буржуазии, укрепление в обществе сознания законности борьбы за историко-государственные права Чешских земель¹³². В 30—50-е годы было издано большинство важнейших средневековых памятников чешского права, среди них сочинение Викторина Корнелия из Вшеград «О правах, судах и досках земли Чешской»* (Прага, 1841). Публиковались статьи по древнечешскому праву. Большое значение (особенно в 60-е годы) имело изучение остатков сгоревших при пожаре 1541 г. земских досок — оригинального источника чешского средневекового права, свидетельства самостоятельности и самобытности суда и управления земель чешской короны. Этому вопросу были посвящены исследования Ф. Палацкого, Г. Иречека, Ф. Дворского, Й. Эмлера. Последний взял на себя восстановление содержания земских досок по другим источникам, издав в 1870 г. «Остатки земских досок, сгоревших в 1541 г.» (т. 1)¹³³.

В 60—70-е годы в целях обоснования политических требований чешской буржуазии были созданы обобщающие работы по истории чешского права. Заслуга в создании первого такого труда принадлежит Г. Иречеку (1827—1909), юристу по образованию, старочеху, чиновнику венского министерства просвещения и культов. Трехтомное сочинение Г. Иречека «Славянское право в Чехии и Моравии» (1863, 1864, 1872) охватывает период, начиная с древности и кончая правлением Карла IV. Для автора характерно романтическое понимание старославянского права как права по своей демократичности отличного от германского. Он был убежден, что в праве и правовых институтах проявляется «национальная душа»¹³⁴. Более четко обоснование национальных притязаний чешской буржуазии дано в труде доцента Пражского университета старочеха Й. Калоусека (1838—1915) «Чешское государственное право» (1871).

Это сочинение появилось в самый разгар переговоров чешских политиков с Веной об автономии Чехии (так называемых Фундаментальных статьях) и имело политическое значение. Калоусек утверждал, что чешское государственное право, несмотря на все перипетии чешской истории, сохранилось до новейшего времени.

* «Доски земли Чешской» — записи решений суда Чешского королевства по имущественным делам и нотариальные акты.

Он доказывал, что Чешское государство никогда не было леном Священной Римской империи, что земли чешской короны представляли в международном плане признанное единое государство, что Габсбурги заняли чешский трон на основе свободного выбора, и земские сеймы всегда принимали участие в законодательной власти, что отношение государя к народу имеет характер соглашения. Калоусек считал, что государственная индивидуальность земель чешской короны не была утрачена. Выдавая желаемое за действительное, он полемизировал с немецкой историографией, преуменьшившей значение чешских правовых институтов в период средневековья, и стремился добиться понимания государственно-правовых требований чешской буржуазии у правящих кругов монархии¹³⁵.

В 60-е годы наблюдается известная консолидация в лагере чешских историков. Под влиянием событий чешского национального движения В. В. Томек, став посредником в переговорах между чешским дворянством и лидерами Национальной партии, снова изменил свои оценки ключевых моментов чешской истории. Так, он более лояльно начал относиться к гуситскому движению, положительно оценивал Гуса, умеренных пражских чашников. Теперь он критикует последствия белогорского поражения в книге «Чешские сеймы по обновленному земельному уложению Фердинанда II» (Прага, 1868)¹³⁶.

В ответ на размах чешского национального движения в 60-е годы значительно активизируется и немецкое движение в Чехии. Немецкая буржуазия начинает чувствовать угрозу своему господствующему положению в стране. Идеологическое обоснование преобладания немцев в Чехии взяла на себя немецкая националистическая историография. Во главе ее стоял профессор Пражского университета К. Хёфлер, родом из Баварии, националист и консервативный католик. Он был противником чешского государственного права и борьбы чехов за национальное равноправие. В своих публикациях источников и исследованиях Хёфлер выступает против национальной концепции гуситского движения, выдвинутой Ф. Палацким, осуждает это движение, принижает его значение, подчеркивая неоригинальность учения Гуса. В ответ Палацкий решительно защищает свою концепцию гуситства («Гуситство и профессор Константин Хёфлер», 1868), подчеркивая всемирно-историческое значение этого движения в борьбе за народность и свободу.

Ту же цель принижения чешской истории преследовал и Шлезингер, издав свою «Историю Богемии» (1868). Книга пользовалась успехом среди немецкой буржуазии и оказала влияние на ее историческое мышление, особенно тезис о культурном приоритете немецкого элемента в Чешских землях. Шлезингер изображал немцев как защитников конституционных свобод, а чехов как консерваторов. В заслугу немцам онставил то, что во времена немецкой колонизации (XIII в.) они основали сословие свободных горожан и завоевали ему почетное место. Он осуждал чешских либералов за союз с консервативным дворянством¹³⁷.

Принизить чешскую историю стремилось и Общество истории немцев в Богемии (с 1862 г.), во главе с К. Хёфлером. Оно выражало интересы либеральной немецкой буржуазии в Чехии и материально ею поддерживалось. Общество издавало памятники, которые в духе теории Дюммлера якобы доказывали, что немцы способствовали христианизации Чехии. Однако главной задачей общества было увязать историю с современностью, создать такую концепцию австрийской истории, которая обосновывала бы германизаторскую централистскую политику Вены.

Более скромную, чем юриспруденция и история, но при этом важную воспитательно-патриотическую миссию выполняли в тот период исследования и публикации в области этнографии. В дело укрепления национального самосознания вносили свой вклад публикации чешских, моравских, силезских и других славянских народных сказок, преданий, песен, пословиц К. Я. Эрбена, В. Немцовой, М. Кульбы, Ф. Бартоша, В. Прасека¹³⁸.

В связи с установлением в 1867 г. австро-венгерского дуализма и поездкой славянских делегатов, в том числе Ф. Палацкого, Я. Е. Пуркине, К. Я. Эрбена и др., на Всероссийскую этнографическую выставку в Москву активизировались русско-чешские научные связи, возрос интерес к России со стороны чешского общества. Чешские ученые способствовали повышению этого интереса. К. Я. Эрбен издает в переводе значительные памятники древнерусской письменности¹³⁹. Этим же сюжетам посвятил статьи литератор Й. Коларж¹⁴⁰.

В 60-е годы продолжало возрастать значение естественных наук. Задачи их развития определялись потребностями развития капитализма. Чешская буржуазия все более ощущает необходимость формирования кадров собственной научно-технической интелигенции и оказывает поддержку развитию среднего и высшего технического образования в Чехии. Растет престиж чешской технической интелигенции, интерес к точным наукам: математике, физике, химии и др.¹⁴¹ Быстрый рост сахароварения, пивоварения и т. д. дал импульс развитию химии. Если в 30—50-е годы приоритет в совершенствовании технологических процессов в пивоварении и сахароварении принадлежал немецким ученым, то в 60-е годы больших успехов достигают и чехи. В частности, в 1863 г. Г. Елинеку (1834—1901) удалось улучшить очистку сахарного сока, А. Белогоубек (1845—1910) исследовал процесс брожения в целях повышения производства пива и спирта. Его работы о дрожжах получили мировое признание. В химии сахароварения в 70-е годы выдвинулись Ф. Шебор, Г. Елинек, В. Дивиш, Г. Карлик, В. Сикора, Э. Байер, А. Кукла. Успешно трудился в области неорганической химии в 60-е годы профессор Политехнического института Ф. Штольба (1835—1910).

Особенностью этого периода в развитии естественных наук было утверждение «чешской» науки, выдвижение ставших впоследствии известными молодых чешских естествоиспытателей, начало или завершение создания чешской научной терминологии, учебников

для средней и высшей школы. В области химии такую задачу взял на себя В. Шафарик (1829—1902). В 1860 г. он издал «Основы химии», которые со временем Пресла были первым систематическим изложением материала по химии на чешском языке¹⁴².

В области математики в 60-е годы создаются учебники на чешском языке для средней и высшей школы В. Шимерской, В. Янечкой, Г. Скршиваном, Ф. Студничкой, М. Покорным и др. Учебники по физике для гимназий и высшей школы были написаны Ф. С. Кодымом, Ф. Й. Студничкой, М. Покорным, А. Майером и др. Заслуги в популяризации достижений естественных наук имели Я. Э. Пуркине, Й. Сметана, Ф. Й. Студничка, В. Шафарик, Ф. А. Шебл, Й. Дастих, Й. Смолик и др. Вклад в создание чешской терминологии в области геологии и минералогии внес Я. Крейчи. Кроме статей и книг, он издал в 1860 г. учебник по геологии на чешском языке. Крейчи стремился наряду с общими основами геологии дать картину геологического строения Чешских земель, а также Словакии¹⁴³. В связи с потребностью чешской промышленности иметь собственную сырьевую базу, особенно уголь, большое значение приобрели поиски месторождений черного и бурого угля в Пражской области и исследования геологического строения этого района.

В 60-е годы немногочисленным еще чешским естествоиспытателям приходилось решать организационно-педагогические вопросы в связи с образованием чешских кафедр в Политехническом институте и Пражском университете. Активное участие в политической жизни, создание научных журналов и обществ, популяризация чешской науки, разработка научной терминологии и учебников — все это отвлекало их от научных исследований. Кроме того, недостаточным было оснащение лабораторий. В этом смысле немецкие ученые в Чехии находились в более выгодном положении, продолжая чисто научные изыскания. Но подготовительная работа, проведенная чешскими учеными в 60-е годы и ранее, создала предпосылки для успешного развития естествознания в Чехии в последние десятилетия XIX в.

Характерное явление в чешской науке 60-х годов — образование большого числа научных обществ, объединявших ученых по профессиональным интересам. Эти общества, как правило, группировались вокруг новых научных журналов. Так, вокруг «Журнала чешских врачей» (редактор В. Эйзельт) объединилось Общество чешских врачей, вокруг журнала «Юрист» (редакторы И. Я. Эрбен и князь Р. Турн-Таксис) сплотилось Юридическое общество, и т. д. Многие научные общества конца 60-х годов образовывались на основе студенческих обществ. Например, из студенческих обществ Пражского университета возникли Общество чешских математиков и физиков, издававшее с 1872 г. «Журнал для изучения математики и физики», и Общество чешских филологов, которое стало выпускать журнал «Филологические листы» — первое чешское лингвистическое и историко-

литературное ревю. Студенческое общество «Тсис» в Политехническом институте и «Журнал чешских химиков» (с 1869 г. редактор К. О. Чех) дали жизнь Обществу чешских химиков и т. д.

Все эти общества объединяли чешских ученых, которые стремились заложить прочные основы науки на чешском языке. Особую актуальность, особенно для естественнонаучных обществ, по-прежнему имела выработка научной терминологии. Много в этом направлении работали члены Общества чешских химиков, а также Юридического общества, которое, кроме того, активно боролось за равноправие чешского языка в учреждениях и общественной жизни. До разделения высших школ в Чехии общества часто выполняли функции научных институтов: способствовали образованию кадров чешских ученых, обеспечивали возможность публикаций, являлись дискуссионными клубами и т. д.

Чешским научным обществам противостояли немецкие. Общество «Лотос», объединявшее в основном представителей биологического и геологического направления, Общество немецких математиков, Общество истории немцев в Богемии (1862) и другие издавали свои журналы, опираясь на финансовую поддержку немецкой буржуазии¹⁴⁴.

Наряду с возникавшими научными обществами продолжали свою деятельность старые. В 1862 г. возобновило работу Природоведческое общество при Национальном музее под руководством Я. Э. Пуркине, объединившее небольшое число молодых естествоиспытателей. На базе этого общества был образован Комитет по всестороннему исследованию Чехии, который с 1864 г. издавал «Архив естественнонаучного изучения Чехии». Было издано семь томов, которые включали в себя 53 исследования по топографии, геологии, ботанике, зоологии, метеорологии, химии и т. д. Эта работа имела патриотическое значение и соответствовала потребностям развивающегося капитализма в Чехии. Не менее важными, особенно для развития сельского хозяйства, были планы (по инициативе Я. Крейчи) создания сети метеорологических станций, которым, однако, не суждено было тогда осуществиться.

В условиях начавшейся специализации естественных наук и конкуренции со стороны возникавших специальных научных обществ Природоведческому обществу все труднее было вести свою работу. В 1864 г. из-за недостатка средств прекратил существование журнал «Жива», а после смерти Я. Э. Пуркине распалось и само общество. Трудно приспособливались к новым условиям политической жизни в 60-х годах старые научные учреждения Чехии — Национальный музей и Матица чешская. Они утрачивают роль главных центров, опоры чешского национального движения. Плохое финансовое положение этих учреждений принуждало их взывать к помощи дворянства, которое по-прежнему преобладало в руководстве музея и среди вкладчиков Матицы. Это мешало демократизации музея, отпугивало чешскую буржуазию.

Участие в руководстве музея немцев ставило его в невыгодное положение среди других научных обществ, где превалировала

чешская интеллигенция. Оставаясь бастионом остатков консерватизма и земельного патриотизма, музей не мог быть на высоте задач, поставленных чешским движением в 60-е годы. Сложившаяся ситуация отразилась и на «Журнале чешского музея», который уже не мог конкурировать с многочисленными общественно-политическими и литературными газетами и журналами 60-х годов и ограничивал свое содержание областью науки. Исторические и естественнонаучные проблемы освещались на страницах его приложений «Археологические памятники» и «Жива», в журнале остались по существу только беллетристика, лингвистическая, историко-литературная и философская тематика, что в общем снижало интерес к этому изданию¹⁴⁵. И тем не менее благодаря тому, что чешский элемент в музее и Матице был довольно силен, этим учреждениям удавалось участвовать в патриотических мероприятиях, пополнять археологические, рукописные, этнографические и естественнонаучные коллекции и поддерживать издание исследований чешских ученых. С 1861 по 1870 г. на средства или с помощью Матицы чешской было издано 30 сочинений чешских авторов¹⁴⁶.

Чешское королевское общество наук тоже не смогло оставаться в центре научно-патриотического движения в Чехии. Мешал сугубо академический характер общества и преобладание в нем немецких ученых и немецкого языка. Это было скорее представительное научное учреждение, поддерживавшее связи с иностранными обществами путем обмена изданиями, выборов иностранных членов и т. п. И все же общество внесло вклад в развитие чешской науки. Здесь в 60-е годы были собраны значительные научные силы Чехии: Ф. Палацкий, Я. Э. Пуркине, В. В. Томек, К. Я. Эрбен, И. Я. Гануш, Я. Крейчи, В. Шафарик, К. Ф. Зап, Я. З. Вокел и др. Общество принимало участие в праздновании 50-летия Национального музея, 70-летия Ф. Палацкого, 50-летия научной деятельности Я. Э. Пуркине и других общественных мероприятиях¹⁴⁷.

Научно-патриотическое движение в Чехии в 50—60-е годы опиралось на традиции, заложенные в первой половине XIX в. Поставленные перед наукой в предшествующий период задачи формирования чешского национального самосознания — выработка научной терминологии, обоснование самобытности чешской нации и др. — были в целом выполнены. Предстояло решить новые задачи, актуальные для развития науки на заключительном этапе формирования чешской нации. Годы реакции замедлили начавшийся процесс политизации чешского национального движения, снова ограничив его национально-культурными рамками. Только в 60-е годы политическая борьба выходит на передний план, однако первые акции были связаны с областью науки и культуры (борьба за равноправие чешского языка в учебных заведениях, научных обществах и т. д.). Чешская наука теперь принимает участие в обосновании политической программы буржуазии, способствует развитию технического прогресса.

Журналистика

Журналы, газеты, художественная, научно-популярная, общественно-политическая литература — необходимый спутник и элемент формирования и функционирования буржуазного общества. Как и культура в целом, издательское дело воздействовало на процесс складывания чешской нации. От элементарной рекламы товаров и текущей информации до идеологически заостренных выступлений лидеров разных политических направлений и группировок и сочинений выдающихся деятелей культуры — все это так или иначе было связано со сплочением буржуазной нации как полной внутренних противоречий этносоциальной общности.

Радикальные изменения в состоянии журналистики во всей Австрийской империи и особенно в Чехии произошли во время революции 1848—1849 гг. (до тех пор чешская «ежедневная политическая печать была неизвестна») ¹⁴⁸. В Чешских землях возникли дешевые издания различных направлений, рассчитанные на массового читателя, повысился их профессиональный уровень. С марта 1848 г. издания, ранее имевшие главным образом беллетристический, развлекательный, просветительный или научный характер, обращаются к политическим вопросам. Появляются политические газеты, среди них выходившие с апреля 1848 г. «Народни новини» («Национальная газета») К. Гавличека-Боровского. В начале 1849 г. в Праге выходило восемь чешских газет на чешском языке общим тиражом 4 тыс. экземпляров и восемь — на немецком языке тиражом 7 тыс.¹⁴⁹ Радикально-демократическая печать встала на сторону европейской демократии и высказывалась в поддержку освободительного движения в Италии и Венгрии.

С победой контрреволюции журналистика подверглась преследованиям. Начиная с марта 1849 г. был принят ряд реакционных законов о печати, что постепенно привело к закрытию всех независимых от властей политических газет — и чешских и немецких. Тогда в смелое единоборство с правительством вступил К. Гавличек-Боровский, разоблачивший политику правящих кругов ¹⁵⁰. После запрета его газеты он переехал в город Кутна-Гора, где не было осадного положения, и основал там в мае 1850 г. другую газету «Слован» («Славянин»). Власти препятствовали рассылке газеты, конфисковывали ее, налагали штрафы, угрожали «волчьим билетом» типографским рабочим ¹⁵¹. Бесстрашного публициста неоднократно подвергали судебным преследованиям. Но под давлением общественного мнения суд оправдывал Гавличека. И хотя в январе 1851 г. редакция писала, что «Слован» будет держаться до последнего, в августе издание прекратилось. В то время в Праге выходили лишь официозные «Пражске новини» («Пражская газета») и малопопулярный «Пражски простонародни лист».

Неоабсолютистский режим 50-х годов оказал негативное влияние на литературную жизнь. С закрытием в июне 1849 г. журнала

«Кветы» («Цветы») исчезло последнее беллетристическое издание, и только в феврале 1851 г. Ф. Б. Миковец начал выпускать литературный «Люмир» тиражом 1 тыс. экземпляров, который издавался вплоть до изменения политической ситуации в стране и был широко открыт для писателей. Лишь в 1853 г. стал выходить «Обзор», публиковавший материалы по этнографии, истории, информацию о текущих событиях и освещавший вопросы литературы и искусства. Однако вскоре из-за недостатка читателей это издание, так же как и издание журнала «Злате класы» («Золотые колосья», 1853—1856), было прекращено.

К 50-м годам относятся несколько неудавшихся попыток прогрессивных писателей и деятелей культуры, в частности Й. В. Фрича, осуществить издание литературного журнала в целях пробуждения «дремлющего духа в чешском обществе»¹⁵².

Поскольку в период неоабсолютизма независимые политические газеты в Чешских землях не выходили, способом выражения общественного мнения была публикация материалов в научных, специальных, юмористических и прежде всего литературных журналах. Эти издания в небольшой степени заменяли газеты, ибо некоторым из них было разрешено публиковать и короткие сообщения неполитического характера.

Таким образом, чешские издания 50-х годов XIX в. выполняли, хотя и неполно, функцию канала массовой информации, являлись средством пропаганды достижений культуры и исторических традиций. Материалы художественного содержания были рассчитаны на широкие круги города и села. Издания удовлетворяли потребность в чтении, воспитывали привычку к систематическому получению информации. Велика их заслуга в просвещении читателей¹⁵³.

Новые задачи поставили перед собой литературные альманахи «Лада Ниола», выходивший в 1855 г. под редакцией Й. В. Фрича, и «Май» (1858), с которыми в литературу пришла молодая и боевая группа поэтов во главе с Яном Нерудой и Витезславом Галеком, отражавшая атмосферу новых настроений в общественной и культурной жизни. Вскоре начинают выходить и другие журналы, которые, являясь беллетристическими, уделяли большое внимание политике. Популярностью в этот период пользовался журнал «Образы жйвота» («Картины жизни»), выходивший в 1859—1860 гг. Прогрессивный характер придавал журналу его редактор Я. Неруда, перу которого принадлежали критические статьи, проза, стихи, театральные заметки. Популярным культурно-политическим и экономическим ревю был также «Посел з Праги» («Пражский вестник», 1857—1883), который был основан Ф. Шимачеком, отстаивавшим в эпоху неоабсолютизма идеи экономического и политического либерализма, писавшим о дворянстве как о пережитке средневековья. Этот орган указывал на экономическую слабость чешской буржуазии и в духе идей Шульце-Делича призывал к взаимопомощи предпринимателей. «Посел з Праги» успешно распространялся среди сельского населения, а в дальнейшем выражал взгляды старочехов.

Крестьян все больше привлекали издания, посвященные сельскому хозяйству. В 1851—1854 гг. «Патриотическое экономическое общество Чешского королевства» издавало журнал «Тыденник» («Еженедельник»), а с 1854 г. начал выходить журнал «Господарские новинки» (Хозяйственные новости). Тогда же издавался ряд педагогических, экономических, религиозных журналов¹⁵⁴.

Несмотря на преследования, выходил также сатирический журнал либеральной ориентации «Гумористике листы» («Юмористическая газета», 1858 г.). В 1861 г. это издание было реорганизовано в политическо-сатирическую газету. В журнале печатались анекдоты, шутки, карикатуры, которые часто носили политический характер. «Гумористике листы» выражали оппозиционные настроения народа.

В условиях реакции чешские издания имели общекультурное и общенациональное значение, поскольку являлись легальным средством самовыражения нации, орудием защиты национальных интересов, укрепляли национальные взаимосвязи, сохраняли национальное самосознание. Беллетристические, научные и профессиональные журналы воспитывали в это трудное время вкусы читателя, пробуждали интерес к национальной литературе. Но они не могли заменить политическую печать, которая возродилась только в начале 60-х годов.

Потребность в газете, которая объединила бы силы национального лагеря, остро ощущалась уже в конце 50-х годов. Однако первая попытка издания такого органа (в 1858 г. было получено разрешение на издание политического еженедельника) из-за нерешительности чешских политических сил закончилась неудачей. В более благоприятной политической ситуации летом 1860 г. национальные либералы предприняли коллективную акцию для создания политической газеты. Именно эту цель преследовал меморандум двенадцати ведущих чешских политиков от 14 июня 1860 г., в котором внимание императора было обращено на то, что «чешский народ не имеет ни одной независимой политической газеты». Характерно, что авторы аргументировали необходимость издания газеты тем, что «правительство само заинтересовано в этом, поскольку тогда ему будет известно, чем живет чешское общество»¹⁵⁵.

В атмосфере нарастающего брожения власти согласились на издание сразу двух ежедневных чешских газет, тем самым надеясь разобщить чешских политических деятелей. В 1860 г. чешские либералы получили разрешение на издание А. Красой газеты «Час» («Время»), а в ноябре Ю. Грегром газеты «Народни листы». Газета «Час» заявила о поддержке федералистской политики, т. е. линии формировавшейся Национальной партии. В состав ее редакции вошли некоторые бывшие радикальные демократы — В. Вавра-Гаштальский, его брат Э. Вавра, К. Сладковский, Э. Тоннер, парижским корреспондентом был Й. В. Фрич. В издании участвовали прогрессивные журналисты и писатели Я. Неруда и Й. Барак. Тем не менее газета не стала центром консолидации левых сил.

Поддержка Красой правительенного курса (Февральской конституции 1861 г.) заставила ряд прогрессивных деятелей в конце 1861 г. выйти из состава редакции «Часа». Они основали газету «Глас» («Голос»), которая с 1 января 1862 г. вместе с начавшей выходить с января 1861 г. газетой «Народни листы» выступила против «Часа», обвинив ее редактора в получении субсидий от властей. В январе 1863 г. «Час» прекратил свое существование.

В состав редакции «Гласа» вошли Й. Барак, П. Хохолоушек, Я. Неруда, К. Сладковский, Э. Вавра, Я. Шкарда и др. Федерализация Австрии стала для «Гласа» главным лозунгом. Газета выступала против политики централизма и поэтому не раз обвинялась властями в возбуждении «чувства ненависти и пренебрежения к правительству и государственному управлению», в нарушении общественного спокойствия¹⁵⁶.

Став главным редактором газеты «Народни листы», Ю. Грегр учредил товарищество, во главе которого оказались Палацкий, Ригер, Браунер, Пуркине и др. Благодаря их усилиям чешская журналистика продвинулась вперед в профессиональном отношении.

В первые годы «Народни листы» оставались официальным органом Национальной партии, трибуной буржуазно-прогрессивных сил чешского общества. Образцом для Ю. Грегра служили «Народни новини» К. Гавличека. Лозунги, провозглашавшиеся на страницах газеты, оказывали влияние на общественные настроения. Это была борьба против централизаторского курса правительства, в защиту национально-политических прав чешского народа.

Активность газеты «Народни листы» привлекла внимание полиции и вызвала волну преследований. Первое предупреждение было сделано за выражение симпатий Гарибальди. Выступление газеты против закона 1861 г. о выборах в сейм закончилось судебным процессом. В период 1861—1865 гг. Ю. Грегр и его брат четырежды подвергались судебному преследованию. За выступление против министра Шмерлинга Ю. Грегр был посажен в тюрьму. Именно там состоялась его встреча с редактором «Гласа» В. Вавром, они решили объединить «Глас» и «Народни листы» и создать мощный орган, «стоящий на демократической платформе». Объединение, осуществленное в июне 1865 г., было значительным событием в истории чешской журналистики 60-х годов XIX в. Приход редакторов «Гласа» в газету «Народни листы» оказал влияние на ее направление. «Народни листы» являлись самой крупной чешской газетой (тираж 5 тыс. экземпляров), сыгравшей важную роль в общественно-политической и культурной жизни чешского общества. Это был политический рупор чешской буржуазии во второй половине XIX в.¹⁵⁷

К концу 1863 г. «Народни листы» стали выражать взгляды леволиберального, или либерально-демократического течения. Поэтому осенью 1863 г. представители правого умеренно-либераль-

ного (либерально-консервативного) крыла решили основать собственный орган. С декабря 1863 г. начала выходить газета «Нáрода» («Нация»), вокруг которой объединились сторонники Палацкого, Ригера, Браунера. Вступив в политический союз с «историческим» дворянством, они все дальше отдалялись от леволиберальной буржуазии. Редакция «Народа» подчеркивала, что стоит на платформе единства нации и выражает доверие правительству и императорскому дому¹⁵⁸. Газета, однако, не встретила широкого одобрения среди подписчиков и в мае 1866 г. была закрыта.

В 1862 г. было создано общество для издания чешской газеты на немецком языке, в состав которого вошли Палацкий, Ригер, Скрайшовский и др. Первый номер газеты «Политик» («Политика») вышел в Вене в августе 1862 г. Издание выражало принципы Национальной партии, позднее линию старочехов. Основание этой газеты свидетельствовало о том, что чешские лидеры не только стремились донести свои требования до правящих кругов, но и информировать о них немецкого читателя в Чешских землях, Австрии, Германии и Европе в целом.

Заметно облегчил положение политической печати закон 1862 г., согласно которому издательская деятельность изымалась из ведения полицейских властей. Однако сохранилась система карательных мер (конфискации, штрафы), ограничивавших возможности газет и журналов. В 1862—1865 гг. репрессиям подвергались все чешские политические газеты, но особенно сурово преследовались чешские издания в 1868—1871 гг., т. е. в период подъема национального движения и массовых митингов (таборов). В это время «Народни листы» не раз меняли название. Несмотря на репрессии, чешская политическая печать 60-х годов XIX в. поднялась на новую ступень.

Наряду с либеральной прессой в 60-е годы вышли в свет буржуазно-радикальные газеты: внутри страны «Правда», «Свобода», «Болеславан», а за границей «Чех» и «Бланик». После 1867 г. появляется политическая рабочая печать — газеты «Дельник» («Рабочий») и «Дельницке листы» («Рабочая газета»).

Влияние на общественное мнение той или иной газеты не определялось ее тиражом. Число подписчиков оставалось относительно небольшим, однако содержание важных статей становилось известным десяткам тысяч людей. Так, программа «Гласа» (автор К. Сладковский) стала программой леволиберального течения, программа Национальной партии была изложена в газете «Народни листы» (Ф. Ригер), «Идея Австрийского государства» Ф. Палацкого была напечатана в «Народе».

Рубеж 50—60-х годов был временем борьбы за национальное самоутверждение, а в конце 60-х годов внутренней пружиной большинства газетных публикаций стало стремление сплотить массы народа, сделать каждого чеха борцом за национальные права. Так, еще в 1861 г. Палацкий отмечал, что «народ без национального самосознания подобен человеку, лишенному чувства чести».

В 60-е—начале 70-х годов XIX в. политическое значение прессы поднимается на новую ступень. Пресса была орудием внедрения в сознание масс буржуазной идеологии, норм и ценностей. Одним из главных ее назначений становится формирование общественного мнения. Параллельно с конфронтацией сил в самом буржуазном лагере обостряется борьба за массы.

Включение в политическую борьбу широких слоев народа показало, что трудящиеся осознавали роль печати в общественной жизни. В ходе движения таборов потребность широких масс в собственных средствах информации находит выражение в многочисленных листовках, что свидетельствовало о возросшем уровне классового самосознания трудящихся. Зарождается социалистическая рабочая печать, противостоявшая буржуазной пропаганде.

Таким образом, периодические издания 60-х годов отражали продолжавшуюся дифференциацию политических сил чешского общества. Органы печати стали центрами идеино-политической борьбы.

В конце 60-х—начале 70-х годов был отменен ряд ограничений, имевшихся в законодательстве о печати. Это привело к росту числа и тиражей газет и журналов. С начала 70-х годов XIX в. чешская политическая печать опережает по числу названий немецкую в Чешских землях¹⁵⁹.

Политическая печать 60-х годов XIX в. сыграла важную роль в ускорении консолидации чешской нации. Создание национальной печати в 60-е годы было связано с борьбой за национальное равноправие, способствовало развитию чешской общественной мысли. В то же время печать являлась средством самоутверждения чешской нации и на европейской арене. Осознание чехами себя как малой угнетенной нации вело к поискам внешних связей. Естественно, что внешнеполитическая проблематика занимала центральное место на страницах изданий. Публистика становится пропагандистом идеи славянской общности и солидарности, которая получила различные конкретные политические интерпретации. Концепция австрославизма (австрофедерализма) обсуждалась на страницах всех политических изданий. Резкую конфронтацию в редакции газеты «Народни листы», которая и привела к основанию праволиберальной газеты «Народ», вызвало восстание 1863 г. в Королевстве Польском. В конце 60-х годов в связи с очередным разочарованием в австрийской политике в прессе усилились русофильские настроения. Всестороннее освещение получила поездка на Этнографическую выставку и славянский съезд 1867 г. На протяжении всех 60-х годов газеты уделяли большое внимание проблеме взаимоотношений габсбургской империи с западными странами, особенно с Францией, Пруссией, а с 1870 г. с объединенной Германией. При выборе внешнеполитических сюжетов акцент делался на подъеме национальных движений в Европе, что должно было стимулировать борьбу чехов за автономию.

Материалы, освещавшие внутриполитические вопросы, также имели большую значимость. Внутриполитические сюжеты стали

предметом полемики с проправительственной прессой, между чешскими изданиями. В 60-е годы XIX в. это были прежде всего проблемы перестройки империи, конституционности, федерализма, централизма, исторического права, вопросы, специфичные для Чешских земель: закон 1861 г. о выборах в сейм, закон о равноправии языков (дискуссия 1864—1865 гг.) и др. Острую полемику в печати вызвали вопросы политической тактики Национальной партии.

В связи с тем, что нестабильность политической системы монархии в 60-е годы XIX в. способствовала оживлению концепции чешского исторического права как элемента национального самосознания, печать была одним из главных его пропагандистов. Октябрьский диплом 1860 г. сделал пропаганду государственного исторического права особенно актуальной. Последовавший отказ правительства от проведения в жизнь автономистского принципа вызвал апологию в печати теории конституционного правового и либерального государства.

Хотя в общей идеологической форме чешское историческое право, особенно в сознании масс, связывалось с правом на самостоятельность земель чешской короны, в повседневной реальности за принципом исторического права стояли конкретные требования буржуазии в борьбе за автономию, за характер организации власти на местах, стремление по возможности ограничить вмешательство правительства в сферу экономики и общественную жизнь. Уже в 1861 г. важное место в печати заняли права политических институтов — сеймов, комитетов земель, земельного маршалка, являвшихся воплощением идеи самоуправления Чешских земель. Вместе с тем печать являлась и средством распространения представлений чешской буржуазии о функциях общегосударственных институтов, о месте Австрийской империи в европейской политике и т. д.

В условиях подготовки дуализма, т. е. в середине 60-х годов, чешская печать показывала, что неполноправное положение чешской нации особенно нетерпимо ввиду успехов в экономическом развитии Чешских земель, напоминала о традициях чешской государственности. Это подводило читателей к мысли о необходимости серьезных перемен.

В эпоху подъема буржуазии печать отражала изменения в социально-экономическом развитии чешской нации, являлась пропагандистом капиталистических отношений. Рост экономической силы чешской буржуазии оказывал влияние на ее политическое мышление. В этой связи печать являлась важнейшим орудием распространения представлений буржуазии о ее роли в государстве, превращения их в цельную идеологическую систему.

Значительное место на страницах чешской периодики занимала экономическая проблематика. Интенсивное развитие экономики Чешских земель в 50—60-х годах XIX в. в условиях конкурентной борьбы чешской и австронемецкой буржуазии явилось причиной возросшего объема информации по вопросам экономики. Печать использовалась чешской буржуазией для защиты своих интересов.

Это выражалось, например, в пропаганде идеи противопоставить австронемецкому капиталу сеть чешских сберегательных касс. Публикация различных рекомендаций в сфере производства, пропаганда новых технических культур, внедрения передовых форм хозяйствования в земледелии, экономических и сельскохозяйственных школ, союзов и т. д. — все это занимало стабильное место на страницах периодики. Посредством рекламы, объявлений, экономических приложений и специальных изданий печать прокладывала путь чешским промышленным товарам, особенно в югославянские земли монархии и Галицию, облегчала борьбу чешской буржуазии за овладение внутренним рынком.

По мнению газет, усиление позиций чешской буржуазии в сфере экономики должно было привести к расширению ее политических прав. «Глас» рассматривал обогащение верхов чешского крестьянства как путь к росту числа зажиточных налогоплательщиков, что вело бы к увеличению числа избирателей-чехов и таким образом к усилению чешского представительства в сейме.

Идея национального единства стала одним из пунктов буржуазной пропаганды. Стремление буржуазии представлять интересы всех классов и слоев, выступать в рейхсрете, сейме и т. д. от имени «всего чешского народа» нашло отражение на страницах печати.

Вместе с тем печать оказывала влияние на формирование комплекса представлений о чешском народе как субъекте истории, на воспитание патриотизма, чувства национального достоинства, на развитие литературного языка, культуры в целом. Печать являлась звеном трансляции культуры в широком смысле. Предметом ее внимания были как художественные произведения, так и злободневные вопросы, встававшие перед чешской общественностью: строительство театра, проблема отбора репертуара, актеров и т. д. Постоянным направлением деятельности периодики была публикация критических статей, рецензий, текущей информации по всем отраслям культуры. Немалое место занимала публикация произведений художественной литературы, мировой классики; из русских писателей особый интерес вызывал И. С. Тургенев.

Совершенствование книжного дела в Чешских землях в 60-х — начале 70-х годов происходило во взаимосвязи с развитием всей системы национальной культуры¹⁶⁰. В 1862 г. было основано издательство Ю. Грегра и Ф. Шимачека, в 1867 г. — «Матица народа», в 1870 г. — «Крестьянская матица» — общества для издания массовой и дешевой книги. В 1970 г. «Матица народа» уже имела 20 тыс. подписчиков, в большинстве своем крестьян, ремесленников и рабочих. Но это были лишь первые шаги по сравнению с невиданным ранее подъемом чешского книгоиздательства в конце XIX — начале XX в.

Достижением, свидетельствовавшим о зрелости научных и литературных сил, стал выпуск серийных изданий. Так, в 60-е годы Ю. Грегр и Ф. Шимачек издавали серии «Библиотека классиков», «Мировая поэзия», «Политическая библиотека» и др. Тогда же

началось издание «Научного словаря» в 11 томах под редакцией Ф. Л. Ригера — в сущности первой чешской энциклопедии.

Развивалась сеть библиотек и книжная торговля. Издание и распространение газет, журналов и книг уже в 30—40-х годах XIX в. в основном превратилось из занятия энтузиастов в сферу приложения капитала, приобретало коммерческий характер, присущий буржуазному обществу¹⁶¹.

Все это стало возможным в условиях возрастания емкости рынка печатной продукции. Кроме того, в 60-е годы были созданы элементарные условия для свободного распространения печати. Соответственно усилилась роль издательств и редакций как организационных и идеологических центров сосредоточения национальных политических и культурных сил.

Новые черты литературы: утверждение реализма

Становление чешской национальной литературы происходило в эпоху национального возрождения. Процесс становления национальной литературы шел в условиях участия народных масс в общественном движении, осмысливания языкового, исторического, этнического, духовного единства чехов как национальной общности. Из всех видов искусства литература (художественное слово) оказывала в эти годы наибольшее воздействие на общественное сознание, так как по природе своей она обладает способностью многомерного осмысливания действительности, восприятия ее как сложного процесса, способностью отображения основных жизненных конфликтов.

За полстолетия чешская литература прошла огромный путь от создания собственного литературного языка, от незрелых подражательных произведений и стилизаций до шедевров К. Г. Махи, К. Гавличека-Боровского, Б. Немцовой.

Развитие чешской литературы происходило как бы в спрессованных формах, когда одно литературное направление накладывалось на другое, проходя этапы своего становления в короткие сроки. Это характерно для литературы и других народов Центральной Европы, находившихся в условиях национального порабощения.

Ранняя стадия чешского национального возрождения носила просветительский характер с переориентацией литературы на светскую проблематику (поэзия Пухмайера, драматургия Тыла, Клипперы). В первой четверти XIX в. тенденции классицизма смениются сентиментально-романтическими, которые вырастали на базе формирующегося национального самосознания: определяющим моментом для литературного произведения становится патриотическая идея, воплощение идеалов общественной гармонии через обращение к национальной истории и народному творчеству. За долгие годы иноземного гнета при длительном ослаблении отечественных литературных традиций неизмеримо возросла роль фольклора, аккумулировавшего художественное сознание чехов. На этапе национального возрождения художественное мышление

ищет опору в национально-фольклорном типе художественной образности¹⁶². Национальная характерность понимается прежде всего как специфически национальное содержание литературы. Возникают своеобразные формы «огласовой» (от чешского «оглас» — эхо, отзвук, отклик) литературы — обработка и подражание народному творчеству (поэзия Ганки, Челаковского, Хмelenского), своеобразное состязание с произведениями народного творчества.

Большую роль в формировании характера чешской литературы, которая ориентировалась на славянский мир, сыграла поэма Коллара «Дочь Славы» и его трактат «О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянского народа». Эти произведения как бы сконцентрировали чувство славянской общности, которым была наполнена общественная атмосфера, ощущение близости политических и культурных задач славянских народов, сфокусировав симпатии и интерес к славянским культурам, и прежде всего фольклору.

В предреволюционные 30—40-е годы радикально-демократическая идеология питала революционно-романтическое течение (Маха, Фрич). Идеалы общественной и национальной свободы как бы приближаются к каждому индивидууму, который становится творцом своей судьбы, освобождаясь от пут феодальной системы мышления, в том числе и от религиозных догм. Совершается программный поворот литературы, которую начинают волновать не только проблемы судеб народа, но и внутренний мир отдельного человека, вступающего в сложные отношения с обществом и пытающегося осмысливать трагические коллизии бытия.

Революция 1848—1849 гг., завершившая эпоху чешского национального возрождения, стала рубежом в формировании чешской культуры и положила начало принципиально новым явлениям и тенденциям, развитие которых происходило в последующие годы. Это отчетливо понимали деятели чешской культуры, бывшие непосредственными свидетелями революционных событий. «1848 год коренным образом изменил наши литературные вкусы: элегические патриотические переживания а ля Тыл читаются у нас лишь изуважения к предмету, однако нам требуется уже иная, более широкая идея», «родились новые взгляды, открылся более широкий свободный горизонт», — писал Ян Неруда¹⁶³.

Горькие уроки событий 1848—1849 гг. содействовали рождению более ясного представления о социальных противоречиях чешского общества, углубив в литературе социальный аспект видения мира, стимулировав попытки осмыслить и отобразить социальные силы, действовавшие в обществе, психологию человека. Революция 1848—1849 гг. нанесла чувствительный удар традиционным иллюзиям о единстве нации. Крушение многих утопических, романтических иллюзий обусловило изменения общественного настроения в сторону большей объективности в оценке жизненных явлений, стало стимулом движения литературы к реализму, утверждения реалистического направления.

Краеугольным камнем зарождающегося реалистического направления стала статья К. Сабины «Демократическая литература» (1848), которая надолго определила перспективы развития литературы, программируя ее художественные поиски. Возвещая начало новой эпохи в литературе, связанной с революционным движением масс, Сабина утверждал, что рождается новая литература о народе и для народа, которая станет орудием в борьбе за демократические преобразования общества. Он подчеркивал познавательную функцию искусства. По его мнению, «демократическая литература открывает новые возможности для наблюдения и изучения жизни»¹⁶⁴.

Эти новые воззрения нашли свое воплощение в лучших литературных произведениях послереволюционного десятилетия. Политическая реакция 50-х годов, по определению Ю. Фучика, разделила представителей чешской литературы на приспособленцев, утративших былой либерализм, и писателей, выражавших официальное направление, с одной стороны, и на тех, кто остался верен идеалам революции, — с другой¹⁶⁵. В результате поражения революции 1848—1849 гг. активизировались консервативные силы чешского общества, связанные с дворянскими кругами и с правительственным курсом. Журналисты братья Иречеки, историк В. В. Томек, критик Я. Малый, снискавший печальную славу нападками на все передовое в литературе, поэты Я. Э. Воцель и В. Б. Небеский, утратившие былой либерализм, перешли в наступление на радикально-демократическую идеологию, на революционные традиции чешской культуры.

Искажалась чешская история, гуситство представлялось как время бедствия и упадка, а побелогорская эпоха «тьмы» и порабощения чешского народа как пора его расцвета (Томек). В качестве главной задачи выдвигалась идея просвещения. Пагубным признавалось влияние зарубежных литератур, в первую очередь немецкой (особенно Гейне), иначе говоря, проникновение в чешскую литературу демократических идей, социальной проблематики. Литература ориентировалась только на обращение к национальной истории, к чешскому фольклору. Эти консервативные тенденции были устойчивы и активны. В 60-е годы они по-прежнему выражали идеологию правящих кругов, однако в новой исторической ситуации — также и окрепшей национальной буржуазии.

Литературные тенденции, противостоявшие консервативному направлению, были связаны с радикально-демократическими традициями 1848 г. Первый решительный отпор консервативной программе развития чешской литературы был дан в 1855 г. альманахом «Лада Ниола», который вышел под редакцией Й. В. Фрича. Для направленности альманаха показательны статьи Бендла «Судьба певца „Бахчисарайского фонтана“» и других поэтов русских» и повесть Фрича «Праздничная жизнь». Оба автора писали о патриотическом характере чешской литературы и ее исключительной роли в судьбах нации.

Бендел подчеркивал силу и мужество русского народа, который сверг монголо-татарское иго, призывал соотечественников учиться на этом примере у русских. Он писал о самобытности и свободолюбивом характере русской литературы, в частности подчеркивал симпатии Пушкина, Лермонтова, Грибоедова и др. к вольным народам Кавказа, указывал на верность изображения жизни русскими писателями и их нетерпимость к порокам общества.

Фрич выступал за поэзию, пробуждающую людей от духовной депрессии, ратовал за создание литературы, которая является «верным зеркалом того, чем живет человечество». Фрич выражал уверенность, что новая славянская поэзия, развиваясь на основе народного творчества, следя поэзии Гейне, который «пробуждает в человеческом сердце животворную, стремящуюся к действию мечту», станет поэзией борьбы за национальную и гражданскую свободу, за развитие индивидуума. Эстетические требования Фрича, как и его поэзия, свидетельствуют о стремлении к отражению в искусстве реального мира, они полемически заострены против программы консерваторов.

Эти тенденции нашли свое воплощение и в поэзии, и в прозе, и в драматургии 50-х годов. Наиболее ярко они представлены в сатирических жанрах, прежде всего в блестящей политической сатире К. Гавличека-Боровского. В 50-х годах, будучи в ссылке, он создал прославленные сатирические поэмы «Тирольские элегии», «Король Лавра», «Крещение святого Владимира». Поэмы распространялись в рукописи. Они увидели свет лишь в 60-е годы в передовых журналах. Сатирик стремился к объективному анализу общественных сил и отношений. В основе его сатирической типизации лежит связь явлений действительности. Он жестоко высмеял наибольшее зло своего времени — абсолютизм, духовный гнет церкви, политическую реакцию.

Большим завоеванием чешской литературы в создании социально-бытовых жанров, в раскрытии психологии общественных групп (крестьянства), в создании человеческих характеров стала проза Б. Немцовой, особенно повесть «Бабушка» (1855 г.), которой, по словам К. Сабины, писательница поставила литературу на «социальную национальную почву, показав кусок общественной жизни»¹⁶⁶. Впервые в чешской литературе дается развернутый, психологически глубокий образ человека из народа. Друг активных деятелей революции, писательница смотрела на мир глазами угнетенного народа, выражала интересы крестьянства, ремесленников, мечтая о государстве равных. Однако ей представлялось возможным достичь социального равенства с помощью морального усовершенствования богачей, дворянства, на стороне которых было не только богатство, но и культура. Эта утопическая мечта воплощается Немцовой во многих произведениях («Бабушка», «Хижина в горах», «Горная деревня» и др.), определяя их нравоучительные тенденции.

Революция 1848—1849 гг. оказала решающее воздействие и на крупнейшего чешского драматурга прошлого века Й. К. Тыла,

который был также видным журналистом, выступал как прозаик и поэт. Его творчеству присуще новое понимание историзма, связанное с убеждением, что главная сила истории — народная масса. И в его исторических драмах («Ян Гус», «Кутногорские рудокопы» и др.), и в пьесах-сказках («Волынщик из Стракониц», «Упрямая баба» и др.), и в бытовых драмах («Дочь поджигателя», «Банкрот» и др.) утверждаются идеи человеческой и народной активности в борьбе за справедливость, свободу, счастье. Прославляются люди труда, наделенные лучшими человеческими качествами. В пьесе «Кутногорские рудокопы» впервые в европейской драматургии автор вывел на сцену восставших рабочих и отдал им свои симпатии. Постановка была запрещена цензурой «ввиду того, что в пьесе описывается притеснение народа, восстание и бесцеремонное использование оружия»¹⁶⁷.

Большую роль в становлении чешской литературы сыграло творчество К. Я. Эрбена, поэтический сборник которого «Букет» (1853) прозвучал в 50-е годы как призыв к стойкости. Умеренный по своим общественным воззрениям, Эрбен в то же время с большой художественной силой выразил веру в торжество национальной свободы.

В условиях общественного подъема 60-х годов необычайно возросла роль литературы в общественно-политическом движении. «Если где-либо литературная деятельность является одновременно деятельностью политической, то у нас и подавно»¹⁶⁸, — писал Я. Неруда. Посвятить себя литературному творчеству практически означало включиться в борьбу за демократические права. По словам С. Чеха, «быть писателем значило для нас избрать профессию не только самую благородную, но и самую полезную для народа»¹⁶⁹.

Огромный по сравнению с прошлыми годами размах приобрела журналистика, которая была призвана прежде всего формировать гражданское сознание читателей, прививая ему вкус к отечественной литературе и освобождая от традиционного влияния немецкой беллетристики и пристрастия к немецкой периодике. Один за другим выходят в свет литературные журналы — «Образы живота» (1859—1862), «Родинна кроника» (1862—1864), «Злата Прага» (1864—1865), «Кветы» (с 1865 г.), «Гумористицке листы» (с 1858 г.), альманахи «Май» (1858), «Рух» (1868), «Альманах чешского студенчества» (1868) и многие другие. В этих изданиях сотрудничали крупнейшие писатели. Однако эти журналы не отличались долговечностью, им не хватало подписчиков. Лишь постепенно преодолевалось равнодушие читателя к отечественной литературной продукции, воспитывалось его гражданственное сознание. Труд чешского писателя еще не воспринимался как само-отверженная служба обществу, достойная вознаграждения (в нищете умерли Тыл, Немцова, Хохолоушек, всю жизнь боролись с нуждой Неруда, Арбес и др.).

Большую роль в культурной жизни чешского общества второй половины XIX в. сыграла младочешская газета «Народни листы» (1861—1941), в которой сотрудничали виднейшие культурные

деятели: музыкальный отдел вел Б. Сметана, литературным и театральным рецензентом был Я. Неруда, одним из литературных редакторов газеты — писатель-демократ Я. Арбес и т. д. Это делало газету, особенно в первые годы существования, органом прогрессивных сил. Литературное приложение к газете превратилось в 1865 г. в двухнедельный журнал «Литерарни листы», получавший в дальнейшем и другие названия.

В начале 70-х годов была сделана попытка оформить нечто вроде союза чешских писателей. Собравшиеся в Праге писатели, обсудив положение отечественной литературы, заявили, что «настало время, когда все подлинные патриоты должны посвятить чешской литературе свои особые заботы, завоевывая для нее человека за человеком, семью за семьей, дом за домом». Однако союз распался, едва успев зародиться.

Общественный климат того времени требовал создания новых политических, нравственных и эстетических идеалов и сам способствовал этому. Особая роль в осознании того, что рождение эстетических программ имеет свою жесткую логику, определяясь исторической фазой развития общества, принадлежит поколению поэтов и писателей, выступавших в альманахе «Май» и принявших участие в жарких спорах, которые развернулись в 60—70-е годы о путях развития литературы, о ее роли в жизни нации, о понятии «национальный». Литераторы этого круга заняли в общественно-политической борьбе прогрессивные позиции, примыкая к левому крылу младочехов, считая себя духовными наследниками идеалов радикально-демократического течения 1848—1849 гг.

Если для литературы национального возрождения ведущей была идея самоутверждения нации и это определяло ее задачи и патриотическо-просветительский характер, то в 60—70-х годах главным становится пробуждение масс к борьбе за свои права, за демократические преобразования. На первый план выдвигается проблема объективного содержания, познавательной функции искусства. Меняются идеально-эстетические задачи. Литература ставит перед собой новые цели, пытаясь наполнить конкретным содержанием часто умозрительные представления предшественников.

Главная заслуга в теоретическом обосновании реализма и в проведении его принципов в художественной практике и в критической деятельности принадлежала Я. Неруде, общепризнанному вождю нового направления, главе литературной жизни 60—70-х годов. Неруда считал искусство художественным отражением реального мира, общественных отношений, внутреннего мира человека. Он был убежден, что эстетическую ценность может представлять лишь то произведение, которое соответствует уровню передовой общественной мысли и создано художником-гражданином. Он доказывал, что искусство, правдиво рисующее жизнь, не может не отразить угнетения неимущих в современном обществе, где капитал становится идолом, и что против правды в искусстве выступает лишь тот, кто боится быть изображененным. «Социальная поэзия не по вкусу тем, — указывал он, — . . . кому мешают жалобы обездо-

ленных и голодных. Всех их трясет при звуке социальной песни, они предают эстетической анафеме даже простую балладу, которая берет свою тему из подлинной жизни»¹⁷⁰. Углубляется интерес литературы к человеческой личности, ее внутреннему миру.

Неруда первым из чешских писателей дал определение типического обобщения как одного из принципов реалистического искусства и критериев художественности произведения. «... Если мы выберем из класса определенную личность в качестве героя романа или новеллы, — писал он, — то мы ее должны так охарактеризовать, чтобы она, воплощая особенности своего класса, вместе с тем представляла собой нечто индивидуальное, обусловленное характером и окружающей обстановкой»¹⁷¹.

С требованиями познания и изображения жизни в ее общественно-исторической конкретности, с утверждением принципа типизации связано и требование национального своеобразия. Они не трактуются уже как «народное» в смысле «фольклорное», «этнографическое». Теперь национальная индивидуальность и оригинальность понимаются как проникновение художника в современную жизнь народа, постижение ее внутренних законов и противоречий, умение выразить все это в художественных образах, связанных с национальными художественными и историческими традициями. Сгруппировавшиеся вокруг «Мая» деятели (маевцы), преодолевая собственные ошибки, понимали, что отечественная литературная традиция не должна являться жестким каноном, хотя отражает устойчивые и характерные черты национального художественного развития. Отсюда глубокое уважение к творческому наследию будителей, интерес к стихии народного творчества.

Рождается принципиально новое отношение к народному творчеству — не копировать его ценности, не «служить фольклору», когда «каждая антихудожественная имитация народной песни объявлялась каноном национального искусства»¹⁷², а заставить «фольклор служить литературе». Автор отбирает из кладовых народного творчества то, что находится в соответствии с его идеино-художественным замыслом и как бы «переплавляет» материал в своей творческой лаборатории. Поднимаются новые его пласти, недостаточно изученные или неизвестные предшественникам, — народная духовная драма и городской фольклор, рабочий фольклор. Известно высказывание Неруды, что во всемирную армию поэтов принимают лишь тех, кто пришел туда в своей, национальной одежде.

Остро встал вопрос, на какие национальные традиции следует опираться. Маевцы, понимавшие социально-политические задачи литературы, стремившиеся увидеть жизнь в ее социальной специфике, в поисках образцов гражданственности обращались прежде всего к героическим традициям, к гусиству, опыту революции 1848—1849 гг. Реакционно-буржуазные тенденции в развитии чешской литературы, напротив, питались стремлением сохранить патриархальность социально-политических, нравственно-бытовых отношений, а также устоявшиеся представления о чешском народе —

каким, с «голубиным» характером, народе, которому присущи единодушие и богоискательство (статьи Я. Малого, Хмеленского и др.).

Все более популярным становится убеждение, что чешская национальная культура связана тысячами нитей с культурой других европейских наций и не может успешно развиваться без освоения их опыта. В эпоху национального возрождения процесс ознакомления с плодами художественной мысли других народов был в основном стихийным. Неруде и его единомышленникам принадлежит заслуга сознательного, программного стремления ликвидировать известную национальную изоляцию и запаздывание чешской литературы от мирового процесса развития художественной и эстетической мысли. Небывалый доселе размах приобретает переводческая деятельность, особенно в 70—80-е годы, с созданием журнала «Люмир», серии «Всемирная поэзия» и т. д.

Достоянием публики делается творчество выдающихся европейских писателей. Это стремление передовых чешских литераторов мерить чешскую литературу и движение духовной жизни европейским аршином воспринималось консервативными кругами как определенное покушение на национальное достоинство и традиции чешского народа, на незыблемость его нравственных и культурно-исторических основ, на исконные черты национального характера. (Нечто подобное было в России: борьба «новаторов» и «архаистов», позиции Карамзина и Шишкова.)

Поиски новых идеальных импульсов и художественной формы способствовали преодолению узконациональных рамок художественного мышления, приблизив развитие чешской литературы к уровню развитых европейских литератур. Процесс формирования чешского реалистического направления особенноочноочно связан с опытом русской классической литературы. В 60-е годы в чешских переводах стали известны почти все сочинения Пушкина, Гоголя, многие произведения Лермонтова, Гончарова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Некрасова и др. В «Умелецкой беседе» был прочитан ряд лекций по русскому народному творчеству, русской и украинской литературам.

В интересе к русской литературе выражалось и отношение к русскому народу как к самой большой независимой славянской нации, потенциальной опоре в борьбе с иноземными поработителями, симпатии к русскому демократическому движению 40—60-х годов. «... На оригинальную нашу литературу русские имели и имеют решительное и притом благоприятное влияние», — писал Неруда. — До 50-х годов у нас царили французские, немецкие, английские образцы, в 50-е годы и в начале 60-х годов на нас начали воздействовать Гоголь, Гончаров, Толстой, Тургенев и др. Молодые наши литераторы внимательно изучали эти образцы, и в нашей новейшей литературе сразу обнаружились благотворные следы этого внимания»¹⁷³.

Неруда и его соратники по литературным боям за утверждение в литературе реалистической эстетики глубоко и заинтересованно изучали передовую русскую литературу, сознавая, что «русский

роман уже признан в мировой литературе как лучший» и что «вслед за этим, бесспорно, последует признание русской драматургии» (Неруда), пытаясь повернуть отечественную литературу на рельсы того же познания глубинных процессов социальной действительности и создания художественных обобщений, объективный смысл которых заключается в отрицании основ собственнического общества (статья Галека с характерным названием «Ищу Гоголя!», статьи Неруды о «Ревизоре», прозе Тургенева, пьесах Островского, Вавры о Некрасове, Сабины о Тургеневе и др.).

Творчество многих русских писателей становится не только объектом читательского освоения, но и как бы слагаемым чешского литературного процесса, катализатором, который активно выявлял зревшие в нем силы, помогая формировать новое общественное и художественное сознание, новые эстетические принципы, критерии и художественный вкус.

Неизвестные еще грани открываются в эти годы чешским читателям в уже полюбившемся им творчестве Пушкина. И не только потому, что впервые полностью переводится его реалистическая проза («Дубровский», 1867, «Арап Петра Великого», «Капитанская дочка», 1874), но и потому, что по-новому, глубоко и в контексте собственного литературного развития прочитываются многие переведенные его произведения, и прежде всего «Евгений Онегин». Не случайно гениальный дар Пушкина, создавшего в своем «Онегине» «энциклопедию русской жизни», во всем своем масштабе и глубине впервые открылся Я. Неруде — главе реалистического направления. Именно в связи с критикой романа в стихах Пфлегера-Моравского «Пан Вышинский», написанного под прямым воздействием Пушкина, Неруда в 1859 г. формулирует одно из основных требований своей эстетики — принцип социальной типизации.

В чешской литературной жизни 60—70-х годов особенно значительное место заняли произведения Тургенева, Гоголя и Некрасова. Именно их творчество оказалось наиболее близким по своему духу и характеру задачам чешского литературного движения этих лет, созвучно художественным идеалам чешских литераторов той поры и их художественным исканиям. По утверждению Неруды, творчество Тургенева, его метод и стиль, воспитало не один чешский талант. Действительно, мимо творческого опыта русского реалиста не прошли Галек, Светлая, а в более поздние годы Райс, Гербен, Галечек, Свобода и др. Творчество Тургенева привлекало чешских литераторов прежде всего актуальной для чешского общества крестьянской проблематикой. Гневный протест русского реалиста против вопиющей социальной несправедливости в отношениях помещиков к крестьянам, против поруганного достоинства русского мужика легко проецировался на чешскую почву, обостряя критическое восприятие жизни чешскими писателями.

Галек, Светлая, Райс и др. убедительно рисуют расслоение капитализирующейся чешской деревни, которое формирует отношения между людьми на новой, чисто денежной основе, отbrasы-

вая прочь, как прошлогодние листья, патриархальную семейственность, дружественность прежней деревни и рождая трагедию разобщенности, нищеты, отверженности. Чешскому художественному вкусу, воспитанному на традициях Эрбена и Немцовой, импонировала глубокая поэтичность творчества Тургенева, умение видеть в мужиках нравственную красоту и национальную основу характера, огромные запасы душевного богатства и сил. Привлекало тургеневское мастерство в создании типичных русских характеров, которые отличаются при этом необычайной конкретностью, индивидуальным своеобразием и неповторимостью.

Своего рода компасом в напряженных творческих поисках и боях за утверждение реалистических принципов искусства стало творчество Гоголя. Если в 40—50-е годы чехов пленили национально-патриотическая героика «Тараса Бульбы» или неистощимая выдумка «Вечеров на хуторе близ Диканьки» с их веселым задорным смехом и жизнеутверждающим оптимизмом народных характеров, что естественно вписывалось в литературное движение и гармонично дополняло успехи собственной литературы, то теперь Гоголь засверкал новыми гранями своего блестящего таланта. (Следует подчеркнуть, что впервые отдельным и полным изданием «Мертвые души» выходят в свет только в 1867 г.)

О дальнейшем проникновении в глубины творчества русского реалиста красноречиво говорят статьи Галека и Неруды, которых покоряет масштаб сатирического дарования Гоголя, его критицизм, мастерство в создании русских типов. («В „Ревизоре“ Гоголь выставил на осмеяние у позорного столба все то, к чему привело Россию самодержавие», — писал Неруда). Гоголь открывает перед чешскими литераторами 60—70-х годов художественно мало освоенные сферы жизни большого города с его социальными контрастами и менее, чем деревня, выраженной национальной характерностью. Еще более отчетливо осознается гуманизм русского классика, глубоко заглянувшего во внутренний мир «малого человека», поруганного, но не растерявшего своих духовных богатств в мире наступающего чистогана. Теперь особо привлекает и простота вымысла, та «поэзия жизни реальной», которую сознательно стремилась воплотить в 60—70-х годах чешская литература, создавая свои «Картины жизни», по-новому ощущается и умение Гоголя-рассказчика, мастера малых прозаических форм, получивших такое широкое развитие в чешской литературе 60—70-х годов, в годы утверждения реализма¹⁷⁴.

Лира Некрасова былаозвучна программе развивавшегося чешского реализма и своей революционно-демократической направленностью, и проникновением в глубины народной жизни, и обращением к жизни городских низов, и лиризмом как формой выражения авторского отношения к жизни, и публицистичностью.

Интересу чешского общества к русской литературе сопутствовал интерес к русскому языку. Издавались грамматики и словари, создавались многочисленные кружки по изучению русского языка. Одним из руководителей первого кружка был автор чешско-русского словаря Ранк.

Известной сложностью отличалось обращение к «соседней» немецкой литературе. Немецкая культура в течение многих столетий была насижданой господствующей культурой, поэтому патриотически настроенная чешская интеллигенция стремилась оказывать противодействие ее влиянию. С другой стороны, все истинно прогрессивные явления в немецкой литературе находили в Чехии живой отклик. В конце 50-х и в 60-е годы Гейне стал властителем дум молодых поколений чешских литераторов и читателей. В нем видели идеал поэта и личности, смело связавшей себя с демократическим движением. Его поэзия, проникнутая революционными настроениями и ядовитым скепсисом, содействовала становлению чешского реалистического направления. Чешских литераторов привлекала и борьба «Молодой Германии» против реакционных течений романтизма.

Для чешской литературы той поры характерно ощущение неразрывной общности исторических судеб чехов и словаков, родства языков, культуры. «Пусть словаки пишут на родном языке, все же это и наш язык; пусть они идут и в поэзии своим путем, все же богатство их духа является частью нашего духовного богатства»¹⁷⁵, — писал Неруда, много сделавший для знакомства чехов со словацкой поэзией. Однако среди деятелей чешской культуры существовало и колларовское отрицательное отношение к языковой реформе Л. Штура, к стремлению словаков создать собственный литературный язык.

В 60—70-е годы уже существовал сложившийся на народной основе чешский литературный язык со стабильной грамматической структурой. Он использовался в устном и письменном общении во всех сферах культурной и общественной жизни. Он закрепился в литературе, науке, журналистике, народном образовании. Неуклонно возрастала численность носителей чешского языка, изменился социальный их состав за счет увеличения доли городских слоев — ремесленников, мелких торговцев, формирующегося пролетариата, растущей интеллигенции¹⁷⁶. Охват школьным обучением почти поголовно всего населения Чехии создавал предпосылки для глубокого проникновения печатного слова в массы. Литература становится активным фактором в формировании национального сознания.

Чешская литература в 60—70-е годы делает успехи на пути утверждения принципов реализма. В иерархии литературных жанров в эти годы на первое место выходят малые жанры прозы, гражданская лирика. Напряженный темп общественной жизни, изменения в социальной структуре общества, во взаимоотношениях общественных групп, с одной стороны, стремление осмыслить социальные процессы, острое внимание к фактам действительности — с другой, обусловили интенсивное развитие художественного очерка, схватывающего актуальные и типичные факты, и рассказа, который с особой выпуклостью может выделить какую-либо сторону жизни, рисует характерный случай и дает возможность «в малом сказать многое» (Белинский). Развитие очерка и рас-

сказа позволило сделать реалистические зарисовки социальной жизни, очертить типические характеры, уяснить черты национального своеобразия, приобрести опыт в раскрытии человеческой индивидуальности (очерки и рассказы Б. Немцовой, Я. Неруды, В. Галека, К. Светлой, А. Ирасека, А. Сташека и др.). Все это подготавливало почву для становления в дальнейшем жанра реалистического социально-бытового и исторического романа.

По-прежнему большое место в прозе занимала традиционная крестьянская тематика. Крестьянство в это время составляло половину населения Чехии. Крестьянский вопрос не был решен революцией 1848—1849 гг. до конца. Шел интенсивный процесс расслоения крестьянства, проникновения капитализма в деревню. Видя зло во власти денег, многие писатели-демократы не понимали закономерности развития капитализма в деревне, разрушения ее прежнего быта. Идеализируя патриархальную деревню, каждый по-своему искал путей устранения социальной несправедливости, предотвращения влияния капиталистического города с его властью золота.

В. Галека (1835—1874) привлекали идеалы слияния человека с облагораживающей его природой, переустройства общества на основе демократических принципов и высшей морали. Его произведения проникнуты оптимизмом, верой в народ, лучшие качества которого раскрыты в его произведениях. Однако руссоистские мечты Галека вылились в известную идеализацию патриархальных «естественных» отношений, отсюда и частые «идеальные» образы героев (автор никогда не делал ими «панов»), нравоучительное торжество справедливости и добродетели, порой надуманность сюжетных поворотов и т. д. («В усадьбе и в хижине», «Под голым холмом», «На выселках» и др.).

К. Светлая (1830—1899) искала идеал в программе нравственного усовершенствования и имущественного равенства, близкой идеологии «чешских братьев» XVI в. Она была увлечена социально-этическими взглядами Жорж Санд. В основе лучших очерков, рассказов и романов К. Светлой лежала крестьянская тема (повести «Житель скал», «Поцелуй», романы «Крест у потока», «Деревенский роман», «Франтина» и др.). В ее произведениях социальные конфликты отходят на второй план. На первое место выступает идея нравственного долга, жертвенного служения добру, стремление дать читателям образец человека высоких нравственных качеств.

Светлая делает своими положительными героями представителей простого народа, крестьян, душевное благородство, чистота которых противопоставляются ханжеской морали буржуазного общества. Эта идейно-воспитательная установка зачастую слишком прямолинейно подчиняет себе художественную логику произведения. Писательница была пионером в постановке в литературе женского вопроса. Это связано с зарождением в конце 60-х годов в Чехии женского движения, с требованиями права для женщин на высшее образование, общественно-полезный труд, с требованием семейного раскрепощения женщины. (В 1873 г. была создана

женская газета «Женске листы», редакцию которой возглавляли писательницы К. Светлая, С. Подлипская, Э. Красногорская.)

Яркой вехой в развитии реалистической прозы стали повести и рассказы Я. Неруды. Он обогатил чешскую литературу, сделав предметом ее внимания жизнь города. Его социально-бытовые рассказы и повести, объединенные в сборники «Арабески» и «Малостранские повести», рисуют картину быта и нравов мелкой чешской буржуазии и городских низов преимущественно одного из районов Праги — Малой страны. Положив в основу своих рассказов типические для изображаемой жизни конфликты, писатель создал глубоко жизненные образы. Герои Неруды, которые заслуживают то авторскую насмешку, то улыбку, то душевную симпатию, «верны сами себе» в своих действиях, мыслях, переживаниях, в своеобразии своей речи. Образ Малой страны вырастает до обобщенного понятия обывательщины. Писатель совершил подлинное художественное открытие, воплотив в своих произведениях черты мелкобуржуазного сознания¹⁷⁷. Для Неруды-художника характерен лаконизм при идеиной насыщенности каждой художественной детали. Писатель создавал близкий к народной разговорной речи, богатый и емкий, искрящийся юмором язык реалистической прозы.

Более углубленное понимание нации, ее социальной структуры, художественное освоение новых пластов действительности, прежде всего возросший интерес к жизни городских слоев населения способствовали рождению в чешской литературе 60—70-х годов нового для нее героя — рабочего, который выдвинулся в эти годы на арену общественной жизни, заявив о своих правах. Многие писатели видели в рабочем движении важную часть общедемократического движения, горячо ему сочувствуя и не разделяя настороженно-враждебного отношения к нему буржуазных кругов и официальной печати. Вместе с тем ведущие писатели того времени занимали в основном буржуазно-демократические позиции, что мешало им понять классовый характер рабочего движения, создать произведения, в которых новая острая проблематика нашла бы адекватное художественное выражение.

Так, например, лучший роман Г. Пфлегера-Моравского «Из жизни малых людей» (1864) был посвящен событиям восстания пражских рабочих в 1844 г. Автор, изучавший жизнь рабочих, правдиво изобразил нищенские условия их существования, тяжелый безрадостный труд. Писатель создал образ фабриканта-предпринимателя, наделенного типическими чертами эксплуататора. Назревающий социальный конфликт, который лег в основу романа, жизненно правдив. Вместе с тем автор представляет классовый антагонизм прежде всего как вражду национального и личного характера, которая забывается перед лицом смерти. Являясь новаторским в постановке темы, это произведение еще не стало художественным завоеванием реалистической литературы.

Значительным художественным достижением в разработке этой проблематики стала повесть Неруды очеркового типа «Босяки» (1872). Писатель с документальной точностью отразил тяжелую

жизнь и нравы многонациональной массы сезонных рабочих, сбравшихся со всех концов Австро-Венгрии на постройку железных дорог. Он создал достоверный обобщенный образ «босяков», подчеркивая общность социальной судьбы своих героев, которая определяет особенности их характера, этики, морали. Впервые в чешской литературе Неруда использовал рабочий фольклор. Повесть Неруды отражала приметы времени — железнодорожное строительство и появление массы сезонников, мироощущение которых приближается к классовому сознанию рабочих (чувство товарищества, неприятие буржуазной морали и государственных институций, свободолюбие, презрение к собственности и т. д.). Эти качества утверждаются писателем как позитивные в противовес буржуазным идеалам. Кровавое столкновение рабочих с войсками во время известной Сваровской стачки нашло отражение в пьесе В. Ержабека «Слуга своего господина». Автор сочувственно относится к восставшим, обличая хищника-предпринимателя и его показной либерализм.

Одним из первых писателей, кто открыто выразил свой интерес и симпатии к социал-демократическому движению, был Я. Арбес. В списке прочитанных книг он указал «Капитал» К. Маркса. Его статьи и очерки, рисующие общественную жизнь Чехии 60—70-х годов, пронизаны духом неприятия существующего порядка, мечтами об общественном усовершенствовании, которые имели утопический характер.

Новая и актуальная для чешской литературы проблематика нашла свое отражение и в поэзии. В начале 60-х годов появляются стихи поэта-самоучки из рабочих Ф. Хладека, который ввел в обиход поэзии новый художественный образ — грозный голос массы рабочих, поднимающихся за свои права. Этот образ был в дальнейшем развит С. Чехом, И. В. Сладеком и другими поэтами. В стихотворении Р. Майера «В полдень» (1861) впервые в чешской поэзии появляется правдивый образ рабочего, который отказывается от личной мести хозяину, понимая необходимость общего фронта борьбы с угнетателями.

Апофеоз человека труда в стихотворении В. Шольца «Песнь о мозолистой руке» (1868) связан с верой поэта в торжество справедливости для рабочих. Новое социальное понимание народной жизни проявилось и в лиро-эпических стихотворениях, представляющих собой жанровые зарисовки (стихи Шольца из сборника «Подснежники», Неруды из «Книг стихов», С. Чеха, В. Галека, А. Гейдука и др.). Как один из излюбленных жанров оформляется жанр реалистической социальной баллады, которая вытесняет традиционную романтическую балладу с фольклорно-фантастическим сюжетом. Основой конфликта в реалистической балладе становятся реальные противоречия эпохи. Трагическая судьба простого человека, лишенного права на радость жизни, свободу чувства, человеческое достоинство, раскрывается в напряженном и остром сюжете и диалоге. То, что романтиками воспринималось как мир, не достойный искусства, для писателей реалистической

ориентации 60—70-х годов открывается как нетронутое еще богатство истинной поэзии. Все становилось достойным искусства, которое стремилось показать сложную обусловленность человеческой психики, мира эмоций историческим моментом, общественным настроением, социальной средой.

В эту эпоху шел интенсивный процесс освобождения личности от оков сословных, национальных, религиозных условностей и предрассудков. Массовые манифестации в честь закладки здания Национального театра, юбилея Яна Гуса, шекспировские торжества, преобразование в 1867 г. империи в Австро-Венгрию, наконец, таборы всколыхнули гражданское сознание «среднего чеха». Индивидуум впервые по-настоящему ощутил причастность к истории, ответственность за судьбы родины, долг гражданственного служения, личное достоинство и человеческие права. Общественная психология времени повысила роль гражданской лирики, сделав ее глашатаем патриотических и демократических идеалов.

Поэты-демократы видели в поэзии возможность с помощью обращения к народным массам усилить их общественную активность и патриотическое сознание («Чешские стихи», «Послание Словакии» Неруды и др.). Недаром они часто публиковались в газетах и лишь потом попадали в поэтические сборники. Образ героя гражданской лирики определился как образ патриота, гражданина, борца за свободу, друга угнетенных, как образ поэта, сознательно отдающего талант на службу интересам простых тружеников.

Патриотической поэзии этих лет, особенно многим произведениям Неруды, Галека, Шольца, Гейдука, присущее чувство внутренней слитности поэта и родины, умение говорить о высоких гражданских чувствах, патриотизме, долге гражданина в интимно-лирической задушевной тональности. Этому соответствует простота поэтической интонации и языка, богатого разговорными оборотами, свободного от романтической перегруженности образами. С другой стороны, для патриотической поэзии характерен и революционно-романтический пафос, патетика и богатая романтическая метафоричность. В поэзии Чеха, лучших стихотворениях Врхлицкого, Сладека это связано с ощущением народной революционной силы, грядущих социальных преобразований.

В чешской литературе 60—70-х годов много светлой веры в идеалы, оптимизма. Это связано с нарастанием широкого демократического движения, которое усиливало веру писателей в человека, вселяло надежду на победу гуманизма. Литература сделала большие успехи на пути освоения реалистического художественного метода.

Вершинные достижения чешского реализма достигли художественного уровня других европейских литератур. На развитии чешской литературы конца 60—70-х годов прослеживается «обратная» связь литературы и общественного движения. Питаюсь передовыми идеями времени, литература, в свою очередь, несла их в массы, делаясь частью общественного движения, воспитывая гражданское сознание.

Театр и его общественная роль

60-е годы XIX в. занимают особое место в истории чешского театра. В условиях ускоренной консолидации нации они подводят итог длительной борьбе за создание регулярной чешской сцены, что было предпосылкой оригинального развития национального театрального искусства. Далее, эти годы становятся в театре началом этапа, отмеченного нарастающей тенденцией смены романтизма сценическим реализмом, типологически родственной переходу к критико-реалистическому методу в других областях художественной культуры.

В силу своей специфики театр, как ни один другой вид художественного творчества из известных в XIX в., зависит от внешних условий. И основное в этом — театральная сцена и зрительный зал. Актер и режиссер без театральных подиумов и аудитории могут лишь репетировать, но отнюдь не творить. Чехи же вплоть до 1862 г. не имели регулярной, независимой от немецкого театра и немецкой дирекции сцены.

Чешское театральное искусство нового времени развивалось на протяжении всей эпохи национального возрождения, переживая успехи и неудачи, но на всех этапах ему приходилось много сил тратить на отстаивание своих позиций перед лицом попыток немецкого театра оттеснить его на глубокую периферию культуры¹⁷⁸.

Чешские деятели театра и патриоты стремились добиться равноправия в стенах общего с немцами Сословного театра Праги, создавали свои собственные сцены, например Патриотический театр «Боуда», театр «У Каэтану», которые, впрочем, просуществовали недолгое время. В силу исторических обстоятельств требование самостоятельности чешской труппы, вывода ее из-под юрисдикции немецкой администрации подспудно или явно, в зависимости от политической ситуации, являло собой одну из форм борьбы за национальное равноправие.

Поэтому такое большое внимание театральному вопросу уделяли как прогрессивные деятели чешской культуры, так и лидеры национального движения, сознававшие уникальное значение театра в процессе формирования национального самосознания. Театр обладал притягательностью и понятностью для относительно мало образованных, а частично неграмотных представителей «третьего сословия», которые становились главным элементом театральной публики.

В полной мере чешский театр мог выполнять свою миссию как один из факторов консолидации национальной общности, как средство развития национального движения, лишь обретя самостоятельность по отношению к немецкому театру, господствовавшему в Праге.

Еще в 40-е годы положение единственной чешской профессиональной труппы — пражской — все явственнее вступало в противоречие с потребностями быстро крепнувшего чешского элемента в столице и чешского населения вообще. Сословный театр в Праге

фактически принадлежал немецким актерам: спектакли на немецком языке игрались в течение всей недели. Чешской же труппе сцена предоставлялась лишь в воскресные дни на два часа. Такие условия вынуждали сокращать тексты пьес, отрицательно сказывались на уровне актерского мастерства. К тому же актеры не могли существовать на те гроши, которые им выплачивали.

Направлявшиеся в официальные учреждения петиции с требованием уравнять права обеих актерских трупп не имели результата. Постепенно в среде национальной интеллигенции созревает убеждение в том, что главным этапом на пути, ведущем к самостоятельности чешского театра, является строительство собственного театрального здания.

В 1846 г. под председательством графа И. М. Туна было создано акционерное «Товарищество чешского театра», куда вошло несколько десятков богатых пражан из чехов, а также видные деятели национального движения — Ф. Палацкий, Й. Юнгман, Ф. Л. Ригер, Й. Фрич. Однако прошение о разрешении деятельности товарищества осталось без ответа.

В 1848 г. театральный вопрос становится предметом обсуждения на страницах чешской прессы. В условиях подъема революционного движения и обострения национальных чувств выдающийся деятель чешской культуры — драматург, режиссер, актер Й. К. Тыл, выдвинул идею создания чешского театра путем участия широких слоев народа в сборе пожертвований на его строительство.

В апреле 1848 г. Тыл писал: «Театр вообще убедительно свидетельствует об уровне национальной жизни, у нас же и теперь он должен явиться золотым цветком новой свободы, должен стать могучим рычагом для возвеличивания нации. . . А не попытаться ли нам теперь выстроить храм национальной Музы на средства нации?» И далее, ставя театр в контекст всей национальной культуры, заключал: «Мы обязаны теперь подумать о собственном театре; как нужны нам хорошие школы. . . так нужен нам, наряду с другими культурными учреждениями, настоящий театр, живое, пламенное слово вдохновенных поэтов, публичное выступление нашего искусства перед всем миром, который будет глядеть отныне на нас внимательным взглядом»¹⁷⁹. В идее Тыла важен акцент на национальном характере театра.

Если на раннем этапе чешского будительства его деятели говорили о патриотическом театре, если романтики ратовали за театр Чехии, выделяя территориальный момент, то Тыл в условиях ускорения формирования чешской нации уже говорит о национальном театре. Предложение Й. К. Тыла отражало настроение всех политических кругов чешского общества и достаточно высокую степень зрелости национального самосознания: отклик, который оно нашло в широких слоях, свидетельствовал о том, что масса народа уже начинала ощущать себя членами национального коллектива, перед которыми при всех социальных различиях стоят определенные общие задачи. Идея Й. К. Тыла стала «генеральной линией в решении чешского театрального вопроса»¹⁸⁰.

Распространению выдвинутой Тылом программы как «дела всей нации» способствовал К. Гавличек-Боровский. Если в начале 1848 г. в «Пражских новинах» он требовал для чешской труппы половины вечеров в Сословном театре, за что был раскритикован Тылом, то в 1851 г. Гавличек писал: «Театр в наше время не является всего лишь учреждением для искусства, он, особенно в столицах, является одним из главных центров национальной общественной жизни, без достойного театра наш национальный язык не может снова попасть в образованные дома, — от коих до сих пор отлучен. Когда мы будем иметь свой театр, мы будем все более завоевывать общественный вес не только в Праге, но и во всей стране, а следовательно, и за границей»¹⁸¹. «Собственный театр» для Гавличека — это «собственное здание», театральное общество, собственные актеры и певцы, оркестр, директор и авторы-драматурги¹⁸².

В 1850 г. было образовано Общество по созданию Национального театра в Праге. 4 октября состоялось учредительное собрание членов общества. Председателем его был избран Ф. Палацкий, среди членов — представители чешской культуры, науки, политики: И. К. Тыл, написавший устав общества, В. К. Клиппера, К. Я. Эрбен, Я. Е. Пуркине, В. Ганка, Ф. Л. Ригер, В. Б. Небеский и др. Юридическая независимость в решении задач, связанных с постройкой театра, была достигнута обществом в декабре, когда сословный комитет Чехии признал за ним право на проведение денежных сборов и реализацию собранных средств.

Важность этого события в чешской национальной жизни велика. Цели общества не ограничивались рамками узкотеатральных проблем, а имели общекультурное и общенациональное значение. В период нарастания новой волны германизации и преследования всего чешского руководители национального движения пытались защитить национальные интересы, создать центр консолидации разобщенных национальных сил, который можно было бы легально использовать для воздействия на широкие массы, поддерживая в них национальное самосознание. Не было другой сферы культурной жизни, более удобной для этих целей, чем театр.

В начале 1851 г. были составлены списки всех общин в Чешских землях с данными об их населении и национальном составе. В соответствии с этим в населенные пункты высыпались подписные листы, тексты обращения Общества по созданию Национального театра на чешском или немецком языках. О масштабах этой акции свидетельствуют следующие цифры: было разослано свыше 12 тыс. экземпляров обращения на чешском языке и 8 тыс. на немецком, 2 тыс. чешских и 2 тыс. двуязычных экземпляров устава общества.

Сборы в Праге шли успешно. Вот что писал в 1868 г. один из первых историков движения за создание национального театра, К. Ф. Гоф: «Стародавняя столица королевства нашего и на этот раз подтвердила давно заслуженную славную репутацию города, которому в высшей степени свойственно понимание всего доброго, прекрасного и полезного и который возглавил — в качестве вели-

колепного примера другим — патриотическое начинание»¹⁸³. «Самым волнующим выражением патриотической любви, — отмечал Гоф, — является то обстоятельство, что рабочие, обреченные лишь на свой повседневный заработок, отрывают от себя свои трудовые гроши, собирают их каждую неделю, чтобы пребывать в сознании, что и они внесли свою лепту в здание нашей национальной гордости»¹⁸⁴. Этот факт любопытен как одно из первых свидетельств самовыражения чешского рабочего класса в сфере национальной культуры.

По всей Чехии, в Моравии и Словакии, в других частях Австрийской империи проходили специальные «академии», «беседы» и любительские спектакли, балы и лотереи, сбор от которых шел в пользу театра. Особенно активны были любительские театральные кружки. Об их месте в национальной жизни тех лет говорит донесение начальника пражской полиции от 5 июля 1852 г.: «Многочисленные любительские кружки в провинции . . . являются вредной помехой. Размножение этих любительских кружков противопоказано не только с точки зрения искусства и нравственности, но и полицейских соображений. В районах с чешским населением любительские кружки являются самым эффективным средством распространения чешской национальной пропаганды»¹⁸⁵.

Власти были обеспокоены размахом театральной кампании, особенно тем общественно-национальным резонансом, который она получила, и стремились сковать инициативу патриотов. Так, например, в 1853 г. полицией были изъяты подписные листы у студентов-сборщиков в Пражском университете. В ответ на свой протест Общество было уведомлено о том, что сборы среди студентов университета и Высшей политехнической школы запрещаются.

Осенью 1852 г. Общество подписало купчую на приобретение за 45 тыс. гульденов «в полное и неограниченное владение» земельного участка на берегу Влтавы.

В условиях бауховской реакции Общество по созданию Национального театра сталкивалось с трудностями, и подъем в его деятельности начался уже после 1860 г. Один из первых шагов Общества был направлен на расширение его численного состава. Декретом наместника от 11 августа 1861 г. предельный лимит количества членов Общества был увеличен со 120 до 300 человек. Среди новых членов, как правило, — представители нового поколения деятелей чешской культуры младочешской ориентации, такие, как Й. Манес, К. Сладковский, В. Галек, Й. Барак, Й. Р. Вилимек, Р. Турн-Таксис и др.

И снова, как на рубеже 40—50-х годов, в лагере чешских национальных деятелей сталкиваются два мнения относительно форм создания чешского театра. Ф. Л. Ригер предложил срочно добиваться от сейма решения о строительстве на средства земельного бюджета хотя бы небольшого здания. Ригер не хотел упустить благоприятные политические условия для постройки пусть скромного, временного, но чешского театра, помня о том, как резко изменилась политическая ситуация 12 лет назад, когда решение теат-

рального вопроса казалось делом ближайшего будущего. Финансовое же положение Общества не позволяло надеяться на то, что оно вскоре сможет приступить к реализации своей задачи.

Наставая на строительстве здания под эгидой земельных властей, Ригер не оставлял мысли о создании в дальнейшем театра на средства самой нации, хотя особого энтузиазма по отношению к этой акции у него не было. Я. Бартош был прав, когда писал о Ригере: «Мистицизм идеи национального театра был ему непонятен. Он не понимал и ее эмоционального смысла, а ведь она... инспирировала в народе сознание собственной силы»¹⁸⁶.

За идею театра, созданного на средства нации, ратовали, и следует признать, не слишком обоснованно, учитывая тогдашнее финансовое положение Общества, — Сладковский, Галек, Вилимек, братья Э. и Ю. Грегры. Столкновение двух мнений в рамках Общества было одним из первых конфликтов между поляризовавшимися леволиберальной (младочешской) и либерально-консервативной (старочешской) фракциями в Национальной партии.

Сладковского и его сторонников заставляло выступать против проекта Ригера главным образом опасение, что появление некоего «временного» звена в театральном развитии ослабит усилия в этом направлении и отдалит момент завершения борьбы за национальный театр. Его миссия, по их мнению, состоит не только в подъеме чешского искусства, но и в демонстрации жизнеспособности и зрелости чешской нации вообще. Кроме того, было очевидно, что Обществу по созданию Национального театра будет трудно влиять в нужном направлении на деятельность театра, созданного земельными властями, в то время как в Национальном театре предполагалось создание конституируемого самим Обществом театрального совета, который бы руководил художественной и финансовой политикой театра.

21 января 1862 г. земельный комитет принял решение о строительстве в Праге Временного театра для чешской драматической и оперной трупп на средства земельного бюджета в размере 80 тыс. гульденов. Общество по созданию Национального театра согласилось с этой инициативой властей и передало в их ведение часть участка на берегу Влтавы. При этом, однако, Общество заявило о необходимости соблюдения двух условий, выдвигаемых им при передаче «части строительной площадки, приобретенной на деньги патриотических пожертвователей, рассчитанные исключительно на устройство Национального театра». Во-первых, «Временный театр должен рассматриваться как подготовка и начало будущего Национального театра», во-вторых, «если рядом будет выстроено здание Национального театра, то Временный театр либо станет его частью, либо перейдет в его собственность»¹⁸⁷.

Пражский Временный театр был открыт 18 ноября 1862 г. Его здание, вмещавшее около тысячи зрителей, было построено в течение шести месяцев талантливым архитектором В. И. Ульманом, создателем многих монументальных зданий в чешской столице. Потолок, богато украшенный лепниной в стиле ранесанс, был

расписан Я. Коуцким (Каутским), отцом знаменитого Карла Каутского, пейзажистом и декоратором, основавшим впоследствии венскую фирму по производству декораций. Коуцкому принадлежали также эскизы занавеса, на котором были изображены памятные исторические места Чешской земли — Пражский Град, Тын, Вышеград, Бланик, Ржип.

Первой постановкой Королевского земельного временного театра в Праге стала историческая трагедия В. Галека «Король Вукашин». С этого памятного дня чешское театральное искусство получило возможность развиваться в соответствии с задачами национальной культуры. В течение двух десятилетий (1862—1883 гг.) идеино-художественная практика Временного театра определяла уровень театральной жизни в стране, ибо она оказывала воздействие и на театры в других городах, и на любительские труппы, и на кочующие театральные общества. Значение Временного театра этим не исчерпывалось. Появление самостоятельной чешской сцены служило в силу синтетичности театрального искусства мощным импульсом для развития других областей национальной художественной культуры, прежде всего драматургии, музыки, изобразительного искусства. Наконец, чешский театр становился более эффективным средством политической борьбы¹⁸⁸. Временный театр стал этапом в развитии чешской театральной культуры.

«Театральные заботы» были характерны в 60-е годы и для других чешских городов, однако успешно разрешить их тогда удалось лишь в крупнейшем городе Западной Чехии — Пльзене, где регулярная профессиональная чешская сцена появилась спустя три года после пражского Временного театра.

Уже накануне революции 1848—1849 гг. местные любители, организованные в рамках «Славянской липы» профессором гимназии Йозефом Франтишеком Сметаной, двоюродным братом композитора Б. Сметаны, исполняли политически актуальный чешский репертуар, представленный прежде всего драмами Й. К. Тыла. Но вплотную к решению театрального вопроса чешские патриоты смогли приступить лишь в 60-х годах, когда в городе стала резко возрастать доля чешского населения. В Пльзене появляются типичные для тогдашней чешской общественной и культурной жизни организации — «Мещанская беседа», «Ремесленническая беседа», певческий союз «Глагол» и спортивный «Сокол». В 1861 г. чешские представители в магистрате добиваются аренды Городского театра (здание этого театра было построено в 1832 г. и фактически принадлежало немецкой общине) для летних гастролей одного из самых солидных в Чехии кочующих театральных обществ — труппы Цельнера, которая с огромным успехом выступала в Пльзене еще в 1856 г.

Сыграв летом 1861 г. около 50 спектаклей, труппа Цельнера в зимний сезон 1862/63 г. дала уже 62 представления. Успех позволил чехам в 1863 г. провести решение об использовании театрального здания обеими национальными общинами на паритетных началах. В течение последующих двух сезонов это не удавалось

реализовать в полной мере, но уже в 1865 г. магистрат предоставляет здание Городского театра на зимний, т. е. главный, сезон в полное пользование чешской труппе, которую возглавил прибывший из Праги известный режиссер и антрепренер Павел Шванд из Семчиц (1829—1891).

1 ноября 1865 г., когда чешские актеры сыграли в Городском театре драму Шекспира «Ромео и Джульетта», стало первой страницей в истории чешского профессионального театра в Пльзене. Немецкое меньшинство города было вынуждено в 1869 г. построить новое здание для немецкой труппы.

Первоочередной задачей, решать которую пришлось пражскому Временному театру, стало создание репертуара, который бы удовлетворял требования публики. Трудность ее решения усугублялась уже количественными параметрами: если в Сословном театре чешские актеры давали один спектакль в неделю, то «здесь сначала играли 3 раза в неделю, а начиная со второго сезона — уже каждый день»¹⁸⁹.

«Своя» сцена, естественно, служила импульсом для активизации отечественной драматургии. И хотя в течение 60-х годов чешская драматургия не дала выдающихся произведений, работы чешских авторов составили существенную часть постановок Временного театра. Преобладающим был жанр исторической трагедии, образцами которого были «Король Вукашин» В. Галека, его же «Сергиус Катилина», пьесы Й. В. Фрича, Г. П. Флегера, В. Влчека. Авторы старались использовать материал для провозглашения современных политических и общественных идей, реже — для решения внутренних проблем человека и его взаимоотношений с обществом, народом.

Большим успехом пользовалась историческая пьеса крупнейшего драматурга Временного театра Эммануила Боздеха (1841—1889) «Барон Герц» (1867). В ней выведен образ министра шведского короля Карла — беспринципного политика, готового ради власти и денег служить любому господину. В образе барона зрители угадывали австрийского канцлера Бейста, злейшего врага чешского национального движения. Преимуществом пьесы Боздеха перед остальными образцами чешской исторической драмы 60-х годов было стремление ее автора к достижению языковой индивидуальности каждого из действующих лиц. На исторические сюжеты Э. Боздех писал и комедии интриги («Эпоха котильонов», 1867, «Экзамен на государственного деятеля», 1872, и др.), для которых при некоторой поверхностности характерны остроумный диалог и резкие сюжетные повороты.

Наиболее важной среди пьес с современной тематикой, еще не частых на сцене Временного театра в те годы, оказалась драма Франтишека Венцеслава Ержабека (1836—1893) «Слуга своего господина», премьера которой состоялась 21 ноября 1870 г. Конфликт современных характеров решался как конфликт рабочих и предпринимателей, причем в основу сюжета было положено подлинное событие — Сваровская стачка. Именно это делало пьесу

Ержабека, при всей ее малосценичности, актуальной в смысле перспектив общественно значимой проблематики. В своей рецензии Я. Неруда подчеркивал, что вопрос о том, в каком отношении должен находиться капитал и рабочая сила, до сих пор является вопросом без ответа. Примечательно, что, закрепившись в репертуаре Временного театра, пьеса постоянно подвергалась запрещению в промышленных городах Брно и Либерец.

Фактором роста духовной и эстетической зрелости чешского общества и развития национальной художественной культуры служило обращение Временного театра к классическим образцам драматургии: Мольеру, Гёте, Шиллеру, Гюго и т. д. Особенно популярным в Чехии во второй половине XIX в. становится Шекспир. Первой пьесой Шекспира, сыгранной во Временном театре, была комедия «Много шума из ничего» (ноябрь 1862 г.). За 20 лет существования театра чешский зритель увидел все основные пьесы английского драматурга. Большинство шекспировских пьес в условиях, когда пять реприз считались немалым достижением (ограниченный контингент публики требовал постоянного обновления репертуара), исполнялись по многу раз. Так, 20—30 и более реприз выдержали «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Сон в летнюю ночь», «Двенадцатая ночь».

Свидетельством распространения творчества Шекспира в чешском обществе, во-первых, и активной роли Временного театра как важнейшего центра национальной культуры, во-вторых, явилось празднование в апреле 1864 г. 300-летней годовщины со дня рождения великого драматурга, торжественно прошедшее в Праге. Программа фестиваля, продолжавшегося шесть дней, включала спектакли «Много шума из ничего», «Ромео и Джульетта», «Кориолан», «Венецианский купец», оперу Дж. Россини «Отелло» и вечер «Слава Шекспиру», в котором принимали участие лучшие художественные силы чешской столицы — Временный театр, скрипичный ансамбль консерватории, вокалисты пражских храмов, члены «Умелецкой беседы», «Глагола», «Сокола».

Шекспировские торжества в Праге, едва ли не самые грандиозные в Европе, были задуманы не только как дань уважения одному из титанов человечества, но и как демонстрация зрелости чешской культуры, зрелости нации, шагающей в ногу с общеевропейским культурным развитием. «Только подлинно просвещенный народ способен воздать должное искусству гения... Чествование Шекспира — дело, имеющее вес и в национальном и в политическом отношении... это самое прекрасное подтверждение духа нашего народа», — писал Я. Неруда¹⁹⁰. Пышностью отличалось устроенное в последний вечер шествие шекспировских героев — один из примеров интегрирующей роли Временного театра в художественной жизни страны. В шествии участвовали около 250 профессиональных актеров и любителей, среди последних — многие деятели национального движения. Например, «темного Отелло» изображал Й. Барак, известный младочешский лидер, в костюм Гектора был облачен М. Тырш, педагог-мыслитель, основатель «Сокола» и т. д.

Б. Сметана написал к шествию специальный марш. Композиция процессии и эскизы костюмов принадлежали одному из самых значительных чешских художников XIX в., К. Пуркине.

Успехи шекспировских постановок во Временном театре были неразрывно связаны с именем Й. И. Колара (1812—1896), крупнейшего чешского актера прошлого века. Театральное творчество Колара «можно назвать первым большим целеустремленным усилием по вовлечению чешского театра в орбиту европейской культуры»¹⁹¹. Формой выражения этого было стремление Колара переводить, играть, ставить, пропагандировать произведения английского драматурга. Подлинным украшением великолепной коллекции шекспировских образов, созданных Й. И. Коларом, был король Лир. Шекспировские драмы принесли неоценимую пользу развитию актерского мастерства в стенах Временного театра, где в эти годы шел неуклонный процесс перехода от романтического, мелодраматического стиля к реализму. Работа над образами Шекспира с их всеобъемлющим реализмом была в этом отношении наилучшей школой.

Принципы реализма, рождавшегося на подмостках Временного театра, с наибольшей полнотой отразились в творчестве другого крупнейшего чешского актера второй половины XIX в. — Ф. Колара (1829—1895 гг.), племянника знаменитого трагика. Одной из вершин театрального искусства был исполнявшийся Ф. Коларом почти 50 лет образ ткача Основы из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь». Игра Колара стала почти легендой в художественной жизни Чехии. Не видеть Колара-Основу считалось непростительным для образованного чеха, со встречи с Коларом для многих чехов начиналось знакомство с отечественным театром.

Не меньшее значение, чем шекспировские произведения, имела для чешского театра 60-х годов русская реалистическая драма. Впервые она появляется в Чехии на сцене Временного театра, в условиях небывалого интереса к русской культуре. Прогрессивная трактовка идеи славянской взаимности служила стимулом развития национально-освободительного движения, борьбы за национальную и славянскую самобытность, прежде всего в сфере культуры.

Под прогрессивной трактовкой идеи славянской взаимности мы понимаем в данном случае взаимное обогащение самобытных и равноправных национальных культур, родственных по языку и древним истокам. Первой русской пьесой, поставленной во Временном театре, была комедия «Ревизор». К началу 60-х годов творчество Н. В. Гоголя пользовалось в Чехии широкой популярностью. Достаточно вспомнить, к примеру, что уже К. Гавличек-Боровский в бытность свою в России домашним учителем в семье С. П. Шевырева познакомился с гоголевскими произведениями и стал переводить их («Мертвые души», «Шинель», «Нос»), а в 1846—1847 гг. Я. Попшил издал сочинения Гоголя в четырех томах. В 1857 г. В. Ч. Бендл (Страницкий) предлагал «Ревизора» дирекции Соловьевского театра, но пьеса была запрещена. Австрийским властям

была известна обличительная сила «Ревизора», поэтому они препятствовали распространению комедии.

Премьера «Ревизора» во Временном театре состоялась 21 апреля 1865 г. Из немногих свидетельств о первой постановке «Ревизора», об игре актеров, о трактовке гоголевских типов наиболее ценные рецензии Я. Неруды, опубликованные в газете «Глас»: 24 апреля 1865 г. о премьере, 26 апреля о первой репризе комедии. Из них видно, что спектакль как целое производил благоприятное впечатление. Актерский ансамбль демонстрировал слаженность, четкость в мизансценах, что особенно важно именно в этой пьесе, правильно чувствовал пафос произведения, где автор «выставляет на осмеяние у позорного столба все, к чему привело Россию самодержавие»¹⁹². Менее удачной была игра исполнителей, взятых в отдельности. Почти для всех актеров трудность заключалась в проникновении в национальную специфику героев, в сохранении — при всей комедийности изображаемого — реальных основ образов.

Примечательно, что успешнее прочих с задачей справились те актеры, в игре которых развиваются реалистические приемы раскрытия образов — это Ф. Колар и Й. Мошная. Публика приняла комедию восторженно. «Ревизор» покорял глубокой жизненностью, высмеянные гоголевские чиновники были сродни своим бюрократическим австрийским коллегам. «Ревизор» сохранялся в репертуаре Временного театра на протяжении всего его существования и был сыгран свыше 15 раз. Вскоре после пражской постановки «Ревизор» шагнул на сцены других чешских театров, в частности в Пльзене (премьера в октябре 1867 г.), он стал любимой пьесой любительских кружков в провинции.

В конце 60-х годов во Временном театре появляются сразу четыре русские пьесы: 25 мая 1867 г. состоялась премьера первой части трилогии А. В. Сухово-Кобылина «Картины прошлого» — комедии «Свадьба Кречинского», а затем последовал цикл драм А. Н. Островского — «Бедность не порок» (1867), «Доходное место» (1869), «Гроза» (1870). Постановщиком всех четырех пьес был Ф. Колар. Стремясь в своей режиссерской и актерской работе — бок о бок с такими актерами, как Й. Мошная (1837—1911), О. Скленаржова-Мала (1844—1912), — к сценической правде, он нуждался в соответствующем литературном материале. Таким материалом для него служили лучшие произведения русской драматургии второй половины XIX в., о которых Я. Неруда писал: «Столько правды мы не найдем даже во французских пьесах, которые, хотя и черпают смело из жизни, используют привычные шаблоны в разработке многих моральных проблем, и уж ни капли правды мы не найдем в сверхшаблонных немецких пьесах»¹⁹³.

Масштабы сценического — актерского и режиссерского — давления Ф. Колара дополнялись его талантом художника-рисовальщика. Еще в 1850 г. Колар окончил Академию художеств и после появления «Гумористических листов» стал его сотрудником, реагируя на все, в том числе политические, проблемы чешского общества. Его рисунки широко обсуждаются, будоражат нацио-

нальные чувства, а потому нередко становятся предметом судебных разбирательств. Сочетание изобразительного и сценического таланта сделали Ф. Колара единственной в своем роде фигурой в практике чешского театра XIX в. Чрезвычайной популярностью пользовались его «живые картины» — сценические композиции, изображавшие кульминационные события национальной истории или мировой культуры. Такие картины были связаны либо с содержанием спектакля, либо с какой-нибудь датой, отмечаемой театром. Колар первым стал добиваться достоверности костюмов персонажей исторических пьес.

Говоря о Временном театре как ведущем центре национальной культуры в 60-е годы, нельзя не упомянуть о расцвете, которого достигла в его стенах чешская опера. Ее наивысшие успехи связаны с именем великого Бедржиха Сметаны. Во Временном театре наряду с драматической труппой существовала и музыкально-драматическая. Они оказывали друг на друга творческое воздействие. Ряд актеров драматического коллектива участвовал в музыкальных спектаклях.

На сцене Временного театра прошли премьеры чешской оперной классики. В первую очередь, это были оперы Б. Сметаны, в частности «Проданная невеста» (1866), знаменовавшая собой утверждение национальных черт в чешской музыкальной культуре и развивающая идею о своеобразии жизненного и культурного уклада чешского народа, а также произведения А. Дворжака, В. Блодека, Л. Э. Мнехуры. Бессспорно, что 1866—1874 годы, когда Сметана в качестве заведующего музыкальной частью театра мог работать бок о бок с Й. И. Коларом и Ф. Коларом и когда самым влиятельным театральным критиком являлся Я. Неруда, были самыми плодотворными в истории Временного театра.

В эти же годы первых триумфов добивается во Временном театре и русская опера. В 1866 г. был поставлен «Иван Сусанин» (в Праге находилась сестра Глинки Л. И. Шестакова), а на следующий год «Руслан и Людмила». Руководил репетициями и дирижировал премьерой М. А. Балакирев. «Представление русских опер на чешской сцене казалось чешским патриотам чем-то вроде политического события, началом тесного единения славянских племен», — писал В. В. Стасов¹⁹⁴.

Успешно работал с середины 60-х годов и второй в Чехии постоянный профессиональный чешский театр — Пльзеньский, руководителем драматической труппы которого (а позднее и оперной, им основанной) был Павел Шванда из Семчиц. Репертуар театра в Пльзене во многом следовал за репертуаром Временного, где сам Шванда создал немало значительных постановок, но в него включались и произведения местных авторов, например Бернарда Гульднера. Сторонник реалистических тенденций в сценическом искусстве, Шванда стремился вести театр в русле того же художественного направления, что и столичная сцена. Одновременно он ревностно следил за качеством актерской и режиссерской работы. Хотя в его распоряжении не было столь выдающихся актеров,

какими обладал Временный театр, он умел выискивать таланты, которые становились ведущими актерами не только в Пльзене, но весьма часто и в Праге. Это, например, Й. Франковский, Я. Сейферт, В. Будил, Й. Шмага. Высокому художественному уровню театра в Пльзене способствовали частые гастроли ведущих пражских мастеров. Шванды и его супруга, известная актриса Э. Пешкова, в течение многих лет были одними из лучших педагогов-воспитателей чешских актеров и режиссеров, многие из которых в 80-е годы утверждали на пражских сценах реалистическое искусство.

Существование Временного театра не снимало и не могло снять с повестки дня задачу построения в столице Национального, или, как говорили современники, «достойного» театра на средства самой нации, которые продолжали стекаться в кассу Общества по созданию Национального театра. Но борьба между группировками старочешских и младочешских политиков осложняла положение театральных дел. Она отрицательно сказывалась и на работе Временного театра, которым попеременно руководила то старочешская, то младочешская дирекция. В 1864 г. по указанию Ф. Л. Ригера с театральных афиш, начинавшихся названием «Королевский временный земельный театр в Праге», было снято слово «временный». Это подтверждало негативное отношение старочешских вождей к созданию Национального театра. Поворот к активизации Общества произошел в 1865 г., когда вместо Ригера его председателем был избран Ф. Урбанек, а заместителем — младочешский лидер К. Сладковский, ставший по существу руководителем Общества.

16 мая 1868 г. в Праге происходила одна из грандиознейших национальных манифестаций, в которой принимали участие десятки тысяч людей — представители всех чешских городов и общин, делегаты из славянских стран. Огромная процессия, которую возглавляли члены Общества в национальных костюмах, сокольские союзы, цехи ремесленников в историческом убранстве, студенческие корпорации и др., направились на берег Влтавы, где на строительной площадке, в нескольких десятках метров от Временного театра, состоялась торжественная закладка фундамента Национального театра. Выступивший на манифестации К. Сладковский говорил об исключительной роли театра в жизни чешского народа. «Театр был последним публичным учреждением, где язык наших отцов сохранялся несколькими верными его сыновьями, — говорил он. — Пришла пора, и театр стал публичным учреждением, откуда наш язык с такой заботливостью был возвращен снова нашему народу. Театр был последним публичным учреждением, которое — пусть в горстке людей — сохраняло и укрепляло национальное самосознание. Пришел час — театр стал первым публичным учреждением, из которого лучи национального самосознания мощно и глубоко расходятся в самые толщи нашего народа. Театр был последним душеприказчиком вымиравшего и первым помощником выздоравливающего народа нашего»¹⁹⁵. В тот же день,

вечером, во Временном театре состоялась премьера новой оперы Сметаны «Далибор».

И художественная практика чешского театра 60-х годов, складывавшаяся из деятельности первых профессиональных театров (Временного и пльзенского), многочисленных любительских кружков и кочующих театральных обществ, и важное место так называемого театрального вопроса в системе задач национального движения, в борьбе за национальное самосознание и самоутверждение являются доказательством того, что чешское театральное искусство 60-х годов относилось к числу наиболее развитых областей национальной художественной культуры этапа завершения формирования нации.

Национальная школа живописи

В первой половине XIX в. формируется чешское национальное изобразительное искусство, зарождаются новые эстетические идеалы, отвечающие общенациональным духовным потребностям.

Оперирование единым национальным языком, стирание региональных и сословных различий в художественном творчестве, осознание национальных традиций, в том числе народной культуры, изучение опыта мирового искусства — все эти процессы в художественном творчестве содействовали созданию национальной общности культурной жизни. Происходила демократизация культурной жизни, создавались национальные художественные центры, культурные учреждения, формировалась творческая интеллигенция¹⁹⁶.

Искусство постепенно перестает быть привилегией узкого круга светских и духовных феодалов. Буржуазия, интеллигенция, горожане, вовлеченные в общественную жизнь, предъявляют к искусству свои идеино-эстетические требования, что стимулирует качественные изменения в содержании и форме художественных произведений. Творчество прогрессивно настроенных художников независимо от школы, направления и жанра свидетельствовало о желании отразить примечательные явления действительности. Примером могут служить К. Ягн, Л. Колль, Ф. Прохазка, А. Бальцер, Ф. Горичка и др. Эти художники творили в эпоху национального возрождения, «когда появляется общественное стремление, а главное, возможность излагать национально-патриотические идеи»¹⁹⁷.

Национальная интеллигенция считала, что изучение и пропаганда достойных памяти и имеющих общественное значение событий может служить средством воспитания общества в духе патриотизма. Эти настроения стимулировали возникновение жанра исторической живописи. С именем Л. Колля и его ученика А. Махека связаны вошедшие в историю чешской графики работы на сюжеты из истории древней Чехии. Патриотическая направленность работ Махека под названием «История в картинках» нашла свое выражение как в идейном содержании, так и в художественной форме —

в литографической технике исполнения, рассчитанной на массового зрителя. Продолжателями его традиций стали Й. Манес и М. Алеш. Этот вид творчества в первой половине XIX в. приобрел распространение и оказал большое влияние на развитие чешской художественной культуры и искусства.

Искусство графики создавало возможности для популяризации произведений патриотического и просветительского содержания, способствовавших утверждению национального самосознания. Не случайно, именно этот вид художественного творчества получает особенно широкое распространение в предреволюционные годы.

В 40-е годы XIX в. революционные настроения широких слоев народа нашли отражение в изобразительном искусстве, которое ставило перед собой новые задачи. Возникла потребность консолидации прогрессивных художественных сил. Если до этого времени национальному изобразительному искусству присуща некоторая обособленность от общественной жизни, так как художники создавали произведения в основном для узкого круга или ради собственного удовольствия и их искусство не находило отклика в массах, то начиная с 40-х годов характер художественного творчества меняется: происходит становление ведущих тенденций чешской школы живописи, вырабатывается ее идеальная программа, национальное своеобразие ее художественных форм и специфика ее художественной системы.

В чешском изобразительном искусстве того времени существовали два противостоящих друг другу направления: с одной стороны, официальное искусство, связанное с реакционными тенденциями немецкого академического классицизма, пропагандируемого Пражской академией художеств и «Патриотическим обществом друзей искусств», а также аристократией, а с другой — искусство бидермейер, получившее распространение в Чехии в его худшем немецком провинциальном варианте. Быт мелкого буржуа создавал благоприятные условия для распространения второго направления¹⁹⁸.

Прогрессивные художники — Й. Манес, Й. Навратил, А. Махек и К. Пуркине — своим творчеством и общественной деятельностью помогли чешскому искусству освободиться от пут иностранной зависимости и разработать эстетические критерии для его развития. Характеризуя тенденции, свойственные чешскому изобразительному искусству предреволюционных лет, В. Новотный писал: «То, что до сих пор было разрознено или проявлялось лишь спорадически, зачастую без ясной программы, сложилось теперь в сознании народа в прочную форму мировоззрения, которое в общественной жизни начинало давать себя знать на каждом шагу и подготовляло открытое революционное выступление. Неудивительно поэтому, что в искусстве национальное самосознание приобретало все более чистые и выразительные формы»¹⁹⁹.

В изобразительном искусстве наблюдается стремление показать специфику национальной жизни, социальные проблемы, историю народа и особенности его духовного склада. В силу этих причин в искусстве возникает направление романтизма, отразившего на-

строения, думы и чаяния революционно настроенной части чешских художников. Это художественное направление, порожденное начавшимся историческим переломом, содержало антифеодальные тенденции, стало ведущим в творчестве таких художников, как А. Бальцер, Ф. Прохазка, А. Манес и Й. Манес, Й. Навратил, А. Косарек, Я. Чермак и др., стремившихся в художественной форме выразить свое отношение к действительности.

Особого внимания в предреволюционные годы заслуживает портретное искусство выдающихся мастеров этого жанра (Ф. Ткадлик, А. Махек, Й. Манес и др.). В серии графических портретов Ф. Ткадлика впервые в истории чешского изобразительного искусства предпринял попытку осмыслиения психологии человека. А. Махек, по своим политическим и идеально-эстетическим взглядам примыкавший к плеяде просветителей, стал первым портретистом нового времени, запечатлев в своих произведениях представителей чешской буржуазии и национальной интеллигенции. Им создана целая галерея портретов известных деятелей чешского национального возрождения, таких, как композитор Я. Томашек, художник В. Новотный, поэт Я. Неедлы и др. В этой серии А. Махек утверждает принцип романтической трактовки образа. Личность трактуется художником в несколько героизированном плане, что было созвучно требованиям эпохи. Портретное творчество мастера оказалось большое влияние на развитие этого жанра, который впоследствии получил развитие в творчестве выдающихся мастеров Й. Манеса и К. Пуркине.

Портреты Й. Манеса написаны под влиянием эстетической теории известного деятеля чешской культуры Л. Риттерсберга, сформулировавшего принципы отражения в художественном творчестве национальной специфики чешского народа. Положения Риттерсберга базировались на его представлении о том, что национальные особенности и достоинства славянских народов заключаются не только в одежде и обычаях, но и в характере и в поведении. Он выдвигал требование создания идеального человеческого типа, так как считал, что искусство только тогда станет национальным, когда достигнет типизации присущих народу качеств. Несмотря на определенную ограниченность представлений Л. Риттерсберга, его влияние на развитие чешского искусства было значительным, о чем свидетельствуют произведения Й. Манеса. Этот художник много времени посвятил изучению жизни чешского крестьянина. Искренно, с большим мастерством и вкусом он отображает чешскую действительность того времени. Произведения Й. Манеса и А. Махека представляют собой первые шаги на пути утверждения реалистических принципов в портретной живописи.

В эти годы зарождается и бытовой жанр. Однако в первых произведениях чешских художников, работавших в этом направлении, ощущаются черты сентиментальности и влияния бидермейерского искусства. Темы мелки в идеином плане, художников не волнуют ни события общественной жизни, ни глубокие чувства. Произведения имеют, как правило, развлекательный характер.

Работы в этом жанре, вошедшие в сокровищницу чешской культуры, были созданы Й. Навратилом. Этому художнику удалось избежать влияния бидермейерского сентиментального натурализма. Его произведения просты по сюжетному содержанию, но глубоки и эмоционально выразительны. Это протест против проявления мещанства во всех его видах. Искусство Й. Навратила послужило основой развития жанра бытовой живописи, который становится особенно популярным в 50—70-е годы XIX в.

Существенные изменения претерпевает и жанр пейзажа, где в первые десятилетия XIX в. преобладали произведения в стиле немецкого академического классицизма. Абстрактные каноны красоты нашли свое отражение и в чешской пейзажной живописи. Однако демократические тенденции культуры Чехии эпохи национального возрождения проявились и в этом, казалось бы, аполитичном виде творчества. Примером может служить творчество замечательного пейзажиста — А. Манеса, который впервые в истории чешской живописи запечатлев особенности чешской природы и национальные исторические памятники. Пейзаж в истории чешской живописи XIX в. в целом и в особенностях в произведениях А. Манеса, помимо чисто художественных задач, имел своей целью показать природу родного края, способствуя тем самым воспитанию чувств национальной гордости и патриотизма. В такой своеобразной форме в изобразительном искусстве находят выражение тенденции времени, основной смысл которых заключен в необходимости содействовать утверждению национального самосознания. Реалистическая направленность в чешском пейзаже создавала предпосылки для его быстрого развития. К середине XIX в. чешское пейзажное искусство достигает более высокого уровня по сравнению с другими видами и жанрами национального изобразительного творчества.

В целом чешское изобразительное искусство предреволюционных лет представляло собой пеструю картину смешения различных художественных стилей, школ и направлений. Эта специфика объясняется тем, что после многолетнего застоя происходит ускоренный процесс освоения достижений мирового искусства. В творчестве одного и того же художника зачастую можно видеть черты классицизма, романтизма и реализма, что характерно для многих мастеров. В то время происходил процесс одновременного освоения различных возможностей художественного мышления, существовавших в культуре и искусстве других народов и стран. Характеризуя чешскую культуру первой половины XIX в., Ю. Фучик писал, что почти в каждой личности сказывалась необходимость «наверстать прерванное общественное развитие и поспешно догнать упущенное»²⁰⁰.

Время неоабсолютизма 50-х годов пагубно отразилось на развитии национальной художественной культуры в целом и сказалось на судьбах отдельных талантливых мастеров, многие из которых вынуждены были покинуть пределы родины (И. Пинкас, В. Барвициус, Я. Чермак, Г. Манес и др.).

В творчестве некоторых мастеров в этот период происходило сужение идейно-тематической направленности произведений, они не ставили вопросов, имевших социально-политическую значимость и стремились ограничиться решением узкопрофессиональных задач.

В этом отношении было бы интересно отметить возникновение тенденции колористической живописи, в чешской литературе условно называемой «второе рококо». Новая мода диктовалась запросами аристократии и богатых буржуа, стремившихся уйти от действительности в мир красочных фантазий. Для полотен, выполненных в этой манере, характерно богатство красок и декоративизм. Произведения, отмеченные признаками этого стиля, сыграли определенную роль в формировании художественной индивидуальности Й. Манеса, Й. Навратила и К. Пуркине. Обогатился формальный язык их творчества, создавалась оригинальная форма художественного выражения. Будучи красочной и изысканно красивой, она в то же время базировалась на богатом мире чувств и высокой живописной культуре.

Живопись 60-х годов XIX в. развивалась прежде всего по линии распространения так называемых малых форм, а именно жанровой живописи и пейзажного искусства. Развитие жанра бытовой живописи в Чехии шло по двум направлениям. Одно, порожденное вкусом процветающего мещанства, создает слашевые картинки, умиляющие непритязательного зрителя. В другом можно видеть проявление определенных тенденций реалистического плана. Представителями этого направления в искусстве бытового жанра можно считать таких художников как Г. Манес, А. Дворжак, В. Барвициус, И. В. Пинкас, А. Гарайс и др.

Особой популярностью в начале второй половины XIX в. пользовались произведения младшего брата Й. Манеса — Гвидо Манеса, которым свойствен высокий уровень техники художественного исполнения, но в то же время не хватает глубины идейного содержания, отличающей произведения Й. Манеса. Для произведений Г. Манеса характерно внимание к «малому» человеку, представленному художником в обыденных обстоятельствах. Примером этому может служить созданная в 50-х годах серия полотен на сюжеты из жизни старой Праги. Художник с добродушной улыбкой показывает маленькие человеческие слабости, присущие столь же малозначительным персонажам его картин.

Другим художником, тогда же проявившим себя талантливым мастером в области жанрового искусства, был Виктор Барвициус. В таких произведениях, как «Праздник в „Звезде“», «На катке», «Возвращение с охоты», «Вид на площадь Свободы», художник зарекомендовал себя как мастер реалистической живописи, значительно опередивший своих современников. Он стремился показать массовые сцены, запечатлев не образы конкретных героев или эпизоды из жизни, что было характерно для художников бытового жанра, но целые группы определенных общественно-социальных слоев. Новизна идейного содержания требовала и

соответствующей формы художественного воплощения, что нашло свое выражение в цветовом и колористическом решении картин. Полотна этого мастера решены в мягкой гамме естественных неярких полутонах и оттенков, что помогало акцентировать реалистическую трактовку сюжета. Идейное содержание и художественные принципы этого мастера были новым словом в истории чешского изобразительного искусства. Его работы сыграли роль в становлении национальной реалистической школы.

В. Пинкас, несмотря на то, что его творческая жизнь в основном протекала во Франции, остался самобытным чешским художником с четко выраженными эстетическими и идеальными принципами. Им был написан цикл картин на бытовые темы, где прослеживается тенденция реалистической трактовки сюжета, стремление отразить действительность, даваемую автором через призму его поэтического восприятия. Художественное наследие В. Пинкаса, так же как и Барвициуса, невелико, так как оба художника, возвратившись на родину, не имели возможности развивать свое художественное дарование и оставили занятие живописью.

Особое место в чешской жанровой живописи занимают работы К. Пуркине: триптих «Любовь», «Свадьба», «Семейная жизнь», далее — «Бык на болоте», «В долине», «Булонский лес», которые не являются характерными в традиционном понимании этого рода творчества. Они могут быть причислены и к бытовому и к пейзажному жанру, поскольку пейзаж является одним из основных компонентов картины. Эти полотна отличаются реалистичностью композиционного построения и интересно решены в цветовом и световом отношениях. Жанровые картины К. Пуркине по силе заключенной в них эмоциональной выразительности относятся к лучшим произведениям чешской живописи XIX в.

Характеризуя состояние исторического жанра, следует сказать о выдающемся художнике Ярославе Чермаке. Несмотря на то что большую часть своей творческой жизни художник провел в эмиграции, все его творчество связано с искусством и судьбой чешского народа. Интерес к сюжетам из чешской истории сказался в таких произведениях Я. Чермака, как «Делегация гуситов на церковном соборе в Базеле», «Шимон Ломийский просит милостию на пражском мосту» и «Чехи после битвы у Белой горы». Последняя картина принесла большой успех молодому художнику.

В дальнейшем доминирующей в творчестве мастера становится тема борьбы Черногории против османского ига. К этому циклу произведений относятся «Раненый черногорец», «Жена повстанца», «Черногорская мадонна», «Воевода Мирко Петрович» и др. Творчество Я. Чермака имело большую общественно-политическую значимость. Работы на темы национально-освободительной борьбы южных славян он выставлял в салонах Парижа и Брюсселя и тем самым привлекал внимание общественности к судьбе малых народов. Его произведения снискали признание как на родине, так и за рубежом. Наряду с произведениями историче-

ской тематики Я. Чермак пишет много картин на бытовые темы, создает интересные портретные произведения. Без творчества этого художника было бы невозможно появление таких выдающихся мастеров чешского изобразительного искусства, как М. Алеш, В. Хинайс, В. Брожик.

Во второй половине XIX в. происходит интенсивный процесс формирования реалистических принципов и в пейзажном искусстве. Творчество Й. Манеса, многогранное по жанровой направленности, несет в себе черты подлинного гуманизма, народности и поэтической любви к природе родного края. В пейзажной живописи Й. Манесом созданы проникнутые лиризмом произведения, где художник реалистично и поэтически отображает красоту деревенского пейзажа. Он создает обобщенный тип чешского пейзажа. Эти работы Й. Манеса позволяют говорить о зарождении в этом жанре новых реалистических тенденций. В 50—70-х годах XIX столетия появляется целая плеяда талантливых художников-пейзажистов — М. Хаусхофер, Б. Гавранек, А. Пипенхаген, А. Бубак, А. Косарек и др.

Большое значение для развития чешской пейзажной школы живописи и утверждения принципов реалистического искусства имело художественное мастерство М. Хаусхофера, хотя в творчестве самого художника доминируют романтические концепции. Его новаторство шло по линии выбора сюжета, который постепенно утрачивает романтическую трактовку, характерную для старшего поколения чешских пейзажистов. В его стремлении передать как можно более точно окружающий мир оказались реалистические устремления эпохи.

Особое место в развитии пейзажного искусства занимают работы А. Пипенхагена. С именем этого художника связано утверждение принципов романтической трактовки чешской природы. Именно благодаря его мастерству искусство жанра пейзажа отошло от догм немецкого классицизма, создав предпосылки для самобытного формирования национального творчества и появления таких выдающихся мастеров, как Бубак и Косарек, которым присущи тенденции реализма.

По своим художественным вкусам А. Бубак неоднозначен. В его творчестве можно видеть произведения, написанные в духе романтизма, а также картины, в которых наблюдаются черты реалистического направления, завоевывающего позиции во всей чешской художественной культуре. В тематическом плане Бубак сравнительно постоянен. Сюжеты его картин — это пейзажи с далекой перспективой, в которой художник уделяет большое внимание решению пространственных отношений. К таким произведениям следует отнести «Вид на Крконоше», «Дикая скала», «Послеполуденный пейзаж» и др. С творчеством этого художника утверждается монументальный пейзаж, получивший свое развитие в творчестве А. Косарека, которого можно назвать классическим мастером чешского пейзажного искусства.

Ему впервые в чешской живописи удалось создать произведения, в которых в монументальных формах художник одновременно

индивидуализирует и типизирует, давая реалистическое отображение явлений природы. В его произведениях гармонически сочетаются черты романтизма и реализма. Особого внимания заслуживают картины последнего периода творчества А. Косарека — «Пейзаж из Пардубиц», «Чешский пейзаж», «Альпийский пейзаж», «Сельский пейзаж», в которых художник утверждает в жанре пейзажного искусства реалистический принцип. Усложненная декоративность, столь характерная для начального периода его творчества, уступает место естественной простоте, стремлению акцентировать внимание зрителя на красоте родной природы.

Жанр портрета в чешском изобразительном искусстве также претерпевает определенные изменения. Пышный декоративный портрет XVIII в., где художника не волнует внутренний мир изображаемой модели и внимание его сосредоточено на изображении декоративных элементов и аксессуарных дополнений, перестает удовлетворять требованиям нового времени. Утверждение национального самосознания, революция 1848—1849 гг., распространение свободолюбивых идей — все это порождало повышенный интерес к человеческой личности. На первый план выступает облик человека, принадлежащего к определенной социальной группе. Наблюдается стремление к типическим социальным характеристикам. В процессе развития искусства портретной живописирабатываются две преимущественные формы жанра: портрет-характеристика и психологический портрет.

В жанре психологического портрета художник стремится не только зафиксировать внешние черты, но и раскрыть внутренний мир человека. Произведения А. Махека, Й. Манеса и К. Пуркине являлись этапами в развитии реалистических черт этого жанра. Но реализм А. Махека носит несколько ограниченный характер. Художник стремится создать индивидуальные характеристики, лишенные психологических обобщений. Й. Манес акцентировал внимание на национальной принадлежности портретируемого.

Творчество Пуркине в этом жанре живописи представляло собой шаг в развитии реалистических черт чешского портретного искусства. Портретные характеристики К. Пуркине глубже в плане психологической значимости, чем это можно наблюдать у его предшественников и современников. Пуркине стремился показать типичные черты характера в сочетании с индивидуальными чертами и тем самым создать образ,озвучный эпохе. Портретные характеристики Пуркине выразительны и глубоки по своему содержанию. Цвет, свет, композиция служат основной цели: выявить характерное в лице человека, выразить его внутренний мир. Творчество художника отвечает принципам, высказанным Нерудой: «Прежде всего необходимо, чтобы мы научились изучать людей, их жизнь, их потребности, радости и печали; мы нуждаемся в верных рассказах о жизни в образах людей, живущих в различных условиях»²⁰¹.

Следуя новым принципам портретного искусства, К. Пуркине в конце 50-х — начале 60-х годов пишет целую галерею портретных

произведений; среди них портреты Бетты Рейтмайеровой, доктора Станека, Эммы Кршиковой, И. Венцига, Эмилии Бубеничковой и др. Портретное творчество К. Пуркине отличает глубокое чувство современности. Он обращается к социальной проблематике. Примером тому служит картина «Кузнец-политик». В этом произведении К. Пуркине удалось запечатлеть социально значимую личность эпохи. Я. Неруда писал, что объектом реалистического искусства может быть социальная действительность, и только тот может стать настоящим художником, кто сумеет отразить общественно значимые события. «В художественных произведениях каждой эпохи, — отмечал он, — должны чувствовать себя идеи»²⁰². Именно актуальность отличает указанный портрет, созданный К. Пуркине. В этой работе сказалось стремление автора отобразить исторически конкретный характер. Художник создал обобщенный образ человека 60-х годов, стремясь в портретируемой личности — участника национально-освободительного движения — показать положительные черты современника. Заслуга художника состоит в том, что он сумел увидеть в частном общее, раскрыть в портретируемом характерные черты, присущие многим. Все это свидетельствует о появлении мастера нового художественного направления — реалистического, прочно завоевавшего позиции в ряде видов чешской художественной культуры уже в середине века. В 60-е годы XIX в. появляются предпосылки для отображения в искусстве жизненно важных конкретных явлений современности. Как утверждает Я. Нейман, «реализм XIX в. исходил из позиций естествознания и опирался на сумму знаний, обогатившуюся к этому времени новым пониманием законов природы и общества... и стремился к тому, чтобы постичь разнообразие природы и всю сложность общественных и психологических явлений»²⁰³.

Эти новые тенденции нашли отражение в изобразительном искусстве второй половины XIX в., когда ведущим направлением в художественной культуре нации становится реализм.

К 60-м годам XIX в. формирование собственной национальной художественной интеллигенции Чехии в целом завершилось. Прогрессивные деятели культуры стремятся к созданию общества, основанного на демократических принципах. Особое значение имела деятельность учреждений, выполнявших функции подготовки художественной интеллигенции, таких, как Пражская академия художеств (1799), «Патриотическое общество друзей искусств», созданное меценатствующей аристократией Чехии в 1796 г., и др. В начале своего существования академия способствовала становлению национального изобразительного искусства. Однако к середине XIX в. из-за реакционности руководства она стала тормозить дальнейший прогресс чешской школы изобразительного творчества. Причин тому было несколько: недостаточный уровень подготовки преподавательского состава, устаревшая система преподавания, отсутствие Национальной галереи, где бы будущие художники могли видеть образцы высо-

кого искусства, а также недостаточность средств, отпускаемых на поощрение национального искусства. Подобная обстановка заставляла многих талантливых художников уезжать на учебу за границу.

Что касается «Патриотического общества друзей искусств», то в его обязанности входила организация пражских ежегодных международных выставок, на которых общество имело право приобретать художественные произведения. Оно имело значительные средства, которые обязано было использовать в виде премий за работы, получившие признание на вернисажах. Общество также располагало возможностями популяризировать лучшие картины, издавая массовым тиражом гравюры и линогравюры, созданные по этим произведениям. Такие издания преследовали несколько целей: способствовать воспитанию художественного вкуса публики, помочь талантливому художнику получить общественное признание, пропагандировать художественные произведения на родине и за рубежом. Однако эти задачи в значительной степени оставались нерешенными.

Дело в том, что для чешских художников, ощущавших необходимость в пополнении профессиональных знаний и ознакомлении с искусством других стран, пражские ежегодные выставки, организуемые обществом, являлись большим событием. Они вносили оживление в художественную жизнь, давали представление об изменениях, происходивших в зарубежном искусстве, предоставляли чешским мастерам возможность более широкого общения с чешским зрителем, создавали творческую атмосферу. Однако практика организации выставок вызывала в среде чешских художников недовольство. По свидетельству К. Пуркине, на этих выставках высокохудожественные произведения экспонировались редко. Авторами большинства картин бывали начинающие художники, создававшие картины в расчете на вкус обывателя. Одна из серьезных причин недостаточно высокого уровня произведений, экспонировавшихся на пражских выставках, заключалась в необъективности администрации общества. Для литографирования часто выбирались малохудожественные работы мюнхенских и дюссельдорфских художников, что зачастую наносило немалый вред национальному изобразительному творчеству.

Система подготовки и воспитания художников, принятая в Пражской академии художеств, а также по существу анти-патриотическая деятельность «Патриотического общества друзей искусств» создали обстановку, при которой прогресс отечественного искусства становился невозможным.

В 1863 г. силами прогрессивно настроенной интеллигенции было организовано культурно-просветительское общество «Умелецкая беседа», ставшее центром культурной жизни страны. Одним из основоположников общества был Я. Э. Пуркине, который выдвинул перед ним задачу разработки эстетических критерииев, отвечающих демократическим патриотическим тенденциям чешской культуры. При «Умелецкой беседе» была создана научная

комиссия, в которую вошли В. Галек, Я. Неруда, К. Сабина и др. Им была поручена разработка новых теоретических принципов национального искусства. Здесь впервые в момент наивысшей политической напряженности и острых социальных противоречий были поставлены и отчасти решены основные вопросы художественного творчества, определены роль и назначение художника, высказаны требования идеиности художественного произведения.

Я. Е. Пуркине призывал членов «Умелецкой беседы» к выработке самобытных черт национальной и художественной выразительности. В 60-е годы К. Пуркине прошагандирует тесную связь искусства с социальной проблематикой, считает необходимым уяснить цели и назначение искусства в обществе, выдвигает тезис о сближении науки и искусства, предлагая представителям всех видов искусства и науки решать сообща проблемы эстетики. Демократические традиции требовали от каждого, будь то писатель, поэт, драматург или художник, активного участия в общественной жизни и борьбе за права народа, за национальную свободу. Перед художниками ставилась задача с помощью специфических средств искусства раскрыть социальные отношения жизни современной им Чехии и показать необходимость их изменения. Это были принципы теории реализма, в дальнейшем нашедшие свое развитие во всех областях чешской художественной культуры.

До середины XIX в. говорить о чешской национальной теории искусства трудно. Однако с начала 60-х годов важным фактором культурной жизни становится пресса, уделявшая значительное внимание вопросам художественной культуры, литературы и изобразительного искусства. Статьи об искусстве начинают печататься в таких газетах, как «Народни листы», «Политик», в журнале «Кветы» и др. Одним из первых художников, кто принял на себя труд организатора общественно-художественной жизни Чехии, был К. Пуркине. В 1861 г. он стал художественным редактором одного из наиболее популярных и прогрессивных литературно-художественных журналов, «Кветы». К. Пуркине привлек к сотрудничеству в журнале видных ученых и деятелей культуры. Журнал способствовал объединению прогрессивной чешской интеллигенции. Он занимался публикацией репортажей о спортивных праздниках, статей об искусстве, популяризацией художественных произведений мастеров отечественного и зарубежного искусства. Выполняя работу художественного редактора общественно-политического журнала, К. Пуркине содействовал поднятию художественного уровня чешской интеллигенции и воспитанию вкуса у массового зрителя. По его инициативе в журнале начинают печататься репродукции значительных произведений художников и скульпторов разных народов. Особенно много было сделано журналом для популяризации творчества национальных мастеров. Пуркине обратил внимание молодых художников и публики на произведения, действительно являвшиеся достижениями отечественной культуры.

Я. Неруда высоко оценивал деятельность К. Пуркине как художественного редактора. Он писал, что благодаря Пуркине, обладавшему тонким вкусом и большим художественным чутьем, журнал возвысился над другими чешскими иллюстрированными изданиями²⁰⁴. Статьи в «Кветы» дают представление о художественной жизни Праги, о новых тенденциях в изобразительном искусстве 60-х годов. Литературно-критическая деятельность этого замечательного художника и первого художественного критика сыграла большую роль в становлении национального искусствоведения. Эстетические принципы, высказанные К. Пуркине в середине прошлого века, продолжают оставаться актуальными и в наши дни.

Среди общественно-эстетических проблем того времени в центре внимания вопрос демократизации изобразительного искусства. Этот принципиальный аспект художественного творчества до 1848 г. трактовался несколько упрощенно, а именно как необходимость вывести художественное творчество за рамки служения избранному меньшинству и распространения его среди масс народа. Подобными принципами была обусловлена вся общественная деятельность такого художника-демократа, как Й. Манес. Он считал своей обязанностью создавать произведения, понятные широким слоям. С этой целью издавались массовыми тиражами литографии эскизов знамен различных патриотических обществ и другие произведения. Так Й. Манес пытался решить вопрос народности и демократизации изобразительного искусства. Тот же вопрос К. Пуркине трактовал несколько иначе. Его точка зрения соответствовала требованиям маевцев.

К. Пуркине считал необходимым сделать искусство достоянием широких масс путем воспитания их эстетического вкуса, подъема художественного образования народа. Это было одной из причин, по которой К. Пуркине оставил художественную практику и посвятил себя деятельности художественного критика. Он стремился теоретически обосновать принципы демократического искусства. По его мнению, в картинах художника должны найти отражение общенациональные интересы и идеалы народа; искусство должно быть связано с национальными традициями. Только благодаря им будет осуществляться непрерывность эстетического развития национальной художественной культуры.

К. Пуркине отстаивал принципы национальной самобытности чешского изобразительного искусства и выступал с критикой эпигонства и слепого подражания. Основные причины временного торможения процесса развития национального искусства Пуркине усматривал в недооценке исконно национальных черт чешского искусства, в пренебрежении национальными традициями.

Пуркине критиковал распространенную в 60-е годы XIX в. теорию, согласно которой отрицалась необходимость сохранения национальной специфики изобразительного искусства. Он видел, что единообразная академическая система воспитания художников явилась причиной постепенного исчезновения национального

своеобразия чешского изобразительного искусства. Академии живописи он противопоставлял школы искусства выдающихся мастеров старшего поколения, хранителей национальных традиций. Он подчеркивал, что истинно национальный характер творчества нашел свое выражение в произведениях чешских художников старшего поколения (Брандл, Шкрета, А. Манес и Й. Манес), и призывал современных ему мастеров совершенствовать достижения чешского искусства, осуществляя непрерывность эстетического развития нации.

Одним из основных моментов, определяющих развитие изобразительного искусства, по мнению К. Пуркине, является общественное мнение. Пуркине, как и Неруда, придавал большое значение вкусу публики, поскольку он был одним из факторов, который или стимулировал, или тормозил развитие отечественного изобразительного искусства. В связи с этим серьезное внимание Пуркине уделял повышению культурного уровня массового зрителя и развитию его художественного вкуса. С помощью детального анализа К. Пуркине объяснял художественную ценность того или иного произведения, стремясь научить публику видеть в нем не только сюжетную занимательность, но и его эстетические достоинства.

Отличительной чертой статей Пуркине является их патриотическая направленность. Особое внимание автор уделяет анализу творчества чешских художников. Заслуга его в том, что в эпоху, когда остро встал вопрос о национальной специфике чешской художественной культуры, он выступил против необъективных оценок, даваемых чешскому искусству немецкой и австрийской критикой. Пуркине стремился помочь национальному художественному мастерству найти свой собственный путь развития.

Основным критерием ценности художественного произведения, по его мнению, является степень отражения в нем действительности. Уровень мастерства определяется тем, насколько убедительным был художник. В этом вопросе принципы К. Пуркине перекликаются с эстетическими критериями Я. Неруды.

Как и Неруда, Пуркине высказывал мнение о необходимости отражения в произведениях искусства жизни и природы, называя их неисчерпаемыми источниками красоты и вдохновения. Природа — это источник вдохновения для художника, объект изучения для ученого, предмет труда и заботы сельского труженика, природа — это опоэтизированная действительность.

Высоко оценивая достижения чешской пейзажной живописи, Пуркине высказывал новую для своего времени мысль о натурализме, который, по его мнению, обозначает жалкое подобие искусства. Он был против бесстрастного копирования окружающего мира, считая, что в произведениях изобразительного искусства должны находить место только наиболее значимые и характерные явления жизни, при изображении которых художник-реалист должен стремиться дать свою собственную оценку явлениям и событиям. Эстетические взгляды К. Пуркине, впервые

в истории чешского изобразительного искусства сформулировавшего принципы реалистического творчества, определялись новыми взглядами на жизнь, природу, общество и назначение искусства, что было связано с философскими и эстетическими воззрениями, утвердившимися в Чехии к середине XIX в.

Пуркине-критик представляет собой фигуру европейской значимости. Им была разработана система эстетического воспитания, ломавшая устаревшие нормы. Предлагаемые Пуркине меры касались не только профессиональной художественной интеллигенции, они были направлены и на воспитание широких слоев народа. Последнее критик понимал, в частности, как правильное восприятие художественных произведений, созданных профессионалами. Он считал, что искусство играет большую роль в формировании национального самосознания и что цель искусства состоит в том, чтобы содействовать нравственно-этическому развитию человека, способного сознательно участвовать в общественно-политическом преобразовании общества. Именно взглядами на искусство как на форму общественной жизни были обусловлены эстетические и морально-этические нормы, предъявляемые К. Пуркине к искусству. В связи с этим он выступал за оказание материальной поддержки чешскому изобразительному искусству, за ломку системы подготовки национальных кадров художников в Пражской академии художеств, за открытие при ней специального отделения скульптуры и создание Национальной художественной галереи. Эти меры, по мнению Пуркине, должна была осуществлять «Умелецкая беседа». Деятельность К. Пуркине как критика имела большое общественное значение, так как многие из его требований были осуществлены.

Художественная культура и национальный процесс

Чешская художественная культура XIX в. была выразителем национально-освободительных устремлений народа. Она выполняла как отражательную, так и регулятивную функции. Обращаясь к фактам действительности и в своей интуитивной форме постижения мира зачастую опережая его научное познание, культура воздействовала на формирование национального сознания, превращаясь тем самым в активный фактор общественного движения.

История чешского искусства периода формирования нации наглядно отразила важнейшую черту, которая была присуща чешской культуре переходной эпохи в целом — постоянное расширение взаимосвязей и сближение между культурой образованных верхов и народной культурой, взаимодействие между профессиональным и самодеятельным, народным художественным творчеством. Эта важнейшая особенность, проявившаяся с самого начала эпохи национального возрождения (например, творчество В. Тама), со всей очевидностью усилившаяся в два предреволюционных десятилетия, с наибольшей полнотой прослеживается в период общественного подъема 60—70-х годов XIX в. Сопря-

женность профессионального искусства с мощным пластом народной культуры способствовала усилению демократических тенденций не только в чешском искусстве, но и во всей духовной жизни чешского общества периода становления нации. Все это превращало искусство, и прежде всего художественную литературу, в огромную мобилизующую силу.

В обстановке национального угнетения борьба за сохранение, развитие и совершенствование родного языка оказывалась важным этнообъединяющим фактором. Это придавало эпохе национального возрождения, особенно на его начальных этапах, «языковый» характер. Так, Добровский положил конец расшатанности грамматических форм чешского литературного языка, Юнгман и его последователи создали и начали осуществлять целостную программу развития языка, способствовали расширению его выразительных средств (в частности, путем использования народных диалектов, лексики русского и других славянских языков), созданию чешской научной терминологии и т. д. Они успешно боролись с пурристическими стремлениями некоторых консервативно настроенных деятелей чешской культуры, например Я. Недэллы, сохранить язык Кралицкой библии XVI в. в качестве эталона и образца современного литературного языка. В основе подобных усилий лежали специфически трансформированные, вполне реальные этносоциальные и этнокультурные потребности складывавшейся чешской нации.

К середине прошлого столетия был в целом завершен процесс кодификации чешского литературного языка, создание единого общенародного полифункционального языка. В связи с проникновением литературного чешского языка в различные сферы общественной жизни, в связи с его демократизацией рождается разговорная форма литературного чешского языка (*hovorová čeština*) как результат взаимодействия литературно-книжного языка с живой разговорной речью²⁰⁵. Языковые проблемы сохраняли характер общекультурных и политических проблем в течение всего XIX в., так как немецкий язык оставался официальным языком в государственных учреждениях. Он преобладал на всех ступенях обучения от начальной школы до университета. О «немецком» характере чешской столицы в конце 50-х годов писал русский ученый А. Н. Пыпин, посетивший Прагу и пораженный тем, «что куда ни повернешься — немцы, город как будто завоеванный»²⁰⁶. Но это было все же поверхностным наблюдением. В то время уже имелась прочная языковая основа для развития чешской литературы и науки.

Эпоха национального возрождения завершилась революцией 1848—1849 гг., которая стала рубежом в развитии национальной культуры, ускорив, революционизировав все процессы ее развития. «Весна народов» способствовала консолидации демократических сил складывавшегося чешского буржуазного общества, рождению радикально-демократического движения, которое стремилось в частности к республиканским формам правления.

О зарождении новой идеологии горорят труды Э. Арнольда (1800—1869 гг.) и А. Сметаны (1814—1851 гг.), в которых была показана прогрессивность революционных изменений общества, связь национальных и социальных преобразований, активная роль народных масс в общественном движении. Была обнажена и социальная сущность религии и церкви, препятствовавших свободному развитию человеческой личности.

Во время революции 1848—1849 гг. передовая общественная мысль почти сразу же становилась достоянием масс благодаря бесцензурной печати, в частности органов радикально-демократического движения (напомним, что большинство чехов обладало элементарной грамотностью)²⁰⁷. Многие деятели культуры были выходцами из демократических слоев и принимали участие в революционных событиях. Писатели Й. В. Фрич, Й. К. Тыл, К. Сабина, философ А. Сметана сражались на баррикадах, композитор Б. Сметана написал гимн студенческого легиона национальной гвардии, художник Й. Манес расписывал ее знамена и т. д.

Во всех областях культуры в то время создавались произведения, тяготевшие к общественно значимой, национально весомой проблематике. «На основных политических задачах и проблемах отважились сосредоточиться все ведущие силы нашей литературы», — писал К. Сабина²⁰⁸, имея в виду не только период революции, но и период жесточайшей реакции 50-х годов. Австрийскому правительству не удалось задушить развитие чешской национальной культуры. Чешское искусство, как и раньше, выполняло функции не только эстетические, но и воспитательные, решая не только художественные, но и политические, общеполитические и общекультурные задачи.

Для этого периода по-прежнему показательно народно-коллективистское начало чешского искусства, когда главным его субъектом становилась нация в целом. Веру в торжество светлых начал жизни народа внушал читателям поэтический сборник К. Я. Эрбена «Букет» (1853). Нравственную красоту чешского крестьянства, олицетворяющего лучшие национальные черты и являющегося хранителем национальных традиций и родного языка, раскрывала проза Б. Немцовой, а также пьесы-сказки Тыла. Пламенное обличение основ монархо-бюрократического правления и католической церкви в публицистике и сатирических поэмах К. Гавличека-Боровского было результатом революционного опыта чешской нации.

В этих произведениях нашел выражение и неистребимый задорный юмор, являющийся одной из приметных черт чешского национального характера. Исторические пьесы Тыла говорили об осознании национального единства не только в этническом, языковом, но и в историческом смысле. Особое значение в этом плане имеют «гуситские» пьесы, созданные в годы революции. Революционная атмосфера настоящего перекликается в них с событиями гуситского движения, которые Тыл трактует как

крестьянскую революцию, впервые выводя на сцену истории народные массы в качестве ее героя²⁰⁹.

Борьба за создание самостоятельного чешского театра означала борьбу за утверждение прав народа на свое культурное развитие. Театр становился патриотическим символом, знаменем, лозунгом, которому от души сочувствовали демократические слои народа, издавна приобщенные к театральному искусству в народном, кукольном, а затем любительском театре. Театр активно участвовал в нравственном, патриотическом и гражданственном воспитании народа.

Менее других видов искусства могло в 50-е годы оказывать влияние на формирование национального сознания изобразительное искусство, в частности живопись. Однако и для развития чешской живописи показательно то же высокое национально-патриотическое сознание, что для литературы и театра. Лучшим полотнам художников, творивших в те годы, присущ прежде всего патриотический пафос, к какой бы тематике они ни обращались.

Уже для заключительного этапа национального возрождения «характерно осознание единства национального коллектива во времени, осознание преемственности его бытия и его самоутверждения»²¹⁰. При этом можно подчеркнуть отчетливое осознание себя особой чешской нацией в контексте других славянских и во все большей степени всех европейских наций, ощущение устойчивости межславянских связей (культура Великой Моравии и Киевской Руси) и общеславянских традиций (Кирилло-Мефодиевская традиция, общий фонд народно-поэтического творчества и т. д.)²¹¹.

К середине XIX в. произошло становление чешской национальной культуры как системы. Ее стиль «теснейшим образом был связан с самосознанием чешского общества, содействовал его противопоставлению, порой открыто демонстративному, господствовавшему австро-немецким нормам и стандартам жизни. Стиль культуры аккумулировал общественную психологию формировавшейся чешской нации, общедемократические тенденции национально-освободительного движения»²¹².

Общим для развития литературы и других видов искусства в 50-е годы было нарастание тенденции развития реалистических форм отражения действительности. Дальнейшим этапом в развитии чешской художественной культуры и формирования национального сознания, этапом, отмеченным новыми чертами, был общественно-национальный подъем 60-х – начала 70-х годов. Стержнем общественно-политической и культурной жизни Чехии в эти годы являлась борьба за национальные права и демократические преобразования. Государственные институции австрийской монархии воспринимались чешскими демократическими слоями как нечто чуждое и враждебное национальным интересам.

Чешское общество жило ощущением исторического сдвига, создавалась атмосфера общественного брожения, активности.

Росло рабочее движение, закалявшееся в острой борьбе. Широкие слои включаются в общественную жизнь: на многолюдных митингах — таборах звучат политические требования, «простая» публика желает разобраться в хитросплетении парламентских дебатов и штурмует галереи сейма. Своего народного читателя обретает журналистика. Тиражи газет выросли в 10 раз, появились новые издания, публиковавшие политические новости, рождались первые рабочие издания.

Вместе с тем нельзя переоценивать читательскую активность масс в эти годы. По-прежнему значительную роль в просвещении широких слоев населения, особенно в деревне, играли календари²¹³. Обычно они читались вслух в долгие темные вечера, передавались от соседа к соседу. В календарях часто не указывались ни авторы, ни редакторы. Наиболее популярными изданиями были «Коледа», «Новы пражски календарж про место а про венков» («Новый пражский календарь для города и деревни»), «Забавы про младеж», «Гумористици календарж». Календари печатали чешских авторов, выбирая произведения идиллически-патриотической направленности, освещали юбилейные даты, историю отдельных краев, давали советы землевладельцам, помогали в выборе имен новорожденным и т. д.

Характерной чертой чешской художественной культуры в 60-е годы стало приобщение к ней все более широких масс, чему способствовали грамотность народа, его патриотическое сознание, интерес к культурной жизни. Важные события в культурной жизни выливались в многолюдные демонстрации, в которых участвовали и рабочие. Особенно показательна в этом отношении торжественная закладка в 1868 г. Национального театра, превратившаяся во всенародное торжество. Массы народа связывали это событие с гуситской традицией, с борьбой за национальную и социальную свободу.

Празднование 500-летия со дня рождения Яна Гуса превратилось в демонстрацию против режима, носило антикатолический характер, стало ярким выражением национальной гордости. 4 сентября 1871 г. в присутствии 10 тыс. человек, в том числе гостей из России, Франции и других стран, на Староместской площади был торжественно открыт памятник Гусу. В торжествах в Праге и Гусинце, на родине Гуса, принимали участие в основном демократические слои населения, большое количество крестьян. «...Каждое литературное или художественное движение было само по себе уже политическим делом, — писал чешский критик Ф. К. Шальда, — оно демонстрировало перед Австрией, перед Европой наше право на полнокровную политическую и государственную жизнь как нации со своей культурой и исторической традицией»²¹⁴.

Развитие национальной культуры в 60—70-е годы характеризуется стремлением к ее организации, консолидацией сил прогрессивных художников, национальной интеллигенции, созданием общенациональных культурных обществ, которые сыграли боль-

шую роль в развитии литературы, живописи, музыки и сценического искусства.

Организованное в 1863 г. общество «Умелецкая беседа» объединяло представителей словесного, музыкального и изобразительного искусства и состояло соответственно из трех секций. Это была первая попытка широкого объединения деятелей культуры, попытка решать актуальные проблемы искусства и литературы в порядке свободных дискуссий. «Умелецкая беседа» выступала как популяризатор и пропагандист национального искусства и литературы. Общество ставило своей целью организацию лекций по различным вопросам художественного творчества, обсуждение новинок литературы и искусства, создание библиотек, устройство выставок, концертов чешской музыки, создание журналов по вопросам литературы и искусства; оно вело борьбу за национальную актерскую школу в театре, занималось охраной памятников национальной культуры, оказывало материальную поддержку деятелям культуры и т. д.²¹⁵ В 1871 г. «Умелецкая беседа» организовала первую выставку произведений чешских художников. Были организованы выставки польских художников — Матейко и Семирадского, русского мариниста Айвазовского. Почетными членами «Умелецкой беседы» были избраны многие русские писатели, композиторы и художники, в том числе Некрасов, Тургенев, Л. Толстой, Григорович, Чайковский, Танеев, Верещагин, польские писатели Крашевский и Ожешко.

Во главе музыкальной секции «Умелецкой беседы» долгие годы стоял великий чешский композитор Б. Сметана. Под его управлением в 1865 г. состоялся первый абонементный концерт «Умелецкой беседы», на котором, в частности, впервые исполнялась «Камаринская» Глинки. Большое значение для развития музыкальной жизни страны имело и создание в 1862 г. национального хора «Глагол пражский». Девизом хора стали слова Сметаны, который много лет руководил его деятельностью: «Песней к сердцу, сердцем к родине». В провинции возникали местные объединения «Глагола», которые ставили своей целью патриотическое и музыкальное воспитание народа, собирание и популяризацию народных песен. Началась подготовка к строительству национального театра. В 1873 г. был создан союз чешских журналистов и учрежден пенсионный фонд.

Если на первом этапе формирования чешской нации буржуазия была прогрессивным классом, выступая от имени и в интересах всех демократических слоев (и это определяло относительно цельный характер складывавшейся в эпоху национального возрождения чешской культуры), то на завершающем этапе формирования нации роль буржуазии значительно изменилась.

В рамках национального движения существовали различные по составу и политическим требованиям течения. Радикальные и буржуазно-демократические круги рассматривали национальное движение как часть борьбы за демократические преобразования

общества. Это отвечало интересам трудовых слоев населения. Они стремились к сотрудничеству с европейским революционным и буржуазно-демократическим течениями независимо от национальности. Рождались чувства солидарности и общности целей всей угнетенных народов. Отсюда такой интерес к «партии Герцена» и его «Колоколу», к движению Гарибальди, сочувствие Парижской Коммуне, освободительному движению южных славян, польскому восстанию 1863 г. Эти настроения пронизывали прогрессивную чешскую публицистику и искусство, а те, в свою очередь, осуществляли воздействие на общественное сознание. Заметное влияние на патриотическую творческую интеллигенцию оказывал Й. В. Фрич. В его журнале «Чех» нелегально печатались передовые чешские литераторы, в том числе Неруда.

Труд, быт, чаяния и борьба народных масс, с одной стороны, буржуазия и ее вкусы — с другой, во многом определяли характер, ориентацию национальной художественной культуры. Поэтому закономерными в развитии художественной культуры в 60—70-е годы стали не только стремление к консолидации сил, но и наметившаяся тенденция внутренней дифференциации, формирования двух культур. Именно в эти годы чешская буржуазия во главе с Ф. Л. Ригером начинает травлю Б. Сметаны, деятельность которого была направлена на развитие и укрепление позиций демократического театрального искусства. На защиту Сметаны, который был объявлен «врагом чешской оперы», встали демократические силы чешской культуры. Еще в конце 60-х годов Я. Неруда ответил едкой эпиграммой идейным противникам Сметаны, осуждавшим народный характер музыки:

Нет, этой музыке никто из нас не рад!
Она, во-первых, к танцам непригодна,
А во-вторых, она народна,
А в-третьих, Сметана ужасный демократ.
Тут в каждой флейте, в каждой скрипке
Демократические греются улыбки!

Нападению консервативных и праволиберальных буржуазных кругов в 70-е годы подвергся и сам Неруда. Ловкой интригой они попытались подорвать авторитет писателя в демократических кругах, приписав его перу «письма» о внутреннем политическом положении Чехии, которые были опубликованы в Вене. Неруда вынужден был защищать свою честь в суде²¹⁶.

Важно иметь в виду, что у членов «Умелецкой беседы» не было единого политического и художественного направления. В 60-е годы в литературной секции «Беседы» подвизались писатели и критики консервативной ориентации, что послужило причиной временного отхода от общества некоторых деятелей литературы, в том числе Неруды. 70-е годы, напротив, ознаменовались приходом в общество молодых прогрессивных сил, в том числе писателей и поэтов А. Сташека, Й. Сладека, В. Шольца и др.

Острая борьба не утихала все эти годы и вокруг программы Национального театра, репертуара. В знак несогласия с направлением деятельности комитета по созданию Национального театра из его состава вышли прогрессивные деятели. В 70-е годы в развитии Временного театра наблюдается известный кризис, увлечение легкими развлекательными пьесами, отвечающими вкусам буржуазной, мещанской публики. Борьба разгорелась и вокруг принципов художественного оформления будущего Национального театра. В конкурсе его проектов в конце 70-х годов участвовала целая плеяда талантливых мастеров, вошедших в историю отечественного искусства под названием «поколение Национального театра», — художники Алеш, Женишек, Брожик, Гинайс, скульптор Мыслебек и др. Не случайно жюри конкурса не допустило к участию в оформлении театра талантливого Миколаша Алеша, отвергнув вместе с ним ориентацию на реалистические принципы изобразительного искусства, на те страницы прошлого, которые говорили о вольнолюбивом и независимом характере чешского народа.

Победили тенденции идеализации прошлого, помпезность и эффектная декоративность, отвечающие вкусам буржуа. Эти тенденции репрезентативности и помпезности, ультранационального характера искусства, идеализирующие представления о прошлом и настоящем, стали особенно характерны для чешского буржуазного искусства конца XIX—начала XX в. Они играли практическую роль, помогая чешской буржуазии утверждать свои политические и культурные позиции в соперничестве с буржуазией австронемецкой. Этому же служила и «тирания патриотических лозунгов» в гражданской поэзии буржуазной ориентации. Показательно, что в нападках на творчество Алеша и Сметаны единым фронтом выступали лидер младочехов Ю. Грегр и лидер старочехов Ригер. И таким же единым фронтом на их защиту вставали демократические силы чешской культуры — Неруда, Сладек, Арбес.

Борьба «за театр», за репертуар, за ориентацию на массового демократического зрителя (в том числе борьба вокруг цен на билеты) продолжалась и после открытия Национального театра в 1883 г.

Стремление к демократическим преобразованиям общества требовало от искусства раскрытия в художественных образах сущности современных социальных явлений. На первый план выдвигается проблема народа, который воспринимается уже не только как носитель патриотических идей, но как могучая социальная сила, включающая различные демократические длои. Получает дальнейшее осмысление проблема личность — общество. Идеи самоценности личности, ее внутреннего мира, права на духовную независимость от норм мещанской морали, религиозных догм, официальной идеологии пронизывают чешское искусство того времени, содействуя формированию гражданского сознания и укреплению реалистических тенденций.

В чешском художественном сознании на смену романтическому этапу приходит этап поисков новых эстетических принципов, утверждения реалистической концепции развития искусства. С эстетическими требованиями реализма выступают в 60—70-е годы многие деятели искусства, связывая художественные задачи с общественным движением и опираясь при этом на философию Фейербаха с ее верой в безграничные возможности человеческого познания. Наиболее полно эстетическая концепция реалистического искусства раскрывается в статьях, рецензиях, заметках Вавры, Галека и прежде всего — Неруды. В основе этой концепции поиски прекрасного в самой действительности, признание огромного познавательного значения искусства, требование конкретного исторического изображения общества и человека, призыв быть «сыном своей эпохи», аналитичность искусства, прежде всего в статьях художника К. Пуркине²¹⁷.

Проблемы соотношения чешского искусства с общеевропейским и его национальной специфики занимали всех передовых деятелей культуры. Ими двигало благородное патриотическое убеждение, что только в том случае, если «чешский народ будет стоить чего-то как нация, он сможет принести пользу и всему человечеству» (Я. Неруда)²¹⁸. В демократических кругах общества рождалось стремление преодолеть не только известный провинциализм культурного развития, но и тенденции изоляционизма, характерные для консервативных буржуазных кругов, опасавшихся влияния революционных веяний Запада и России. Распространялось сформулированное Нерудой убеждение в том, что пути развития национальной культуры лежат не в стороне от столбовой дороги мировой культуры: «Считать себя членом нации, уважать ее — это первая обязанность, но и самая легкая. Теперь наш долг поднять свою нацию до уровня развития мировой мысли и просвещения и тем самым обеспечить самое существование»²¹⁹. Шел сложный процесс осознания, осмысления отечественной культуры в европейском контексте, соотнесения с развитием иных народов, прежде всего славян (романы и повести Хохолоушека, картины Чемака южнославянского цикла, «Славянские танцы» Дворжака и т. д.).

При увлеченности достижениями «мировой мысли и просвещения» — укреплении литературных и музыкальных связей с Западной Европой и Россией, знакомстве с лучшими европейскими театральными труппами и т. д. — все демократические деятели культуры 60—70-х годов подчеркивали свою кровную связь с традициями национальной культуры, преемственность ее эстетического развития, уважение к творчеству предшественников — будителей. Реалистическое искусство ориентировалось на сочетание проникновения в сущность социальных противоречий с уяснением общенациональных задач.

В это время в чешском искусстве завоевывает права гражданства тема жизни капитализирующегося города, образ рабочего — представителя нового класса (стихи Майера и С. Чеха,

проза Неруды, драмы Ержабека, живопись К. Пуркине). Искусство раскрывает моральные ценности, характерные для этого класса, — прежде всего чувства жизненной отваги, оптимизма и товарищества, презрение к накопительству — и стремится внедрить эти качества в национальное самосознание.

По преимуществу мелкобуржуазная структура складывающейся нации²²⁰ сделала весьма актуальной критику и осмеяние обывательщины, тяготения к умеренности, боязни перемен и всякого риска, мещанского скопидомства. Эта критика займет большое место в искусстве, прежде всего в литературе и графике, где была создана галерея типичных образов мелких чешских буржуа, олицетворяющих пороки своего класса (проза Неруды, Ирасека, графика Алеша).

Зачастую чужеземный гнет деформировал или заслонял суть социальных отношений внутри нации, затрудняя освоение искусством принципов социальной типизации, лежащей в основе реалистической образности. Даже искренняя попытка отыскать мирное решение общественных конфликтов была сопряжена с субъективистской деформацией действительности в искусстве, вступала в противоречие с законами художественной правдивости. Это в известной мере предопределяло идейную направленность многих произведений, создавая налет идилличности в изображении национальной жизни, приглушая критицизм, упрощая картину социальных отношений. Все это присуще произведениям многих талантливых чешских художников того времени (в том числе прозе Галека и Светлой, жанровым картинам Пинкаса, пьесам Боздеха и др.).

Можно сказать, что в 60—70-е годы речь шла не только о подражании фольклору и его обработке, сколько о проникновении художников в самый тип и стиль народного образного мышления. Манес, Алеш, Сметана, Неруда не копировали, не воспроизводили в своем творчестве художественные приемы народных мастеров. Высшими нравственными критериями оставались для них веками сложившиеся народные представления о прекрасном и безобразном, о добре и зле, о ценности человеческого труда, свободы. Понимание сложности социального организма нации складывается в убеждение, что «чем бы ни прославился в истории чешский народ, в этом почти не принимали участия дворянские, высшие круги общества, вся слава, военная и культурная, создана силами народа»²²¹.

Незатухающий интерес к народному творчеству как сокровищнице мудрости и философии, как выражению национального характера вел художников к освоению новых пластов фольклора — творчества прежде всего городских слоев, рабочего фольклора, ярмарочных «крамаржских» песен и др.

В рассматриваемый период каждый вид искусства достиг высокого уровня своих художественных средств, выполняя многообразные функции в художественном познании жизни и общественном движении. З. Неедлы, выделяя годы общественно-

национального подъема, называл этот период одним из самых ярких событий в истории чешского народа и чешской культуры. «Во главе этого движения, — отмечал он, — стояло три великих художника, до сих пор остающихся величайшими классиками чешского искусства: в литературе это был Ян Неруда, в музыке — Бедржих Сметана, в живописи — Йозеф Манес»²²². Творчество трех классиков чешского национального искусства как бы концентрировало выражение национально-освободительных идеалов, одновременно свидетельствуя о высоком художественном уровне отечественной литературы, живописи и музыки, которые внесли достойный вклад в развитие европейского искусства. Характерна синхронность важнейших явлений в различных видах искусства, их взаимодействие, даже известная равномерность художественных ценностей, созданных в литературе, театре, музыке, живописи²²³.

Важнейшим художественным достижением в литературе, театре, живописи было освоение такого принципа реализма, как социальная типизация, выделение наиболее характерных черт социальной принадлежности. С другой стороны, искусство все более проникает во внутренний мир человека, создавая неповторимые характеры. Это особенно проявилось в разработке жанра портрета в живописи и создания портрета литературного. Если ранее была характерна романтическая прямолинейность в обрисовке внешнего облика литературного героя (Немцова, Тыл), набор характерных «клише» близких фольклорной образности, то портрет в прозе Галека, Ирасека, особенно Неруды становится средством в создании углубленной и разносторонней психологической характеристики. Подлинными мастерами реалистического портрета стали художники Пуркине, Й. Манес, Чермак. Искусство последнего в создании неповторимого человеческого характера восхитило И. Е. Репина: «Какой бесподобный, какой реальный и красивый вместе художник!»²²⁴.

Деятели различных видов искусства ищут прекрасное в обычной жизни, стремятся к правдивому изображению различных пластов действительности, пытаются «схватить» характерные моменты изменчивой жизни. Создаются гибкие художественные формы — очерк, рассказ, фельетон в прозе, социальная баллада в поэзии, жанровые зарисовки в живописи. Те же поиски реалистических средств характерны для театра. Создается национальная актерская школа, давшая плеяду ярких дарований — Й. Мошная, Я. Кашка, Й. Шмага и др. Чешские актеры отходят в своем исполнении от устаревших приемов, штампов, амплуа, осваивая искусство перевоплощения, переживания. Большую роль в этом процессе сыграли театральные статьи Неруды. В эти годы складывается новая концепция не только в изображении человека, но и природы. Национальное самосознание утверждалось и средствами пейзажа. Раскрывая красоту родной земли, пейзаж воспевал чувство национальной гордости.

Для искусства конца 50—70-х годов так же, как и для эпохи национального возрождения, характерно широкое обращение к отечественной истории, совершенствование исторических жанров. Однако теперь главным стало стремление осмыслить закономерности развития страны, социальные конфликты, роль народных масс. Естественно, что особое внимание привлекла эпоха гусизма. Передовые художники видели в гусизме образец революционного народовластия; гуситы стали символом героической борьбы за независимость родины (поэзия Неруды, С. Чеха, романы Ирасека, картины Чермака, Алеша, музыка Сметаны).

Чешская культура конца 50—70-х годов создала непреходящие художественные ценности европейского значения. В эти годы возникли национальные художественные центры, система культурных учреждений, выросли кадры творческой интеллигенции. Литература и другие сферы общественной жизни уже оперировали единым национальным языком. Искусство четко осознавало свои национальные традиции (как народной культуры, так и наследия предшественников) и воспринимало опыт европейского искусства. Родилась эстетическая концепция реализма. Шел процесс демократизации национальной культуры. Передовые писатели и художники, впитывая в себя нравственный кодекс трудового народа, раскрывая правду о его положении, содействовали восприятию революционной идеологии в различных слоях чешского общества. Культура, активно участвуя в общественно-национальной борьбе, оказала огромное влияние на формирование чешского национального самосознания.

Глава четвертая

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ



Либеральные течения

Национальное движение, сопровождавшее формирование чешской нации, в 60-е годы XIX в. вступило в новый этап. Политическая борьба активизировалась в связи с проведением в Австрийской монархии буржуазных преобразований. Чешская буржуазия, хотя и значительно укрепилась, еще не занимала достаточно прочных позиций, а тем более не играла ведущей роли в экономике Чешских земель. Но от силы чешской буржуазии и ее активности во многом зависел и облик чешского общества, ведущей политической представительницей которого она тогда была.

Развитие национально-политической борьбы в Чешских землях было связано не только с внутриполитическими событиями в жизни Австрийского государства, но и политической перестройкой Центральной Европы, главными моментами которой были объединение германских государств в Германскую империю, объединение Италии, освободительная борьба в Юго-Восточной Европе, польское восстание 1863—1864 гг. В национально-политической борьбе в Чешских землях проявлялось отношение разных кругов чешской нации к судьбе Австрийской империи, к завершению в ней буржуазных преобразований, и отражалось стремление национальной буржуазии утвердить свое положение в государстве на наиболее благоприятных для себя условиях. Вместе с тем на ход политической борьбы все большее воздействие оказывали пришедшие в движение массы народа.

60-е годы — один из ключевых периодов в истории чешского народа в XIX в. Тогда были сформулированы важнейшие принципы политики чешской буржуазии, было положено начало формированию буржуазных политических партий, достигло кульминации массовое движение, воплощенное в митингах (таборах) 1868—1871 гг. В конце 60-х годов были созданы руководствовавшиеся социалистическими принципами организации рабочего класса.

С точки зрения завершения формирования нации важнейшее значение имело то, что в эти годы в основном были преодолены в политической сфере проявления так называемого моравского сепаратизма, отражавшего неодинаковый уровень национального самосознания чешского населения в Чехии и Моравии. Признание лидерами моравской национальной партии принципа «единства земель чешской короны» свидетельствовало об утвердившемся

в Моравии понимании единства чешской нации, хотя отдельные проявления «мораванства» имели место и в дальнейшем. Но, как и раньше, чешское национальное движение в Моравии отставало от Чехии, во многом повторяя его формы и чаще всего следуя ему.

В развитии чешской национально-политической борьбы выделяются два этапа: 1) от ликвидации системы неоабсолютизма и начала конституционных преобразований (1859—1860 гг.) до австро-венгерского соглашения 1867 г. и 2) от декабряской конституции 1867 г. до 1871—1872 гг., когда дуалистическая структура Австро-Венгрии стабилизировалась и стал очевиден крах попыток переустройства империи с учетом притязаний чехов. И если на первом этапе борьба в Чешских землях в основном ограничивалась легальными действиями, то на втором этапе важнейшим фактором стало народное движение тaborов, которые создали политический фон подготовки чешско-австрийского соглашения 1871 г., потерпевшего, однако, неудачу.

На рубеже 50—60-х годов чешское национальное движение после того, как почти 10 лет оно подавлялось режимом неоабсолютизма, вступило в этап нового подъема. Даже те незначительные политические свободы, которыми был означен переход к поискам конституционных форм правления, послужили стимулом для активизации чешского движения. Во главе его стояла национальная буржуазия. Относительная слабость чешской буржуазии, проявившаяся еще в революции 1848—1849 гг., стала одной из главных причин слабости чешского либерализма и в политической борьбе 60-х годов¹.

Руководство национальным движением принадлежало национально-либеральному течению, известному с 40-х годов. Ф. Палацкий, Ф. Л. Ригер, Ф. Браунер и другие объединяли в Национальной партии* представителей различных кругов буржуазии и интеллигенции.

Социальной опорой Национальной партии была национальная буржуазия — средняя и мелкая, зажиточное крестьянство, а также мелкобуржуазные городские слои и интеллигенция. Свою главную задачу партия усматривала в защите интересов этих слоев в области экономики, социальных отношений и политической жизни, и что не менее важно — в вопросах культуры и языка, расширение функций которого она считала одной из ключевых проблем развития нации. Ряд аспектов деятельности Национальной партии отвечал интересам не только буржуазии, но и масс народа (язык, школа, избирательные законы и т. п.), поддерживался ими, и это создавало для партии возможность говорить о себе как о представительнице нации в целом.

Выступая под лозунгами национального единства, буржуазия стремилась укрепить свои политические позиции не только в Чеш-

* Термин «партия» условен, ибо процесс формирования буржуазных партий в Австрийской империи связан с завершением конституционных реформ в 1867 г.

ских землях (один из главных пунктов программы Национальной партии — объединение земель Чешской короны), но и занять соответствующее экономическому потенциалу Чешских земель положение в Австрийской монархии и добиться участия в управлении ею.

Структура Национальной партии не была четкой. Ее массовой опорой стали возродившиеся в начале 60-х годов организации общественно-политического («Мещанская беседа»), культурно-просветительского (клубы, беседы, певческое общество «Глагол») и спортивного («Сокол») характера, а также сеть чешских ссудных и сберегательных касс, экономических обществ и кружков. После 1864 г. партию поддерживали органы местного самоуправления, игравшие большую роль в избирательных кампаниях и особенно в проведении массовых народных таборов.

Видное место занимала периодическая печать. Редакции газет и журналов были средоточием политических группировок и течений. Именно здесь публиковались программные требования и велась полемика по актуальным вопросам общественной жизни. Главными органами Национальной партии в 60-е годы в Чехии были «Народни листы», в Моравии — «Моравска орлице».

Важнейшими центрами политической борьбы являлись клубы депутатов рейхсрата и чешского и моравского сеймов, возобновивших деятельность в начале 60-х годов. Основные сферы деятельности сторонников Национальной партии предопределили то, что первоочередным для ее руководства стало формулирование национально-политических требований к правительству и императору, с которыми от имени чешской нации выступали чешские депутаты сеймов и рейхсрата, а также высказывания в печати по проблемам жизни Австро-Венгерской империи и Чешских земель.

Практическое руководство Национальной партией в 60-е годы осуществлял Ф. Л. Ригер, соратник Ф. Палацкого. Последний сохранил в национальном движении свой «бесспорный авторитет»². Это имело огромное значение для формирования позиций праволиберального (либерально-консервативного) крыла национального движения в отношении актуальных проблем. Палацкий участвовал в заседаниях чешского сейма: он выступал с речами о необходимости реформы избирательного закона, о языковом равноправии в средних школах и др., был одним из главных составителей сеймовых адресов императору, которые являлись формой выражения политических требований чехов. После заключения австро-венгерского соглашения 1867 г. и бойкота чешскими депутатами сейма активность Палацкого стала менее заметной, хотя он и возглавил поездку чехов в Москву в 1867 г., подписал декларацию чешских депутатов 1868 г. и участвовал в разработке Фундаментальных статей 1871 г.

Палацкий оказал большое влияние на принятие Национальной партией решения о переходе к тактике пассивной оппозиции (1863). В середине 60-х годов он все больше склонялся к неверию в «справедливое» решение национальной проблемы. Угроза дуализма, неудача попыток заключения союза славянских нацио-

нальных движений в империи, обострившиеся разногласия в Национальной партии — все это обусловило скепсис Палацкого, отсутствие желания активно участвовать в политической борьбе конца 60-х — начала 70-х годов, принявший к тому же «нежелательные» для него формы массового движения. Анализируя в конце своей жизни причины неудач национально-политической борьбы чехов, Палацкий видел их не в своей надежде на династию, а все сваливал на иллюзии о дружественном сотрудничестве славян и на шовинизм немцев.

Программные принципы Национальной партии были отражены в газетах, заявлениях, декларациях, меморандумах и адресах императору. Каждая новая формулировка программных принципов была связана с изменениями в расстановке политических сил монархии, с характером буржуазных реформ и особенно с реорганизацией структуры государства.

Первым наброском программы чешских либералов после почти десятилетнего молчания стал так называемый «меморандум Ригера» от 18 июня 1860 г., подписанный 12 представителями интеллигенции и деловых кругов, в том числе Ф. Палацким, Ф. Браунером, Я. Е. Пуркине и др. Это была петиция об издании политической газеты, хотя по своему содержанию этот документ представлял собой формулировку национальных и политическо-конституционных требований. От имени семимиллионной «чешскословацкой нации в Чешских землях и Словакии» представители буржуазии, исходя из принципа «естественнego права» народов, высказали пожелание, чтобы император как представитель династии, которую «наш народ свободным избранием призвал на суверенный трон», дал чешскому народу, «всем его слоям, представительство, соответствующее его величине, культурному уровню и размерам уплачиваемых им налогов».

Выдвигались требования конституционных свобод, политических прав для широких слоев населения, обучения на чешском языке в средних школах, создания чешского Учительского института, равноправия чешского и немецкого языков в Чешских землях и обязательного знания их чиновниками³. Для программы были характерны «чехословакизм» и отмежевание от дворянских кругов, выступавших тогда с требованием автономии Чехии на основе ее «исторического права» при сохранении сословного сейма и раздробленности Чешских земель.

Как видим, программные положения чешской либеральной буржуазии не затрагивали вопроса об отношении чехов как нации к австрийскому государству, а подчеркивание в них национальных (язык, школа) и политических требований свидетельствовало о том, что Национальная партия считала, что осуществление конституционных преобразований создаст более благоприятные условия для защиты интересов чешской нации в представительных органах⁴.

Следующим этапом формирования программных принципов Национальной партии стала статья Ф. Л. Ригера в газете «Народни листы» от 1 января 1861 г.⁵ Программа либеральной буржуазии

была представлена здесь в развернутом виде. Она исходила из возможностей, которые представлял чешской буржуазии Октябрьский диплом 1860 г., гарантировавший «исторические права» отдельных «королевств и земель». Диплом привлекал чешских либералов идеей децентрализации управления государством. Ориентация Национальной партии на автономию «историко-политических индивидуальностей» вела не только к отказу от «чехословакизма», но и к разобщению лидеров чехов и словаков. Чешская буржуазия уже выступила не от имени «чешскословакской нации», а от имени чешской «исторической национальности, как национального большинства в нашем отечестве»⁶. В рамках «исторического права» земель чешской короны программа требовала национального равноправия, самоуправления на разных уровнях, гражданских свобод (печати, вероисповедания и т. п.) и, наконец «свобод в сфере производства, земледелия и обмена», реорганизации таможенных, финансовых и кредитных учреждений.

Либерализм программы заключался в том, что она была направлена против политических привилегий дворянства и требовала, чтобы политические права определялись с учетом «налогообложения граждан». Программа не исключала участия дворянства в национальной жизни, но и не считала это условием развития чешской нации: «Конечно, мы и с дворянством и без него... будем шагать вперед по пути духовного и материального возвышения нашей нации»⁷. Отношение буржуазии к дворянству имело принципиальное значение, так как в это время уже обоюдно зондировалась возможность заключения соглашения между консервативным богемским дворянством, выступавшим за «автономию и исторические права Чехии», и чешскими либералами.

Программные принципы той части чешской буржуазии, которая уже питала оппозиционные настроения в отношении лидеров Национальной партии, были сформулированы К. Сладковским в газете «Глас» в январе 1862 г. Программа Сладковского в отношении государственно-правовой структуры монархии (федерализм) не отличалась от программы Ригера, но более четко подчеркивала неделимость национальной свободы и демократизации политического порядка. В ней нашла воплощение суть концепции формировавшегося леволиберального крыла Национальной партии (в дальнейшем младочехов) о придании окончательной формы структуре чешской нации не с помощью «привлечения к национальному делу дворянства», а путем развития «снизу», в результате выделения из «крестьянского сословия, являющегося ядром нашей нации» так называемого земанства, т. е. богатых фермеров, которые должны возместить отсутствующее у чехов национальное дворянство. В городах надежды возлагались на выделение «из низов» буржуазии. Поэтому, заявлял Сладковский, «Глас» всегда будет уделять особую заботу «хозяйственным, промышленным и торговым делам»⁸.

В дальнейшем социально-политические аспекты в программных документах Национальной партии почти не встречаются, а основное место занимают национальные и государственно-правовые требования. Первые касались равноправия чехов и немцев в Чешских землях, а вторые — положения «земель чешской короны» в монархии, содержания их автономии.

В программе чешской буржуазии в первой половине 60-х годов, как и в ее деятельности в сейме, на первом месте стояли требования равноправия чехов и немцев в Чешских землях, чешского и немецкого языков в школе, суде и управлении. Удовлетворившись автономистскими принципами Октябрьского диплома 1860 г., буржуазия приняла и земельные статуты 1861 г., расширявшие компетенцию сеймов во внутреннем управлении, несмотря на то, что в статутах сохранилась куриальная система, обеспечивавшая привилегии крупного землевладения. Чешская буржуазия стремилась добиться решающего положения в органах самоуправления — сейме, окружных, городских и общинных представительствах, где перед ней открывалась возможность непосредственного участия в политической жизни, в культурной деятельности, в решении экономических вопросов.

Все это на некоторое время отвлекло внимание политических лидеров от общеавстрийских проблем, в частности от программы коренной перестройки Австрийской монархии⁹. В 1865 г., когда перспектива австро-венгерского дуализма становилась все очевидней, в программные положения Национальной партии были внесены коррективы. Когда назначенный главой правительства Р. Белькреди (наместник Чехии в 1863—1865 гг.) еще не покинул Прагу, лидеры Национальной партии вручили ему для передачи императору меморандум от 11 июля 1865 г.¹⁰ Меморандум являлся конкретизацией тезисов, содержавшихся в «Идее австрийского государства», и отражал стремление чешских деятелей определить государственно-правовое положение Чешских земель. От имени «чешскославянской нации» меморандум выражал «пожелание и просьбу» восстановить автономию и единство земель чешской короны во главе с придворным канцлером и генеральным сеймом, осуществить избирательную реформу в духе национального равноправия, дать согласие на коронацию императора чешским королем. Последнее требование должно было подтвердить «договорный» характер отношений между Чешскими землями и империей.

Представляя меморандум правительству, чехи пытались убедить его в равноценной значимости чешской и венгерской проблемы для государства. Меморандум был первым чешским программным заявлением, в котором государственно-правовые аспекты были выдвинуты на первое место, а удовлетворение национально-языковых требований было поставлено в зависимость от решения первых. С этого времени знаменем национально-политического движения стало требование «чешского исторического государственного права».

Переход либералов к историко-правовой аргументации отражал, с одной стороны, перемены, произшедшие в первой половине 60-х годов в политической обстановке в Австрийской империи, а с другой — явился признанием успехов политики венгерской оппозиции, которая велась под государственно-правовыми лозунгами, и был следствием угрозы австро-венгерского соглашения. Определенную роль в этом сыграл союз либералов с консервативным автономистским «историческим дворянством» (1861 г.), для которого историческое право было главным аргументом. Однако богемское дворянство никогда не поддерживало чешской буржуазной программы объединения земель чешской короны, т. е. программы политическо-территориального сплочения нации.

Манифест императора от 20 сентября 1865 г., подчеркнувший преимущественное значение государственно-правовых аспектов организации монархии, оживил надежды чешских федералистов и способствовал упрочению в Чешских землях единого фронта либеральной буржуазии на государственно-правовой основе. «Чешское государственное право» как программа стало прокламироваться в печати и старочехами и младочехами. Это нашло отражение и в речи Ригера в сейме 12 декабря 1865 г., где он попытался развить идеи Палацкого. Подчеркнув «необходимость Австрии для ее народов» при условии их равноправия, Ригер считал возможным сохранение этими народами различного положения, обусловленного их «естественными» возможностями. По-видимому, Ригер намекал на особое место Чешских земель из-за их экономического потенциала. Представляют интерес рассуждения Ригера о двух возможных путях нового устройства габсбургской монархии — французском и «историческом». Первый путь Ригер считал неприемлемым, ибо это был, по его мнению, путь «переворота, нивелизации и централизации», а «исторический» путь подходил Австрии, поскольку признавал «возникшие в течение веков и жизнеспособные... индивидуальности» и отвергал «насилие»¹¹.

Это направленное против централизма немецких либералов выступление имело принципиальное значение для позиции Национальной партии. Государственно-правовой историзм Ригера свидетельствовал о все большем идейном сближении чешских правых либералов с консервативным богемским дворянством (Г. Клам-Мартиниц). Оформившееся в Национальной партии леволиберальное течение (младочехи) не высказывалось против государственно-правового историзма ее лидеров, что наложило отпечаток на последующую политику чешской буржуазии.

Во время прусско-австрийской войны 1866 г., когда Прага была оккупирована прусскими войсками, чешские либералы 19—22 июля 1866 г. составили декларацию, которая была отправлена в Вену. Ригер и его сторонники заверили императора в том, что чешские коронные земли только в династии и монархии «видят свою защиту»¹². В то же время чехи добивались единства земель

чешской короны, предоставления Чешским землям особой конституции, которая будет выработана на основе договоренности между короной и сеймами земель, признания равенства немцев и чехов в деле применения языков в общественной жизни, управлении и школах Чешских земель; равноправия Чешских земель в составе государственного союза и соответствующего выражения их «государственно-правовой индивидуальности» в парламенте и правительстве; гарантии того, что Чешские земли без согласия на это сеймов не будут включены в состав ни Германского, ни какого-либо иного союза. Документ был подписан всеми известными деятелями — как старочехами (Ф. Палацкий, Ф. Л. Ригер, Ф. Браунер и др.), так и младочехами (К. Сладковский, Э. Грегр и др.).

Последний пункт декларации в несколько измененном виде был включен в текст адреса чешского сейма, принятого 19 ноября 1866 г. Теперь это требование было направлено также против надвигавшегося дуализма.

Наряду с определением отношения чешской нации к Австрийскому государству, изложенным в меморандуме 1865 г. и декларации 1866 г., либералы предприняли попытку оживить федералистскую концепцию и добиться ее поддержки политическими деятелями других славянских народов. Проект федерализации Австрии, во многом исходивший из «идеи Австрийского государства» Палацкого, был составлен Ф. Л. Ригером и обсужден на совещаниях чешских (Палацкий, Ригер, Пражак), польских (А. Голуховский, Е. Любомирский) и хорватских (Й. Штросмайер) федералистов в Вене в конце июля—начале августа 1866 г. Совещания федералистов состоялись в критический для судеб монархии момент: было ясно, что она, потерпев поражение в войне с Пруссиеи, будет вынуждена уступить ей руководящую роль в Германии. Из этого вытекало, что проблема реорганизации Австрийской империи станет еще более настоятельной. Это, казалось, открывало перспективы для оживления деятельности федералистов. Их оптимизм был основан на том, что, выйдя из Германского Союза, Австрия будет вынуждена расстаться «с прежними традициями немецкой политики», «искать свою мощь и гарантию славного будущего в удовлетворении своих народов»¹³.

В программе, поддержанной участвовавшими в совещаниях федералистами, высказывалось пожелание, чтобы Австрия отказалась от участия в германских и итальянских делах, так как «мы, славяне... никоим образом не заинтересованы в господстве над Германией или Италией». Австрия должна была направить все усилия на «упорядочение внутренних государственно-правовых отношений и завершение создания конституционного строя». Программа содержала требования славян к императору и правительству, чтобы Австрия проводила «чисто австрийскую политику», имевшую наднациональный характер, не вступала в союзы с иностранными государствами и придерживалась «обо-

ронительной» концепции. Выдвигались требования уменьшения налогового бремени, реформы армии и управления в целях экономии, подчеркивалось значение принципов автономии и самоуправления для сведения до минимума числа чиновников.

Империя должна была состоять из комплексов, или групп земель: 1) староавстрийские (немецко-словенские) «наследственные земли» Габсбургов, 2) земли чешской короны, 3) Галиция с Буковиной, 4) земли венгерской короны. В том, что в основу федеративной структуры были положены «исторические» земли, можно видеть стремление федералистов сделать программу приемлемой для династии и консервативного дворянства. Во главе каждого комплекса земель должен был стоять канцлер, ответственный перед «генеральным сеймом» группы земель и входящий в состав имперского правительства. Предусматривались сеймы и правительства земель.

Имперскую власть представляли монарх, центральное правительство и парламент (конгресс), состоящий из избранных земельными сеймами делегатов. В ведении центральной власти должны были оставаться армия, внешняя политика и торговля, финансовые и таможенные дела. Все остальное — в компетенции земель. Предлагалось обеспечить национальное равноправие всем народам, в том числе так называемым «генетическим», или «языковым» (не «историческим»), осуществление которого, прежде всего равноправия языков, подлежало компетенции сеймов и правительства земель.

Программа федералистов не имела шансов на успех, ибо своим признанием национального равноправия оказалась неприемлемой для двора, австронемецкой буржуазии и венгерского дворянства. Не могла она удовлетворить и другие народы: словенцев, не надеявшихся на соглашение с австронемецкими господствующими классами, украинцев, не рассчитывавших на то, что польские магнаты признают их равноправие, словаков, сербов, румын Венгерского королевства, наконец, хорватов¹⁴. Не было единства искренности и между участниками совещаний: так, польские представители, поддерживая программу федерализации, в то же время зондировали возможность заключения с двором соглашения об автономии Галиции. Белькреди, приняв Палацкого, Ригера и Пражака, отказался даже обсуждать содержание их программы¹⁵.

Образование дуалистической Австро-Венгрии в феврале 1867 г. означало крушение планов чешской буржуазии. Однако она не могла не признать, что конституция Австрии, изданная в декабре 1867 г., хотя и сохранила сильную императорскую власть и привилегии аристократии, отразила изменения, произшедшие в экономической, социальной и общественно-политической сферах. В конституции нашел отражение тот факт, что окрепшей буржуазии Австрии нужна была конституционная система, буржуазные права и свободы, возможность участия в законодательной и исполнительной власти. Буржуазия всех национальностей Австрии принимала в расчет нарастание социальных противоречий в го-

сударстве. Поэтому во второй половине 60-х годов ее умеренное крыло стремилось решать свои проблемы только в представительных органах и путем переговоров с правительством.

Эти моменты оказались на тактике чешской буржуазии после 1867 г. и на формулировании ею принципов Национальной партии. Важнейшими программными документами того периода являлись «Протест чешских депутатов сейма» от 13 апреля 1867 г., декларация от 22 августа 1868 г. и Фундаментальные статьи 1871 г.

В «Протесте» 1867 г. выражалось несогласие с австро-венгерским соглашением и содержался отказ участвовать в выборах в рейхсрат австрийской половины империи (Цислейтании), который они объявляли «противоречащим конституции», а все его постановления «для населения Чешских земель необязательными»¹⁶. Протест содержал государственно-правовую часть политических требований чешской буржуазии, которая была повторена и в декларации 1868 г.¹⁷, положившей начало политике «пассивной оппозиции» и в отношении чешского сейма. Декларация была передана в сейм во время нараставшего подъема массового движения тaborов. Этим был обусловлен ее решительный тон: «Данное убеждение является убеждением всего пятимиллионного чешско-славянского народа во всех землях чешской короны. Доказательством этого служат высказывания разного рода, ныне ни у кого не вызывающие сомнения».

Декларация не признавала соглашения о дуализме. Характерно, что чешские деятели не выступали против стремления венгерской нации договориться с императором о своем конституционном праве, они были против создания централизованного государственного организма в Цислейтании, в котором видели стремление упрочить господство немцев теперь только в этой половине империи.

Введение декабряской конституцией 1867 г. буржуазно-демократических свобод, которые не могли не приветствовать чешская буржуазия и все слои населения, чешские буржуазные политики истолковывали в декларации односторонне, усматривая в них «приманку» для славян, которая должна была обеспечить признание дуализма и создание цислейтанского государства, несущего славянам усиление национального гнета. Декларация содержала 10 пунктов, в которых отмечалось, что определение государственно-правового положения Чешских земель возможно только путем заключения чешско-австрийского соглашения между «монархом (чешским королем) и политическо-исторической чешской нацией»¹⁸.

В учреждении особой «делегации» австро-венгерского (цислейтанского) рейхсрата для регулярных переговоров с «делегацией» венгерского парламента об общих нуждах Австро-Венгрии чешские политики видели ограничение компетенции чешского и других земельных сеймов. Чешские депутаты сейма, как представители большинства населения отвергали право немецких депутатов сейма выступать в рейхсрате и принимать решения от имени Чехии и всех Чешских земель. Декларация выдвигала требование

«справедливого представительства» чехов и немцев и выражала пожелание договориться «со своими немецкими соотечественниками» о создании органов, которые обеспечивали бы равноправие обеих национальностей.

Тем же днем, что и декларация, было датировано «Свидетельство 30 депутатов моравского сейма», которое, однако, не носило столь наступательного характера. И хотя оно выражало поддержку общих для всех чехов требований, а также тактики «пассивной оппозиции», в нем нашла проявление специфика национального движения в Моравии и традиционно моравское понимание национальной самобытности. Отчетливо это выявилось на совещании чешских и моравских буржуазных политиков, обсуждавшем содержание чешской государственно-правовой программы. Моравские деятели не поддержали требование единого генерального сейма для Чешских земель, выступили за автономное законодательство Чехии и Моравии. Это было одним из самых слабых мест чешской государственно-правовой программы¹⁹.

Выступая в августе 1868 г. с декларацией и «Свидетельством», чешские и моравские буржуазные политики опирались на мощный подъем массового движения, развернувшегося в Чешских землях в знак протesta против австро-венгерского соглашения. Именно так можно объяснить восторженный отклик всех слоев чешского населения на декларацию. Этому способствовал также характер формулировок национально-политических требований. Создавалась возможность консолидации вокруг декларации различных социальных групп, причем каждая связывала с «государственным правом Чешских земель» свои надежды.

Результатом программных положений Национальной партии должно было стать чешско-австрийское соглашение, к заключению которого стремилось правительство, желавшее обеспечить внутреннее спокойствие, чешская оппозиция (либералы и консервативное «историческое» дворянство, союз которых после трехлетнего перерыва был возобновлен в 1870 г.) и, наконец, массы народа. Переговоры о соглашении продолжались в условиях подъема массового освободительного движения 1869—1871 гг. Их итогом стали три документа: 18 статей, определявших положение Чехии в составе Австро-Венгрии (Фундаментальные статьи), проект закона о защите национальностей и новый избирательный закон. 10 октября 1871 г. они были единодушно одобрены чешскими депутатами сейма Чехии.

Фундаментальные статьи признали долго отвергавшееся чешской оппозицией соглашение о дуализме. В соответствии с этим соглашением Чехия признавала «общими делами» для «всех королевств и земель монархии» внешнюю политику, армию и финансы, а также соглашалась с институтом «делегаций», оговорив, однако, необходимость избрания австрийской делегации не рейхстратом, а сеймами, и определив число чешских представителей. К общеавстрийским делам были отнесены: торговля, косвенные налоги, денежная система, коммуникации, законодательство о гражданстве. Законодательным общеавстрийским ор-

ганом должен был стать конгресс делегатов, избираемых сеймами земель, а исполнительным — общеавстрийское правительство, в состав которого входили бы придворные канцлеры — главы правительств отдельных земель.

В компетенцию чешского сейма должны были входить прямые налоги, школьное образование, вопросы вероисповедания, проведение рекрутского набора. Предполагалось также участие чешского сейма в распределении по землям общеавстрийских расходов. Фундаментальные статьи отражали идею автономии Чехии в рамках Цислейтании в духе «исторического права» и при значительном расширении законодательной функции чешского сейма²⁰. Хотя Фундаментальные статьи определяли положение только Чехии, однако, как полагал Ригер, они стали бы стимулом переворота Австрии на федеративных началах. Осуществление Фундаментальных статей неизбежно осложнило бы функционирование системы дуализма.

Фундаментальные статьи свидетельствовали о том, что чешские либеральные политики удовлетворились федерализацией только австрийской половины государства и определением автономного положения Чехии, а не «земель чешской короны». Впрочем, это отражало как соотношение политических сил, так и то обстоятельство, что сейм Силезии выступил против чешско-австрийского соглашения, а моравский сейм — при бойкоте со стороны немцев — хотя поддержал основные его положения, но высказал пожелание получить то же самое и для Моравии. Моравский сейм рассматривал «земли чешской короны» не как единое целое, а как «персональную унию трех земель». Таким образом, единство Чешских земель еще не стало общим политическим требованием буржуазии Чехии, Моравии и Силезии.

Важным дополнением к Фундаментальным статьям был закон о защите национальностей²¹, исходивший из признания равноправия чешской и немецкой наций в Чехии и обеспечивавший равноправие языков. Осуществить это равноправие предполагалось путем разделения по национальному принципу административных и избирательных округов Чехии и решения местными органами вопроса об официальном языке той или иной области. В смешанных областях, где не менее одной пятой части избирателей принадлежало к другой национальности, обязательным было употребление обоих языков. Поскольку официальными языками в сношениях с государственными органами объявлялись чешский и немецкий, то чиновники должны были уметь говорить и писать на том и на другом. Для защиты прав национальностей предполагалось создание в сейме Чехии двух национальных курий, пользующихся правом «вето» при рассмотрении вопросов, затрагивавших национальные интересы. Осуществление этого закона нанесло бы удар гегемонии немецкоязычных чиновников и судей в Чехии.

Не менее важное значение имел и проект избирательного закона²². Сохраняя сословно-куриальную структуру сейма, он обеспечивал чешскому буржуазно-дворянскому блоку господ-

ствующее положение. Это достигалось путем увеличения числа депутатов от городов. Число депутатов от крупных землевладельцев сохранялось прежним, т. е. 70, но они разделялись по имущественному цензу на три группы, чем достигалось укрепление позиций консервативного «исторического» дворянства, выступавшего в блоке с чешской либеральной буржуазией. Очевиден антидемократический характер закона, к тому же наносившего удар по немецкой промышленной буржуазии, которая прежде преобладала в городской курии.

Чешско-австрийское соглашение предполагало изменение государственной структуры только австрийской части империи. Но принятие Фундаментальных статей означало признание особого положения Чехии, предоставление чешскому сейму возможности оказывать влияние на взаимоотношения Австрии с Венгрией, а возможно, и на внешнюю политику монархии. Все это было неприемлемо для господствующих классов Австрии и Венгрии.

Для чешской нации было важно, что Фундаментальные статьи в принципе означали признание чешской государственности, хотя и в форме автономии. Большое значение имели права, которые чехи получили бы с проведением в жизнь закона о защите национальностей.

Чешско-австрийский компромисс вызвал бурный протест со стороны австронемецкой буржуазии и ее печати, которая писала, что Фундаментальные статьи преследуют цель «славянизировать» Австрию и отдать ее в руки «темной реакции», «феодалов и клерикалов». По городам Цислейтании прокатилась волна демонстраций, носивших антиправительственный и антиславянский характер. Враждебно отнеслись к возможности заключения чешско-австрийского соглашения и венгерские правящие круги. Образованная в 1871 г. Германская империя не была заинтересована во внутриполитических переменах в Австрии и в усиливении в ней славянства. Поэтому Вильгельм I и Бисмарк дали понять Вене, что не допустят «притеснения» австрийских немцев²³. Франц Иосиф отступил, отказался утвердить соглашение и дал отставку правительству Гогенварта. В октябре 1871 г. чешская буржуазия в союзе с аристократическим дворянством потерпела поражение. Старочехи и младочехи ограничились протестом в сейме и вновь перешли к «пассивной оппозиции».

После 1871 г. начинается новый этап национально-политической борьбы в Чешских землях. Чешская буржуазия уже не претендовала на федерализацию Австрии, а добивалась от правительства частичных уступок в национальном, прежде всего языковом, вопросе.

Буржуазно-радикальные тенденции

В результате поражения революции 1848—1849 гг. радикально-демократическое движение в Чешских землях было подорвано. Репрессии властей надолго лишили большинство его

представителей возможности заниматься политической деятельностью. Судьба некоторых из них сложилась трагически. Э. Арнольд провел в тюрьмах и ссылке около 20 лет и более не вернулся к активной деятельности. К. Сабина, выйдя в 1857 г. по амнистии из тюрьмы, жил в нищете и стал в конце концов тайным осведомителем полиции. Часть бывших демократов в 60-х годах поддерживала Палацкого и Ригера, остальные примкнули к левым либералам. Депутатами чешского сейма стали В. Вавра, К. Сладковский и др.²⁴

Угнетательская политика Габсбургов, глубокое недовольство масс народа социальными условиями, рост немецко-чешского антагонизма — все это стимулировало активизацию мелкобуржуазно-радикальных устремлений в среде части интеллигенции, причем преимущественно в сфере национальных отношений.

Й. В. Фрич, А. Страка и некоторые другие участники революции в 60-е годы находились в эмиграции. Они стремились познакомить общественность Европы с проблемами чешского освободительного движения, в демократических кругах европейской эмиграции видели своих союзников в борьбе за национальную свободу чешского народа и социально-политические реформы. Фрич поддерживал связи с немецкой, польской, венгерской революционной эмиграцией, сотрудничал с А. И. Герценом и М. А. Бакунином, которые оказали влияние на его национально-политическую деятельность. Взяв за образец герценовский «Колокол», Фрич в 1861—1862 гг. при поддержке польских и венгерских эмигрантов предпринял в Женеве издание «вольной» газеты «Чех».

Фрич страстно боролся против иллюзий о возможности поддержки чешских интересов деспотическими режимами. Ни Габсбурги, ни царизм, как писал он, не могут быть союзниками народов в борьбе за свободу. Только совместная борьба народов принесет им освобождение. Фрич в газете ратовал за революционное разрушение монархии Габсбургов, за вхождение независимой Чехии в федерацию свободных европейских народов²⁵. В издании газеты «Чех» наряду с Фричем принимал участие А. Страка. Тайно присыпал материалы из Чехии Я. Неруда (псевдоним Прокоп Запольский)²⁶.

В Париже, Берлине, Лейпциге, Дрездене, Цюрихе, Копенгагене, Чикаго и других городах Европы и Америки среди эмигрантов-чехов создавались общества и «беседы» в целях борьбы за свободу Чехии. Й. В. Фрич принимал деятельное участие в их создании. Он пытался также влиять на настроения на родине посредством переписки со своими единомышленниками в Чехии, которым он пересыпал свою газету. Так, по инициативе Фрича в октябре 1862 г. в Париже была создана «Чешско-моравская беседа», поддерживавшая контакты с Чехией. Кроме чехов, в «беседу» входили два поляка, два немца и француз. Организация эта просуществовала до 1871 г., она была распущена полицией за причастность к Парижской Коммуне²⁷. По-видимому, уже

с 1859 г. в Чехии существовали тайные кружки, состоявшие главным образом из студентов, выступавших с республиканскими лозунгами и мечтавших о независимости Чехии в составе союза свободных народов Европы.

В Чехии леволиберальные и радикальные публицисты и писатели группировались вокруг газет «Час» и «Глас», в которых печатались К. Сладковский, В. Вавра, Я. Неруда, П. Хохолоушек, В. Кнедльганс-Либлинский и др. Группа прогрессивных журналистов сотрудничала в газете «Народни листы» (А. Котик, А. Сташек, К. Тума, Э. Тоннер и др.).

Радикальные журналисты, сотрудничавшие в либеральной прессе, связывали задачи развития национальной борьбы с завоеванием политической свободы. Они знакомили чешскую общественность с революционными и освободительными движениями в других странах, сообщали о надвигавшемся революционном взрыве в Королевстве Польском, о революционных настроениях в России, заостряли внимание на социальных проблемах.

В развернувшейся в начале 60-х годов в чешской прессе полемике отразились разногласия в чешском национальном движении, обострившиеся в связи с восстанием в Королевстве Польском в 1863—1864 гг. Горячо обсуждались важнейшие проблемы: уничтожение феодальных пережитков в монархии Габсбургов, национальное равноправие, демократические преобразования. Дискутировались вопросы о допустимости сотрудничества с дворянством в освободительном движении, об отношении к царской России и к борьбе польского народа за освобождение, к восстанию как средству завоевания свободы и т. д.

Новая обстановка побудила часть радикально настроенных политических деятелей в Чехии в январе 1864 г. поставить вопрос о создании партии, которая объединила бы радикально-демократические элементы в Чехии и эмиграции. Эти намерения поддержал И. В. Фрич. В журналах «Болеславан» и «Правда» он писал, что не следует опасаться борьбы мнений в рядах национального движения, напротив, размежевание демократов с консервативно-либеральными кругами он считал предпосылкой успешного развертывания этого движения. Фрич очень критически оценивал действия Палацкого и Ригера в 1848 г., противопоставивших чешское освободительное движение борьбе венгерских и германских революционеров. Он видел в отношении к роли дворянства в общественно-политической жизни одно из основных разногласий между либерально-консервативным и демократическим течениями в Чехии.

Фрич призывал к действиям товарищей по совместной борьбе в 1848—1849 гг. Он критиковал левых либералов (младочехов) К. Сладковского и его единомышленников за нерешительность и нежелание выступить против Палацкого и Ригера. Необходимость размежевания с либерально-консервативными лидерами понимали и прогрессивные деятели и публицисты в Чехии. Среди них — Р. Турн-Таксис, Э. Тоннер, братья Фрича — Карел и Вац-

лав, Э. Грегр. Конкретно вопрос о создании в Чехии демократической партии стал предметом обсуждения на совещаниях в январе 1864 г.²⁸ Проект программы демократической «свободомыслящей партии» был подготовлен Турн-Таксисом. После одобрения специальным комитетом он должен был стать платформой для привлечения на сторону демократической партии депутатов чешского сейма²⁹.

Проект, несмотря на ограниченный компромиссный характер, придававший ему в основном леволиберальный облик (расширение избирательного права, устранение остатков сословных привилегий и т. п.), не получил одобрения членов комитета, в первую очередь К. Сладковского. Большинство леволиберальных деятелей вслед за Палацким подчеркивало необходимость сохранения единства национального лагеря К. Сладковский считал, что в данный момент «несвоевременно проявлять свое свободомыслие»³⁰, и объяснял это характером условий, в которых живут чехи, испытывающие постоянный страх за судьбу своей нации. Если у кого-нибудь возникнет вопрос о том, что является первостепенным — «национальность или свобода», рассуждал Сладковский, то следует признать, что «национальность превыше всего»³¹. Итак, в 60-х годах в Чехии ни радикальная, ни даже леволиберальная партия так и не была создана.

С критикой позиции чешских правых либералов в отношении польского восстания выступили журналы «Болеславан» и «Правда», которые издавались в Младоболеславе и Праге на средства Р. Турн-Таксиса и широко распространялись в Праге и в провинции. Радикалы надеялись, что восстание активизирует освободительное движение в Австрии, в том числе в Чешских землях, и приведет к революции в России. Эти настроения повлияли на часть леволиберальных кругов во главе с Ю. Грегром, что в свою очередь сказалось на политической позиции газеты «Народни листы». Леволиберальные чешские журналисты высказывались в защиту польских повстанцев. Радикальные же группы, создав специальный комитет, помогали повстанцам: собирали деньги, посыпали добровольцев, укрывали поляков, бежавших после поражения восстания. Эти действия находили поддержку у многих ремесленников, торговцев, крестьян. Власти произвели аресты ряда активных сторонников польского восстания.

Большой отклик нашла в Чешских землях борьба итальянского народа против австрийского господства, деятельность Гарибальди вызывала восхищение всех передовых людей. Чешские умеренные лидеры, осудившие польское восстание, были весьма сдержаны и в оценке борьбы в Италии³². В то же время прогрессивные журналисты связывали с именем Гарибальди, которого они считали «образцом героизма и самопожертвования»³³, будущие успехи в борьбе за освобождение славянских народов. М. А. Бакунин и Й. В. Фрич, готовившие издание газеты «Всеславянская свобода», намеревались поместить в ней воззвание Гарибальди к славянским народам Австрии и Турции, в котором содержался

призыв к славянам начать борьбу против австрийских и турецких угнетателей.

Радикальные круги в Чехии надеялись также на то, что успехи Гарибальди активизируют освободительное движение в Чешских землях. Для координации действий с итальянцами в Праге был создан комитет, члены которого были связаны с Фричем, побывавшим в 1864 г. в Италии и посетившим Гарибальди на Капрере. Еще в 1860 г. чешский журналист Э. Рюффер в качестве уполномоченного комитета отправился в Италию. Он посыпал корреспонденции в чешские газеты и наряду с другими чехами участвовал в освободительной войне итальянского народа. Имеются сведения об участии в походах Гарибальди 15 чешских рабочих-добровольцев, шесть из которых погибли в Сицилии³⁴. Часть чехов-гарибальдийцев, не дождавшись создания на территории Италии славянского легиона, вступила в венгерский легион; они надеялись что вторжение отрядов Гарибальди на территорию Венгрии позволит поднять восстание и в Чешских землях.

Весной 1864 г. в кругах европейской эмиграции велась подготовка к широкому антиавстрийскому восстанию при координации действий с польским повстанческим правительством. В Турине — центре антиавстрийских приготовлений Фрич участвовал в переговорах, во Флоренции он встречался с Бакуниным. В ходе переговоров представителей венгерской эмиграции и польского Национального правительства, в которых также участвовали чехи — Й. В. Фрич и Э. Тоннер, было принято решение об одновременном выступлении венгров и поляков против Габсбургов. При этом рассматривался вопрос и об участии Чехии в восстании³⁵.

Й. В. Фрич составил взвывание к чешским, польским и хорватским солдатам австрийской армии. В нем говорилось о необходимости единства действий угнетенных Габсбургами народов, содержался призыв «противопоставить альянсу тиранов свой союз». В чешском варианте взвывания³⁶ содержалось обращение к солдатам-чехам отказаться от подавления движения итальянского народа.

Поражение восстания в Королевстве Польском нанесло удар по антигабсбургским планам европейской демократии, в том числе и чешской. Но практическая помощь чехов народам, боровшимся за национальную свободу (Польша, Италия), дает основание считать, что общественное движение в Чехии выходило за рамки, которыми его стремились ограничить не только правые, но и леволиберальные политики.

В этот период чешские радикальные круги связывали свои надежды на новый революционный подъем освободительного движения в Австрии с тем, что «партия Герцена» и «партия Чернышевского» в России возьмут верх, что именно им — «сторонникам решительного общественного и политического переворота» и вообще «свободомыслящим русским» (имелись в виду издатели журнала «Современник») — принадлежит будущее³⁷.

Уже в начале 60-х годов чешская пресса публиковала материалы об А. И. Герцене, Н. П. Огареве, М. А. Бакунине и др. «Боле-

славан», «Правда», «Глас», «Народни листы» сообщали о контактах русских революционеров с освободительными движениями других стран, перепечатывали материалы из «Колокола». «Великий и могучий русский народ находится накануне решающих перемен, которые могут изменить облик Европы», — писал «Глас»³⁸. Прогрессивная печать знакомила чешского читателя с теми русскими, чья деятельность составляла существо «великого дела возрождения России». К их числу демократы относили и Бакунина. «Глас» поместил его воззвание «Русским, польским и всем славянским друзьям», в котором русский эмигрант призывал славянские народы к совместным действиям за «землю и волю», свободу и независимость.

В 60-е годы Бакунин окказал заметное воздействие на радикальные круги в Чехии³⁹. Одной из важнейших задач чешской демократии он считал размежевание с консервативно-либеральными деятелями, с политикой лояльности властям, которую Бакунин называл «потерянной игрой в конституцию». Перед молодым поколением, считал он, стоит задача единения с собственным народом, и в первую очередь с «сельским сословием»⁴⁰. Особенно продолжительными были контакты Бакунина с Й. В. Фричем, с которым он намеревался даже издавать в 1862 г. «Всеславянскую свободу». Бакунин информировал Фрича о переговорах русских революционеров с польским повстанческим правительством, посыпал Фричу экземпляры «Колокола», привлекал его к пропаганде русско-польского революционного союза. Бакунин видел залог успеха предстоящей борьбы славянских народов в их единстве и союзе с итальянцами и венграми.

Чешские радикальные публицисты внимательно следили за деятельностью Бакунина в эмиграции, а Фрич, считавший Бакунина своим учителем, напечатал в «Чехе» программу Бакунина периода революции 1848–1849 гг. (разрушение монархии Габсбургов, демократическая федерация славянских народов). В 60-х годах Бакунин отводил важную роль в подготовке революции созданию революционных обществ в Чехии и славянских странах. Й. В. Фрич поддерживал эти планы.

В то время как К. Сладковский и его единомышленники отказались от самостоятельной, независимой от лидеров Национальной партии (старочехов) политики, Фрич и его сторонники в Чехии не оставили попыток создать партию «наследников революционных традиций 1848 г.» В течение ряда лет Фрич разрабатывал принципы такой организации. Текст ее программы был им подготовлен в 1867 г.⁴¹ В нем говорилось о решимости «молодой демократической партии» размежеваться с либералами, отстаивать свои принципы, в первую очередь убеждение в возможности независимого существования Чехии. Была подчеркнута задача привлечения народа на свою сторону. Предполагалось, что после завоевания независимости Чехия войдет в свободную демократическую федерацию народов Европы. Далее программа определяла структуру нелегальной партийной организации — Союза за независимость Чехии и Моравии, или «дедичей» (т. е. «наследников»

революции). По некоторым данным, в организацию входило до 500 человек⁴².

Наиболее активной деятельность по созданию нелегальной организации «дедичей» была в завершающий период польского восстания. В случае революционного выступления Венгрии, Хорватии или Галиции члены организации «дедичей» должны были провозгласить себя чешским национальным правительством. Позднее, в 1868 г., Фрич начал в Берлине издание журнала «Бланник», который фактически являлся органом партии «дедичей»⁴³.

В 1866 г. в связи с австро-прусской войной в среде международной революционной эмиграции вновь появились надежды на активизацию борьбы против чужеземного господства. Фрич и его сторонники в Чехии пытались использовать начавшуюся войну для развертывания антиправительственной агитации. А. Котик и Й. В. Фрич издали антиавстрийскую брошюру «Плач чешской короны», в которой провозглашалась борьба за независимость чешского народа⁴⁴. В ней говорилось, что чехи не хотят ни зависимости от Пруссии, ни возвращения австрийцев. Вышедшая анонимно в последние дни прусской оккупации Чехии, брошюра в тысячах экземпляров распространялась в Праге и провинции, однако большого воздействия на чешское население она не имела. В частности, позиция Фрича, прибывшего в Прагу вместе с прусскими войсками, не могла не вызвать недоверия. После ухода прусских войск брошюра была запрещена и изъята австрийскими властями.

В обстановке глубокого кризиса, переживавшегося австрийской империей в связи с поражением в войне с Пруссией, оппозиционные настроения в Чешских землях усилились. С января 1867 г. группа журналистов во главе с Й. Бараком начала издавать в Праге радикальный журнал «Свобода», который в отличие от левых либералов (Сладковский и др.) считал нужным «открыто обратиться к народу с призывом вести борьбу за освобождение»⁴⁵.

Журнал стал выходить в период нарастания массового движения в Чешских землях, вызванного ухудшением экономического положения в стране, а также перестройкой монархии на дуалистической основе. На страницах «Свободы» находили освещение не только национальные проблемы, но и задачи завоевания политической свободы, критика католической иерархии, стремившейся держать народ в темноте и покорности. Неудивительно, что власти обвинили издателей и редакторов в нарушении общественного порядка, вынудив их приостановить издание. Но журнал продолжал выходить под названием «Правда»⁴⁶.

Важным этапом деятельности чешских радикалов стало их участие в массовом национально-политическом движении конца 60-х — начала 70-х годов. Именно они являлись организаторами многих «таборов» и авторами принимаемых на них резолюций. Вместе с тем чешские радикалы так и не сумели создать единой демократической партии, оставшись группой представителей

мелкобуржуазного радикализма. Они оказались не в состоянии полностью отмежеваться от леволиберального крыла Национальной партии — младочехов.

Народные массы в политической борьбе. Таборы

Конец 60-х — начало 70-х годов XIX в. — время подъема массового национально-политического движения в Чешских землях. Этую борьбу возглавила чешская буржуазия, прежде всего ее либерально-демократическое крыло. Образование в 1867 г. Австро-Венгрии означало крушение планов чешской буржуазии и ее надежд на федерализацию монархии.

Правительство австрийской части двуединой монархии проводило политику в интересах австронемецкой буржуазии. Она проявилась как в росте налогов, так и в усилении централизаторских и германизаторских устремлений. Все это создало обстановку крайнего недовольства широких слоев трудового народа — городских мелких производителей, крестьян, рабочих, а также интеллигенции, для которой дуализм означал усиление национальной дискrimинации. Чешские буржуазные лидеры использовали это возмущение масс народа.

Усилившаяся экономически чешская буржуазия не оставила своих претензий на равноправное положение с австронемецкой буржуазией теперь уже в австрийской части монархии. Буржуазные политические деятели Чехии и Моравии выступили с открытой критикой политики австрийских властей. В знак протesta против австро-венгерского соглашения чешские депутаты сеймов Чехии, Моравии и Силезии покинули сеймы в Праге и Брно. Буржуазная пресса писала в то время о «неизлечимой ране», которую нанес дуализм интересам чешской нации, упрекала австрийские власти в неблагодарности по отношению к чехам и их политическим лидерам, проявившим лояльность по отношению к монархии во время австро-пруссской войны 1866 г.⁴⁷ Лидеры буржуазии указывали на опасность пангерманских тенденций, сравнивая перестройку монархии с крестовым походом против славян⁴⁸.

Добиваясь чешско-немецкого урегулирования в рамках Австро-Венгрии, лидеры чешской буржуазии и консервативного богемского дворянства выдвинули в качестве основного требования признание за землями чешской короны особого государственно-правового положения. Старочехи и младочехи продолжали доказывать равенство прав чешской короны св. Вацлава и венгерской короны св. Стефана, подчеркивая право чешской нации наравне с венгерской на суверенное существование в рамках монархии⁴⁹. При этом лидеры чешской буржуазии обосновывали необходимость нерасторжимого единства Чехии, Моравии и австрийской части Силезии. В декларации чешских депутатов (август 1868 г.) говорилось, что задача чехов состоит в том, чтобы «сохранить Австро-Венгрию и себя в Австро-Венгрии». «Историческое право» являлось одним из аргументов в борьбе за национальное равноправие, за суверенитет нации теперь уже в рамках Австро-Венгрии (Цислейтании).

Для оказания давления на правящие круги монархии чешские буржуазные политики стремились заручиться поддержкой широких масс. Усиленно вовлекая их в политику, буржуазия представляла национальное движение как борьбу «единой» нации за национальные права. Но различные классы и социальные слои понимали лозунг чешского государственного права по-своему. Так, крестьяне, ремесленники, рабочие, демократическая интеллигенция выступали за демократизацию политического строя против непосильных налогов. «Историческое» же дворянство мечтало о спасении своих социально-политических позиций. Оно, как и ранее, оставалось главным союзником чешской буржуазии. Недовольное усилением политики централизма «историческое» дворянство вносило в национальное движение конца 60-х — начала 70-х годов элемент консерватизма, препятствовало углублению его социальной направленности. В Моравии союзником чешской буржуазии выступала и католическая церковь.

Чешские буржуазные политики организовывали антиправительственные и антинемецкие манифестации, приурочивая их к памятным датам или связывая с некоторыми важными для чешской нации событиями: перевозкой чешских королевских регалий из Вены в Прагу в августе 1867 г., закладкой Национального театра в Праге в мае 1868 г. Чешское большинство населения Моравии и Силезии в этот период открыто заявило о поддержке чешской Национальной партии⁵⁰.

Манифестации национального характера весной и летом 1868 г., в отличие от предшествующих лет, все более приобретали характер антиправительственных выступлений, примером чего служили демонстрации в Чехии против приезда министра Гербста, а также отказ населения Праги участвовать в торжествах по случаю пребывания в городе императора Франца Иосифа.

Начиная с 1868 г. все большее распространение сначала в Чехии, а затем в Моравии и Силезии получают многотысячные собрания под открытым небом — народные таборы (лагери, митинги). Таборы созывались в местах, связанных с историей чешского народа, в знак протеста против австро-венгерского соглашения и политики централизма, проводимой властями Цислейтании.

Обращение к традициям гуситского движения, а также к революционным событиям 1848—1849 гг. способствовало росту национального самосознания чешского народа. При массовом стечении народа, в том числе жителей из Чехии, в июле 1868 г. в Констанце отмечалась очередная годовщина со дня смерти Яна Гуса, а в сентябре 1871 г. в самой Чехии — 500-летие со дня его рождения.

В ходе народных таборов, проходивших часто в памятных гуситских местах — у Липан, на горе Жижков, в Гусинце и др., — звучали имена Гуса и Жижки, Прокопа Великого как героев борьбы за освобождение народа. Обращение к гуситским традициям и восхваление вооруженной борьбы гуситов в XV в. находило живой отклик в народных массах. На таборах нередко подвергалась нападкам и католическая церковь. Имена Гуса и Жижки упоми-

нались также и на таборах в Моравии и Силезии, хотя в целом гуситская традиция не встретила здесь столь заметного отклика, как в Чехии, из-за сильных позиций католического духовенства.

Таборы 1868—1871 гг. явились кульминацией развития чешского национально-освободительного движения XIX в. Они показали, что в Чешских землях на борьбу против социального и национального гнета поднялись широкие слои нации: крестьяне, мелкая и средняя буржуазия города и деревни, рабочие, интеллигенция. Политическая активность массы чешского городского и сельского населения Чешских земель (в таборах в 1868—1871 гг. приняли участие около 1,5 млн человек)⁵¹ свидетельствовала о зрелости национального самосознания чешского народа, о том, что процесс формирования чешской нации к тому периоду достиг своей вершины.

Основным для таборов было требование объединения и широкой автономии Чешских земель, «чтобы было восстановлено», как говорилось в резолюции табора на горе Ржип, «наше историческое право, которое означает свободу, самостоятельность и независимость славного Чешского королевства». Это требование прозвучало более чем на 60 таборах. Оно было связано с требованиями расширения компетенции сеймов (право вотирования налогов), всеобщего избирательного права, ликвидации постоянной армии и др.

Для крестьянства первостепенное значение имела борьба против пережитков феодализма, роста налогов, за упрочение экономического положения, демократизацию избирательной системы и народного образования. Поэтому в резолюциях таборов, кроме национальных лозунгов, входивших в программу Национальной партии, важное место занимали требования крестьянства: об обеспечении кредита, увеличении числа ссудно-сберегательных касс, об ограничении дробления земельных участков, о внедрении новейших методов хозяйствования и др. Как видно из документов таборов, в них были прежде всего зафиксированы стремления зажиточных крестьян. Некоторые таборы в Моравии посвящались исключительно проблемам, волновавшим крестьян⁵².

В Чехии не отмечалось фактов участия в таборах представителей духовенства, которых отпугивало обращение таборов к гуситским антикатолическим традициям. В резолюциях отдельных таборов встречаются требования богослужения на чешском языке, связанные со стремлением населения видеть церковь национально чешской. В Силезии и Моравии значительная часть духовенства участвовала в национальном движении. Духовенство здесь находилось в оппозиции к австронемецким либералам, стоявшим тогда у власти, и поддерживало лозунги борьбы за широкую автономию Чешских земель. Участие в движении католического духовенства сказалось на характере требований, выдвигавшихся на таборах в этих землях. Они ограничивались в основном задачами расширения обучения на чешском языке в школах всех степеней, создания чешских культурных, хозяйственных и спортивных

объединений, введения чешского языка в учреждениях. Из требований политического характера наиболее распространенными были объединение земель чешской короны, расширение избирательных прав и свобода собраний. Влияние буржуазии и духовенства явилось одной из причин того, что на тaborах в Чехии, Моравии и Силезии не прозвучал голос беднейших слоев народа. Так, не был поставлен вопрос о земле, несмотря на то что, например, в Моравии ощущался острый земельный голод. В ряде случаев тaborы заявляли об отказе от уплаты налогов. Буржуазия стремилась использовать тaborы в своих экономических целях, например пропагандировала создание чешских акционерных промышленных обществ.

В резолюциях тaborов содержались требования увеличения числа чешских школ, создания чешских технических и агрономических училищ, библиотек, просветительных обществ, учреждения чешских высших учебных заведений в Праге и Брно, Чешской академии наук и искусств.

В национально-политическую борьбу конца 60-х — начала 70-х годов активно включился и пролетариат. Рабочие принимали участие как в манифестациях национального характера, так и в первых же народных тaborах весной и летом 1868 г. Поддерживая требования национального и демократического характера (национальное равноправие, всеобщее избирательное право и др.), рабочие отстаивали и свои классовые интересы, которые были четко сформулированы на состоявшихся в Чехии особых рабочих тaborах: сокращение рабочего времени, повышение зарплаты. На них впервые было твердо заявлено о необходимости предоставления рабочим политических (избирательных) прав, поскольку рабочие не считают чешских буржуа своими представителями⁵³. Раздавались и голоса против эксплуататоров, за создание рабочих организаций и разработку рабочего законодательства⁵⁴.

Обращение к острым социальным вопросам, боевой характер рабочих тaborов свидетельствовали о том, что пролетариат становился важной политической силой, хотя рабочее движение в это время еще было частью общедемократического движения. Массовое участие рабочих в тaborах послужило основой для последующего развития самостоятельного рабочего движения под социалистическими лозунгами. Бурно проходившие рабочие тaborы стали важным рубежом в освободительном движении Чешских земель. Осенью 1868 г. в страхе перед тaborами, организованными пролетариатом, власти, стремясь локализовать движение, ввели в Праге и ее окрестностях чрезвычайное положение.

Организаторами тaborов выступали многочисленные общества национального и культурного характера, которые находились в руках чешской буржуазии. В Чехии широкое участие в проведении тaborов приняли представители органов местного самоуправления, деятели общинных и окружных советов, в Моравии — сельские старосты и члены городских муниципалитетов⁵⁵. Важную роль в организации тaborов и вообще в формировании политического и национального сознания населения играла пресса.

Так, печать Моравии и Силезии, помещая корреспонденции о первых таборах в Чехии, где массовое движение началось весной 1868 г., привлекала внимание населения к происходившим в Чехии событиям, а газеты «Моравска орлице» и «Оломоуцке новини» призывали чешское население Моравии и Силезии следовать примеру Чехии⁵⁶.

Руководящую роль в организации манифестаций национального характера конца 60-х годов играли представители младочешского крыла Национальной партии (К. Сладковский, братья Гречески и др.), в том числе и буржуазно-демократические элементы. Среди организаторов таборов было много прогрессивных журналистов, известных своими радикально-демократическими воззрениями и контактами с рабочим движением (Й. Барак, Ф. Винклер, К. Сабина).

Обращение к революционным традициям гусицтва, а также к вооруженной борьбе пролетариата Праги в июньские дни 1848 г. было связано в первую очередь с деятельностью представителей буржуазной демократии. Так, в вышедшей в свет накануне движения таборов книге «Чехия», авторами которой были, в частности, Й. В. Фрич и К. Сабина, большое место отводилось героическим страницам чешской истории⁵⁷.

Представители младочехов участвовали в составлении резолюций, которые принимались на таборах. Они же провели под лозунгом борьбы против германизации торжества по случаю 500-летнего юбилея Я. Гуса. Действуя через политическо-просветительское общество «Славянская липа» и издавая воззвания к народу с призывом участвовать в массовых собраниях, младочехи стремились стать во главе движения таборов. «Славянская липа» вскоре была запрещена властями.

В агитации против налогов, которая в результате деятельности таборов приобрела широкие масштабы, принимали участие не только представители крестьян в органах местного самоуправления, но и левые младочехи (Э. Гречески), а также буржуазные демократы (К. Сабина, Й. В. Фрич). Сохранились свидетельства о том, что «таборитам» раздавались тексты брошюры Й. В. Фрича «Ни гроша налогов более...». Фактически это была кампания гражданского неповиновения.

Весной 1868 г. движением таборов были охвачены главным образом те области Чехии и отчасти Моравии, где большинство составляло крестьянство. Несколько позже к движению присоединились рабочие промышленных центров и их окрестностей, а также ремесленники и представители интеллигенции.

Участники таборов обычно формулировали свои требования в виде резолюций, содержание которых, как видно из сказанного, с самого начала движения свидетельствовало о тесном переплете национальных требований с общеполитическими и социальными.

Начальный этап движения таборов проходил в обстановке общего подъема демократического движения в Австро-Венгрии. Вслед за пролетариатом Вены, провозгласившим в апреле 1868 г.

начало борьбы за всеобщее избирательное право, в мае это же требование было повторено на многотысячном таборе (свыше 20 тыс. участников) на горе Ржип. Его резолюция требовала созвать на основе всеобщего избирательного права чешский сейм, который должен разработать конституцию, гарантирующую Чешскому королевству такую же свободу и независимость, какую имеет Венгрия⁵⁸.

Новым толчком к усилению национально-политической борьбы в Чешских землях послужила декларация чешских депутатов сейма от августа 1868 г. Декларация, в которой чешские буржуазные политики отказались признать австро-венгерское соглашение и декабрьскую конституцию 1867 г. и участвовать в работе рейхсрата, была подписана 81 депутатом. В ней содержались основные положения государственно-правовой программы Национальной партии. Поскольку в декларации содержался отказ признать дуализм, она была воспринята массами как антиавстрийская и способствовала подъему движения тaborов в Чехии, Моравии и Силезии.

Осенью 1868 г. центром массового народного движения стала Прага и ее окрестности, и власти опасались революционного взрыва. 4 октября 1868 г. во время многочисленного рабочего табора в Праге в районе Панкраца произошло столкновение рабочих с полицией и войсками. Именно после этих событий в Праге и близлежащих рабочих районах было объявлено чрезвычайное положение.

Австрийские власти обрушили на участников движения волну репрессий. Зачастую таборы не разрешались властями или разгонялись. При этом вновь и вновь происходили столкновения с полицией и войсками. Многие участники таборов были отданы под суд. В их число попали старосты, секретари и члены местных органов самоуправления. Обычным явлением стали репрессии против журналистов и прессы — конфискация газет, запрещение их издания, аресты, привлечение к суду редакторов, а также штрафы. С введением в Праге чрезвычайного положения было приостановлено действие закона о печати, собраниях, обществах. В эти дни в Праге не выходило ни одной чешской политической газеты.

Новый этап движения тaborов был отмечен широким участием в борьбе населения не только Чехии, но и Моравии и Силезии⁵⁹. Этот период связан со значительной активизацией деятельности младочехов. Одновременное проведение примерно 80 массовых таборов, намечавшееся на середину августа 1869 г., на которых ожидалось участие около 500 тыс. человек по всей Чехии, особенно встревожило власти. Вот как описывал события 1869 г. в Праге чешский прогрессивный журналист и писатель Якуб Арбес: «Вскоре положение настолько обострилось, что мы тогда поистине были на пороге революции. Достаточно было одного единственного воззвания какого-либо пользующегося всеобщим доверием политика — и в следующую ночь в Праге были бы воздвигнуты бар-

рикады более прочные и в большем количестве, чем это было в 1848 г. Но до этого дело не дошло...»⁶⁰

После лета 1869 г. в Чехии происходит спад массового движения. Но в Моравии на этом этапе усиливается движение, отличавшееся, однако, умеренностью требований, носивших по преимуществу экономический и просветительский характер. В национальном движении в Моравии конца 60-х—начала 70-х годов были отмечены два основных этапа: 1869 г. и 1871 г. При этом кульминация движения, организатором которого стали моравские младочехи, приходится на начало 70-х годов (в 1869 г. в Моравии было созвано 162 табора, в 1871 г. — 263).

Славянское население австрийской Силезии — чехи и поляки — участвовало в движении тaborов, но их количество в небольшой Силезии было значительно меньше, чем в Чехии и Моравии. Кульминация движения под дозунгами чешской Национальной партии приходится здесь на 1869 г., когда состоялось 17 тaborов⁶¹. На одном из многолюдных тaborов участвовало 15 тыс. человек, главным образом чехов. Польское население Тешинской области, участвовавшее в движении тaborов наряду с чехами, протестовало против германизаторской политики, проводимой немецкой буржуазией, дворянством и чиновниками, требовало урегулирования чешско-немецких отношений. По сравнению с Чехией выдвигавшиеся на тaborах в Силезии требования отличались более умеренным характером и сводились главным образом к отстаиванию национальных прав славянского населения⁶².

Прозвучавший на многих тaborах в Чехии лозунг всеобщего избирательного права имел важное социальное значение, ибо большинство трудящихся Чешских земель (малоземельные и безземельные крестьяне, ремесленники, фабричные рабочие) было лишено права участия в выборах. В Моравии требование всеобщего избирательного права было выдвинуто лишь в 1871 г. (особенно на рабочих тaborах в Брно). Буржуазные политики Моравии стремились подменить этот лозунг требованием введения «справедливого» избирательного закона. Но в 1872 г. лозунг всеобщего избирательного права появился и в программе тaborов, проводившихся под руководством буржуазных деятелей Моравии⁶³.

В ходе движения тaborов отношения между двумя группировками чешской буржуазии (младочехами и старочехами) в Национальной партии все больше обострялись. Как те, так и другие пытались направить национальное движение в нужное им русло. Старочехи стремились использовать акции национального характера как демонстрацию единства чешского народа, в поддержку деклараций 1868 г. Они помогали проведению тaborов в начальный период движения и неустанно подчеркивали необходимость соблюдения законности. Старочехи участвовали в составлении резолюций некоторых тaborов. Эти резолюции противопоставлялись резолюциям младочехов, что свидетельствовало о соперничестве

между двумя течениями. Направляя таборы в русло национальной борьбы, и старочехи и младочехи демонстрировали лояльность по отношению к монархии, обычным явлением было провозглашение здравицы в честь императора.

Вовлечение в национально-политическую борьбу широких масс и выход движения из-под контроля консервативных буржуазных лидеров оттолкнули старочехов от таборов. Поскольку их призывы к участникам таборов соблюдать законность не действовали, лидеры старочехов Палацкий и Ригер выступили с упреками в адрес этого движения. Особенно резко Палацкий и Ригер осуждали рабочих, участвовавших в бурных выступлениях в июне—июле 1869 г. в ряде городов Моравии (Брюнн, Моравская Острава и др.). Уже осенью 1868 г. лидеры консервативного течения чешской буржуазии приступили к закулисным переговорам с правительством.

Младочехи на начальном этапе движения старались вовлечь в него широкие массы, рассматривая таборы как средство воздействия на правительство. Однако и они в большинстве своем опасались перерастания борьбы за национальные права в социальное движение⁶⁴.

После отхода старочехов от народного движения младочехи продолжали участвовать в проведении таборов, стараясь сохранить в нем руководящие позиции. Они рассредоточили своих сторонников в общественно-политических организациях: сначала в «Славянской лиге» (1869 г.), а затем в «Чешском демократическом союзе» (1870 г.). Эти действия предшествовали выделению младочешского крыла из Национальной партии. Свое влияние на массы в период таборов левые младочехи осуществляли при помощи находившихся под их влиянием многочисленных рабочих «бесед», нередко выступавших в качестве инициаторов созыва рабочих таборов⁶⁵.

В Моравии деятельность младочехов отличалась нерешительностью. Их опасения в связи с разраставшимся народным движением в Чехии были одной из причин того, что движение в Моравии развивалось медленно.

Чешские буржуазные политики старались удержать массовое движение конца 60-х—начала 70-х годов в национальных рамках, сгладить классовые противоречия, отвлечь массы от выдвижения социальных требований. И старочехи, и младочехи подчеркивали исключительно национальный характер происходивших в Чешских землях событий и призывали каждого сделать все возможное для блага нации. Старочехи и их лидер Палацкий вновь и вновь внушали народу, что чехи окружены со всех сторон врагами и должны поэтому представлять собой «одно тело, одну душу»⁶⁶. Младочехи, пользовавшиеся в то время значительным влиянием на крестьян и рабочих, призывали рабочих поддерживать политику «сплочения чешского народа в единое целое»⁶⁷.

В некоторых таборах наряду с чехами участвовали и немцы. Совместное участие чехов и немцев в движении было обычным яв-

лением для областей со смешанным населением (Моравия, Силезия, приграничные районы Чехии). В речах и резолюциях, которые составлялись организаторами тaborов на чешском и немецком языках, содержался призыв к чешско-немецкому примирению, находивший отклик у трудящихся обеих национальностей.⁶⁸

Присутствие на тaborах немцев, в первую очередь трудящихся, было связано с постановкой на них злободневных общеполитических и социальных вопросов. Так, массовое участие в тaborах немецких крестьян было вызвано обсуждением вопросов о непосильных налогах, недемократической избирательной системе и др. Выступая на таких тaborах, некоторые буржуазные чешские деятели утверждали даже, что чехи и немцы — это единый народ, говорящий на чешском и немецком языках. Они говорили о миролюбивом отношении чехов к своим соотечественникам немцам. Представители левого крыла младочехов предостерегали население от вражды между чехами и немцами и призывали немецкое население Чешских земель признать необходимость действительного равноправия. Их призывы, однако, не находили отклика в лагере немецкой буржуазии.

В необходимости «братского союза» чехов и немцев, являвшегося гарантией существования Чешского государства, был убежден и буржуазный радикал Й. В. Фрич. Но по мере роста рабочего движения, а также совместных действий трудящихся чехов и немцев чешская буржуазия и ее младочешские деятели все более настойчиво проповедовали тезис о «гармонии» интересов рабочего класса и национальной буржуазии и, насаждая в его среде национализм, стремились отделить чешских рабочих от немецких.

На тaborах звучали и явно националистические голоса, что объяснялось наличием сильного чешско-немецкого антагонизма. В Силезии немецкий национализм отличался особенно агрессивным характером, были сильны антиславянские настроения, проявлявшиеся, в частности, в противодействии требованиям о равноправии чешского и польского языков с немецким. Наряду с выступлениями в поддержку единства земель чешской короны в Силезии было немало противников чешского государственного права и его «исторической» аргументации. Сейм Силезии, в котором большинство составляли немцы, резко выступил против программы автономии земель, которую выдвигали идеологи чешского освободительного движения, а также против вхождения Силезии в состав земель чешской короны⁶⁹.

Разжиганию националистических настроений способствовали и австрийские власти. Наряду с политикой репрессий в отношении национально-демократического движения власти поддерживали так называемый моравский сепаратизм, представителем которого в Моравии была в первую очередь наиболее консервативная часть буржуазии и клерикалы.

Национально-политическая борьба конца 60-х—начала 70-х годов XIX в. в Чешских землях, одной из основных форм которой

были массовые таборы 1868—1872 годов, не привела к конкретным политическим результатам и не изменила положение чешского народа в Австрийском государстве. Как показало развитие событий в этот период, буржуазии были чужды интересы трудящихся масс, включившихся в национальную борьбу и внесших в нее элементы демократизма.

Ход национально-политической борьбы показал также, что уже в тот период чешская буржуазия и ее политические руководители не были подлинными выразителями интересов огромного большинства чешской нации. Из-за страха перед возможным революционным исходом движения буржуазные политики были не в состоянии опереться на растущее недовольство народных масс.

Начавшись как движение, в котором активно участвовали массы городского и сельского населения, национально-политическая борьба конца 60-х—начала 70-х годов выявила глубокую дифференциацию в чешском обществе, в основе которой лежали интересы основных классов тогдашнего буржуазного общества: буржуазии, пролетариата и крестьянства. Вместе с тем таборы — как общенациональное движение — стали одним из ярких свидетельств процесса консолидации чешской нации.

Глава пятая

СТАНОВЛЕНИЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ



В начале 70-х годов XIX в. в Чешских землях в основном завершается формирование фабрично-заводского рабочего класса, а рабочее движение становится самостоятельной силой. Социальным последствием промышленного переворота и аграрных преобразований после 1848—1849 гг. был количественный рост наемных рабочих. По официальным данным в 1869 г. в Чешских землях насчитывалось 3267 тысяч наемных работников — приблизительно четверть населения¹. Из них 1843 тыс. были заняты в земледелии и лесном хозяйстве и около 1019 тыс. — в промышленности².

Наряду с численным ростом лиц наемного труда для развития рабочего движения играли роль изменения в структуре промышленных рабочих. 50—60-е годы эта структура носила переходный характер, отражая еще не вполне завершившийся процесс формирования пролетариата. Но по сравнению с первой половиной XIX в. были очевидны важные перемены. До 1848—1849 гг. наиболее распространенные категории составляли рабочие рассеянных и централизованных мануфактур, подмастерья-ремесленники и поденщики. В 50-х — начале 70-х годов значительно увеличивается число фабричных рабочих. Сосредоточение рабочих на крупных предприятиях создавало условия для роста их классового самосознания, организованности и борьбы против эксплуатации. Вместе с тем к началу 70-х годов почти полностью исчезла категория рабочих-надомников.

К моменту завершения промышленного переворота квалифицированные мануфактурные рабочие растворились среди фабричных рабочих, куда они принесли традиции создания рабочих организаций и борьбы. Важные изменения происходят и в отраслевой структуре пролетариата: оформляются в особые категории, со своими специфическими условиями труда и жизненными потребностями текстильщики, строители, горняки, металлурги, машиностроители и т. п.

В связи с этим отдельные категории рабочих по-разному реагировали на изменения условий жизни. Разным был и уровень их классового сознания. Наиболее развитыми в этом отношении были квалифицированные рабочие, имевшие традиции создания организаций и борьбы (набойщики тканей, печатники, шляпники и др.) и отличавшиеся более высоким культурным уровнем (типографы). Из их среды выделяются первые организаторы рабочего движения³.

Характер рабочего движения в Чешских землях определялся развитием фабричного пролетариата. Но в 50—60-е годы XIX в. он еще не был той силой, которая играла бы роль авангарда для других категорий рабочих. Дело в том, что большинство фабричных рабочих приходило из деревни и должно было пройти определенное время, прежде чем фабричные рабочие могли стать передовым отрядом рабочего класса. Это произошло в конце 60-х — начале 70-х годов вместе с проникновением в Чешские земли принципов научного социализма.

На развитии рабочего движения сказывался также неоднородный национальный состав пролетариата. Так, в Праге и центральных районах Чехии, где в 50—60-е годы сосредоточиваются металлургия, добыча угля и машиностроение, преобладали рабочие-чехи. В Либерецкой области — центре текстильной промышленности — большинство составляли немцы. В промышленных областях Моравии — Брненской и Остравской — состав рабочего класса был смешанным. Это обстоятельство проявлялось в развитии рабочего движения в его основных центрах — Праге, Либереце и Брно — и отражалось на развитии классовой солидарности чешских и немецких рабочих.

В рабочем движении в Чешских землях в 50-е — начале 70-х годов выделяются два периода, рубежом между которыми был 1867 год, когда завершились буржуазно-конституционные преобразования, создавшие более благоприятные условия для организации рабочего класса.

Второй период завершается возникновением социал-демократической рабочей партии Австрии (1874 г.), в состав которой вошли и передовые рабочие Чешских земель.

Развитие рабочего движения в первый период происходило в трудных условиях, явившихся следствием не только сохранения национального гнета и остатков феодализма и абсолютизма, но и размаха промышленного переворота, который охватывал одну отрасль за другой и увеличивал число рабочих, подвергавшихся не ограниченной никакими законами эксплуатации⁴.

Ответом рабочих на жесточайший гнет стали стихийные беспорядки, голодные бунты в 1851—1853 гг. в Остравском крае, Либереце, Аше, Бубенче и других местах. Правительство жестоко подавляло их. Рабочие боролись против снижения заработной платы, увольнений, вычетов и штрафов.

Важнейшим средством борьбы являлись стачки. И хотя это были преимущественно небольшие выступления, возглавляемые активными одиночками, их количество возрастало. Стачечное движение 50-х годов — важное социальное явление, положившее начало массовому рабочему движению. Австрийские власти в 1852 г. подтвердили закон 1803 г. о том, что участие в стачках является уголовным преступлением⁵. Более зрелые формы движения появляются с начала 60-х годов и связаны с ростом числа разных рабочих объединений.

Стачечное движение в 50-х — первой половине 60-х годов развивалось неравномерно. Наибольшее количество стачек приходилось на период до 1858 г. и на 1863, 1866—1867 гг. Наиболее активное участие в стачках 50-х годов принимали не фабричные рабочие, а переходные группы, среди которых выделялись бывшие квалифицированные рабочие текстильных мануфактур, а также подмастерья-ремесленники (перчаточники, шляпники и др.). Опираясь на корпоративные организации — «братьства» и традиции забастовок 40-х годов, они вначале пытались сохранить свое привилегированное положение. Однако, все более включаясь в фабричное производство, они уже не выступали против машин или применения труда работниц, а, как и другие категории рабочих, выдвигали требования повышения заработной платы, улучшения условий труда и быта, выступали против штрафов и вычетов. Самым массовым в 50—60-е годы было стачечное движение сезонных и временных рабочих на строительстве железных дорог, а также шахтеров, занятых на мелких шахтах.

Подъем стачечного движения в Чешских землях в 1863, 1866—1867 гг. был связан уже с активным участием в нем фабричного пролетариата, хотя движение ремесленных подмастерьев не утратило своего значения. В движении тех лет участвовали текстильщики, типографы, строители железных дорог, шахтеры Моравии и Силезии. Наиболее интенсивно оно охватило североцешскую текстильную область (Либерецкий край), а также Брно, Прагу, Остравский бассейн. Организованный характер многих забастовок, их поддержка, хотя еще эпизодическая, рабочими других предприятий свидетельствуют о том, что рабочий класс становится действенной силой, хотя и выдвигает пока только экономические требования.

Одновременно и в связи со стачечным движением возникают рабочие организации различного типа. Первое место здесь принадлежит организациям взаимопомощи (больничные кассы, фабричные кассы, братские кассы горняков и т. д.). В 50-е годы они создавались почти всегда при участии владельцев, которым часто принадлежало решающее слово при распределении пособий и определении тех категорий рабочих, которые могли стать членами кассы. После издания Промышленного устава (1859 г.), предписывающего создание рабочих «касс по оказанию помощи», начинается упорная борьба рабочих за расширение числа их членов путем включения и низкооплачиваемых рабочих, за освобождение от опеки предпринимателей⁶. О распространении этого вида организаций в Чешских землях говорит то, что в середине 60-х годов только в округе Либерецкой торгово-промышленной палаты существовало 74 фабричные кассы⁷.

Новым этапом в развитии указанных первичных рабочих организаций стали попытки создать отраслевые объединения больничных касс и союзов, что вело к расширению их деятельности (участие в подготовке стачек и акций протesta против увольнений и штрафов, оказание помощи безработным). Власти считали такого

рода деятельность политически опасной, подчеркивая, что она соответствует программам заграничных социал-демократических организаций. Решительно возбранялась властями поддержка союзами безработных, так как в этом они усматривали действия, направленные против фабрикантов и в поддержку забастовщиков⁸. С начала 60-х годов союзы становятся базой для последующего создания профсоюзов.

В 50-е годы в Чешских землях существовали тайные организации ремесленных рабочих (перчаточники, шляпники, обувщики, портные), которые имели давние связи с подобными организациями в Германии, Франции и других странах. Например, члены международного «Братства подмастерьев-шляпников» имелись в Праге, Ческе-Будейвицах, Литомержицах, Крумлове, Пльзене, Писеке и во многих других городах габсбургской монархии. Хотя целью этих организаций было оказание помощи своим членам, они подвергались гонениям со стороны властей, подозревавших их в социал-демократической пропаганде и революционных намерениях⁹. Несмотря на то что в основе этих организаций лежали цеховые традиции, с переходом к фабричному производству они усиливают деятельность, направленную на борьбу за улучшение экономического положения рабочих. Таким образом, эти организации приобретали новые черты и внесли вклад в распространение среди рабочих духа интернациональной солидарности, а в последующем — в создание профсоюзов¹⁰.

В начале 60-х годов в обстановке оживления общественной жизни в Чешских землях рабочие организации постепенно приобретали черты профсоюзов¹¹. Одними из первых на этот путь встали типографы, являвшиеся наиболее передовым отрядом рабочего класса. В 1861 г. пражские типографы во главе с Ф. Лохом, Д. Слунечкой, А. Марешем выступили с требованием повышения заработной платы и создания центральной кассы для помощи заболевшим рабочим. В 1862 г. им удалось создать организацию под названием «Типография — касса по оказанию помощи заболевшим типографам». В ней было объединено большинство рабочих из более чем 30 имевшихся в Праге типографий (217 человек). В 1863 г. типографы стали издавать первый в Чешских землях профессиональный журнал «Велеславин», вышедший на чешском и немецком языках 2 раза в месяц тиражом 800 экземпляров. В 1865 г. возник политический просветительский союз «Типографицка беседа», насчитывавший в 1867 г. 130 членов. В 1870 г. «Типография» и «Типографицка беседа» объединились в союз профессионально-просветительского типа¹². В 1862 г. в Брно также был основан «Типографский просветительный и вспомогательный союз». В 1870 г. он был преобразован в профсоюз печатников Моравии¹³.

В 1862 г. машиностроители Праги попытались создать свой союз, в который они хотели привлечь и рабочих слесарных мастерских. За подобный союз высказалось 700 рабочих машиностроительных заводов Данека, Брайтфельда, Рустона и Рингхоффера

и многих мастерских. Был избран комитет во главе с рабочим Ф. Хаманном. И хотя власти не разрешили основать союз, само желание рабочих объединиться и избрание комитета свидетельствовали о многом. С 60-х годов пражские машиностроители становятся одним из передовых отрядов рабочего класса.

Элементы профессиональной организованности более высокого, чем раньше, типа утверждаются и в бывших организациях подмастерьев (шляпники, перчаточники) и мануфактурных рабочих (стекольщики, рабочие фарфоровых фабрик, текстильщики), превратившихся теперь в фабричных рабочих. Их организации приобретали классовый характер. Новым элементом в их деятельности являлось участие в экономической борьбе рабочих своей отрасли. Из числа членов этих объединений вышли организаторы социалистического движения, особенно в Либерецкой и Брненской областях¹⁴.

До 1867 г. стремления рабочих создавать отраслевые организации встречали упорное сопротивление властей. Последние шли на уступки только в том случае, если ведущая роль в них отводилась буржуазным деятелям или предпринимателям. Так, в 1867 г. на этих условиях было разрешено основать «Центральную кассу для поддержки машиностроительных рабочих»¹⁵. То же самое произошло в Либереце. Здесь инициатива создания союза исходила от рабочих-сукноделов, которые ранее входили в «братство сукноделов-подмастерьев», носившее еще в 50-е годы характер цеховой организации. В 1863 г. они попытались создать «Рабочий просветительский союз». Поскольку его возглавляли рабочие, то разрешения получено не было. Этим воспользовались немецкие либералы. Они сумели создать «Промышленный просветительский союз», в руководство которым тогда вошли рабочие (А. Фледль, В. Гросс, Ф. Каспер), но председателем стал либерал В. Херциг. И хотя «Промышленный союз» развернул просветительскую деятельность, создал вечернюю школу, организовывал выставки ремесленных изделий, выделял средства на посещение промышленных выставок за границей, в целом он стал проводником буржуазного влияния на рабочих, а немецкая буржуазия использовала его в политических целях¹⁶.

Поэтому популярность «Промышленного союза» среди рабочих падала, а в 1866 г. А. Фледль возглавил группу рабочих, выдвинувших задачу создать действительно рабочий союз. Либерецкий «Промышленный просветительский союз» послужил образцом для создания ряда подобных организаций в Северной Чехии, часто действовавших в сотрудничестве с фабрикантами. Рабочие-чехи в Либереце участвовали в «Чешской беседе» (1863 г.), в «Чешском потребительском и кредитном союзе» (1865 г.) и обществе взаимопомощи «Доброчин» (1866 г.), в которых также сильно было буржуазное влияние¹⁷.

Стихийные выступления, стачечное движение, стремление рабочих создавать свои организации привлекали внимание не только органов власти и церкви, но особенно чешской и немецкой либе-

ральной буржуазии. И если власти пытались прежде всего подавить рабочее движение, а церковь — подчинить его путем создания католических организаций, то либералы старались утвердить свое влияние в рабочих организациях, проповедуя национальное единство и вовлекая рабочих в национально-политическую борьбу на своей стороне.

Уже в 50-е годы католическая церковь в Австрии предпринимала усилия по созданию союзов подмастерьев, задачей которых было отвлекать рабочих от классовой борьбы, проповедуя христианское смиление. И хотя эти союзы не получили в 60-е годы большого распространения, они тормозили формирование подлинно пролетарских организаций. Гораздо более сильное влияние на рабочих в 60-е годы оказывало буржуазное национальное движение. Представители демократического течения чешской Национальной партии, бывшие радикальные демократы В. Вавра, К. Сладковский, а также Э. Грегр, Э. Сойка, Я. Неруда, Й. Барак и другие поддерживали контакты с рядом просветительских организаций рабочих и ремесленников. Так, Э. Грегр несколько лет был председателем союза «Типографицка беседа», В. Вавра и К. Сладковский составили устав «Ремесленной беседы» (1863 г.)¹⁸. Особенно сильно влияние чешской либеральной буржуазии и демократической интеллигенции ощущалось среди ремесленников и мелких производителей, которые участвовали в национально-патриотических акциях. Одной из них стала поездка 6 июля 1862 г. в годовщину сожжения Яна Гуса в Кунартицы, где было организовано торжественное шествие.

В начале 60-х годов значительное внимание рабочему вопросу начала уделять и чешская журналистика, особенно демократическая. В октябре 1864 г. в газете «Свобода» была опубликована статья «Голос рабочего», содержавшая информацию о рабочем движении в Германии, Бельгии, Италии и Америке, говорилось и о бедственном положении рабочих в Австрийской монархии. Автор призывал к просвещению рабочих, к созданию организаций, к политической и социальной свободе¹⁹. На поразительные успехи, которые среди чешских рабочих имела «демократическая фракция Национальной партии», указывало министерство полиции в Вене²⁰. В Брно влияние на чешских рабочих оказывал орган моравских либералов газета «Моравска орлице». В ней также публиковались статьи о рабочих, и особенно о плачевном положении ремесленников, подчеркивалось единство национальных интересов буржуазии и рабочих. Привлекая рабочих и ремесленников в культурно-просветительные, физкультурные и певческие организации, буржуазия направляла усилия на то, чтобы сделать их опорой своих политических акций.

Однако рост классового самосознания рабочих приводил их к убеждению в необходимости создания организаций, свободных от влияния буржуазии. Первыми организациями такого рода, положившими начало длительному пути выделения рабочего движения из национально-демократического, стали «Рабочие беседы»

промышленных районов Праги Смихова и Карлина в 1865—1867 гг. Они носили характер просветительско-вспомогательных союзов и объединяли в первую очередь фабричных рабочих. Уставы этих союзов предполагали участие в них также неквалифицированных рабочих и учеников. Создание подобного рода организаций свидетельствовало о новых явлениях в рабочем движении.

На развитие рабочих организаций в Чешских землях влияло международное рабочее движение. Для Австрии особенно важными были связи с рабочим движением в германских государствах и землях, особенно Рейнской области и Саксонии, где в начале 60-х годов возник сильный идеино-политический центр рабочего движения²¹. В основе его лежали идеи лассальянства. Агитация Ф. Лассаля развернулась в 1862—1864 гг. и была направлена против идей «самопомощи» и концепции «кооперативного социализма» Г. Шульце-Делича, служивших средством отвлечения рабочих от политической борьбы. Созданный Лассалем «Всеобщий рабочий союз», несмотря на ошибочность лассальянства как доктрины мелкобуржуазного социализма, имел огромное значение для создания самостоятельных политических организаций рабочего класса.

Влияние лассальянства в рабочем движении Чешских земель проявилось прежде всего в городе Аше и его округе — текстильном центре Западной Чехии. В конце 1863 г. рабочие-чулочники Аша заявили о своей поддержке программы Ф. Лассаля²². Во главе движения стоял рабочий Ш. Мартин, который подал в наместничество прошение 43 чулочников разрешить им присоединиться к Всеобщему рабочему союзу. И когда в просьбе было отказано, то к пражскому наместнику обратился сам Ф. Лассаль, который подчеркнул значение возглавляемого им движения для сохранения австрийских позиций в Германском Союзе. Хотя власти не разрешили создать союз, фактически в Аше существовал филиал «Всеобщего рабочего союза», куда входили ткачи и чулочники (от 43 до 55 членов); после смерти Лассаля он участвовал в выборах нового председателя союза.

В Аше получали 40—50 экземпляров лассальянского журнала «Социал-демократ», в котором печатались также и сообщения из Аша, написанные Ш. Мартином. Эта деятельность продолжалась до 1869 г. Ашский лассальянский союз, который в 1866 г. установил контакты с I Интернационалом, заложил основы рабочего движения в Западной Чехии. В других областях Чешских земель, за исключением, может быть, Либереца, влияние лассальянства не получило значительного распространения. Во второй половине 60—70-х годов лассальянские идеи проникают в Чешские земли (особенно Брно и Прагу) уже из Вены, привнося негативные моменты в программные установки социал-демократического движения.

К середине 60-х годов относятся первые сведения о контактах рабочего движения в Чешских землях с I Интернационалом. Влияние Интернационала распространялось на габсбургскую монархию

из Женевы, где возглавлявшаяся И. Ф. Беккером немецкая секция стала с 1865 г. центром для немецкоязычных членов Международного товарищества рабочих²³. В том же году венское министерство полиции уведомляло моравского наместника о поездке Беккера на конгресс в Лондон, где он намерен в своем выступлении уделить внимание Австрии, «чтобы там, особенно в крупных промышленных центрах, таких как Вена, Прага и Брно, завязать контакты и распространить деятельность союзов и революционных комитетов также и на Австрию»²⁴.

Известно, что один из членов лассальянского союза в Аше, Ш. Мартин, в 1865 г. установил связь с В. Либкнхетом, а в 1866 г. и с И. Ф. Беккером, которому послал письмо, где от имени своих товарищей сообщал о поддержке принципов Международного товарищества рабочих и германского «Всеобщего рабочего союза», просил принять их в члены Товарищества и прислать в Аш издававшийся И. Ф. Беккером журнал «Форботе». На Базельском конгрессе Интернационала Беккер назвал Аш в числе городов, где существует секция I Интернационала. Отдаленность Аша от ведущих центров рабочего движения в Чешских землях можно считать одной из причин, почему ранние связи ашских рабочих с Интернационалом не оказали заметного влияния на развитие рабочего движения до 1867 г.²⁵

Таким образом, в начальный период развития рабочего движения в Чешских землях не только развивалась стихийная стачечная борьба, но и закладывались организационные основы рабочего движения. Происходило приобщение рабочих к политической борьбе, пока еще под руководством чешской и немецкой буржуазии. А самое главное, укреплялось классовое самосознание пролетариата, развивалось его международное сотрудничество, в котором главная роль должна была принадлежать Международному товариществу рабочих.

Для последующего развития рабочего движения имели значение принятые в 1867 г. законы, провозгласившие право на собрания и союзы. Еще более существенным был «коалиционный закон» 1870 г., фактически узаконивший право рабочих на стачку и создание профсоюзов.

С завершением промышленного переворота эксплуатация рабочих приобрела более интенсивные формы; на фабриках и заводах вводилась посменная работа, поэтому рабочий день перестал превышать 12, а с начала 70-х годов кое-где и 11 часов, однако заработная плата, условия труда и быта, проблемы штрафов, производственных травм и заболеваний не претерпели существенных изменений. Таким образом, экономическая борьба рабочих оставалась весьма актуальной, и это находило отражение в стачечном движении, которое приобрело невиданные ранее масштабы. Самым ярким его проявлением стала стачка 1870 г. на текстильной фабрике И. Либига в Сварове около Либерца. Она началась 15 января в знак протеста против снижения на 10 % заработной платы и продолжалась в течение 10 недель.

К стачке присоединились рабочие других фабрик Либига в Либерецком округе. 31 марта мирное шествие рабочих, чехов и немцев, было расстреляно войсками. Шесть человек было убито и много ранено. Сваровская стачка получила широкий резонанс. В газете «Дельник» публиковались статьи об ужасающей эксплуатации рабочих на фабриках Либига. О симпатиях к забастовщикам заявили и младочехи, а представитель их демократического крыла Й. Барак опубликовал брошюру «Миллионер Либиг и новомодное рабство». Повсюду распространялась народная песня о событиях 1870 г. в Сварове, а в драме Ержабека «Слуга своего господина» сваровские события были положены в основу сюжета.

Сваровская стачка стала примером пролетарской солидарности чехов и немцев и показала рабочим не только все недуги капитализма, но и репрессивные функции власти, стоявшей на страже интересов капиталистов. Стачка нашла отклик во всей австрийской части монархии, явилась одним из важнейших событий, ускоривших принятие «коалиционного закона» 1870 г.

Наиболее важной чертой рабочего движения в Чешских землях во второй половине 60-х — начале 70-х годов стало распространение социалистических идей и создание самостоятельного политического рабочего движения. Это было связано с деятельностью I Интернационала и во многом являлось реализацией решений, принятых на его конгрессах.

Разумеется, развитие рабочего движения в Чешских землях происходило в тесной связи с австрийским рабочим движением. Большое значение имело создание в Вене 1 декабря 1867 г. первой социал-демократической организации — «Рабочего просветительского союза», в который вошли и проживавшие в Вене рабочие-чехи и среди них известный в последующем деятель рабочего движения Йозеф Гибеш. Вскоре союз стал центром социал-демократического движения во всей Австрии. В январе 1868 г. немецкая секция I Интернационала в Женеве опубликовала «Братское приветствие рабочим Вены и всей Австрии», которое нашло большой отклик среди рабочих и способствовало укреплению идей пролетарской солидарности. В принятом венским союзом на съезде в мае 1868 г. «Манифесте к трудящимся Австрии» были провозглашены программные принципы социал-демократии и заявлен протест против попыток буржуазии расколоть рабочий класс путем создания национальных организаций, которые легко могли бы подпасть под влияние буржуазии. Этот манифест свидетельствовал об интернационализме первых социал-демократов Австрии²⁶.

Влияние К. Маркса и руководимого им Интернационала проявилось в программном заявлении, сделанном на собрании членов венского союза в августе 1868 г. В нем говорилось, что «в отношениях между народами социал-демократия провозглашает право на самоопределение». Однако в последующей деятельности австрийские социал-демократы не поднимались выше деклараций о равных правах народов и их праве на самоопределение. Наоборот, укоренившиеся среди социал-демократов ошибочные взгляды о

том, что рабочее движение и национальные стремления несовместимы, привели к тому, что австрийская социал-демократия не стала активным фактором в национально-освободительной борьбе угнетенных народов.

В конце 60 — начале 70-х годов объективные предпосылки для возникновения самостоятельного рабочего движения возникли также и в Чешских землях, где выделяются три важнейших центра — Брно, Либерец и Прага. Брно — «австрийский Манчестер» — стал одним из его первых очагов. Вслед за волной стачек текстильщиков здесь возник первый «Рабочий просветительский и вспомогательный союз», образцом для которого послужил рабочий союз, созданный в 1867 г. в Вене. В союз вошли чешские и немецкие рабочие Брно, а его председателем был избран Теодор Навратил. В 1869 г. в Брно была создана секция I Интернационала, присоединившаяся к женевскому центру, возглавляемому И. Ф. Беккером²⁷.

В мае 1869 г. брненский союз издал «Обращение к моравским рабочим», в котором призывал их к интернациональной солидарности, к созданию рабочих союзов без различия национальности и к борьбе за всеобщее избирательное право и сокращение рабочего дня²⁸. Союз завоевал доверие рабочих, которые стали считать его единственной силой, способной возглавить их борьбу. Он организовал в июне 1869 г. забастовку брненских текстильщиков, охватившую 21 фабрику и закончившуюся победой рабочих, которые добились повышения заработной платы. Это послужило одним из поводов для его запрещения.

Центр Моравии Брно явился одним из главных очагов социалистического движения Австро-Венгрии. При национально-смешанном составе рабочего класса характерной чертой этого движения был интернационализм, солидарность рабочих чехов и немцев. Проявлением пролетарского интернационализма стало и издание в июне 1869 г. первого печатного органа брненских рабочих «Арбайтерцайтунг» — «Дельнице новини» («Рабочая газета»), выходившего на немецком и чешском языках.

Огромный отклик в рабочем движении не только Австрии, но и за границей, нашли сообщения о «кровавом вторнике в Брно» — такое название получили спровоцированные буржуазией столкновения рабочих с полицией и войсками на улицах Брно 12—13 июля 1869 г., во время которых было убито четыре человека и много ранено. По официальным данным, в событиях участвовало от 6 до 10 тыс. рабочих. События «кровавого вторника» описал в романе «Кандидаты на существование» чешский писатель Я. Арбес.

Рабочие Праги, Либереца, Пешты, Вены и других городов заявили о солидарности с борьбой брненских товарищей, а венский «Рабочий просветительский союз» опубликовал 15 июля 1869 г. обращение «К рабочим Брно», которое было напечатано также в органе германской социал-демократии «Демократише Воехенблатт» в Лейпциге. В отчетном докладе Генсовета IV конгрессу Интернационала в Базеле (1868 г.) К. Маркс отметил, что вина

за происшедшее в Брно была приписана властями «тайному подстрекательству Интернационала»²⁹. И. Ф. Беккер среди 38 мест в Швейцарии, Германии и Австро-Венгрии, где имелись секции Интернационала, назвал Брно и Аш³⁰.

В октябре 1869 г. в Брно был создан новый рабочий союз «Свирност» («Айнтрахт»), который снова возглавил Т. Навратил. Как и прежний, он поддерживал контакты с социал-демократическим движением в Вене и других городах монархии. В письмах из Брно, которые печатались в венской социал-демократической «Фольксштимме», говорилось, что «рабочие больше, чем когда-либо, полны решимости защищать принципы социал-демократии³¹. Наряду с делегатами от рабочих Вены и Винер-Нойштадта на Эйзенахском съезде германской социал-демократической партии присутствовал и представитель из Брно. Уже в 1869 г. рабочее движение в Брно сделали шаги по пути развития политического рабочего движения на принципах международной социал-демократии.

Другим центром рабочего движения в Чешских землях, куда в конце 60-х годов проникают социалистические идеи, стал Либерец. Один из ведущих деятелей рабочего движения второй половины XIX в., Л. Запотоцкий, назвал его «колыбелью рабочего движения в Чехии»³². В Либереце с самого начала утвердилось влияние социал-демократического течения А. Бебеля и В. Либкнхекта. Главным пропагандистом социал-демократических идей стал Йозеф Крош, ткач-подмастерье, который во время работы в Германии познакомился с германским рабочим движением, а с А. Бебелем и В. Либкнхектом поддерживал личные контакты. Й. Крош стал членом I Интернационала, посыпал сообщения о рабочем движении в Либереце в лейпцигскую и венскую рабочую печать³³. Возвратившись в Чехию, Крош в 1868 г. создал в находившемся под влиянием немецких либералов «Промышленном просветительском союзе» оппозиционный «агитационный комитет», который фактически являлся одной из первых в Чехии социал-демократических организаций. В 1869 г. несколько десятков либерецких рабочих вышло из этого союза и основало «Всебицкий рабочий союз», который возглавил Й. Крош. Союз заявил о поддержке принципов революционной социал-демократии, приветствовал Эйзенахский съезд и Базельский конгресс I Интернационала, где чешские секции представлял Л. Ноймайер.

Социалистическое движение Либереца, в котором преобладали рабочие-немцы, было связано с рабочим движением всех Чешских земель, способствуя его освобождению от влияния чешской буржуазии. 10 мая 1870 г. похороны Й. Кроша, умершего от туберкулеза в пражской тюрьме, явились демонстрацией интернационального союза чешских и немецких рабочих.

Более сложными оказались пути становления социалистического рабочего движения в Праге, где значительная часть рабочих, преимущественно чехов, была занята в мелком производстве. На развитие здесь рабочего движения влияло то, что Прага являлась

центром буржуазно-демократического и национального движения (таборы), в котором участвовали и рабочие. Распространению социалистических идей среди пражских рабочих способствовал также высокий накал стачечного движения, причем около трети стачек, произошедших в Чехии в 1868—1872 гг., приходилось на Прагу (свыше 100)³⁴.

В отличие от Либереца и Брно, где среди рабочих было распространено лассальянство, в Праге популярными стали идеи «самопомощи» в духе Шульце-Делича, которые пропагандировал старочех Ф. Л. Хлеборад. В издаваемом с декабря 1867 г. первом рабочем органе «Дельник» («Рабочий») Хлеборад призывал чешских рабочих создавать потребительские и производственные союзы, кооперативы, усматривая в примирении труда и капитала и «возвышении» рабочих до капиталистов единственное средство решения «социального вопроса». Весной 1868 г. был создан союз «Оул» («Улей»), ставший образцом для подобных объединений в других городах³⁵. В них входили рабочие и мелкие предприниматели-чехи. Почетными членами «Оула» стали Ф. Палацкий, Ф. Л. Ригер и другие деятели, которые стремились удержать развивающееся рабочее движение под влиянием чешской буржуазии.

В Праге центрами отпора Хлебораду являлись рабочие «беседы» (клубы), влияние которых, как доносила полиция, охватывало 26 тыс. рабочих³⁶. В самом «Оуле» оппозицию Хлебораду возглавил Ян Баворский, который пользовался среди рабочих большой популярностью как организатор стачечного движения. В 1869 г. в Праге было проведено 11 крупных стачек, среди них всеобщие стачки печатников и портных³⁷. Полиция считала Баворского «агентом Интернационала», он был деятелем тред-юнионистского типа, много сделавшим для профсоюзного движения (только в Праге в 1870 г. насчитывалось свыше 40 профсоюзов)³⁸. Баворский полагал, что рабочие могут участвовать в национально-политической борьбе под руководством младочехов.

Он выступал за объединение всех рабочих организаций. В марте 1870 г. был создан комитет для руководства рабочим движением в Чехии. Одной из его задач являлось установление связи с рабочими союзами Парижа, Берлина, Лондона и Брюсселя в целях оказания взаимной материальной помощи в случае забастовок³⁹. После распуска комитета властями центром рабочего движения стала пражская «Малостранская беседа». Еще в 1869 г. группа ее членов во главе с И. Б. Пецкой начала пропагандировать социалистические идеи и выступила за самостоятельное, независимое от либералов, участие рабочих в политической борьбе. 12 ноября 1869 г. в «Дельнике» была опубликована статья И. Б. Пецки «Свобода, равенство, братство», излагавшая социал-демократические идеи. В начале 1870 г. пражские социалисты установили связь с социал-демократами Брно, Либереца и Вены.

Поскольку в 1869 г. власти объявили социал-демократию опасной для государства и запретили социал-демократические рабочие союзы в Австро-Венгрии, 14 сентября 1869 г. в Братиславе была

созвана нелегальная конференция в целях объединения социал-демократов Австро-Венгрии на принципах Эйзенахской программы. Присутствовало 43 человека, среди которых были представители Германии и западноевропейских стран⁴⁰. Из Чешских земель на конференции были делегаты рабочих Брно, Либереца и Опавы. Участие социалистов Чешских земель в важнейших событиях австро-венгерского и международного социалистического движения конца 60-х годов имело большое позитивное значение.

Важнейшим рубежом в становлении социалистического движения стала Парижская Коммуна. Рабочие организации Праги заявили о безоговорочной поддержке борьбы парижского пролетариата. Как вспоминал И. Б. Пецка, когда до Праги дошли известия о Парижской Коммуне, они вызвали у членов старой гвардии в «Малостранской беседе» огромное воодушевление. В помещении «беседы» было развернуто красное знамя, все пели песни о свободе и произносили речи, в которых давали клятву верности в борьбе за освобождение трудового народа⁴¹. В «Дельнике» Пецка выступил со статьей «Парижское восстание», восхвалявшей Коммуну и подчеркивавшей роль революции в развитии общества. В Чешских землях усилились антиправительственные выступления, возросло число забастовок в знак солидарности с Коммуной, проводились собрания. Коммуна способствовала росту влияния социалистических идей, преодолению лассальянства и теорий «самопомощи». В конце 1871 г. Пецка уже являлся главой социалистической группы. Газета «Дельницке листы» в сентябре 1872 г. «прочно встала на платформу социал-демократического течения»⁴².

Первые чешские социалисты — И. Б. Пецка, Л. Запотоцкий и др. — приняли участие в создании общеавстрийской социал-демократической партии на съезде в Нойдорфле в 1874 г. К. Маркс писал в связи с этим событием об австрийских социалистах: «... Они добились большого успеха, — а именно побудили славянских рабочих в Праге и других местах действовать совместно с немецкими рабочими. В последние годы пребывания Генерального Совета в Лондоне я тщетно пытался добиться такого взаимопонимания»⁴³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование завершается началом 70-х годов XIX в. Для выбора такого хронологического рубежа имеются веские причины. Вывод о том, что процесс формирования чешской нации в основном завершается именно в это время, опирается на анализ многообразного материала. Чешские земли сплотились в экономическом отношении на капиталистической основе (фабричное производство, рынок), хотя Чехия, Моравия и австрийская часть Силезии были тесно связаны с общеимперским рынком и чешская буржуазия была заинтересована в его укреплении. Сплочение Чешских земель в экономическом отношении представляет дополнительный аргумент в пользу тезиса о зрелости чешской нации, так как в принципе для неравноправных наций, развивавшихся в условиях общегосударственного, полигэтнического рынка, решающим фактором являлся не развитой национальный рынок, а зрелость социальной структуры народа (этносоциальной структуры буржуазного общества).

И в этом отношении период 1850 г. — начала 70-х годов XIX в. ознаменовался сдвигами решающего значения. Как показано в книге, в это время — в условиях промышленного переворота и усиленной урбанизации — достигла значительной силы чешская торгово-промышленная буржуазия, которая в целом по своей мощи еще уступала немецким капиталистам, но в некоторых отраслях заняла преобладающие позиции. Тогда же сформировался чешский фабрично-заводской рабочий класс.

О капиталистических отношениях в деревне, несмотря на пережитки феодализма, свидетельствовало распространение товарного земледелия и животноводства, а также наличие аграрной, в том числе мелкой и средней, буржуазии и чрезвычайно многочисленного сельского пролетариата и полупролетариата. Учитывая то, что у чехов имелась развитая интеллигенция, можно считать, что в 70-х годах XIX в. чешская нация обрела достаточную полноту своей этносоциальной структуры.

Эта ситуация обусловила интенсивное развитие системы чешской культуры (использовавшей, в частности, богатое наследие культуры чешского народа XV—XVI веков), подъем самосознания масс народа и в конечном счете — торжество национального самосознания над самосознанием областническим, локальным, т. е. консолидацию чешской буржуазной нации.

Руководящая роль чешской буржуазии в национально-политическом движении, а также подъем социально-политической активности трудящихся масс, прежде всего рабочих (таборы, создание профсоюзов, возникновение рабочей печати и пропаганда в ней социалистических идей, подготовка к созданию социал-демократической партии), свидетельствовали о политической зрелости основных классов буржуазного общества и об углублении их политического противоборства. Рабочий класс Чешских земель, состоявший преимущественно из чехов и немцев, противостоял как немецкой, так и чешской буржуазии.

Важным идеологическим средством буржуазии обеих наций в ее стремлении обеспечить свое ведущее положение в Чешских землях, достичь своих классовых целей являлся национализм. Сознательные рабочие — чехи и немцы — противопоставили ему интернационалистские принципы. С этого времени значение прогрессивного содержания в национализме угнетенной нации резко упало, хотя и не исчезло совсем. Чешская буржуазия всегда была готова пойти на соглашение со своим немецким соперником и с габсбургской монархией, в которой видела защитника. Буржуазия не поддерживала идею национального суверенного государства, отстаивая программу «исторического права» земель чешской короны в рамках державы Габсбургов. Не в последнюю очередь это было связано и с тем, что австрийские власти своей таможенной политикой и путем экономической и политической экспансии на Балканы удовлетворяли интересы чешского капитала. В связи с этим характерно извращенное толкование чешской буржуазией популярных в массе чешского народа идей славянской взаимопомощи. Чешский народ, в частности во время Восточного кризиса 1875—1878 гг., сочувствовал и в меру возможности оказывал помощь национально-освободительной борьбе балканских славян против османского ига. Буржуазия же, подчеркивая свою солидарность со «славянскими братьями», поддержала габсбургскую экспансию — оккупацию Боснии и Герцеговины в 1878 г. и аннексию этих провинций в 1908 г.

Кроме непосредственных социальных и экономических интересов, австрославистская позиция чешской буржуазии была обусловлена страхом перед соседней Германской империей и угрозой со стороны пангерманизма, поднимавшего голову в самой Австрии, особенно в населенных немцами районах Чешских земель. После поражения революции 1848—1849 гг. указанные обстоятельства долго оказывали решающее влияние на чешское национальное сознание и идеологию национального движения.

Материал, приведенный в книге, свидетельствует о том, что в ходе формирования чешской нации в 60-х годах XIX в. немалые успехи были достигнуты в этнокультурной сфере. Можно указать на становление реализма в литературе, создание театра, развитие изобразительного искусства, национальной театральной и художественной школ, успехи просвещения, естественных и гуманитар-

ных наук, подъем журналистики и книжного дела. Особого внимания достойны достижения в области просвещения. По уровню грамотности чехи, оказавшись впереди всех других народов Австро-Венгрии, догнали австрийских немцев.

Все эти процессы в духовной сфере были обусловлены интенсивной эволюцией социальной структуры чешской нации — эволюцией, сопровождавшей становление фабричной промышленности и капиталистического земледелия. Творчество в сфере духовной культуры во многом определялось потребностями политической жизни.

В свою очередь национальная культура и национальное самосознание стимулировали не только подъем национально-освободительного движения, но и развитие базиса (здесь следует отметить возросшую роль наук).

Таким образом, небольшой отрезок времени — несколько более двух десятилетий — занял важное место в истории чешского народа ввиду произошедших тогда изменений социально-экономического, политического и этнокультурного характера. Чешская нация стала целостной системой, различные компоненты которой находились во взаимодействии.

В дальнейшем, в конце XIX — начале XX в., стремительно развивалась индустрия Чешских земель, возрастал экспорт чешского капитала, усиливалась национальная буржуазия, ядро многочисленного рабочего класса составил сконцентрированный на крупных предприятиях отряд квалифицированных рабочих, имелась развитая производственно-техническая интеллигенция. Богатая, особенно принимая во внимание, что речь идет о небольшом народе, национальная культура нового времени в лице своих выдающихся творцов достигла мировых высот.

В своей истории чешский народ выдвинул всемирно известного религиозного реформатора Я. Гуса (XV в.), полководца Я. Жижку (XV в.), великого педагога и философа Я. А. Коменского (XVII в.), а в новое время — в последние десятилетия XVIII—XIX в. — филологов Й. Добровского и Й. Юнгмана, археолога Л. Нидерле, историка Ф. Палацкого, философа А. Сметану, драматурга Й. К. Тыла, естествоиспытателей Г. Менделя и Я. Е. Пуркине, художников Й. Манеса, М. Алеша и др., писателей Я. Неруду, А. Ирасека, композиторов Б. Сметану, А. Дворжака, Э. Направника. Это свидетельствовало, что чешский народ занял одно из почетных мест в ряду европейских наций. Передовые деятели национальной культуры представляли ее демократические тенденции, вскрывали противоречия капиталистического общества, противостояли консерватизму, клерикализму, националистической узости, мещанской морали.

Вполне выявились такие качества чешской нации, как трудолюбие, высокая культура труда и демократизм масс, упорство в достижении цели.

Неравноправное положение чешского народа в составе буржуазно-помещичьей Австро-Венгрии в начале XX в. становилось

все более нетерпимым. Глубокое недовольство народа вызывали институты государства Габсбургов — правительство, парламент, суд, армия, полиция, даже система просвещения, которые стояли на страже консервативного строя.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России открыла новые горизонты для прогрессивных сил чешского народа. Образование Чехословацкой республики в 1918 г. и восстановление национальной государственности, т. е. создание собственной политической надстройки, стало важнейшим событием в истории чешской буржуазной нации, завершив формирование ее структуры¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Hejl Fr., Pražák R. Die Typologie der nationalen Wiedergeburt in der Ländern Mittel- und Südosteuropas // Problems of continuity and discontinuity in history. Prague, 1980. P. 53—73. Здесь же отметим, что попытка типологизации процесса формирования наций с применением сравнительно-исторического метода была предпринята чехословацкими учеными еще в 60-х годах. См.: Sb. pěti bratrských univerzit. Brno, 1966.
- ² Niederhauser E. The Rise of Nationality in Eastern Europe. Br., 1981. P. 187.
- ³ Ibid. P. 195.
- ⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 264.
- ⁵ Там же. С. 270.
- ⁶ Kann R. A., David Z. D. The peoples of the Eastern Habsburg Lands, 1526—1918. Seattle, 1984.
- ⁷ Drabek A. M. Tschechen und Deutsche in den böhmischen Ländern vom nationalen Erwachen der Tschechen bis zum Vorabend ersten Weltkrieges // Volk, Land und Staat in der Geschichte Österreichs. Wien, 1984. S. 80.
- ⁸ Kočí J. Naše národní obrození. Pr., 1961; *Idem.* České národní obrození. Pr., 1978.
- ⁹ Purš J. Tabor v českých zemích 1868—1871. ČSČH. 1958. Č. 4. S. 687; Kořálka J. K některým problémům národní a národnostní otázky v českých zemích v období kapitalismu // ČSČH. 1962. Č. 3. S. 380.
- ¹⁰ Purš J. Op. cit.
- ¹¹ Chlebowczyk J. O prawie do bytu małych i młodych narodów, W-wa; Kraków, 1983. S. 54.
- ¹² Национально-освободительное движение славянских народов Австрийской империи. Конец XVII—70-е годы XIX в. М., 1975. Вып. 9. С. 839—964.
- ¹³ Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981. С. 361—416.
- ¹⁴ Удальцов И. И. Историография чешского национального возрождения. М., 1984.
- ¹⁵ Hroch M. Zur Periodisierung der asynchron verlaufenden nationalen Bewegungen im Europa des 19. Jhs. // Rapports, Co-Rapports Communiqués Tchécoslovaques pour le IV Congrès de l'Association Internationale d'Etudes du Sud-Est Européen. Prague, 1979. P. 207—208.

Глава I

Формирование чешской нации до середины XIX в.

- ¹ Kočí J. České národní obrození. Pr., 1978.
- ² Šmahel F. Četká anomalie? // ČSČH. 1969. Č. 1. S. 65; Гавлик Л. Представление о родственности славянских народов в древней Моравии и Чехии // Сов. славяноведение. 1969. № 3. С. 31.
- ³ Myl'nikov A. S. Vznik národné osvícenské ideologie v českých zemích 18. st. Prameny národního obrození. Pr., 1974. S. 58—65.
- ⁴ Vinter E. Die tschechische und slowakische Emigration in Deutschland im 17 und 18 jh., B., 1955. S. 226—227.
- ⁵ Srb. V., Šebestá J. Populační atlas českých zemí. Pr., 1948. S. 9.
- ⁶ Cornej P. Vliv pobělohorských konfiskací na skladbu feudální třídy // Prameny feudální třídy v Čechách v pozdním feudalismu. Pr., 1976. S. 189; Mika A. K národnistním poměrům v Čechách po Třicítileté válce // ČSČH. 1976. Č. 4. S. 543—548.
- ⁷ Myl'nikov A. S. Op. cit. S. 80—87.

- ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 471.
- ⁹ Roubík F. Ke vzniku správního rozdělení Čech z roku 1850 // Sb. archív ministerstva vnitra ČSR. Pr., 1958. T. 2. S. 78.
- ¹⁰ Vaněček V. Dějiny státu a práva v Československu do roku 1945. Pr., 1975. S. 251—252.
- ¹¹ Polišenský J. Revoluce a kontrarevoluce v Rakousku 1848. Pr., 1975. S. 59—60.
- ¹² Архив Маркса и Энгельса. Т. 10. С. 305.
- ¹³ Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в.—1849 г. М., 1980. С. 52—61.
- ¹⁴ Гогина К. П. Аграрные отношения в Чешских землях в первой половине XIX в. // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970. С. 7—23.
- ¹⁵ Kárníková L. Vývoj obyvatelstva v českých zemích, 1754—1914. Pr., 1965. S. 67; Davídek V. Výsledky sčítání obyvatelstva a správních reorganizací v českých zemích kolem poloviny 19. st. // Demografie. 1971. N 4. S. 340—341.
- ¹⁶ Horská-Vrbová P. Kapitalistická industrializace a středoevropská společnost. Pr., 1970. S. 72.
- ¹⁷ Dokoupil L. Demografický vývoj centra ostravské průmyslové oblasti v 19. st. // Demografie. 1973. N 4. S. 328—354.
- ¹⁸ Horská P. L'état actuel des recherches sur l'évolution de la population dans les pays tchèque, aux XVIII et XIX siècles // Annales de démographie historique. P., 1967. P. 183—184.
- ¹⁹ Мыльников А. С. Социальная структура общества в Чешских землях // Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982. С. 68—86.
- ²⁰ Urfus V. K vzájemnému poměru českého státoprávního programu a předběžnové stavovské opozice v Čechách // Pravněhistorické studie. Pr., 1967. T. 13. S. 92—93.
- ²¹ Šamberger Z. Sociální aspekty v českém národním obrození // Acta genealogica et heraldica. 1976. № 3. S. 80—81.
- ²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 213.
- ²³ Hoch K. Sociálně politické poměry v Čechách před r. 1848 // ČČH. 1932. Č. 1. S. 122.
- ²⁴ Myška M. Počátky vytváření dělnické třídy v železárnách na Ostravsku. Ostrava, 1962. S. 94—95; Kárníková L. Původ a postavení horních dělníků Buštěhradských vrchnostenských dolů v 1. pol. 19. st. // Český lid. 1955. № 4. S. 160.
- ²⁵ Janoušek B. Příspěvek k počátkům dělnického hnutí v jižních Čechách // Jihočeský sb. historický. 1970. № 1. S. 20.
- ²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 112.
- ²⁷ Там же. Т. 23. С. 9.
- ²⁸ Hroch M. Zur sozialen Charakteristik der Intelligenz in der ersten Hälfte des 19. Jh. // Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller Universität Jena Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. 1965. № 2. S. 231.
- ²⁹ SÚA. F. PGT. 1819—1848 (T—23).
- ³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 343.
- ³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 16.
- ³² Кузьмин М. Н. Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII в.—30-е годы XX в.). М., 1971. С. 70.
- ³³ Voigt A. Beitrag zur Bestimmung des National-Charakters // Archiv der Geschichte und Statistik. 1972. Bd. 1. S. 452.
- ³⁴ Jungmann J. Boj o obrození národa. Pr., 1948. S. 147.
- ³⁵ Památník národního písemnictví v Praze. Pozděst. F. Palacký. I. № 88. L. 1.
- ³⁶ Клима А. 1848 год в Чехии. Начало чешского рабочего движения: Пер. с чеш. М., 1949. С. 41—42.
- ³⁷ Мыльников А. С. Чешская книга. Очерки истории. Книга, культура, общество. М., 1971. С. 148.
- ³⁸ Динеева С. А. Фрагменты из произведений Августина Сметаны // Философские науки. 1972. № 3. С. 132.
- ³⁹ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 53.
- ⁴⁰ Цит. по: Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1980. Т. 1. С. 394.
- ⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 84.
- ⁴² Там же. Т. 8. С. 85.

- ⁴³ Грацианская Н. Н. Этнографические группы Моравии. К истории этнического развития. М., 1975; Štika J. Etnografický region Moravské Valašsko. Jeho vznik a vývoj. Ostrava, 1973; Domažlice včera, dnes, zítra. Domažlice, 1971.
- ⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 223.

Глава II

Государственно-правовое положение и социально-экономическое развитие Чешских земель

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 385.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 471.
- ³ Karpas J. Právní dějiny zemí koruny české. Pr., 1920. Т. 3, č. 2: Doba pobělohorská; Pražák J. Rakouské právo ústavní. Pr., 1900.
- ⁴ Vaněček V. Ke kořenům 28. října 1918 // Pravněhistorické studie. Pr., 1969. Т. 14. S. 37; Polišenský J. Napoleon a srdce Evropy. Pr., 1971. S. 90—91; Kutnar F. Sociálně myšlenková tvárnost obrozenenského lidu. Pr., 1948. S. 124.
- ⁵ Dokumenty o lidové slavnosti roku 1836, konané při přiležitosti poslední korunovace v Praze. Ed. archivních pramenů // Etnografie národního obrození. Pr., 1975. Т. 1. S. 37—212.
- ⁶ Примером такой лицемерной политики служит «выговор» главе чешского губернаторства графу Хотеку от имени «чешского короля» Фердинанда по поводу препятствий, чинившихся властями проведению чешского общественного бала. См.: SUA. F. PGT 1819—1848. (В—80).
- ⁷ Революции 1848—1849 гг. М., 1952. Т. 1. С. 370; Клима А. 1848 год в Чехии. Начало чешского рабочего движения. М., 1949. С. 48—49.
- ⁸ Česká národní rada, sněm českého lidu. Uspořad. V. Vaněček. Pr., 1970. S. 127.
- ⁹ Vaněček V. Die letzten hundert Jahre des Landesstände in Böhmen // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität in Böhmen // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostok, Gesellschaftliche Sprachwissenschaftliche Reihe. 1966. N 1. S. 13. Столъ небольшой круг городов, имевших право участвовать на сеймовых заседаниях, объясняется тем, что правительство наказало остальные города за их антигабсбургскую позицию в XVI в. и за участие в восстании 1618—1620 гг.
- ¹⁰ Мыльников А. С. Идейно-политические предпосылки зарождения национально-просветительской идеологии в Чешских землях // Славянское возрождение. М., 1966. С. 26—28.
- ¹¹ Kalousek J. České státní právo. Pr., 1892. S. 561; Dvořák R. Jednání sněmu moravských v letech 1792—1835. Sv. 6. Brno, 1904.
- ¹² Okač A. Český sněm a vlada před březnem 1848. Pr., 1947. S. 35.
- ¹³ Roubík F. Petice venkovského lidu z Čech k Národnímu výboru z roku 1848. Pr., 1954.
- ¹⁴ Allgemeines Reichs-Gesetz- und Regierungsblatt für das Kaiserthum Österreich. Jahrgang 1849. Wien, 1850. № 149. С. 148—150; № 150. С. 151—167. (далее: RGB).
- ¹⁵ RGB. Jahrgang 1851. Wien, Bd. 2. № 194—197. С. 555—557; Tobolka Z. Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. Pr., 1932. Т. 1. S. 167.
- ¹⁶ RGB. Jahrgang 1852. Wien, 1852. Bd. 1. № 2—3. S. 25—28; Die Habsburgermonarchie, 1848—1918. Wien, 1975. Bd. 2. S. 103—104.
- ¹⁷ Roubík F. Vývoj správního rozdělení Čech v letech 1850—1868 // Sb. archivu ministerstva vnitra. Pr., 1939. Т. 12. S. 7, 54 // Sb. archivu ministerstva vnitra. Pr., 1975. S. 368—371.
- ¹⁸ Vaněček V. Dějiny státu a práva v Československu. Pr., 1975. S. 368—371.
- ¹⁹ PČD. Pr., 1960. Т. 2: 1848—1918. Sv. 1. S. 214 (далее: PČD. II/I).
- ²⁰ RGB. Jahrgang 1860. Wien, 1860. N 56. S. 97—100.
- ²¹ RGB. Ibid. 1860. N 225—226. S. 335—338.
- ²² История Чехословакии. М., 1959. Т. 2. С. 66.
- ²³ Hanák P. The first attempt at the Austro-Hungarian Compromise 1860 // Etudes historiques hongroises. Bp., 1975. P. 569—600.
- ²⁴ RGB. Jahrgang 1861. Wien, 1861. № 20. S. 69—71.
- ²⁵ Die Habsburgermonarchie... S. 276.
- ²⁶ Z deníků moravského politika v ére Bachové E. Belkredi. 1850—1858. Brno, 1976. S. 93.

- ²⁷ RGB. Jahrgang 1867. 1 Repertorium. Wien, 1867. N 97, 98. S. 204—205.
- ²⁸ Die Habsburgermonarchie. . . . S. 109.
- ²⁹ RGB. Jahrgang 1867. 1 Repertorium. N 142, 143, 147. S. 394—398, 407.
- ³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 270.
- ³¹ Там же. Т. 23. С. 84.
- ³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 486.
- ³³ По тематике данной главы см.: Dějiny státu a práva na území Československa v období kapitalizmu, 1848—1918. Br., 1971.
- ³⁴ Purš J. Průmyslová revoluce. Vývoj koncepce a pojmu. Pr., 1974. S. 631—640. Tabl. 1—3; Urban O. Kapitalizmus a česká společnost. Pr., 1978. S. 54, 55, 57.
- ³⁵ Urban O. Op. cit. S. 60.
- ³⁶ Purš J. K otázce průmyslové revoluce v hlavních odvětvích textilního průmyslu v českých zemích // CSCH. 1954. Č. 1. S. 139. Tabl. 16.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Urban O. Op. cit. S. 61. Tabl.
- ³⁹ PCD II/I. 1960. S. 177.
- ⁴⁰ Braf A. Studien über nordböhmischen Arbeiterverhältnisse. Wien, 1881. S. 126.
- ⁴¹ Mrázek O. Vývoj průmyslu v českých zemích a na Slovensku od manufaktury do roku 1918. Pr., 1964. S. 158.
- ⁴² PCD. II/I. S. 307.
- ⁴³ Purš J. K otázce. . . N 1. S. 136. Tabl. 14.
- ⁴⁴ Ibid. Tabl. 17.
- ⁴⁵ PCD. II/I. S. 172.
- ⁴⁶ Kárníková L. Vývoj uhlenného průmyslu v českých zemích do r. 1880. Pr., 1960. S. 332—333.
- ⁴⁷ Mrázek O. Op. cit. S. 180.
- ⁴⁸ Grossindustrie Österreich. Bd. 2. Wien, S. a. S. 210—211.
- ⁴⁹ PCD. II/I. S. 317.
- ⁵⁰ Mrázek O. Op. cit. S. 176.
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² Ibid. S. 177.
- ⁵³ PCD. II/I. S. 318.
- ⁵⁴ Purš J. Použití párních strojů v průmyslu v českých zemích v období do nástupu imperialismu // CSCH. 1954. Č. 3. Tabl. 9.
- ⁵⁵ Vrbová P. K otázce vzniku strojirenství v českých zemích // ČČH. 1954. N 4. S. 669.
- ⁵⁶ Mrázek O. Op. cit. S. 182.
- ⁵⁷ PCD. D. 2. Č. 1. S. 172.
- ⁵⁸ Vrbová P. Op. cit. S. 686.
- ⁵⁹ Ibid.
- ⁶⁰ Mrázek O. Op. cit. S. 186—187.
- ⁶¹ Purš J. Použití párních strojů. . . // CSCH. 1954. Č. 3. Tabl. 10.
- ⁶² Mrázek O. Op. cit. S. 184.
- ⁶³ Ibid. S. 213—214.
- ⁶⁴ Purš J. Použití. . . // Č. 2. S. 261. Tabl.
- ⁶⁵ Ibid. Č. 3. Tabl. 10.
- ⁶⁶ Retrospektivní obzor odvětví cukrovarnického. Sv. 2. Pr., 1956. S. 97. Tabl. 9/1.
- ⁶⁷ Vilíkovský V. Dějiny zemědělského průmyslu v ČSR. Od nejstarších dob až po vypuknutí světové hospodářské krize. Pr., 1936. S. 403.
- ⁶⁸ Mrázek O. Op. cit. S. 209—210.
- ⁶⁹ Ibid. S. 166.
- ⁷⁰ Eckert A. Cukrovarnictví. Pr., 1873. Цит. по: Purš J. K problematice průmyslové revoluce v Čechách a na Slovensku // CSCH. 1956. Č. 1. S. 60.
- ⁷¹ Statistisches Handbuch der Königreiches Böhmen. Prague, 1913. S. 250.
- ⁷² PCD. II/I. S. 310.
- ⁷³ Ibid. S. 199.
- ⁷⁴ Ibid. S. 162.
- ⁷⁵ Prácha V. Hospodářské dějiny Československa v 19. a 20. století. Pr., 1974. S. 38.
- ⁷⁶ Purš J. Použití. . . Č. 2. S. 261. Tabl.
- ⁷⁷ PCD. II/I. S. 307, 312.
- ⁷⁸ Ibid. S. 331.
- ⁷⁹ Ibid. S. 332.

- ⁸⁰ Mrázek O. Op. cit. S. 206.
- ⁸¹ PCD. II/I. S. 330.
- ⁸² Ibid. S. 329.
- ⁸³ Ibid. S. 330.
- ⁸⁴ PCD. II/I. S. 304.
- ⁸⁵ Mrázek O. Op. cit. S. 158.
- ⁸⁶ PCD. II/I. S. 326.
- ⁸⁷ Purš J. Průmyslová revoluce. Pr., 1974. S. 641. Tabl. 4.
- ⁸⁸ Statistická příručka Království Českého. Pr., 1913. S. 297.
- ⁸⁹ Dokoupil L. Demografický vývoj centra ostravské průmyslové oblasti v 19. století // Demografie. 1973. N 4. S. 328–334.
- ⁹⁰ Kárníková L. Vývoj obyvatelstva v českých zemích, 1754–1914. Pr., 1965. S. 68.
- ⁹¹ Kárníková L. Ibid. S. 131.
- ⁹² Ibid. S. 145; Pitronová B. Vývoj národnostní struktury obyvatel Ostravská v období kapitalistické industrializace // Slezský sb. 1974. N 1. S. 17–38.
- ⁹³ Horská P. K otázce sociální diferenciaci historické demografie // ČSČH. 1971. N 2. S. 267–268.
- ⁹⁴ Будилович А. С. Несколько данных и замечаний из области общественной и экономической статистики Чехии, Моравии и Австрийской Силезии за последние годы // Славянский сб. СПб., 1875. Т. 1. С. 212.
- ⁹⁵ Horská P. L'état actuel des recherches sur l'évolution de la population dans les pays tchèques aux XVIII et XIX siècles // Annales de démographie historique. P., 1967. P. 184–185.
- ⁹⁶ Horská-Vrbová P. Kapitalistická industrializace a středoevropská společnost. Příspěvek ke studiu formování tzv. průmyslové společnosti. Pr., 1970. S. 25; *Idem*. Pokus o využití rakouských statistik pro studium společenského rozvrstvení českých zemí v 2. pol. 19. století // ČSČH. 1972. Č. 5. S. 649.
- ⁹⁷ Davidek V. Výsledky sčítání obyvatelstva a správních reorganizací v českých zemích kolem poloviny 19. st. // Demografie. 1971. № 4. C. 340–341.
- ⁹⁸ Pitronová B. Otázka národnostní v rakouských statistikách (1880–1910) // Slezský sb. 1970. N 3. S. 242–257.
- ⁹⁹ Мыльников А. С. Народная культура и генезис национального самосознания // Сов. этнография. 1981. № 6. С. 3–13.
- ¹⁰⁰ Bohman A. Bevölkerungsbewegung in Böhmen 1848–1849 mit besonderer Berücksichtigung der Entwicklung der nationalen Verhältnisse. München, 1958. S. 82.
- ¹⁰¹ Pitronová B. Vývoj národnostní struktury... S. 31.
- ¹⁰² SÚA. F. PMT. M-42, 1. 1047–1048.
- ¹⁰³ PCD. II/I. 1848–1918. Pr., 1960. S. 162.
- ¹⁰⁴ Polišenská M. Zemský sněm v Čechách v letech 1861–1918. Rigorosní práce. Pr., 1978. S. 66 (Archiv Karlovy university).
- ¹⁰⁵ Документы к истории славяноведения в России, 1850–1912. М.; Л., 1948. С. 76.
- ¹⁰⁶ PCD. II/I. S. 200; Horská P. Pokus o využití rakouských statistik. S. 651.
- ¹⁰⁷ Vaněček V. Dějiny státu a práva v Československu do roku 1945. Pr., 1975. S. 381.
- ¹⁰⁸ Langer J. K problémům pauperizace uherskobrodských kopaničářů ve druhé polovině XIX. st. // Zpravy krajského vlasteneckého ústavu v Gottwaldově. 1959. N 2–3. S. 36–41; Janák J. Rakouský protitulacký zákon z roku 1873 jako pokus o řešení společenských důsledků průmyslové revoluce // Sb. prací filosofické fakulty Brněnské university. Řada «C». 1969. T. 16. S. 98.
- ¹⁰⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 442.
- ¹¹⁰ Документы к истории славяноведения в России... С. 38.
- ¹¹¹ Там же. С. 34.
- ¹¹² Кузьмин М. Н. Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII в.–30-е годы XX в.). М., 1971. С. 97, 100.
- ¹¹³ Verbík A. Počátky rolnického sdružování na Pisecku // Jihočeský sb. historický. 1970. T. 39. S. 29, 31–32, 35; *Idem*. Formování agrární ideologie na Moravě v 60. letech 19. st. // ČMM. 1977. N 1–2. S. 116.
- ¹¹⁴ Kraváček F. K jedné progresivní tendenci vývoje Moravy před první světovou válkou // ČMM. 1972. N 1–2. S. 128–130.
- ¹¹⁵ Документы к истории славяноведения в России... С. 36.
- ¹¹⁶ Památník národního písemnictví. Pozůst. F. Palacký. 1–4–48.
- ¹¹⁷ Radimský J. Nejstarší spolkový katastr moravský r. 1867 // Brněnský archivní věstník. 1959. N 1. S. 17–33.

- ¹¹⁸ SÚA. F. Spolkový katastr. N 573—581. F. PMT. 1868—1871. N 12/71.
- ¹¹⁹ Purš J. Průmyslová revoluce. Pr., 1973. S. 457.
- ¹²⁰ Документы к истории славяноведения в России. . . С. 77.
- ¹²¹ Horská-Vrbová P. K otázce vzniku české průmyslové buržoazie // ČSČH. 1962. N 2. S. 282, 284.
- ¹²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 271.
- ^{123—125} Данные о союзах ремесленников в Праге, созданных с целью взаимопомощи, см.: SVA. F. PM. 1860—1870. N 8—5—15—17; Horská-Vrbová P. Pražský průmysl v druhé polovině 19. st. // Pražský sb. historický. Pr., 1969—1970. T. 5. S. 62.
- ¹²⁶ Документы к истории славяноведения в России. . . С. 75.
- ¹²⁷ Zemědělské dělnictvo v moderní české společnosti. Sociálně ekonomické postavení zemědělského dělnictva, 1848—1950. Pr., 1971. S. 20; PCD. II/1. S. 348.
- ¹²⁸ Ibid. S. 202—203.
- ¹²⁹ Beránek J. Svárovska stávka! Pr., 1951. S. 35.
- ¹³⁰ Purš J. Postavení dělnictva v českých zemích za hospodářské krize v letech sedmdesátých // Sb. historický. Pr., 1972. T. 19. S. 114—115.
- ¹³¹ Документы к истории славяноведения в России. . . С. 75—76.
- ¹³² Purš J. Op. cit. S. 123.
- ¹³³ Loužil J. Postavení dělnictva na Trutnovsku a přilehlých okresech v 2. polovině 19. století // Hradecký kraj. 1958. N 2. S. 433.
- ¹³⁴ Zahradník J. Jak bydlel a jak se oblékal lid na Fryštátsku před 80 lety // Radostná země. 1951. № 1. S. 132.
- ¹³⁵ Loužil J. Op. cit. S. 434.
- ¹³⁶ Автор приносит благодарность д-ру Й. Варжеке за предоставленную возможность использовать материалы о жилище и бытовой культуре пражского рабочего класса, собранные в Институте этнографии и фольклористики ЧСАН.
- ¹³⁷ Purš J. Op. cit. S. 93—95.
- ¹³⁸ Документы к истории славяноведения в России. . . С. 74.
- ¹³⁹ Honka F. Sociální poměry dělnictva v železarnách knížecí komory na Těšínsku za raného kapitalismu // Radostná země. 1956. N 6. S. 11; Dohnal M. K postavení hornického proletariata na Ostravsku v druhé polovině 19. století // Slezský sb. 1969. N 3. S. 292.
- ¹⁴⁰ См.: Etnografie dělnictva. Pr., 1975—1978. Т. 5—8.
- ¹⁴¹ Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981. С. 108—109.
- ¹⁴² Horská-Vrbová P. Pražský průmysl. . . S. 58—59.
- ¹⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 57.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 427.
- ¹⁴⁵ Там же. Т. 7. С. 9.
- ¹⁴⁶ Polišenská M. Op. cit. S. 65.
- ¹⁴⁷ См.: Peřich L. Národní obrození na Opavsku a volby do zemského sněmu v r. 1861 a 1871 // Casopis Slezského muzea. Serie «B». 1964. N 2. S. 146—160; Wurmová M. Volby do moravského zemského sněmu roku 1861 // Vlastivědný věstník moravský. 1955. N 1. S. 75—101.
- ¹⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 133—134.
- ¹⁴⁹ Там же. Т. 4. С. 269.
- ¹⁵⁰ Документы к истории славяноведения в России. . . С. 74—75.

Глава III

Духовная жизнь чешского общества и идеология национального движения

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 311—313.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 275—276.
- ³ О понятии «национальная идеология» см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 161—167.
- ⁴ Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981. Т. 2. С. 240; Фрейдзон В. И. Представления и идеи славянской общности в первой половине XIX века // Вопр. истории. 1979. № 9. С. 60—78; Он же. Некоторые черты формирования наций Австрийской империи // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. с. 28—50; Никитин С. А. Общие черты и специфические особенности формирова-

- ния славянских наций в XIX в. // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968. С. 75.
- 5 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 270—271.
- 6 Heidler J. Dějiny Rakouska v politických brožurech předbězových. Pr., 1920.
- 7 [Havlíček K.] Politické spisy K. Havlíčka-Borovského 1—3 / Vyd. Z. Tobolka. D. 1. Pr., 1901—1903. S. 69.
- 8 Ibid. D. II/I. S. 111—112.
- 9 CCM. 1847. N 2. S. 652—666.
- 10 Palacký F. Spisy drobné. Spisy a řeči z oboru politiky. D. 1. Pr., 1898; Urban O. Kapitalismus a česká společnost. Pr., 1978. S. 339.
- 11 Slovanství v národním životě Čechů a Slováků. Pr., 1968. S. 175; Noviny Slovanské lipy. 28. ún.. 1849.
- 12 Wollman F. Slavismy a antislavismy za jara národní. Pr., 1968. S. 279.
- 13 Záček V. Slovanský sjezd v Praze. Pr., 1958. S. 358—363.
- 14 Palacký F. Spisy drobné. 1. S. 57—64, 68—74.
- 15 Ibid. S. 110—120.
- 16 Havlíček-Borovský K. Politické dějiny. D. 2. S. 265—266.
- 17 Urban O. Česká společnost, 1848—1918. Pr., 1982. S. 180.
- 18 Šesták M. «Idea rakouského státu» F. Palackého // SP. 1976. N 3. S. 188.
- 19 Palacký F. Idea státu rakouského. Spisy drobné. D. 1. S. 266.
- 20 Nejedlý Z. O smyslu českých dějin. Pr., 1952. S. 172.
- 21 Červinka F. Český nacionálismus v XIX stol. Pr., 1965. S. 113—114.
- 22 Освободительные движения . . . С. 418.
- 23 Šesták M. Chorvatská a česká politika v letech 1865—1866 // ČSČH. 1972. N 3. S. 309, 330.
- 24 Národní listy. 1. led. 1861.
- 25 ČSČH. T. 31. S. 112.
- 26 Sladkovský K. Výbor z politických řečí a úvah d-ra Karla Sladkowskeho / Vyd. S. Heller. Pr., 1899. S. 240, 280, 346.
- 27 Ibid. S. 371; Grégr E. Denník. Pr., 1908. S. 134.
- 28 Svoboda. 1867. S. 226; Sladkovský K. Op. cit. S. 279.
- 29 Характеристику деятельности Й. В. Фрича см.: Еремеева Г. И. Чешский радикальный демократ Йозеф Вацлав Фрич. М., 1984. Ссылки на относящиеся к нему материалы даются только в случаях, если они отсутствуют в названной книге.
- 30 Frič J. V. Bud' jasno mezi námi. B., 1868.
- 31 Blaník. 1868. S. 63; Sabina K. Slovanství a panslavismus // La Bohême historique, pittoresque et littéraire. P., 1867. P. 213—221; ČRD. Pr., 1953. S. 305.
- 32 Svoboda. 1867. № 1. S. 32.
- 33 ČRD. S. 280—282.
- 34 Pravda. 1867. № 4. S. 98—99.
- 35 Svoboda. 1867. № 1. S. 27; N 2. S. 35—37.
- 36 Sabina K. Kus politického kázání // ČRD. S. 289.
- 37 См., например: Záček V. Josef Barák. Pr., 1983. S. 140.
- 38 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 397.
- 39 Sabina K. Op. cit. S. 151; Sociální studie. Pr., 1950. S. 135.
- 40 Palacký F. Úvahy a projevy. Z české historie, literatury a politiky // České myšlení. Pr., 1977. Sv. 6. S. 57.
- 41 Ivantyšinová T. Slavianofili a národný zápas Čechov a Slovákov v polovici minulého stoletia // SP. 1981. N 5. S. 391—393.
- 42 Dějiny česko-ruských vztahů 1770—1917. Pr., 1967. S. 188—209; Slovanství v národním životě Čechů a Slováků. Pr., 1968. S. 288; Bidlas M. Ohlas zrušení nevolnictví roku 1861 v Rusku v soudobém českém tisku // Kapitoly z dějin vzájemných vztahů národů ČSR a SSSR. 2. Pr., 1960. S. 81—118.
- 43 Národní listy. 1862. 5 srpen (Panslavistické sny).
- 44 Záček V. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. Pr., 1935. *Idem*. Hlavní problémy vztahů českého národa k Rusku po r. 1848 // Historický časopis. 1960. N 2—3.
- 45 Palacký F. Úvahy a projevy. S. 293—294; *Idem*. Odpověď Boleslavánovi // Národní listy. 1863. 8 června.
- 46 Záček V. Česi a Poláci v době lednového povstání polského r. 1863 // ČSČH. 1963. C. 11. S. 717—747.

- ⁴⁷ Palacký F. Otázka polská za naši doby // Národ. 1864. 5 ún.
- ⁴⁸ Slovanství v národním životě Čechů a Slováků. Pr., 1968. S. 234.
- ⁴⁹ Boleslaván. 23. 2. 1863; Frič J. V. Spisy. D. 1. S. 492.
- ⁵⁰ Záček V. Problémy slovenské vzájemnosti v české veřejnosti v šedesátých letech XIX. století a účast J. V. Friče v jejich řešení // J. V. Frič a demokratické proudy v české politice a kultuře. Pr., 1956. S. 199–285.
- ⁵¹ Čas. 1861. 23 ún.
- ⁵² «Pravda». Spis politický a literární (Mladá Boleslav). 1863. S. 6–7; Frič J. V. Bud' jasno mezi námi... 1868. S. 12.
- ⁵³ Blaník. 1868. N 9. S. 76.
- ⁵⁴ Frič J. F. Otevřený list redakcím veškerých novin českých // Národní listy. 1867. 13. září.
- ⁵⁵ Pravda. 1867. N 4. S. 103–105.
- ⁵⁶ Sabina K. Slovanství a panslavismus // La Bohême... S. 213–221; ČRD. S. 298–305.
- ⁵⁷ Nejedlý Z. Boje o nové Rusko. Pr., S. 58; Kazbunda K. Pout' Čechů do Moskvy 1867 a rakouská diplomacie. Pr., 1924; Ivantyšinová T. Slovanský zjazd v Moskvě r. 1867 v kontexte vztahov ruských slavjanofilov k Čechom a Slovakům // Slovanské studie. Historia, XX. Br., 1979. S. 91–121.
- ⁵⁸ Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М., 1960. С. 174.
- ⁵⁹ Slovanství v národním životě Čechů a Slováků... S. 240; Никитин С. А. Указ. соч. С. 182.
- ⁶⁰ Palacký F. Úvahy a projevy... S. 415.
- ⁶¹ Никитин С. А. Указ. соч. С. 147, 208–209, 211, 225, 234.
- ⁶² Кишкин Л. С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты. М., 1983. С. 14–15; Ровда К. И. Чехи и русские в их литературных взаимосвязях. М., 1968.
- ⁶³ Tobolka Z. Politické dějiny československého národa. Pr., 1932–1937. D. 2. S. 171–177.
- ⁶⁴ Ivantyšinová T. Op. cit. S. 107–108; Никитин С. А. Указ. соч. С. 225.
- ⁶⁵ Ivantyšinová T. Vplyv slavjanofilov na vývoj společenského myšlenia Čechov a Slovákov v polovici 19. stol. // Československá slavistika. 1983. S. 201–209.
- ⁶⁶ Никитин С. А. Указ. соч. С. 240.
- ⁶⁷ Palacký F. Úvahy a projevy... S. 57, 61.
- ⁶⁸ Cuřín Fr. Vývoj spisovné češtiny. Pr., 1985. S. 70.
- ⁶⁹ Нещименко Г. П. Функциональное членение чешского языка // Функциональная стратификация языка. М., 1985; Она же. Языковая ситуация в Чехии в XII–XIV вв. // Очерки развития этнического самосознания славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период развитого феодализма (в печати); Она же. Проблемы функциональной дифференциации национального языка в аспекте сопоставительного изучения славянских языков // Докл. сов. делегаций X Междунар. конгр. славистов. М., 1988.
- ⁷⁰ Jungmann J. O klasickosti // Boj o obrozeno národa. Pr., 1948. S. 183.
- ⁷¹ Широкова А. Г., Нещименко Г. П. Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.
- ⁷² Tyl J. K. Úvahy, literární obrazy a charaktery // ČCM. 1847. S. 670.
- ⁷³ Šlosar D., Večerka R. Spisovný jazyk v dejinách české společnosti. Pr., 1982. S. 122.
- ⁷⁴ Havránek B. Vývoj českého spisovného jazyka. Pr., 1979. S. 113.
- ⁷⁵ Němcová B. V zámky a v rodzání a jiné povídky. Pr., 1954.
- ⁷⁶ Cuřín Fr. Op. cit. S. 104. Речь идет о работе «Kallilogie čili vyslovnost» (1873).
- ⁷⁷ Šlosar D., Večerka R. Op. cit. P. 112.
- ⁷⁸ Havránek B. Op. cit. S. 125–126.
- ⁷⁹ Ibid. S. 117–119.
- ⁸⁰ Кузьмин М. Н. Школа и образование в Чехословакии. М., 1971. С. 56.
- ⁸¹ Там же. С. 67; Dějiny školstva a pedagogiky / Srogoň T., Cach J., Mátej J., Schubert J. Br., 1981. S. 135.
- ⁸² Кузьмин М. Н. Указ. соч. С. 67.
- ⁸³ Mátej J. a kol. Dějiny české a slovenské pedagogiky. Br., 1976. S. 138–139.
- ⁸⁴ Кузьмин М. Н. Указ. соч. С. 81.
- ⁸⁵ Там же. С. 99.

- ⁸⁶ Там же. С. 100.
- ⁸⁷ Frommelt K. Die Sprachenfrage im österreichischen Unterrichtswesen 1848—1859. Graz, 1963. S. 123.
- ⁸⁸ Československá statistika. Rada 2 (Školství). Sešit 1, 2. Pr., 1919—1929. S. 134—141.
- ⁸⁹ Ibid. S. 548—550.
- ⁹⁰ Ibid. S. 134—141.
- ⁹¹ Frommelt K. Op. cit. S. 39*, 52*.
- ⁹² Safranek J. Školy české. Pr., 1918. D. 2. S. 221.
- ⁹³ Кузьмин М. Н. Указ. соч. С. 97, 136.
- ⁹⁴ Краткая история Карлова университета. Прага, 1965. С. 193.
- ⁹⁵ Československá statistika. S. 548, 550, 22*.
- ⁹⁶ Широкова А. Г., Нещименко Г. П. Становление литературного языка... С. 9—85; Они же. Возрождение чешского литературного языка как необходимый компонент формирования чешской нации // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций, XVIII—XIX вв. М., 1978. С. 128—133.
- ⁹⁷ Dějiny české literatury. Pr., 1960. D. 2: Literatura národního obrození. S. 137.
- ⁹⁸ Hroziencík J. Význam Šafárikovo diela pre národnú a politickú emancipáciu slovanských národov // Stúdie z dějin svetovej slavistiky do polovice 19. storočia. Br., 1978. S. 237—259.
- ⁹⁹ Havlík L. Palackého koncepce počátků českých dějin o Slovaních v politickém programu národního obrození // SP. 1976. N 3. S. 224—225; Šmerda M. František Palacký a česká národní ideologie v době obrození // SP. 1976. N 3. S. 206; Popelová J. Palackého filozofie českých dějin // Filozofický časopis. 1976. S. 562—574.
- ¹⁰⁰ Kutnar F. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví. Pr., 1973. D. 1: Od počátků národní kultury až po vyznání obrodného úkolu dějepisectví v druhé polovině 19. století. S. 168.
- ¹⁰¹ Charvát J. Palacký a Národní muzeum // 150 let Národního muzea v Praze: Sb. příspěvků k jeho dějinám a významu. Pr., 1968. S. 107.
- ¹⁰² Kočí J. České národní obrození. Pr., 1978. S. 378—381.
- ¹⁰³ Tiefrunk K. O vynikajících momentech dějin Matice české // ČMKČ. 1881. Roč. 55. S. 359.
- ¹⁰⁴ Kudělka M. Slavistika v Muzejníku do první světové války: K 150 výročí založení časopisu // SP. 1977. N 2. S. 101—102.
- ¹⁰⁵ Sto let jednoty k povzbuzení průmyslu v Čechách, 1833—1933. Pr., 1934. S. 169.
- ¹⁰⁶ Klepl J. Jan Ev. Purkyně, 1787—1937: Sb. statí k 150. výročí narozenin českého učence. Pr., 1937. S. 165—171.
- ¹⁰⁷ Stručné dějiny University Karlovy. Pr., 1964. S. 196—197, 208—210, 213; Kapitoly z dějin olomoucké univerzity, 1573—1973. Ostrava, 1973. S. 21.
- ¹⁰⁸ Paul K. Pavel Josef Šafařík. Život a dílo. Pr., 1961. S. 167—168.
- ¹⁰⁹ Гильфердинг А. Ф. Западные славяне // Русская беседа. 1858. Т. 4, ч. 2, кн. 12. С. 48—49.
- ¹¹⁰ Skalický B. Martin Hattala a vývoj českého mluvnictví // Naše řeč. 1971. N 5. S. 275—281; Konečná D. Předběžné poznámky k dilu Václava Zikmunda // Slovo a slovesnost. 1957. N 4. S. 229—230.
- ¹¹¹ Ruzička J. Nedoceněný Martin Hattala // Zb. filozofickej fakulty university Komenského. Br., 1971—1972. Pbilologica. Roc. 23—24. S. 335. Роль М. Гаттала в чешском национальном движении неоднозначна. Проявствийски настроенный, он вместе с другими «консервативными патриотами» противодействовал ряду прогрессивных начинаний Матицы и Национального музея, страстно защищал подлинность «древнечешских» рукописей не только в 50-е, но и в 70-е и 80-е годы. Кроме того, методы его лингвистических исследований не во всем соответствовали передовым достижениям тогдашнего языкознания. См.: Petrán J. nastín dějin filozofické fakulty Univerzity Karlovy v Praze (do roku 1948). Pr., 1983. S. 162—163.
- ¹¹² Zitko M. Obraz české minulosti v kulturních časopisech doby předběžnové // Uloha historického povědomí v evropském národním hnutí v 19. století: Acta universitatis caroliniae. Philosophica et historica. 5. 1976. Studia historica XV. Pr., 1976. S. 36, 40.
- ¹¹³ Kutnár F. Op. cit. S. 159.
- ¹¹⁴ Jetmarová M. František Palacký. Pr., 1961. S. 133—134.

- ¹¹⁵ Válka J. František Palacký — historik // Památník Palackého, 1798—1968. Ostrava, 1968. S. 53—54.
- ¹¹⁶ Kutnár F. Op. cit. S. 171—172.
- ¹¹⁷ Werstadt J. Politické dějepisectví XIX. století a jeho čeští představitelé. Pr., 1920. S. 42—43.
- ¹¹⁸ Kutnár J. Op. cit. S. 202.
- ¹¹⁹ Ibid. S. 183.
- ¹²⁰ Válka J. Op. cit. S. 50.
- ¹²¹ Kovaříková J. Učebnice dějepisu jako nástroj formování českého historického povědomí ve druhé polovině 19. století // Úloha historického povědomí... S. 75.
- ¹²² Kutnár F. Op. cit. S. 247.
- ¹²³ Šafařík P. J., Palacký F. Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache. Pr., 1840.
- ¹²⁴ Kočí J. Spory o rukopisy v české společnosti // Rukopisy královédvorský a zelenohorský. Dnešní stav roznání. Pr., 1969. S. 31.
- ¹²⁵ Roubík P. Účast policie v útoku na Rukopisy roku 1858 // Od pražku do dnešku: Sb. prací z dějin československých k šedesátým narozeninám Jozefa Pekaře. II. Pr., 1930. S. 435—449.
- ¹²⁶ Kočí J. Op. cit. S. 32, 33.
- ¹²⁷ Šafařík P. J. Výmešky o dědičném právu v Čechách co příspěvek k vysvětlení zlomku zelenohorského // ČMKC. 1864. Roč. 38. Sv. 1. S. 3—10.
- ¹²⁸ Prokeš J. Z těžké doby Matice české. 1850—1960. K stoletému výročí založení Matice české // ČNM. 1931. Roč. 105. Sv. 1—2. S. 27—28.
- ¹²⁹ Volf J. Jan Ev. Purkyně a Přírodovědecký sbor v době Bachová absolutismu // ČNM. 1930. Roč. 104. Sv. 3—4. S. 257—260.
- ¹³⁰ Beneš J. Purkynův odhad ve vědě a filosofii. Pr., 1957. S. 257—267.
- ¹³¹ Kudělka M. Op. cit. S. 105, 108.
- ¹³² Podrobne sm.: Dějiny štátu a práva na území Československa v období kapitalismu. I: 1848—1918. Br., 1971. S. 124—128.
- ¹³³ Saturník T. Sto let Musejníku a česká pravověda // ČNM. 1926. Roč. 100. Sv. 3. S. 200—210.
- ¹³⁴ Kutnár F. Op. cit. S. 230.
- ¹³⁵ Ibid. S. 210—211.
- ¹³⁶ Ibid. S. 203.
- ¹³⁷ Ibid. S. 249—250.
- ¹³⁸ Čechy // Ottův slovník naučný. Pr., 1893. D. 6. S. 366.
- ¹³⁹ Dolanský J. Karel Jaromír Erben. Pr., 1970. S. 286—391.
- ¹⁴⁰ Perglová N. Josef Kolář: K šedesátému výročí úmrtí // Ruský jazyk. 1970. N 19. S. 420—421.
- ¹⁴¹ Dějiny exaktních věd v českých zemích do konce 19. století. Pr., 1961. S. 221—222;
- ¹⁴² Jilek F., Lomič V. Dějiny Českého vysokého učení technického. Pr., 1973. D. 1. Č. 1.
- ¹⁴³ Teich M. Dějiny chemie v českých zemích do r. 1900 // Chemické listy. 1959. Roč. 53. N 11. S. 1136—1137.
- ¹⁴⁴ Kettner R. Sto let od prvního vydání Krejčího Geologie // Časopis pro mineralogii a geologii. 1960. Roč. 5. N 4. S. 489—494.
- ¹⁴⁵ Dějiny exaktních věd... S. 225.
- ¹⁴⁶ Špet J. Kapitola z dějin Společnosti Národního muzea // 150 let Národního muzea v Praze. Pr., 1968. S. 75—82.
- ¹⁴⁷ Sto let Matice české, 1831—1931. Pr., 1931. S. 11—36.
- ¹⁴⁸ Kalousek J. Děje kralovské české společnosti nauk. Pr., 1885. S. 205—235.
- ¹⁴⁹ Roubík F. Časopisectvo v Čechách v letech 1848—1852. Pr., 1930. S. 12. Чешская журналистика в 1848 г. была представлена газетой «Пражские новости» и несколькими журналами.
- ¹⁵⁰ Roubík F. Český rok 1848. Pr., 1948. S. 154.
- ¹⁵¹ Nejtek V. M. Novinář Karel Havlíček Borovský. Pr., 1979; Beránková H. Karel Havlíček Borovský. Pr., 1979.
- ¹⁵² Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв. М., 1963. С. 146.
- ¹⁵³ См.: Еремеева Г. И. Чешский радикальный демократ Йозеф Вацлав Фрич. М., 1984.
- ¹⁵⁴ Beránková M. K vývoji české buržoazní žurnalistiky v období kapitalizmu. Pr., 1976. S. 51, 52.

- ¹⁵⁴ В 1852 г. был основан журнал «Школа», а затем «Школа а жйвот» и «Модни листы» (1852–1856).
- ¹⁵⁵ Matoušek J. Úsili o český denník 1860 a založení Narodních listů // Česká revue. R. 21. 1928–1929. Pr., C. 1. S. 30–32; Tobolka Z. Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. D. 2. Pr., 1932–1933. S. 23; Beránková M. Krasív Čas o jeho místu v české politice a žurnalistice. Pr., 1972; Dějiny československé žurnalistiky. Pr., 1981. D. 1: Český periodický tisk do roku 1918.
- ¹⁵⁶ Beránková M. Hlas, 1862–1865. Pr., 1970. C. 1. S. 56.
- ¹⁵⁷ Kazbunda K. Národní program český r. 1860 a zápas o politický list // ČČH. R. 23. 1927. S. 473–547.
- ¹⁵⁸ Národ. 1963. 15 pros.
- ¹⁵⁹ Roubík F. Bibliografie časopisectva v Čechách z let 1863–1895 // Duch novin. 1930.
- ¹⁶⁰ Мыльников А. С. Чешская книга... С. 191 и далее.
- ¹⁶¹ Там же. С. 146.
- ¹⁶² Никольский С. В. Две эпохи чешской культуры («Возрожденная литература»). М., 1981.
- ¹⁶³ Neruda Jan. O umění. Pr., 1950. S. 44, 74.
- ¹⁶⁴ Česti radikální demokraté o literatuře. Pr., 1954. S. 54.
- ¹⁶⁵ Фучик Ю. Избранное. М., 1955. С. 151.
- ¹⁶⁶ K. Sabina o literatuře. Pr., 1965. S. 249.
- ¹⁶⁷ Lidové noviny. 1951. 18 ún.
- ¹⁶⁸ Neruda Jan. Spisy. Sv. 1–40. Pr., 1951. Sv. 12: Literatura. II. S. 27.
- ¹⁶⁹ Čech S. Kniha vzpomínek. Pr., 1955. S. 241.
- ¹⁷⁰ Neruda Jan. O umění... S. 75.
- ¹⁷¹ Там же. С. 40.
- ¹⁷² Неедлы З. Статьи об искусстве. М.; Л., 1960. С. 500.
- ¹⁷³ Neruda Jan. Spisy. Sv. 29. Podobizny. III. S. 79–80.
- ¹⁷⁴ Halek V. O umění. Pr., 1954. S. 156.
- ¹⁷⁵ Neruda Jan. Spisy. Sv. 29. Podobizny. I. S. 207.
- ¹⁷⁶ Широкова А. Г., Нещименко Г. П. Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.
- ¹⁷⁷ Соловьева А. П. Ян Неруда и утверждение реализма в чешской литературе. М., 1973.
- ¹⁷⁸ По данному периоду см.: Титова Л. Н. Чешский театр эпохи национального возрождения. Конец XVIII—первая половина XIX в. М., 1980.
- ¹⁷⁹ Тыл Й. К. Театр. М., 1957. С. 554, 557, 569.
- ¹⁸⁰ Dějiny českého divadla. Pr., 1969. II. Národní obrození. S. 331.
- ¹⁸¹ Havlíček Borovský K. O literatuře. Pr., 1955. S. 112.
- ¹⁸² Ibid. S. 111.
- ¹⁸³ Hof K. V. Dějiny velkého národního divadla v Praze. Pr., 1968. S. 1.
- ¹⁸⁴ Ibid. S. 13.
- ¹⁸⁵ Listy z dějin českého divadla. II. Pr., 1954. S. 251.
- ¹⁸⁶ Bartoš J. Národní divadlo a jeho budovatelé. Pr., 1934. S. 134.
- ¹⁸⁷ Hof K. V. Op. cit. S. 35.
- ¹⁸⁸ Müller V. Vypravnění o Národním divadle. Pr., 1963. S. 72.
- ¹⁸⁹ Šípek K. Vzpomínky na Prozatímní. Pr., 1918. S. 20.
- ¹⁹⁰ Neruda J. České divadlo. II. Pr., 1951. S. 297.
- ¹⁹¹ Klosová L. Josef Jiří Kolář. Profil dramatika a divadelníka. Pr., 1968. S. 15.
- ¹⁹² Ян Неруда. Избранное. М., 1959. Т. 8. С. 341.
- ¹⁹³ Neruda J. České divadlo. Pr., 1966. S. 380.
- ¹⁹⁴ Стасов В. В. Собр. соч. СПб., 1895. Т. 3. С. 207.
- ¹⁹⁵ Založení národního divadla, 1868. Vydání na paměť padasátého výročí. Pr., 1918. S. 35.
- ¹⁹⁶ Свирида И. И. О понятии «национальной художественной культуры» // Сов. славяноведение. 1974. № 5. С. 68.
- ¹⁹⁷ Мыльников А. С. Эпоха просвещения в Чешских землях. М., 1977. С. 134.
- ¹⁹⁸ Об этом см.: Фучик Ю. Борющаяся Божена Немцова // Фучик Ю. Избранное. М., 1955. С. 132.
- ¹⁹⁹ Новогоры В. Чешская живопись XIX и XX вв. М., 1953. С. 11.

- ²⁰⁰ Фучик Ю. Указ. соч. С. 131—132.
- ²⁰¹ Neruda J. Škodlivé směry. O umění. Pr., 1859. S. 35.
- ²⁰² Neruda J. Básně Adolfa Heyduka (1859) // Literatura. I. S. 112.
- ²⁰³ Neumann J. Umění a společnost. Pr., 1963. S. 8.
- ²⁰⁴ Neruda J. Něco všeobecného o vzdělanosti. Pr., 1868.
- ²⁰⁵ Широкова А. Г., Нищименко Г. П. Становление литературного языка... С. 196.
- ²⁰⁶ Пыпин А. Письмо Ламанскому В. И. от 22 ноября 1858 г. // Документы истории славяноведения в России. М.; Л., 1948. С. 19.
- ²⁰⁷ Kodědová O. Přispěvek k problematice národní školy // Sb. k dějinám 19 a 20 století. 6. Pr., 1979.
- ²⁰⁸ Sabina K. O literatuře. Pr., 1965. S. 91.
- ²⁰⁹ Титова Л. Н. Чешский театр эпохи чешского национального возрождения. М., 1980. С. 160—161.
- ²¹⁰ Никольская С. В. Чешская литература в контексте славянских литератур эпохи национального возрождения // Литература эпохи формирования нации. М., 1981. С. 117.
- ²¹¹ Вольман С. Значение традиций прошлого для становления и развития национальных культур славян XVIII—XIX вв. // Становление культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII—XIX вв.): Тез. Междунар. науч. конф. М., 1974.
- ²¹² Мыльников А. С. Культура чешского возрождения. Л., 1982. С. 137.
- ²¹³ Otcovská Eva. České Kalendáře 50 let 19 st. jako historický pramen // Sb. k dějinám XIX a XX století. 6. Pr., 1979.
- ²¹⁴ Salda F. X. O umění. Pr., 1955. S. 95.
- ²¹⁵ Padesát let umělecké besedy. Almanach. Pr., 1913; Krejčí K. Sto let umělecké besedy. Národní galerie v Praze. Duben—červen, 1963.
- ²¹⁶ Krejčí K. Semberovy «Dívčerné listy z Prahy» // Z doby Nerudovy. Pr., 1959.
- ²¹⁷ Прокофьевна Н. А. Творчество Каравела Пуркине и чешская живопись середины XIX века. М., 1980. С. 223—231.
- ²¹⁸ Neruda J. Dopisy. I. S. 723.
- ²¹⁹ Neruda J. Literatura. I. S. 121.
- ²²⁰ Kořálka J. Národ bez státu // Naše živá a mrtvá minulost. Svoboda, 1968.
- ²²¹ Ян Неруда. Избранное. М., 1950. С. 511.
- ²²² Цит. по: Ян Неруда. Стихи и повести. М., 1944. С. 3.
- ²²³ Соловьев А. П. Связь литературы и искусства в период утверждения чешского реализма // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
- ²²⁴ Репин И. Е. Письма. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 96.

Глава IV Общественно-политические движения

- ¹ Urban O. Česká společnost, 1848—1918. Pr., 1982. S. 159.
- ² Ibid. S. 245.
- ³ Tobolka Z. Politické dějiny národa českého od r. 1848 až do dnešní doby. D. 1—4. Pr., 1932—1937. D. 2. S. 22.
- ⁴ Havránek J. Česká politika, konservativní aristokraté a uspořadání poměrů v habsburské říši v l. 1860—1867 // Sb. historický. Pr., 1970. N 17. S. 74.
- ⁵ Půl století «Národních listů». Pr., 1912. S. 10—11.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Urban O. Op. cit. S. 163.
- ⁸ «Nás program» — «Hlas». I. 1862; Цит. по кн.: Sladkovský K. Výbor z politických řečí a úvah D-ra Karla Sladkovského / Vyd. S. Heller. Pr., 1899.
- ⁹ Rieger F. L. Příspěvky k listáři D-ra Fr. L. Riegera (1836—1871). Pr., 1924. S. 133.
- ¹⁰ Kazbunda K. Česká politika na počátku ery Belcredi // CCH. 1933. S. 114—119.
- ¹¹ Urban O. Op. cit. S. 197.
- ¹² Ibid. S. 212—214.
- ¹³ Šesták M. Videňský slovanský sjezd r. 1866 // Slovanský přehled. 1869. N 1; Havránek J. Op. cit. S. 81.
- ¹⁴ Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981. (Т. 2.) С. 132.

- ¹⁵ *Zeithammer A. O.* Zur Geschichte der böhmische Ausgleichversuche. I. Pr., 1912. S. 15–16; *Tobolka Z.* Op. cit. D. 2. S. 112–114; *Rieger F. L.* Z vlastních paměti // «Osvěta». 1907. S. 303.
- ¹⁶ *Srb A.* Politické dějiny národa českého od roku 1861 do roku 1899. Pr., 1899. D. 1. S. 185–186.
- ¹⁷ Minulost našeho státu v dokumentech. Pr., 1971. S. 278–285.
- ¹⁸ *Srb A.* Op. cit. D. 1. S. 226.
- ¹⁹ *Urban O.* Op. cit. S. 236.
- ²⁰ *Srb A.* Op. cit. S. 341–347.
- ²¹ Ibid. S. 331–334.
- ²² *Urfus V.* České usili o změnu volebního řádu pro zemský sněm v šedesátých a počátkem sedmdesátých let minulého století // Sb. historický. 19. Pr., 1972. S. 68–71.
- ²³ *Tobolka Z.* Op. cit. D. 2. S. 267.
- ²⁴ *Grégr E.* K objasnění našich domacích sporů. Pr., 1974. S. 38–39.
- ²⁵ *Cech. 1861.* N 1, 3; 1862. Dobatek.
- ²⁶ *Соловьев А. П.* Ян Неруда и утверждение реализма в чешской литературе. М., 1973. С. 113.
- ²⁷ *Polišenský J.* Revoluce a kontrarevoluce v Rakousku. Pr., 1976. S. 242, 243.
- ²⁸ *Záček V.* Josef Barák. Pr., 1983. S. 124–125.
- ²⁹ *Tůma K.* Život d-ra Julia Grégra. Pr., 1896. S. 185–186; *Grégr E.* Denník. Pr., 1908. S. 111.
- ³⁰ *Sladkovský K.* Výbor z politických řečí a úvah. Pr., 1879. S. 46.
- ³¹ *Sladkovský K.* Ibid. S. 262, 263, 293.
- ³² *Záček V.* Josef Vaclav Frič. Pr., 1979. S. 147–149.
- ³³ Hlas. 1862. 13. srpen.
- ³⁴ *Záček V.* Josef Vaclav Frič. S. 149.
- ³⁵ *Kieniewicz St.* Powstanie styczniowe. W-wa, 1978. S. 696.
- ³⁶ *Frič J. V.* Spisy. D. 1. S. 473, 474.
- ³⁷ Hlas. 1864. 1 listop., 11 pros.
- ³⁸ Ibid. 1862. 5. břez.
- ³⁹ См.: *Еремеева Г. И.* Письма М. А. Бакунина Йозефу Вацлаву Фричу (1862) // Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX – начале XX в. М., 1974. С. 161–183.
- ⁴⁰ Там же. С. 169.
- ⁴¹ См.: Čestí radikální demokraté. Pr., 1953. S. 395–407.
- ⁴² *Záček V.* Problémy slovanské vzájemnosti v české veřejnosti v šedesátých letech 19. stol. a účast J. V. Friče na jejich řešení // J. V. Frič a demokratické proudy v české politice a kultuře. Pr., 1956. S. 250; *Kovács E.* A Kossuth emigráció es az európai szabadságmozgalmak. Bp., 1967. 262. old.
- ⁴³ CRD. S. 395–398.
- ⁴⁴ Pláč koruny české, čili upřímná slova staročeche, propovědená milým krajanum leta 1866. B. 1866.
- ⁴⁵ Svoboda: Politický časopis. Pr., 1867–1873.
- ⁴⁶ Pravda: Politický časopis. Pr., 1867.
- ⁴⁷ Hlas. 1867. 17 květ.
- ⁴⁸ *Grégr E.* Pout' Slovanů do Ruska 1867 a její význam. Pr., 1867. S. 144–146.
- ⁴⁹ Hlas. 1867. 15 dub.
- ⁵⁰ *Grobelyn A.* Slezsko v období národních táborů v letech 1868–1871. Opava, 1962.
- ⁵¹ *Purš J.* Tábory v českých zemích 1868–1871 // ČSCH. 1958. Č. 4. S. 661.
- ⁵² *Grobelyn A.* Op. cit. S. 152; *Janák J.* Taborové hnutí na Moravě v letech 1864–1874 // ČMM. 1958. Č. 3–4. S. 303–305.
- ⁵³ *Horaček C.* Počátky českého hnutí dělnického. Pr., 1933. S. 117–118.
- ⁵⁴ *Purš J.* Op. cit. Č. 2. S. 245, 246, 256.
- ⁵⁵ *Janák J.* Op. cit. S. 321.
- ⁵⁶ *Grobelyn A.* Op. cit. S. 23.
- ⁵⁷ La Bohême historique, pittoresque et littéraire. P., 1867.
- ⁵⁸ *Purš J.* Op. cit. Č. 2. S. 241.
- ⁵⁹ По данным Я. Пурша, в 1869 г. в таборах участвовало примерно 600 тыс. человек, из них более 400 тыс. в Чехии и более 150 тыс. в Моравии. См.: *Purš J.* Op. cit. Č. 4. S. 661.
- ⁶⁰ *Arbes J.* Barikadnici. Sebrané spisy. Pr., 1959. Sv. 27.

- ⁶¹ Purš J. Op. cit. Č. 4. S. 661.
- ⁶² Grobelný A. Op. cit. S. 163.
- ⁶³ Janák J. Op. cit. S. 312, 320.
- ⁶⁴ Vojtěch T. Mladocesí. Pr., 1980. S. 19.
- ⁶⁵ Purš J. Op. cit. Č. 2. S. 246.
- ⁶⁶ Palacký F. Spisy drobné. D. 1. S. 299.
- ⁶⁷ Horáček C. Op. cit. S. 101.
- ⁶⁸ Примером могут служить таборы на горах Высокой и Бездеж (июнь 1868 г.). См.: Grobelný A. Op. cit. S. 36. Летом 1869 г. в Моравии и Силезии в таборах также участвовали немцы. См.: Janák J. Op. cit. S. 305.
- ⁶⁹ Grobelný A. Op. cit. S. 17, 32.

Глава V.

Становление рабочего движения

- ¹ Solle Z. Dělnické stávky v českých zemích v druhé polovině XIX století. Pr., 1959. S. 357–358.
- ² Nástin dějin československého odborového hnutí. Pr., 1963. S. 26.
- ³ Purš J. Dělnické hnutí v českých zemích 1849–1867. Pr., 1961. S. 5.
- ⁴ Braf A. Studien über nordböhmische Arbeiterverhältnisse. Prag, 1881. S. 138.
- ⁵ Purš J. Op. cit. S. 89.
- ⁶ Ibid. S. 103–104.
- ⁷ Kořalka J. Vznik socialistického dělnického hnutí na Liberecku. Liberec, 1956. S. 103.
- ⁸ Deutsch J. Geschichte der österreichische Gewerkschaftsbewegung. Wien, 1908. S. 26–27.
- ⁹ Šolle Z. Ke vzniku první dělnické strany v českých zemích. Pr., 1958. S. 30–31.
- ¹⁰ Nástin dějin... S. 19.
- ¹¹ Počátky odborového hnutí v českých zemích. Pr., 1950.
- ¹² Pelikanová I. Vznik odborové organizace typografiů v Praze // Počátky odborového hnutí... S. 36–44.
- ¹³ Purš J. Op. cit. S. 103.
- ¹⁴ Kořalka J. Über die Anfänge der Zusammenarbeit zwischen Arbeiterbewegung in Deutschland und in den böhmischen Ländern // Aus 500 Jahren deutsch-tschechoslowakischen Geschichte. B., 1958. S. 301–302.
- ¹⁵ Vrbová P. Ke vzniku a charakteru tak zvaných dělnických besed v sedesátých letech 19. století v Praze // CSČH. 1957. S. 117.
- ¹⁶ Kořalka J. Vznik socialistického dělnického hnutí... S. 109, 113.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Purš J. Op. cit. S. 109–110.
- ¹⁹ Svoboda. Č. 36. 1864. 23 říjen; Č. 38. 1864. 28 říjen.
- ²⁰ Purš J. Op. cit. S. 117–118.
- ²¹ Horáček S. Počátky českého hnutí dělnického. Pr., 1933. S. 13.
- ²² Strauss E. Die Entstehung der deutschböhmischen Arbeiterbewegung. Pr., 1925. S. 81; Faltys A. Z dějin dělnického hnutí na Karlovarsku. Karlovy Vary, 1955. S. 24–25; Kořalka J. Německé social-demokratické časopisy jako pramen k počátkům dělnického hnutí v českých zemích // CSČH. 1958. Č. 1. S. 113.
- ²³ Solle Z. Internacionála a Rakousko. Pr., 1966. S. 9.
- ²⁴ Purš J. Op. cit. Priloha 10. S. 136.
- ²⁵ Solle Z. Internacionála a Rakousko... S. 9.
- ²⁶ Solle Z. Ke vzniku... S. 46.
- ²⁷ Peša V. Dokumenty k dějinám dělnického hnutí v Brně r. 1869: Sb. «Brno v minulosti a dnes», I. Brno, 1959. S. 65. Solle Z. Internacionála a Rakousko... S. 44.
- ²⁸ Dokumenty k počátkům dělnického hnutí v Čechách 1864–1874. Pr., 1961. S. 85–87.
- ²⁹ Peša V. Op. cit. S. 72–73.
- ³⁰ Solle Z. Internacionála... S. 44.
- ³¹ Peša V. Op. cit. S. 33.
- ³² Ibid. S. 74.
- ³³ Solle Z. Internacionála... S. 39–40.
- ³⁴ Solle Z. K počátkům dělnického hnutí v Praze // ČSČH. 1957. Č. 3. S. 674.

- ³⁵ Urban O. Česká společnost, 1848—1918. Pr., 1982. S. 269.
- ³⁶ Šolle Z. K počátkům... Č. 3. S. 674.
- ³⁷ Ibid. S. 677.
- ³⁸ Nástin dějin... S. 33.
- ³⁹ Vrbová P. Ke vzniku a charakteru tak zvany dělnických besed // ČSČH. 1957. Č. 1. S. 131 a. d.
- ⁴⁰ Brügel L. Geschichte der österreichischen Socialdemokratie. I. Wien, 1922. S. 245; Gosiorovský M. Dějiny slovenského robotnického hnutia, 1848—1918. Br., 1951. S. 32 a. d.
- ⁴¹ Pecka J. B. Počátky českého dělnického hnutí // Průkopníci socialismu u nás. Pr., 1954. S. 37.
- ⁴² Pecka J. B. Dělnický tisk // Almanach dělnictva českoslovanského na rok 1882. Pr., 1882.
- ⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 533.

Заключение

¹ В теоретическом плане о роли политической надстройки для завершения процесса формирования структуры нации см.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 297—298. Он же. Этнос и этнография. М., 1973. С. 41.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ČČH — Český časopis historický
CCM — Casopis Českého Muzea
CMKČ — Casopis Muzea království Českého
CMM — Casopis Matice Moravské
CNM — Casopis Národního Muzea
CRD — Čeští radikální demokraté
CSČH — Československý časopis historický
PČD — Přehled československých dějin
SP — Slovanský přehled
SÚA — Státní ústřední archiv ČSSR

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	
	3
Глава первая	
ОБЩИЕ УСЛОВИЯ И СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССА	
СКЛАДЫВАНИЯ ЧЕШСКОЙ НАЦИИ ДО СЕРЕДИНЫ XIX В.	
<i>A. C. Мыльников</i>	
	10
Глава вторая	
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ	
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕШСКИХ ЗЕМЕЛЬ	
	35
Административно-политическая система	
<i>A. C. Мыльников</i>	
	35
Промышленный переворот и утверждение капитализма	
<i>K. П. Гогина</i>	
	46
Этносоциальная структура буржуазного общества	
<i>A. C. Мыльников</i>	
	59
Глава третья	
ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕШСКОГО ОБЩЕСТВА	
И ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ	
	79
Идейно-политические концепции	
<i>K. П. Гогина, Г. И. Еремеева, З. С. Ненашева</i>	
	79
Языковая ситуация	
<i>Г. П. Нещименко</i>	
	102
Система образования	
<i>M. Н. Кузьмин</i>	
	112
Развитие науки	
<i>M. Ю. Досталь</i>	
	127

Журналистика	
<i>З. С. Ненашева</i>	
145	
Новые черты литературы: утверждение реализма	
<i>А. П. Соловьева</i>	
153	
Театр и его общественная роль	
<i>Ю. И. Ритчик</i>	
168	
Национальная школа живописи	
<i>Н. А. Прокофьев</i>	
180	
Художественная культура и национальный процесс	
<i>А. П. Соловьева</i>	
193	
Глава четвертая	
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ	
205	
Либеральные течения	
<i>К. П. Гогина</i>	
205	
Буржуазно-радикальные тенденции	
<i>Г. И. Еремеева</i>	
217	
Народные массы в политической борьбе.	
Таборы	
<i>Г. И. Еремеева</i>	
224	
Глава пятая	
СТАНОВЛЕНИЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ	
<i>К. П. Гогина</i>	
234	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
247	
ПРИМЕЧАНИЯ	
251	

ЧЕШСКАЯ НАЦИЯ
на заключительном этапе формирования.
1850—начало 70-х годов XIX в.



Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканстики
АН СССР

Редактор издательства

В. П. Терехов

Художник

Н. Н. Казаков

Художественный редактор

И. Д. Богачев

Технический редактор

Т. А. Калинина

Корректоры

Ю. Л. Косорыгин,

Л. А. Лебедева

ИБ № 38952

Сдано в набор 24.08.88

Подписано к печати 05.12.88

А-13397. Формат 60×90¹/16

Бумага для глубокой печати

Гарнитура обыкновенная новая

Печать офсетная

Усл. печ. л. 17,0. Усл. кр. отт. 17,0. Уч.-изд. л. 19,9

Тираж 900 экз. Тип. зак. 748

Цена 4 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Ленинградское отделение, 199034, Ленинград, В-34,
Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография
издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12



**В 1989 году
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
ВЫЙДУТ В СВЕТ**

**Д. БЛАГОЕВ.
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СОЦИАЛИЗМА В БОЛГАРИИ**

Труд видного болгарского марксиста Д. Благоева, увидевший свет в 1906 г., первоначально был задуман как исследование по истории рабочего и революционного движения. Однако логика научного поиска привела автора к выводу о невозможности сделать этого, не обратившись к далекому прошлому своей страны. Широта охвата событий (от раннего средневековья до начала XX в.), оригинальный анализ и глубина изучения материала, несомненно, привлекут к книге Д. Благоева внимание читателя.

Для историков, славистов, международников и читателей, интересующихся историей коммунистического движения.

**ДАНЧЕНКО С. И.
РУССКО-СЕРБСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ
В 70—80-Х ГОДАХ XIX В.**

Более века назад в одной из аудиторий Белградского университета зазвучала русская речь — свою первую лекцию прочитал сербским студентам молодой ученый-славист П. А. Кулаковский. В это время в России «на благо сербов» трудились замечательные представители науки и культуры — И. С. Аксаков, Н. А. Попов, А. А. Майков, В. И. Ламанский, А. Н. Пыпин и др.; укреплялось сотрудничество П. Л. Лаврова и его соратников с сербскими радикалами (Р. Милошевичем, П. Тодоровичем и др.).

Книга основана на новых документах из архивов СССР и Югославии.

Для историков, славистов.

**ДЬЯКОВ В. А.
МАРКС, ЭНГЕЛЬС И ПОЛЬША**

В книге освещается отношение основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса к освободительной борьбе польского народа, их влияние на польское освободительное движение 40—80-х годов XIX в. и личные контакты с польскими революционерами. Рассматриваются вопросы, связанные с идеологической борьбой вокруг истории Польши. Издание дополнено главами о работах Маркса, помещенных в XIV томе архива Маркса и Энгельса, а также полемикой Маркса по польскому вопросу в Генеральном Совете Интернационала.

Для историков, философов и читателей, интересующихся историей Польши.

**СТРОИТЕЛЬСТВО ОСНОВ СОЦИАЛИЗМА
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.
(ОЧЕРКИ ИСТОРИИ).**

В книге в сравнительно-историческом плане прослеживаются изменения в экономике, социальной, политической и духовной сферах социалистических стран Европы (с конца 40-х до начала 60-х годов XX в.). Рассматривается вопрос о соотношении общего и особенного в переходный период от капитализма к социализму. Анализ обстановки в социалистических странах региона дан на широком фоне международных событий послевоенного десятилетия.

Для историков и пропагандистов.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из адресов:
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой»
Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозавод-
ская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академ-
книга» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Кни-
га — почтой».

- 480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97;
- 370005 Баку, 5, Коммунистическая ул., 51;
- 690088 Владивосток, Океанский проспект, 140;
- 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24;
- 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95;
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4;
- 277012 Кышинев, проспект Лепнина, 148;
- 343900 Краматорск, Донецкой области, ул. Марата, 1;
- 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2;
- 220012 Минск, Ленинский проспект, 72;
- 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22;
- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
- 700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6;
- 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10;
- 720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42;
- 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.

ЧЕШСКАЯ НАЦИЯ

4 д. 30 к.